
ШАМИЛЬ
РАКИПОВ
ОТКУДА
ТЫ,
ЖАН?

ШАМИЛЬ РАКИПОВ

ОТКУДА ТЫ, ЖАН?

ПОВЕСТЬ

Перевод с татарского
Тихона Журавлева, Ивана Киндера

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ББК 84(2Р-Тат)-4
Р20

Издание второе,
значительно дополненное и переработанное

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ракипов Ш. З.
Р20 Откуда ты, Жан?: Повесть/Пер. с тат. Т. Журавлева, И. Киндера.— Казань: Татарское кн. изд-во.— 384 с.

Повесть «Откуда ты, Жан?» посвящена Герою Советского Союза Ивану Константиновичу Кабушкину.
В суровое время Великой Отечественной войны он был неуловимым партизанским разведчиком, бесстрашным подпольщиком. Образ Жана привлекает стойкостью характера, мужеством, острым чувством непримиримости к врагам, пламенной любовью к Родине.

Р $\frac{4803010200-025}{М132(03)-87}$ 172—87 ББК 84(2Р-Тат)-4

Ракипов Шамиль Зиганшинович

ОТКУДА ТЫ, ЖАН?

Повесть

ИБ № 4727

Редакторы *Киндер И. Ф., Скороходов М. Е.* Рецензенты *Зарипов М. Х., Филатова Е. Н.* Художник *Воробьев И. М.* Художественный редактор *Трифонов Г. Е.* Технический редактор *Газиззянова А. С.* Корректоры *Шаймитова И. Р., Хасанова З. В.* Сдано в набор 28.05.86. Подписано к печати 10.12.86. ПФ 09215. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. листов 20,2. Усл. кр. отт. 20,6. Учетн.-изд. листов 21,8. Тираж 100 000 экз. Заказ Т-316. Цена 80 коп. Татарское книжное издательство. 420084. Казань, ул. Баумана, 19. Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета ТАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 420084. Казань, ул. Баумана, 19.

От автора

Чем дальше отдаляется от нас время Великой Отечественной войны, тем значительнее проступают ее события и тем четче выкристаллизовываются совершенные советскими солдатами подвиги. Людская память не только сохраняет их, но с годами облекает в легенды. Покоряя своим бесстрашием, героизмом, подвиги, точно негаснущие звезды, обретают вечность. Человечество, понесшее в эту войну такие огромные потери, никогда не забудет своих героев.

Взяться за повесть «Откуда ты, Жан?» помог случай. В канун 20-летия Победы над фашистской Германией мне привелось выступать по Казанскому телевидению. Там я встретился с Харисом Низамутдиновичем Бикбаевым, бывшим танкистом, кавалером многих орденов и медалей. Он рассказал телеслушателям о штурме рейхстага, о своих славных однополчанах.

Узнав, что теме Великой Отечественной войны, ее героике посвящено все мое творчество, Бикбаев вскоре зашел ко мне с газетой, где был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Ивану Константиновичу Кабушкину.

— По всей вероятности, это наш Кабушкин, бывший водитель трамвая,— сказал он.

Так определился герой настоящей повести.

Начался долгий и кропотливый поиск материалов о Кабушкине. Мне помогли энтузиасты Казанского трампарка, в основном молодежь, во главе с комсомольским вожаком Р. К. Хуснуллиным. Одни сведения были найдены в архивных материалах, другие записывались по воспоминаниям тех, кто работал вместе с героем, знал его в детстве и юности.

В процессе работы над повестью я неоднократно обращался и ко многим товарищам, которые в годы Великой Отечественной войны так же, как и Кабушкин,

были участниками минского подполья. Среди них бесстрашная подпольщица А. К. Янулис.

Выяснилось и то, что в казанский период жизни трудился Кабушкин в депо, где в 1955—1957 годах я работал электриком-мотористом и очень часто ремонтировал трамвай № 24, который когда-то он водил. В одном и том же зале меня приняли кандидатом в члены КПСС, а Кабушкина — в комсомол...

Как писатель, я не мог не заинтересоваться его судьбой — судьбой Героя, и не мог не написать о нем.

Так в 1969 году появилась моя книга на татарском языке о бесстрашном Жане-подпольщике. При переводе на русский повесть была дополнена новыми материалами, переработана. Позднее ее перевели и на белорусский язык.

Шло время. Сбор данных о Кабушкине продолжался. В 1983 году я написал вторую книгу повести, целиком посвященную подпольной борьбе героя с немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии.

Предлагаемый читателю настоящий вариант повести значительно дополнен и включает обе книги.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Ирина Лукинична, придерживая иголку с ниткой губами, отложила шитье и, чтобы дать отдохнуть глазам, пальцами потерла веки. До сих пор это помогало, а сейчас нет: все как в тумане. Оставшись вдовой с двумя детьми, когда ей пошел всего лишь двадцать четвертый год, она выплакала с той поры столько слез, что собери их — будет море. Поэтому и видит теперь плохо. «Как бы еще не ослепнуть»,— забеспокоилась она и выглянула в окно: там, закрывая полнеба, нависли над городом черные тучи.

— Вон откуда сумерки,— прошептала Ирина Лукинична и, вспомнив, что не одна в комнате, набожно перекрестилась.

Дремавшая у печки на стуле тетка Глафира похлопала сонными веками без ресниц, нащупала рукой свои очки в подоле и, пошевелив сморщенными губами, прочла молитву. Затем, не желая присоединяться к житейской суете, обхватила цепкими узловатыми пальцами такую же узловатую можжевеловую палку и снова засопела покрасневшим носом.

Тетка Глафира частенько заглядывает к Ирине Лукиничне. Придет и, если в доме есть чужой человек, смирно сидит в углу на скамейке, опершись о палку. В разговор не вмешивается, лишь изредка, вставляя слово, будто напоминает о себе: ведь и я, мол, еще существую на свете. Когда же застает Ирину Лукиничну одну, говорит без умолку — наставляет ее, учит вере истинной и призывает не поддаваться проделкам дьявола. Но сегодня, видать, она устала — где-то уже набегалась...

Ирина Лукинична поднялась и, растирая обеими руками поясницу, подошла к небольшому окну. Поправила выпавшие из-под черного платка волосы, побеленные ранней сединой, затем принялась ощупывать пальцами кое-где уже треснувшие стекла: надежно ли держатся. Но вдруг, увидев свое лицо в зеркале, стоявшем на подоконнике, задумалась. До чего же она похудела — сама себя не узнает. Синие глаза выцвели, точно ситцевое платье, потухли, а мелкие морщины, легшие у глаз и губ, стали глубокими. Не зря это, не зря. И сейчас еще в памяти все пережитое. Сколько горя принес ей тот страшный 1914 год...

Сжигая все живое огнем и отравляя газами, пришла война. Безжалостные, в железных касках с медными гребешками, шли на восток германские солдаты. Минская губерния, считавшаяся в то время якобы землей польских панов, стонала под солдатскими сапогами. Люди, поняв, что нужно схорониться под крыло России, покидали свои насиженные места и пробирались в районы, куда еще не докатилось бедствие войны — главным образом к Волге. Семья Кабушкиных тоже влилась в нескончаемый поток беженцев. «Что бы ни довелось пережить нам в дороге,— заверял хозяин,— а русский народ, перенесший не меньше испытаний, примет нас, как своих родных». Дорога была тяжелой. Чего только не натерпелись. Пятнадцать лет прошло с тех пор, а все как будто вчера случилось. Вспомнишь, сердце кровью обливается...

Измученные, с ввалившимися боками, волы еле-еле волокут повозку, груженную разной рухлядью. Села вокруг и поля горят. Едкий дым пожарищ слезит глаза. Враг стреляет по дороге из пушек, догоняет обозы на самоходных машинах. Когда разрывается снаряд, волы шарахаются в стороны, ломают оглобли, обрывают сбруи. А пораженные осколками, падают на землю и

дергаются в предсмертных судорогах. Умирают и люди. Мертвые остаются на дороге, живые бегут на восток.

В начале второй недели фронт вроде бы остался позади. Беженцы немного передохнули, обрадовались. Но рановато. В ясном небе, как большие стрекозы, появились вражеские самолеты. Ветер вскоре донес какой-то сладковатый удушливый запах. Муж Ирины Лукиничны, Константин Кабушкин, каждому, кто был в телеге, повязал рот и нос мокрой тряпкой. Беженцы, не спохватившиеся вовремя, затихли навечно, уткнув отяжелевшие головы в тряпье на телегах.

На другое утро заболел в дороге и сам Константин. Подозвал Ирину и, тяжело вздохнув, сообщил ей глухим, отчужденным голосом:

— Не было тебе счастья, Иринушка. Сиротами остаетесь...

Потом начал бредить. Когда же снова пришел в себя, долго смотрел жене в глаза.

— Видно, смерть моя приснилась, Иринушка,— сказал он еще тише.— Большая вода унесла меня. Мутная, грязная. Пытаюсь выбраться на берег — сил нет. Попал в омут. А на дне какое-то чудище скалит зубы. Изо рта вылетает огонь. Опалило меня пламенем, свело руки-ноги в судороге. И я проснулся...

— Не беспокойся, Костя, присниться может всякая небылица,— пыталась утешить его Ирина Лукинична.

— Вовсе нет,— возражал Константин, задыхаясь.— Чувствую — настал мой час... Когда повернули к Могилеву, мне пить захотелось. К чайнику не прикоснулся, не тронул детскую долю. Выпил из придорожного ручья... Теперь руки-ноги сводит, будто жилы тянут клещами, тело горит... Вода... Понимаешь, вода...

Похоронила его на кладбище у Могилева. Земля была сырой. То ли могилу Ирина Лукинична смочила слезами, то ли дождь покрапал — она уж не помнит. Но что запало: черные тучи над головой. Такие же, как сегодня. Прижимая трехмесячного Ваню к груди, она взяла за руку маленького Колю и покинула кладбище. Покачиваясь, шла куда глаза глядят.

Дорогой встретился возвращающийся домой раненый солдат Сафиулла. Узнав, что Лукинична все потеряла в дороге и похоронила мужа, он помог ей сесть в поезд, поделился пищей.

— Не стесняйтесь, ешьте,— приговаривал Сафиулла, вытаскивая из мешка хлеб и сахар.

Ехали они в старом вагоне, сквозь щели свистел ветер. Сафиулла посоветовал остановиться в Казани, Лукинична согласилась. В городе, который не был ей знаком, нашлись и угол, и работа. После революции дали квартиру. И потом не бросили, помогли. Только вот к вере придирались.

Рядом стоит церковь. Звонко били ее колокола...

— И зачем их сняли? — удивилась теперь вслух Лукинична.

— Кого? — не поняла вдруг очнувшаяся Глафира.

— Колокола. Церковь-то пустая.

Тетка Глафира тяжело вздохнула:

— Не пройдет это им даром, что закрыли. Добром не кончится...

Чудной человек эта Глафира: иногда у нее над ухом хоть в барабаны бей — не проснется, а тут услышала... Спит, чуть прикрыв глаза, будто кошка сторожит мышей...

Тучи заволокли все небо. Включить бы свет, но зажигать его рано. Правда, платит Ирина Лукинична с лампочки. Можно жечь и днем и ночью. Только она этого не делает: из капли, говорят, собирается озеро. Может, поэтому и трамваи в городе ходят медленно.

А Николая все нет и нет. Проголодался, наверное, устал. И так он слабенький, работает кочегаром — легко ли. Сегодня должен бы отдыхать, да вот решил съездить в Устье, проверить плоты. Если о топливе сейчас не позаботишься, не напасешься тепла сырыми дровами.

Да, темновато. Шить нельзя, иглы не видно. А так, без дела сидеть,— не привыкла. Может, свечку зажечь перед иконой?

Ирина Лукинична достала тряпку из печной отдушины, развернула ее и взяла коробку спичек. Поколебавшись немного, зажгла свечку. Пламя было маленькое, слабое. Нет, светлей в доме не стало.

— Господи, прости нас, грешных! — перекрестилась она и задула свечку.

Тетка Глафира подняла голову. Глаза ее, колючие, замерцали в сумерках, будто рассыпали вокруг злые искорки.

— Зачем погасила?

— Господи, прости... Как я испугалась... Что же, думаю, гореть без пользы. Не хватает...

— Хватит! Для бога терпи. Христос терпел...

Ирина Лукинична, торопливо нащупав дрожащими пальцами коробок, снова зажгла спичку. Но свеча не загорелась — нагар потрещал и потух. Это привело Глафиру в ужас: онемевшая, она смотрела в темный угол, морщинистые губы ее часто-часто шептали молитву. Наконец, Глафира выпрямилась.

— Бог все видит, все знает. Он терпит-терпит, а потом и поднимет карающий меч. Нет в этом суетном мире такого, кто спасся бы от его мести. Что далеко ходить: когда закрывали церковь святой Варвары, ни у кого не поднялась рука навесить замок на двери дома господня. Однако вероотступник нашелся, осмелился и защелкнул церковь. А теперь лежит в больнице. Говорят, когда шел домой, забором его придавило. Весь век свой будет калекой. Вот так! Никому нет спасенья от божьей кары. А он, учитель этот, и мужчин с пути сбивал, и женщин. В школе ребятам красную тряпку на шею вешал. Может, еще и Ванюшку твоего погаными руками трогал. Чтобы не поддаваться дьяволу, порви этот лоскут на куски, сожги его в печке!

— Других советов твоих не ослушалась, но этот выполнить не могу,— отказалась Ирина Лукинична.— Мальчика не трогай. Он и так сирота, мой сын, и обижать его не стану.

— А грех?

— Раз вместе с миром, простится.

— Мое дело — предупредить. Смотри, как бы не пожалела!

— Ваня ничего плохого не делает. Не курит, водку не пьет.— Последние слова Ирина Лукинична сказала с намеком, посмотрев на торчавшее из кармана тетки Глафиры горлышко бутылки.

— Узрела, милая,— встревожилась Глафира, проворно спрятав горлышко под фартук.— Только в бутылке совсем другая водица...

Какая — тетка Глафира пояснять не стала. На сегодня у нее другая забота. Вечером один из своих людей должен проникнуть в церковь, чтобы взять из тайника спрятанное отцом Василием божье имущество: серебряные подсвечники, чаши золоченые, кресты с драгоценными камнями. Затем перепрятать их пока у этой вот набожной Лукиничны. Так посоветовал святой отец Василий... Только к месту ли? Сыны вот у Лукиничны без повиновения...

Глафира нашла Ирину Лукиничну лет восемь назад. О себе говорила мало, но хвалилась, что ее прабабушка была дворянкой, чуть ли не из царского рода, и жила в хоромах барского поместья Княжицы, у самого Могилева. Глафира тоже там родилась и поэтому считала Ирику Лукиничну своей землячкой. «Мы с тобой из Белоруссии,— гордилась она,— люди благородные, воспитанные, знаем, как себя вести»...

Но в молодости тетку Глафиру ангелом не считали. Наоборот. Сибирские купцы, приезжавшие на ярмарку, очень долго ее помнили. Девицей она была хоть куда — видная, веселая. Жила в свое удовольствие, умела привечать гостей... Однажды зимой так прокатили ее на тройке с бубенцами, что еле отходили потом в больнице. С тех пор хромает на одну ногу, с клюкой ходит. Все замаливает старые грехи. Но чтобы освободиться от них, мало и десять вероотступников отправить на тот свет. А учитель не только молод и привлекателен собой, он разрушает веру в бога. Раньше, когда в церкви шла служба, кое-что перепадало и Глафире. Теперь дохода нет. И виной тому такие вот антихристы. Если сумеет она с помощью бога провести задуманное дело, многие вернутся к вере.

Нет, нельзя выпускать Ирину из рук. Не то сегодня повесит красную тряпку на шею сыну, а завтра и сама запишется в коммуну... О чем она думает сейчас, латая свое тряпье? Иринушка пугливая, но справедлива — и пьющих не любит. А вино, которым угостил отец Василий,— размягчило Глафиру. Поневоле думает хозяйка, что гостья пьяная.

— Лукинична, знаешь, что это за водица? — Тетка Глафира вытащила черную бутылку из-под фартука, отвернула железную пробку.— На, понюхай. Это зелье чертополоха! Для антихриста...

Ирина Лукинична посмотрела на Глафиру искоса и, размотав клубок, стала заправлять нитку в иглу.

В дверь неожиданно постучали.

Хозяйка вздрогнула, уронив клубок, и посмотрела на Глафиру: «Кто бы это мог быть?»

— Мир вашему дому!

— Ну и напугала, Пелагея Андреевна! Проходи, соседка, проходи.

В комнату, не торопясь, вошла старуха лет шестидесяти, худая, с длинным носом. На голове выцветшая от времени шапка, на плечах какой-то мужской пиджак или камзол, обута в старые валенки с широкими голенищами. Старуха помешкала у большой иконы с погасшей свечкой и, спросив Глафиру: «И ты здесь? Ну, как дела?» — присела на стул, предложенный хозяйкой.

— Помаленьку,— ответила тетка Глафира.

— Ну и слава богу.

— Руки-ноги ноют: хлеба насущного нет, Пелагея Андреевна. Стареем. Подошли нам худые денечки,— жаловалась Глафира, тяжело вздыхая.

— Сколь тебе лет?

— За пятьдесят уже.

— Так ты, голубушка, на десять лет меня моложе! Рановато жалуешься. Правда, галоша на большой дороге быстрей изнашивается.

— Но я-то не галоша...

Ирина Лукинична поспешила перевести разговор на другое, спросила:

— Василий Петрович не вернулся?

— Нет еще. Сказал, что приедет месяца через полтора, не раньше. Хочет отдохнуть на шахте у сына в свое удовольствие. Жалею, что пустила.

— Зато ушам твоим спокойнее,— заметила тетка Глафира.

— Не говори так, Глафира Аполлоновна. Вот уже сорок лет мы живем, как голуби. Не сдув пыль, и на стул не посадит.

— Так-то оно так,— нехотя согласилась тетка Глафира и замолчала: видно, хотела что-то сказать еще, да передумала.

— Пелагея Андреевна, простокваша — та, что взяли у тебя вчера, такая вкусная...

Старуха, раскрыв глаза, не сразу взяла в толк и на мгновение растерялась, потом на ее морщинистом лице засияла добрая улыбка.

— У Машки и Дашки молоко, Иринушка, жирное. Поэтому я и не продаю своих коз. Да и зашла-то с просьбой: может, и сегодня Ваня попасет их немного?

— Так ведь нет его дома. С Григорием Павловичем поехал на Суконный рынок.

Пелагея Андреевна пожаловалась:

— Горе с этими козами. Лишний раз даже из дома не выйдешь.— Потрогав ключи на поясе, она поднялась

и, прежде чем уходить, спросила: — А картофельную кожуру что не заносишь?.. Батюшки! Да ведь вот она, кожура-то! Зачем на плите ее сушишь, Иринушка?

Ирина Лукинична покраснела. Раньше она каждый вечер отдавала кожуру козам. А Пелагея Андреевна за это ей чашку молока или простокваши. Но в последние дни Лукинична придерживала кожуру. Высушив ее, хотела истолочь в муку. Почти весь чистый хлеб идет Николаю — он сплавляет бревно и расшивает плоты. А себе можно и нечистого, сойдет. Но как сказать об этом соседке?

Из угла подала голос тетка Глафира.

— Скажи, скажи! Чего стесняешься?

— Да вот хотела ее в ступе истолочь...

Пелагея Андреевна не могла скрыть своей радости:

— Очень хорошо, Иринушка! Прошлогодняя солома есть у меня, посыплю твоей мукой и покормлю коз. Как истолчешь, сразу же принеси... Вот что еще хотела сказать: придержи своего Ваню. Сорви-голова растет. На уме только ружье да сабля. Как бы за дурными людьми не пошел, боже упаси.

Глафира проворчала:

— Пошел уже, пошел! Раз на шее таскает красную тряпку, добра не жди!

— Право, разбаловалась молодежь. В городе каждый божий день квартиры стали грабить. Но к моим замкам отмычек не подберешь. И ставни оконные изнутри запираются. Живу пока спокойно, как у Христа за пазухой. Удивляюсь только, почему не переловят всех воришек?

— Переловишь их. Ворон ворону в глаз не клюнет. Раз мужик стал хозяином, какой же может быть порядок в мире?

На улице грянул гром. Женщины быстро-быстро перекрестились. Пелагея Андреевна торопливо ушла, прикрыв за собой дверь.

Тетка Глафира вздохнула:

— Ты вот, Лукинична, послушай — не во вред скажу. Вчера на Проломной встретила знакомого. Дела у Советов, говорит он, плохи. Теперь уже долго не протянут.

— Слыхали. Не первый год тростят, что плохи дела у Советов.

— Дослушай до конца, глупая. Сама подумай: у большевиков под ногами земля горит. Недавно в Спас-

ске и в Лаишеве самых что ни на есть главных атаманов перерезали. Вчера еще богохульника Замалиева на тот свет спихнули. Не только у нас, везде не любят их, антихристов. Дела завариваются, дай бог. Не зря же мальчишек берут в солдаты. Пятнадцатого мая, говорят, возьмут и самых маленьких...

— Кто еще сказал такую глупость? — удивилась Ирина Лукинична.

— Слово не ходит за тем, кто сказал его. Жива будешь, сама услышишь.

БЕЗБОЖНЫЙ ОГОНЬ

В комнату вбежал худощавый, светловолосый мальчик лет четырнадцати. Лицо продолговатое, глаза большие, синие.

— Мама! — выпалил он, размахивая газетой в руке.— В магазине будут скоро давать белую муку.

— Белую? Нам бы, сынок, и почернее подошла.

— Вот слушай.— Мальчишка начал читать газету: — «Казанский центральный рабочий кооператив сверх нормы будет выдавать на каждого члена кооператива по тысяче граммов белой муки».

Глафира усмехнулась:

— Как бы не сглазить: вот разбогатеете!

— Все же лучше, чем совсем не давать.

— Прочти-ка еще про то, как мальчишек солдатами сделают,— попросила тетка Глафира, искоса глянув на Ирину Лукиничну.

— Такого тут нету,— сказал мальчик.— А... вот, наверное. Слушайте: «21 апреля состоялся первый слет военизированных комсомольцев города Казани. Слет требует, чтобы каждый комсомолец полностью выполнил программу изучения военных знаний. Летний план военного дела подготовить к пятнадцатому мая...»

— Вот, вот! — воскликнула Глафира, ухмыляясь.— А ты не верила.

Ирина Лукинична промолчала.

— Мама,— сказал Ваня,— сегодня в школе каждому велели принести пятьдесят копеек. На постройку дирижаблей.

— Денег нет, сынок...

— Тогда я выйду на субботник. Буду баржу разгружать.

— А в чем пойдешь? Рубашка вон совсем износи-

лась. Ничего на тебе не держится. Хоть из медвежьей шкуры шей.

— Вот хорошо бы! Зимой и печку топить незачем.— Он взял из рук матери клубок, затем иглу и заправил ее ниткой.— Сшей такую шубу, мама. Никогда не порвется... Лежи себе да рубай картошку в мундире. Пусть ветер и бураны бесятся весь год, а у тебя никакой заботы!

— Если бураны будут целый год, где же картошка вырастет?

Ваня почесал голову.

— Как это где? В парнике! На севере овощи круглый год в парниках выращивают...

— Ладно, ладно, хватит балагурить. Ступай, у дяди Гриши огня попроси. Коля скоро придет с работы.

— Огня?.. Зачем же брать его у дяди Гриши?

— Спичек мало. На базаре дорогие...

— Сейчас, мама...

Ваня подошел к железной кровати, приподнял одеяло и выдернул из матраца клочок ваты. Затем встал на сколоченный братом стул, потянулся к оголившимся медным проводам.

— Тебя током ударит! Не тронь!

— Огонь в проводах — нечистый! — проворчала в свою очередь тетка Глафира.

— Сейчас же слезай! — приказала Ирина Лукинична.

— Слезаю...

Вверху что-то затрещало, стены осветились, и в комнате запахло паленой ватой.

Мальчик спрыгнул.

— Вот, пожалуйста! Хоть шашлык жарьте, хоть пироги пеките...

— Пироги? Они могут нам только во сне присниться.

— Зимой. Когда красный снег выпадет,— ехидно сказала тетка Глафира.

— Нет, будут наяву, когда командиром стану.

Тетка поморгала красными веками.

Ирина Лукинична, ворча на сына, стала разжигать огонь. Долго возилась она у печки. Наконец, заглянула в другую комнату, где сын рылся в шкафу — что-то искал в нижнем ящике.

— Огонь у меня погас, Ванюша,— сказала мать виновато.

— Разве я не говорила, что ваш огонь безбож-

ный? — обрадовалась Глафира, пристукивая палкой.— Погаснет он, погаснет!

Ваня подошел к постели.

— Сейчас...

— Не смей! — запретила мать.— Огонь этот, говорят, не от бога. И добра не жди...

— Огонь есть огонь, мама. Все равно, где взять его.

— Не тронь. Вон какие тучи плывут! Не дай бог, пожар.

Ваня щелкнул выключателем, но лампочка не загорелась.

— Ток уже выключили.

— Может, сам что напортил? Говорила тебе — к дяде Грише сбегай...

— Почему к дяде Грише? К Харису ближе.

— Делай, что велят. Не заставляй ругаться — и так голова болит. Накличешь беду своим током.

С дядей Гришей Ваня только что вернулся с рынка. Низкорослый, добродушный, Григорий Павлович, несмотря на свои пятьдесят лет, все время водит дружбу с ребятами: они поят его коня, а он катает их на повозке. Насажает, что грибов в кошелку: повернуться негде. Одна слабость есть у дяди Гриши. Смолоду любит он пиво. И в жаркий день может выпить кружек двенадцать. Только щеки розовеют, да лысину, знай, вытирает ладонью. А потом, приплясывая, на потеху мальчишкам запевает визгливым голосом:

Хороша я, хороша,
Да плохо одета,
Никто замуж не берет
Девушку за это..

Пиво дядя Гриша выцеживает из опорожненных бочек, которые увозит к вечеру, после закрытия киоска. Из трех-четырех полведра набирается. Сегодня дядя Гриша перевозил на рынке жмых и, поди, уже навеселе...

Ваня, подбрасывая в руках жестянку, в которой таскали угли от соседей, выбежал на улицу и вернулся домой с огнем.

— Вот вам добрый огонь! — сказал торжественно.— Полезный. Прямо из печки. Только взял его не у дяди Гриши, он сегодня очень устал, а у Хариса.

— Ну, ты уж всегда по-своему.

— А я не хочу обижать соседа. Чем он хуже дяди Гриши?

— Я не говорила этого.

— Почему же тогда посылаешь мимо их дома?

Ирина Лукинична не знала, что ему ответить.

— Они люди чужой веры,— пришла ей на помощь тетка Глафира.— Только наша христианская вера правая...

— Вера, вера... не надо мне вашей веры, ни правой, ни левой,— сказал Ваня.

— Да унесет ветер твои слова, сумасшедший! Прости, господи, эту заблудшую овцу.

— Я не овца.

— Ну, заблудший баран,— усмехнулась тетка Глафира.

— И не баран. Я человек.

Во дворе кто-то пронзительно свистнул. Ваня, вздрогнув, прислушался. Лицо его порозовело, а светлые глаза чуть сузились.

— Мама, Харис меня зовет,— сказал он, забыв о своих пререканиях.

— Опять этот Харис... Зачем он зовет?

— Играть.

— Хоть бы на рыбалку сходили. Больше пользы. Гляди, на уху поймаете.

— Днем рыба не клюет. Мы договорились пойти на рассвете.

— Не забудь, Ирина, что сказал тебе муж перед смертью! — заметила тетка Глафира.— Берегись воды! Не утонул бы...

Ваня посмотрел на мать. Она стояла растерянная. Застывшие глаза пристально глядели куда-то в угол.

— Мама! — протянул ее Ваня за рукав.— Почему нельзя на рыбалку?.. Что говорил отец?

— Давно это было, сынок, давно. Мы бежали тогда от немецких солдат, и отец твой заболел в дороге. Пил воду из ручья. Когда был еще в памяти, сказал: все дело в этой воде. Потом начал бредить.

— Расскажи, Лукинична, все расскажи. О том, что видел муж во сне и как он с чертом возился,— наставляла тетка Глафира, пристукивая можжевеловой палкой.— Не бойся. Пусть мальчик узнает.

— Зачем же пугать его?

— Расскажи, мама! Я не боюсь.

— Подрасти немного. Иди лучше, сынок, поиграй.

— Нет, я никого не боюсь. Ни черта, ни дьявола. Два раза лазил в церковь — и ничего там не видел. Сегодня поднимусь еще на колокольню — там не покажутся ли...

— А как же ты в церковь залез? — удивилась тетка Глафира.— Ее ведь заперли на замок.

— Переднюю дверь. А заднюю заперли только изнутри. Мы пролезли в окно и открыли ее. Сегодня вот, когда играли в красных...

— В красных? В святом доме? — всплеснула мать руками. Глаза ее расширились, тонкие высохшие губы начали дрожать.

— Вот! Пожалуйста! — упрекнула Глафира.— Выпустила раз поводья — получай. Бог накажет за такое глумление. Без кары не оставит, как того учителя.— И злорадно добавила: — А тому ироду уже не выздороветь...

— Больше туда не ходи, сынок,— попросила мать.

— Надо мне, мама. Сегодня мы выбираем командира. Кто не побоится войти первым — тот и командир.

— Пусть идет! Пусть он там себе шею свернет! — сказала тетка Глафира и, набросив черную шаль на голову, быстро вышла из дома.

«ЧТО БЫ СКАЗАЛ ТВОЙ ОТЕЦ!»

— Мама, почему она так проворно выскочила?

Ирина Лукинична пожала плечами:

— Не знаю, Ванюша. Может, обиделась... Она ведь нам с тобой добра желает.

— Не верю... Добра ли?

— Добра, добра, сынок! Старается, чтобы рос ты умным, а не безбожником. Надо верить...

— И в царя, и в бога?.. Если безбожники неумные, как же они победили? Ведь у царя сколько пушек было...

Но мать свое твердила:

— Вера учит людей хорошему — не убивать, не грабить...

— А раз так, почему же поп Гапон рабочих под расстрел повел? Мы по истории проходили. Это уже точно так было.

— Не знаю, не знаю, сынок. Порой и мне приходят в голову разные мысли. Боже, прости нас грешных...

— Мама, тетя Глафира назвала меня заблудшим... Кто же я? По метрике — белорус. Но белорусского языка не знаю. И Белоруссию даже во сне пока не видел. Какая ж это родина? Люди говорят, земля родная та, где наелся досыта...

— Если бы ты в Белоруссию вернулся, по-другому заговорил,— сказала мать.

— С чего ж это?

— Свои, сынок,— всегда свои. На что еж, и тот говорит своему ежонку: мягонький ты мой да кругленький...

Ваня рассмеялся.

— Но ежи не разговаривают.

Мать замолчала.

Когда в печке запылали дрова, Ваня, глядя в огонь, задумался. Какая же она, Белоруссия? Почему ее мать не забывает? Ему вот неплохо и в Казани. Захочешь купаться — река рядом. И лес под боком. Правда, ягод в лесу не густо. Много народа в городе — живо срывают. Но какой город! Тут учился Ленин. Классный руководитель Николай Филиппович водил их вчера в университет. Показал парту, за которой сидел Володя Ульянов...

Да, если выпадет случай побывать на родине, в Белоруссии, много расскажет он тем ребятам про этот город...

На улице снова послышался громкий свист.

— Мама...

— Ладно, беги, раз тебя ждут! Будь красным разбойником,— обиделась мать. Она села на стул и, спрятав руки под передником, тяжело вздохнула: — Не для того тебя растила, чтобы стал ты пропащим.

— Но мы же только так, играем.

— Был бы жив отец, выпорол бы тебя ремнем. Брось, Ванюша. Ради бога брось. Тебе уже четырнадцать — пора и за ум взяться. Прирос, что ли, к этому черномазому? Вдвоем с утра до вечера мотаетесь.

— А мы с ним друзья,— сказал мальчик.— И еще с Яшкой, Андрюшкой, Гумером, Нигматом,— пересчитал он всех живущих на улице Карла Маркса, рядом с трамвайным парком.

— Не ходи с ними, сынок. Меня послушайся. Дома посиди. Сейчас я тебе щей налью.

— Я сыт. На базаре жмых ел.

— Где взял? — испугалась мать.

— Не бойся, не стащили. Помогали грузить подводы... Ну, я пойду, мама.

— Вот кочергу возьму! — поднялась Лукинична и шагнула к печке.— Увидел бы отец твои выходки. Что бы он сказал?

— Если бы только был жив! Он бы меня понял. И сказал бы: друзей не подводи. Ведь я им слово дал...

— Иди,— махнула мать рукой.— С тобой не сладишь...

Ваня, затянув потуже отцовский пояс на залатанной рубашке, выскочил на крыльцо.

В небе сверкнула ослепительная молния, грянул гром, и, заполняя все вокруг нарастающим гулом, хлынул на землю проливной дождь.

РЕБЯЧЬИ ТАЙНЫ

Едва сбежал Ваня по скрипучим ступенькам вниз, как столкнулся с Николаем. Старший брат попятился.

— Кипятком, что ли, тебя ошпарили? — упрекнул он Ваню.

Брат был старше на четыре года. Худой, скуластый, он выглядел еще подростком. Но зато уже работает кочегаром. Семью кормит. Приносит карточки на хлеб. Поэтому и держит себя с мужским достоинством. Вон какое у него серьезное лицо!

— Куда, говорю, летишь, как угорелый? — допрашивал он Ваню.

— Играть.

— В такой дождь? — Брат снял мокрую кепку и стряхнул с нее капли. В его бледно-голубых глазах была зависть, они словно говорили: эх, прошло детство, не то бы я тоже побежал с тобой на улицу. Да босиком! По лужам! — Ладно. Поиграй, пока дела нет. С понедельника начнем дрова пилить.

— Понедельник — день тяжелый,— лукаво поморщился Ваня.

— Ну, тогда со вторника,— улыбнулся Николай и стал подниматься по ступенькам.

Во дворе никого. Только ветер швыряет крупные капли дождя. Сараи, заборы, соседние дома уже потемнели от ливня. Кажется, что зеленая трава играет светлыми жемчужинами капель.

— Харис!.. Хари-и-ска!

Ответа нет.

Ваня стоит у ворот, не зная, где спрятаться. Крупные капли, попадая на затылок, заставляют его вздрагивать. Но куда же девался друг? Неужели домой убежал?

— Хари-ис! — позвал он еще громче, и где-то в дровяном сарае послышался глухой ответный свист.

Ваня кинулся туда — в раскрытые двери.

Дровяник этот в левом углу большого двора не принадлежал ни одному из хозяев. Много лет назад построил его сельскохозяйственный институт. Раньше, когда в сарае находился уголь, мальчишки туда и не заглядывали. Сейчас угля нет, институтские печи топят дровами. Пока сарай пуст. Расшивка плотов на реке не закончена, как говорит Николай, и первые подводы с дровами появятся только через неделю. До этого ребята наиграются вдоволь. После холодной зимы как удержаться дома!

Ваня вошел в дровяник. Сдвинул набекрень кепчонку с козырьком, засунул руки в карманы. Вот он, мол, не спрятался, как другие, и трескучая молния, и гром ему нипочем. Любуйтесь, каким должен быть командир!

Но ребята и голов к нему не повернули. Прижавшись друг к другу, они смотрели в рот Андрейке, живущему в соседнем дворе, и слушали его сказку. Приятели Нигмат, Яшка, прозванный Соловьем, и Косой Гумер забыли, казалось, обо всем на свете. Если дела так пойдут, не иначе Андрейка будет командиром. На сказки он мастак: день и ночь может их рассказывать. Вот и сейчас: плетет свои басни про Бабу-Ягу, а мальчишки не дышат, выкатили глаза, как шары...

Сидевший поодаль смуглый, похожий на цыгана Харис, подозвав к себе Ваню, предложил ему сесть рядом. Затем сдавил локоть пальцами: долго тебя, дескать, не было. Когда Ваня почувствовал это пожатие, подумал: как хорошо иметь верного друга, на которого всегда можно положиться. Харис, он искренний. Но Андрейка не такой. Да еще со своими дружками — Яшкой, Нигматом и Гумером. И страшную сказку, наверное, рассказывает неспроста. Хочет запугать. Ведь сегодня им надо войти в церковь — и тот, кто не испугается, будет командиром. Нет уж, этим не возьмешь. Сколько ни старайся, нагонишь страху только на свою голову!

Андрейка, закончив сказку, с гордым видом оглядел всех: мол, вот мы какие. Мальчишки облегченно вздохнули, но так как все еще не могли прийти в себя от коварных проделок Бабы-Яги, продолжали сидеть молча, прижавшись друг к другу. Надо было чем-то расшевелить их...

Новую сказку начал Харис. Да еще какую! «Тысячу и одну ночь», которую когда-то слушали арабские цари. Никто от него не ожидал. Мальчишки начали поне-

многу оживляться. Когда же Харис дошел до того, как Али-баба нашел пещеру злых разбойников и как дверь сама собой открылась от волшебного слова, облегченно вздохнули. Словно сами увидели в пещере золото и серебро, атлас и шелк, сами отведали вкусных блюд да разного питья. Каждому показалось, что он сам нашел вход в эту пещеру, и каждый повторял про себя: «Сезам, откройся!»

Шуршит по крыше дождь. На луже у раскрытой двери, подпрыгивая, пляшут серебряные капли. Мальчишки повеселели.

— На, Харис, твою газету, спасибо,— нарушил тишину Ваня.— Маму порадовал.

— Чем? — удивился Яшка.

— В магазинах по спискам будут выдавать муку,— сообщил Ваня.

— Муку? А мы думали что-нибудь важное,— разочарованно протянул Андрейка, сплюнув под ноги.

— Твой отец начальник...— сказал Харис.— А наши матери сами недоедают, нам отдают. Разве не так?

— У нас одна затируха да картошка,— пожаловался Гумер.— И то недосыта...

От этих разговоров у Вани подвело живот. У них дома с едой тоже не густо. Если бы не уха да щи, было бы совсем худо. Но и другим не легче: вон какие тощие. Один лишь Андрейка не худой. У него что — любой день за праздник. Но как говорит мать: на гору глядя, горой не станешь. У спекулянтов на базаре все имеется. Только у матери денег нет, купить не на что. Придется терпеть.

— Нос не вешать!.. Все время так не будет,— сказал он уверенно.— Хлеба мало потому, что много всяких врагов и шпионов. Когда всех переловят...

— Их перело-о-вишь...

— Вот снова поймали,— ткнул Ваня в газету.— Прочитай-ка, Харис.

— Читай! Читай!

Харис повертел шеей, как гусак, и, прокашлявшись, начал читать громким голосом:

— «Перед пролетарским судом меньшевики в собственных заявлениях признали, что работали агентами с целью восстановления капитализма»...

— Сами признались, а?

— Признаешься, когда пальцы дверью зажмут.

— Не говори, чего не знаешь,— рассердился Харис.— У нас так не делают.

— А что те люди сделали? — спросил Яшка.

— Вредительство,— сказал Харис.— А вот и главные: Гроссман, Соколовский, Гинзбург... А у Желтова нашли прокламации, напечатанные за границей... Всех поймали.

— Прихватили здорово.

— Но их дружки, должно, и в Казани есть.

— Как не быть!..— сказал Яшка, глядя по сторонам.— Ведь каждый день кого-нибудь убивают.

— Не зря же загорелся пароход «Байрам-Али» на пристани,— добавил Нигмат.— Сам начальник пожарной команды, говорят, погиб.

— Не он один...

— Эх, поймать бы этих шпионов! — сказал Харис.

— Как? — спросил Андрейка.

— Если бы я знал... Может, все вместе придумаем...

— Учиться надо,— твердо заявил Ваня,— военному делу.

— Не так это просто. Тут не в «белых» и в «красных» играть. В газете вот сказано: «Седьмая ударная татарско-башкирская военная школа имени Ворошилова... Два года назад из многих частей Красной Армии мы собрались в эту школу. При поступлении у нас было желание — стать красными командирами, и все мы стремились к этому... Сейчас на учениях первенство держим за собой. Поэтому командиру седьмого ударного отделения кавалерии имени Ворошилова Шайхутдинову было подарено седло...»

— Всего-то? — скривился Андрейка.— Если бы еще наган или саблю. Другое дело. А то — седло.

— Ребята, кажется, дождь перестал. Побежали!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДВЕРЬ

На чистом небе, слепя глаза, улыбается майское солнце. Воздух словно мед. Хочется вдыхать его всей грудью. Мальчишки рассыпались по двору. Набегавшись по мелким лужам, подошли к глубокой, похожей на озеро.

— Айда! — крикнул Гумер.— Наперерез!

Закатав штанины выше колен и выстроившись в ряд, как дикие гуси, пошли на тот берег.

В это время послышался голос Пелагеи Андреевны:

— Ваня! Ванюша!

— Чего, бабушка?

— Чем зря по лужам хлюпать, коз моих присмотрел бы. А? Молока б тебе дала.

Ваня облизнул губы: сейчас ему не до коз. Не хотелось отставать от товарищей. Как нарочно просит именно в такое время! Попробуй теперь выбраться из этой лужи, не замочившись!..

Ваня подбежал к старухе и, сверкая глазами, сообщил ей:

— Конечно, я пойду. Только опасно.

— Почему? Господи, разве и днем теперь стали грабить?

— Не грабят. Но после такого дождя земля и трава сырая. Машка с Дашкой могут простудиться.

— Боже упаси! — напугалась Пелагея Андреевна.— Иди, поиграй.

И Ваня вновь полез в воду...

— Вот что, ребята,— сказал Харис, когда надоело ходить по лужам. — Поиграли и хватит. Не забывайте, о чем был уговор. Вечер уже.

— А ты не атаман, чтобы указывать,— остановился Яшка.

— Самозванец,— поддакнул Нигмат.

— Самозванцев не признаем,— объявил Андрейка решительно.— Атаманом буду я!

— Чтобы самозванцев не было, надо выбрать командира,— снова предложил Харис.

— Надо! Надо! — загалдели мальчишки.

Озорные, веселые глаза у всех блестели. Из карманов вытащили деревянные пистолеты, кинжалы. Гумер, усмехаясь, перевязал один глаз черной лентой. Яшка прилепил под носом угрожающие усы.

— Пиратами будем!

— Нет, разбойниками!

— Кем бы там ни были, нужен атаман!

Ваня возразил:

— Не атаман, а командир!

— По жребию давай. Кто не испугается, тот и главный.

Яшка протянул ребятам суковатую палку:

— Хватайся! Чья рука наверху, тот войдет первым.

— И на купол заберется! — потребовал Нигмат.— Как договорились.

— Только вот палка маленькая,— забеспокоился

Гумер.— Давай-ка, Ваня, твой ремень. Кажется, он длиннее.

Ваня расстегнул пояс и протянул его конец Андрейке. Тот взял. Начали вдвоем перехватываться, поочередно зажимая ремень рукой. Наверху оказался кулак Андрейки.

— Не так! Неправильно! — зашумел Гумер, увидев, как встревожился Андрейка, не обрадованный выпавшим жребием.— Ваня сплутовал! Боится лезть на колокольню... Давайте лучше сосчитаемся!

Хотя считались по всем правилам, тыча пальцем в живот каждому, кто хотел быть командиром, получилось так, что жребий и на этот раз выпал Андрейке.

Ватага направилась к церковной ограде. От выстроенной из красного кирпича высокой церкви повеяло холодом. Входная железная дверь казалась тревожной, пугающей.

Ребята остановились. Дальше пойдет лишь один из них. Откроет за ручку дверь и по винтовой лестнице поднимется на колокольню. Если не сумеет он этого сделать, не будет командиром. Такой уговор.

Андрейка молча подымается вверх по каменным ступенькам, искоса посматривая в стороны. Вон как печально садится угасающее солнце. К добру ли это? А вот и железная дверь. Надо взять ее ржавую ручку двумя руками, затем, упираясь ногами в порог, потянуть на себя. Дверь он оставит раскрытой, пусть хоть падает свет — не так будет боязно...

Дверная ручка такая холодная, будто взял в руки жабу. А что его ждет за дверью? Напрасно рассказывал он ребятам о Бабе-Яге. На свою голову, только сам себя напугал... Но, кажется, дверь уже заперли — не открывается. Вот было бы хорошо. Нет, она подается. И кто-то вроде хрипит за порогом. Андрейка замер, оглянулся на мальчишек. Но те, подбадривая, замахали руками: давай, давай! Андрейка поднатужился, раскрыл-таки дверь и первое, что увидел: под железной лестницей у стены стояла старуха в черном. В руках у нее суковатая палка.

Испуганно вскрикнув, Андрейка захлопнул дверь и, не чуя ног, не сбежал, а скорее слетел по каменным ступенькам вниз, будто его ветром сдуло, как пушок одуванчика. Ничего не сказав ошалевшим ребятам, он побежал к сараю так стремительно, словно за ним черти гнались.

Мальчишки тоже пустились вдогонку. Спустя немного ворвались, как перепуганные стригунки, в дровяник и сбились в кучу.

— Чего случилось? — тревожно спросил Нигмат, задыхаясь от бега.

— Там какая-то баба! — сказал Андрейка.

— Яга? — насторожился Гумер.

— А черт ее знает! В руках у нее не то палка, не то помело...

— Может, показалось?

— Как бы не так! Провалиться мне в землю, если это не живая бабка! — заверил Андрейка, хлопая глазами.

— Померещилось,— решил Харис.— Увидел со страху то, чего не было.

— Сказки! — поддержал его Ваня.— Бабушке своей рассказывай, Андрейка. Я тебе не верю.

— Поэтому и показал первым пятки? — усмехнулся Гумер, защищая друга.— Сам-то испугался не меньше. Если бы не трусил, давно бы уже был на колокольне. Твоя ведь очередь. Скис?

— Я-то? Скис? — рассердился Ваня.— Хочешь, сейчас полезу?

— Давай! А мы посмотрим.

— Пожалуйста,— Ваня затянул потуже пояс, нахлобучил кепчонку и, твердо ступая по сырой после дождя земле, направился к церкви. Мальчишки на этот раз шли за ним чуть поодаль. Только Харис не отставал. Желая приободрить друга, он советовал ему не торопиться внутри церкви, а чтобы страх не одолевал, разговаривать или считать вслух до ста.

Вот оно и то место, где мальчишки стояли недавно. Когда-то хорошо протоптанная тропинка, из-за того, что по ней перестали ходить, по краям заросла травой. На сырой черной земле отпечатались небольшие следы. Здесь прошел Андрейка. Рядом виднелись другие следы, побольше, будто медведь протопал. И чем-то понатыкал в земле круглых дырочек. Видно, старик проковылял с палкой — шел с базара мимо церкви... Больше ничего здесь не было подозрительного. Все хорошо знакомо. И дверь железная. Сколько раз открывали ее с ребятами. Одному же теперь идти в церковь — как-то не того... Над головой пролетел воробей и скрылся в окне церкви. За ним другой. Вот бессовестные: кто-то из них капнул Ване прямо на руку. Он вытер замазан-

ную руку рубашкой. Все просто, все обычно: и воробьи туда-сюда летают, и голуби воркуют на карнизе. Чего бояться!

Ваня подошел к двери, но прежде чем открыть ее, сказал громко, так, чтобы слышали ребята:

— Сезам, откройся!

И что за чудо? Железная дверь, как в сказке, раскрылась. Ваня сперва попятился, потом, преодолевая страх, осторожно заглянул в церковь и там увидел шагнувшую к нему черную женщину с палкой.

— Вот она! — крикнул Ваня.

И в то же мгновение черная тень взмахнула руками, словно коршун крыльями, что-то сверкнуло вверху, и палка обожгла ему голову. Мальчик, охнув, покачнулся: перед глазами его заплясали зелено-красные шарики, затем все перевернулось и растаяло, как в тумане...

ЗАГОВОР ЛИ!

У женщин двора только и разговору про Ваню. Самые старые уверяли, что мальчика в церкви ударил дьявол, и доктора теперь не смогут вылечить, надо найти знахарку — та заговорит болячку в два счета. Ирина Лукинична хотела пригласить Глафиру, но той и след простыл. Постоянного места нет у тетки, живет у чужих — сегодня здесь, а завтра — там. Где ж ее найдешь?

Сыновья, когда услыхали, что мать разыскивает Глафиру, сказали, что ее нельзя пускать и на порог. Особенно возмущался Николай.

— Зря беспокоишься, мама. Не черт и не дьявол стукнул Ваню по голове, он сам ударился об дверь. До свадьбы заживет, заплата — на себе...

И вправду, рана была небольшая, но врач велел несколько дней полежать в постели.

Дома Ваня остается один. Мать и брат на работе. Николай уходит с рассветом, а приходит поздно: спешно вытаскивают плоты. Мать на работе бывает не так уж долго. Только с ней в последнее время что-то случилось, почти не разговаривает с Ваней. Обиделась. Ваня сказал ей: «Штаны порвались, мама, зашей, пожалуйста!» В другое время она, поворчав, тут же взяла бы нитку с иголкой, а сегодня вдруг отказалась:

— На дурном пути порвал их! Зашивать не буду.

— Ладно, пусть они до конца порвутся.

— Тебя уже и так зовут бродягой. Непутевый. Может, и вспомнишь мои слова, да будет поздно.

Что-то еще проворчав, кажется: «Не будешь ходить по дурной дороге», мать куда-то ушла из дому.

Невесело Ване. Ох, как невесело. И книги надоели. Какие только мысли не приходят в голову, когда лежишь один в комнате и смотришь на старые ходики, на маленькую фотографию отца рядом с ними, на большой образ девы Марии, поднятый в углу к самому потолку и загаженный мухами. Часы-то можно купить новые, в магазине их много: и с кукушкой, и будильники разные, что звоном своим будят на работу рано утром. А вот отца — нет...

Скоро Харис придет из школы. С кожаной сумкой за спиной. Ступит на порог и, как всегда, скажет весело: «Привет, Жан-Вальжан!» Если же просто поздоровается, без привета, значит, ничего радостного в школе не было. Вчера именно так он и поздоровался. Показал, что задали на дом, спросил про здоровье, потом сообщил, что у них дома собираются блины печь, и, сославшись, что нужно помочь матери, торопливо ушел.

Ваня хотел было подняться, но голова закружилась. Дела, видать, неважные. Сколько же можно лежать? Доктор советует не шевелиться. Но так нельзя. Надо начинать гимнастику, не то совсем раскиснешь. Будто не четыре дня лежишь в постели, а четыре года!

Наутро Ваня пошел в школу — не выдержал. И там узнал, что в школьной стенгазете появилась очень злая заметка: «Героический поход Вани Кабушкина в церковь». Обиженный, пошел он тогда в учительскую, рассказать обо всем Николаю Филипповичу. Но классного руководителя, оказалось, недавно положили в больницу.

— Зачем же ты скрывал? — упрекнул Ваня Хариса.

— Не хотел беспокоить,— ответил друг.— Пока не подымешься...

На перемене Ваня читал злополучную заметку. Любопытные ученики следили за ним искоса. Вон стоят у самой лестницы Яшка, Гумер и Нигмат. Рот до ушей. О чем-то шепчутся. Еще ближе, у подоконника, три девочки: Светлана, Гульсум и Тамара. Тоже говорят вполголоса. Гульсум — такая маленькая, подвижная, чем-то встревожена, часто посматривает на стенгазету через плечи своих подруг. Тамара — худенькая, с черными, как и ее глаза, волосами, белолицая девочка, стоит спокойно. Зато Светлана ее полная противополож-

ность: голубоглазая и толстая, сердито посматривает во все стороны. Мальчишки боятся этой грозной девочки. Она сильная. Раз Андрейка дернул ее в коридоре за косичку, а она схватила его за шею и согнула: «Если руки у тебя такие длинные, то враз укорочу!» А глаза горят, как у рассерженной кошки.

Тамара — та самая сдержанная, самая тихая ученица в классе. И мальчишки ее жалеют, кажется. Да и как не пожалеть им эту хрупкую тоненькую девочку. Может, она и худая из-за того, что много читает. Ваня впервые увидел Тамару еще в третьем классе. Она переехала с родителями в Казань из какого-то города. И сразу же стала учиться не хуже Вани. В четвертом классе они даже сидели с ней рядом на первой парте и долго стеснялись друг друга. Когда, бывало, нечаянно заденешь ее локтем, краснеет и опускает свои длинные черные ресницы.

И вот она, эта скромная, тихая девочка написала про него в стенгазету! Чудеса. Что же он сделал ей плохого? Прямо какой-то заговор...

Ваня искоса незаметно посматривает на девочек: и злость, и обида его душат. За ним сейчас, конечно, следят и ребята. Но... как говорит отец Хариса, настоящий мужчина в беде не сплюнет, хоть и полный рот у него будет крови. Если когда и споткнешься,— учит он,— говори, что не упал, а только поскользнулся.

— Не горюй,— подошел к нему Харис, улыбаясь.— В нашей стенгазете всякое бывает. Не разобрались, зачем в церковь ходили, и ляпнули. Дисциплину, дескать, нарушаешь.

— Но я докажу им...

— Зачем?

— А чтобы разбирались.

На другой перемене Ваня хотел поговорить с классным руководителем, назначенным вместо Николая Филипповича. Но разговора не получилось. Тот не понял Ваню так же, как не поняла его и Тамара.

СВОБОДНЫЙ УРОК

Историю в классе преподавал Николай Филиппович. Но сейчас его заменяет учительница географии Полина Петровна. Вот она раскрыла журнал, окинула строгим взором сидевших учеников и начала перекличку. В классе были у нее любимчики. Фамилии их она произносила

весело. Когда же называла фамилии других, тонкие губы ее вздрагивали, а серьги в ушах покачивались.

Тамара и Светлана сидят на первой парте. Полина Петровна, конечно же, произнесла их фамилии воркующим голосом, и лицо ее посветлело. Когда же до Вани дошла очередь, голова ее дернулась. «Кабушкин!» — повысила она голос. Полина Петровна мальчишек не жалует. Правда, не всех. Андрейку признает. Как бы ни отвечал тот, пятерка ему обеспечена. Да и вопросы задает самые легкие. Не то, что Ване: спросит его, потом, подумав, ставит четверку или даже тройку. И ничего не сделаешь. Выучи, дескать, урок и, если тебя не спрашивают, сиди молча, словно в рот воды набрал.

Сегодня свободный урок по истории. Полина Петровна велела каждому принести интересную статью для чтения. Как-никак, заканчивают семилетку. Пусть подумают о выборе профессии.

— Бикбаев! — назвала учительница.

Харис поднялся.

— Нашел?

— Статью об Эйфелевой башне.

Учительница показала ему на доску: выходи, мол, читай. Но Андрейка и Яшка загудели:

— Читает он плохо. Не слышно.

Светлана Плошкина предложила:

— Нигмат Хантемиров принес интересную статью о тюленях. Пусть он прочитает.

Харис растерянно посмотрел на учительницу. Но та почему-то ничего не говорила. Потом, спустя немного, кивнула ему головой:

— Садись. Тебя вот и слушать не хотят.

Ученики заспорили:

— Хотим!

— Не хотим!..

Полина Петровна медленно прошлась по классу туда и обратно, затем показала пальцем в сторону Хантемирова:

— Читай про тюленей.

Харис уткнулся в раскрытый журнал «Вокруг света», покусывая губы: за что его так обидели?

— Не торопись,— предупредила учительница вышедшего к доске Нигмата.— Читай погромче.

Статья была и в самом деле интересной, хотя и не относилась ни к уроку истории, ни к выбору профессии.

Вопросов никто не задавал, никаких дополнений к прочитанному не было.

Когда Нигмат сел на место, Полина Петровна посмотрела на Хариса:

— Бикбаев, дай журнал Андрейке. Читай, Счастливцев.

Но Харис вдруг ответил:

— Не дам!

— Ни себе, ни другим? — удивилась учительница.

— Как Чемберлен,— подсказал кто-то в углу.

Ученики засмеялись. «Чемберлен! Чемберлен!» — подхватили ребята. Харис прижался к парте, вздрагивая плечами.

Ваня поднялся и, глядя в глаза учительнице, сказал ей:

— Какой же он Чемберлен?

— Садись, Кабушкин! Садись на место! Я тебе слово не давала.

— Зачем же дают ему кличку?

—Не спорь. За поведение ставлю двойку.

— Хоть единицу!

— Сейчас же выйди вон! — топнула ногой Полина Петровна, покраснев до ушей и тряхнув головой так. что серьги ее задрожали.

— Пожа-а-луйста,— процедил Ваня, подымаясь.

— И я выйду! — сказал Харис.

— И я... И я...— послышались голоса.

Хлопая крышками парт, ребята поднимались один за другим. Даже Гульсум не выдержала — встала.

Не ожидавшая такого оборота, учительница побледнела и неожиданно крикнула:

— Из класса никто не выйдет! Са-ди-и-тесь по местам!

Все послушались. Но порядка на уроке больше не было.

Когда вышли на перемену, Гумер, улыбаясь, пропел вполголоса:

Чемберлен, так его разэтак,
Под обстрел взял город Мекку...*

Мимо погрустневшего Бикбаева с шепотом: «Чемберлен!.. Чемберлен!.. Пузатый лорд!» — прошли Андрейка и его приятели. Порозовевшая, как пончик, только что вынутый из печки, прошла Светлана, сунув неза-

* Стихотворение поэта Х. Такташа.

метно в ладонь Ване какую-то бумажку. Он прочитал ее на подоконнике. Там было написано: «Мы восхищены вашим геройством. Держитесь!» И подпись — размашистым почерком: «Светагул».

Ваня передал записку Харису.

— Не пойму только, почему так расписалась.

Тот, прочитав, пожевал губами.

— Подписались трое,— догадался он.— Первыми слогами своих имен. Све-та... понял?.. Та-мара... Гульсум.

Стало немного веселее. Но все равно друзья ждали, что их вызовут к директору. Однако такого вызова почему-то не было до самого конца уроков.

Это событие еще больше сблизило Кабушкина и Бикбаева. Оба считали себя невиноватыми. Ученики смотрели на них с уважением. И Ваня уже надеялся, что Полина Петровна исправит ему двойку. Но та упорно молчала.

ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ДЯДЯ САФИУЛЛА

Мать Вани работала в первую смену. Поэтому встречались они только вечером. И почти не разговаривали в эти дни, затаив друг на друга обиду. Ирина Лукинична терпеливо ждала, когда ее сын раскается и перестанет играть в разбойников. Да еще в божьем храме. А Ване стыдно будет перед ребятами, если откажется. Во-первых, не трус он, во-вторых, они играют не в разбойников, а в «белых» и «красных». Потом на берегу Казанки начнут воевать не хуже, чем в кино.

Вернувшись домой из школы, Ваня хлебает картофельный суп, оставшийся от завтрака, затем бежит к Харису. Тот живет с родителями на втором этаже, в деревянном доме. Дверь в их квартиру всегда раскрыта. Слева у порога стоят рядком галоши, разные сапожки. Такой здесь порядок: обувь, которую носят на улице, снимают за порогом и в комнату входят в одних чулках. Лесенки чисто вымыты, на полу от самого порога тянутся постланные дорожки с цветными узорами. Передний угол комнаты занавешен красным пологом с круглыми, как у павлина, радужными пятнами, за пологом высятся пухлые, будто надутые воздухом, подушки. Печка всегда побеленная, самовар на столе сияет, как солнце. И не только самовар — сами хозяева, казалось, тоже светятся, встречая гостя радостной улыбкой... Если при-

ходишь к ним во время обеда, не отговоришься, что сыт, спасибо. Хозяйка непременно скажет: «Каждому кушанью свое место» — и все равно за стол посадит. В этой семье в особом почете чай. Особенно черный. С едой может быть иногда и плохо, но чай всегда имеется. Как только гости на пороге — перво-наперво ставят самовар: такой обычай.

Оказывается, и на этот раз гостил у них какой-то мужчина. Сидели они вдвоем с дядей Бикбаем за столом, пили чай и мирно разговаривали. Ваня, решив, что мешать им неудобно, хотел было уйти, но, узнав по голосу дядю Сафиуллу, задержался. Этот пришедший с германской войны человек с бельмом на глазу и с тремя искалеченными пальцами правой руки работает не где-нибудь, а в трамвайном парке.

Харис в это время сидел за маленьким столом у окошка и, глядя в раскрытую книгу, слушал взрослых. Случайно повернув голову, он заметил друга и махнул ему рукой: «Иди сюда, Жан-Вальжан». Молча поклонившись гостю и хозяину, Ваня прошел к Харису. Рассматривая книгу, оба внимательно прислушивались к тому, что рассказывал дядя Сафиулла, приехавший недавно с курорта.

— Вовсе рай там на юге, как в сказке. А зелени сколько! Дома стоят прямо в лесу. Деревья большие — глянешь на верхушку, тюбетейка слетает. Прямо под окнами Черное море. Но почему его назвали черным, так и не узнал. Вода в нем, как небо, синяя-синяя. А горы? На макушках белый снег, зима. Внизу же — лето. Соловьи поют, виноград созрел — так и просится в рот. И кругом белые каменные дворцы! Сам Николай там отдыхал...

— Неужели сам царь? — удивился дядя Бикбай, даже привстав с места.

— Истинно тебе говорю... А теперь вот и я там был. Ходил по его дорожкам, сидел в его кресле-качалке...

— Вот ведь времена какие, а, брат Сафиулла!

— Не говори. Если бы сказали раньше, что буду я в царском дворце отдыхать, не поверил бы. Такой почет нашему брату, рабочему. Вот съездил туда и не заплатил за это ни копейки. Даже дорога бесплатная.

— Как говорят, золото не в земле, а в руках рабочих...

Дядя Сафиулла согласно кивнул головой и, заметив мальчишек, подмигнул им одним глазом.

— Пора теперь о парнях подумать, друг Бикбай. Дельную профессию им выбрать... А тот разговор еще не забыли? — спросил он мальчиков.

— Помним, дядя Сафиулла! — сказал Харис.

— Нет, не забыли,— подтвердил и Ваня.

Месяца два тому назад они дали ему слово стать водителями трамвая. Как только закончат школу, пойдут учениками. Трамвайный парк был рядом, и ребята заглядывали туда часто. Пролезут оба вдоль заросшего крапивой забора, нырнут в дыру, где разошлись подгнившие доски снизу, и подолгу любуются, как рабочие ремонтируют вагоны, смазывают их и выставляют на запасные пути. Покрытые лаковой краской трамваи блестят, как ласточки, усевшиеся на проводах. Кажется, вот-вот покатятся. Но их держат башмаки — тяжелые железки под колесами. Харис и Ваня часто сами устанавливали эти башмаки на рельсы. Подсунут под колеса — и трамвай стоит, как прикованный. Жаль только, что в парке на трамвае не покатаешься. Гонят. Говорят: еще под колеса попадете. Так уж и попадут! Они давно уже научились хвататься за поручни, прыгая в трамвай на ходу...

Мальчишки особенно привязались к дяде Сафиулле. Тот носит красивую тюбетейку, рубашку в мелкий горошек. Ходит немного сгорбившись. Вставляет он стекла в окна трамваев, чинит пол и сиденья с большим увлечением. Посмотреть со стороны: вроде бы копается человек, не спешит, а сам уже много сделал.

Ване и Харису он разрешает носить ящик с рабочим инструментом: с ножовками, стамесками. Такое счастье выпадает не каждому. Конечно, стамеска или ножовка не бог весть какое богатство. Но в ящике есть и другое, что-то похожее на крюк с рукояткой, блестящей, как зеркало. Трамвайный ключ. Он к любому трамваю подходит. Ключ этот начальник парка дал только водителю трамвая и дяде Сафиулле.

Значит, он для ребят самый уважаемый, достойный человек. И, главное, не прогоняет их. Даже любит. Если бы не любил, то не дал бы трамвайную ручку. Встанет позади Хариса или Вани, когда кто-нибудь из них занимает место водителя, и командует: «Вперед!», «Малый ход!» или «Стоп!». Жаль, на другие пути трамвай переводят редко. Не то можно бы командовать «Право руля», «Полный ход!», как на пароходе. И сам дядя Сафиулла в это время похож на капитана...

Вот он и уговорил их стать водителями трамвая.

— Из вас, ребята,— напомнил им сегодня Сафиулла,— толк будет. Лишь бы отметки не подкачали, чтобы мне за вас не краснеть.

— Постараемся,— дали обещание мальчики.

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

Об этом разговоре они сообщили классному руководителю, надеясь, что Полина Петровна похвалит их. Но она сказала, что ничего, мол, всегда надо слушать взрослых. И больше ни слова.

— Не поняла нас,— пожаловался после Харис.

— И не хотела понять,— заверил Ваня...

Ребята не опустили рук. Харис, хоть и кажется таким застенчивым, но парень с головой. Ваня часто залетает в мечтах на седьмое небо, выдумывает порой такое, что и в сказке не услышишь. Всегда у него десятки различных планов. Только ни один из них до конца не доводит. Зачем? Для этого есть Харис. Тот из десяти планов девять несбыточных тут же отвергает, а самый надежный, десятый, рассматривает с другом придирчиво. О таких вот и говорят: два сапога пара.

После разговора с учительницей Ваня во время урока, ероша волосы на голове, строил очередные планы. Только ни одним из них с другом пока не поделился. По тому, как он покусывает губы, морщит брови, словно кислого яблока не прожует, Харис видел, что на этот раз его друг свои планы отверг сам. «Хорошо,— усмехнулся Харис.— Пусть не приучается греметь, как треснувший колокольчик»...

Позже, когда выходили на перемену, Ваня дернул друга за рукав и показал ему большой палец:

— Во, придумал!

— Давай, рассказывай.

— Не сейчас. После уроков.

Харис удивился: раньше друг его таким не был.

Из школы они шли пешком. Всю дорогу обсуждали новый план. От иголки до нитки, как говорил Харис. Нет, сколько бы не старался он придраться, в плане друга изъянов не было.

— Ну как? — спросил Ваня.

— Принимается,— ответил Харис.

Дома перекусили наскоро, что под руку попалось,— и на Казанку. Да чего же там красиво летом! Весь бе-

рег покрыт зеленью, жужжат пчелы, поют в кустах и на деревьях невидимые птицы. Будто план, придуманный Ваней и Харисом, даже птицам понравился: вон как заливаются, желая им счастья!

Разомлев под яркими лучами солнца, ивы, кажется, поворачивают головы, чтобы видеть проходивших мальчиков. Даже кузнечики прыгают в стороны, уступая им дорогу. Вон и цветы улыбаются на берегу, сами просятся в руки.

— Нарвем? — спросил Харис.

Ваня молча кивнул головой.

В другое время они не пошли бы за цветами в такую даль. Но сегодня все должно быть особенным, торжественным. Когда перед началом жизненного пути, такого серьезного и важного, даешь друг другу слово, нельзя даже думать о чем-то привычном.

По берегу дошли они до русского кладбища. Встретились женщины, все в черном. Казалось, те и не заметили мальчиков — так были заняты молитвами. А вокруг замшелые кресты, прохладная между кустами сырость и прелый запах листьев...

Совсем рядом с кладбищем городской парк культуры и отдыха. Здесь яркое солнце, аллеи, посыпанные желтым песком, по сторонам дорожек — гладко подстриженные сочно-зеленые кусты. В центре парка — на площадке, в окружении толстых цепей на чугунных столбах, мраморный памятник с горящей наверху звездой: братская могила. Здесь похоронены красные бойцы, погибшие при освобождении Казани. Харис и Ваня подошли к памятнику, положили цветы к его подножию, помолчали немного, склонив головы, затем, как было уговорено, пожали руки, заверив друг друга, что будут навеки работать вместе и жить в дружбе. Конечно, думали они, хорошо летать на самолетах, искать золото или водить корабли по морям и океанам. Но пока что Ваня и Харис об этом не мечтают. Они будут водителями трамваев. Будут стоять у трамвайных штурвалов не хуже капитанов! И это не далекая мечта, нет, она рядом и непременно сбудется.

Мальчики возвращались домой взволнованные, словно за спиной у них выросли крылья.

На другой день снова пришли к памятнику — посмотреть на свои цветы. Если не завянут — значит, красные бойцы приветствуют желание обоих навеки стать водителями трамвая.

Но чашечки цветов уже закрылись, вялые, обессиленные листья поникли. Харис расстроился. Однако Ваня тут же утешил его: не весь же век быть водителями, надо послужить и в армии. Когда исполнится двадцать лет, их призовут непременно. И там будет возможность стать красными командирами. Для этого, конечно, следует готовить себя заранее. Но Ваня не из тех, которые ждут, когда яблоко созреет и само упадет в рот. По гребле и плаванию занимает в школе первое место. По гимнастике да еще борьбе, правда, дела его неважные. Завтра же надо записаться в кружок физкультуры. А то сколько времени пропало зря! Другие, должно быть, уже далеко вперед ушли.

— Да, будем догонять их,— согласился Харис.

Ваня спросил его:

— Вместе?

— Как всегда. Навеки,— повторил тот клятву.

КОМУ БЫТЬ АТАМАНОМ?

— До экзаменов остается мало, всего три недели,— сказал Харис.— Потом, дней через десять, получим свидетельство за семь классов. И — к дяде Сафиулле в трамвайный парк. Начальник, говорят, сердитый. Не будет ли против?

— Не будет,— заверил Ваня.

У ворот появилась ватага мальчишек. Все в майках, без фуражек. Харис подмигнул Ване: встречай, мол, гостей. Загоревшие на солнце ребята вошли во двор и, громко разговаривая, окружили Ваню и Хариса.

— Ну что? — спросил Андрейка, длинный, как удилище.— Айда к сараю?

— Пошли,— сказал Харис.

Ребята направились к дровянику. В руке у Нигмата учебник. Андрейка тоже держал под мышкой толстую книгу. Почти у всех из карманов торчали вдвое сложенные тетради.

Гумер нес в руке футбольный мяч. Можно подумать, что ребята готовились к экзаменам и, устав заниматься, решили погонять мяч. Но почему-то все разговаривали, употребляя слова из какого-то жаргона.

— Косой, макароны принес?

— Эх, черт, забыл дома,— всполошился Гумер.— Если найдет пахан...

— Рви, пока трамваи ходят,— скомандовал Андрейка.

Передав мяч Нигмату, Гумер побежал к воротам. Ему крикнули вдогонку: «Возвращайся мигом!»

Ребята уселись на траве под высоким тополем у сарая.

— Эх, и дадим же мы жару! — сказал Андрейка, запуская пальцы в густую копну своих волос.

— Давай, не тяни резину,— поддержал Нигмат.— Наяривай меха! Пусть развяжутся языки у тех, кто хочет стать атаманом.

Ваня и Харис переглянулись, не понимая, что задумали пришедшие.

Андрейка важно сунул руку в карман и вытащил оттуда блестящую железку — обломок ножа, затем — небольшой брусок. Из другого кармана достал покрытый зеленоватой ржавчиной патрон. Мальчишки вылупили глаза.

— Как бы не взорвался! — предупредил Яшка.

— Сейчас на Хариса направлю. Конец тебе, аллабисмилла, пошутил Андрейка.— Посмотрите-ка, ребята,— сухо ли под Чемберленом?

Харис молчал.

— Так и взорвется? Ни с того ни с сего,— усомнился Ваня.— Держи на меня свой патрон — я не боюсь.

— Не боишься?!

— Чего бояться? Не в церковь же идти,— усмехнулся Яшка.

— И ресница не дрогнет,— сказал Ваня.— Патрон взрывается только в стволе ружья. Когда его кресалом чиркнешь.

Андрейка, зажав патрон ладонью, сказал:

— Если так вот схватишь, будет как в стволе. А вот и кремень! — положил он вату на брусок и ударил по нему железкой. Вата задымилась.

Нигмат, карабкаясь, как обезьяна, влез на ветку тополя и, сложив ладони рупором, крикнул сверху:

— Слушайте, слушайте! Их высочество шахиншах Иван держит экзамен: быть ли ему атаманом. Смотрите все!

— Ну, герой, готов ли ты умереть? — помахал Андрейка ватой, затрещавшей на ветру огнем.

— Готов,— сказал Ваня. Синие глаза его уставились в одну точку — в патрон.

— Еще не поздно,— предупредил Андрейка.— Если что случится... не обижайся!

Видать, он и сам беспокоился, не зная, чем эта затея

закончится. Голос дрожал, а рука подносила к патрону трещавшую вату неуверенно. Гумер, прибежавший из дому, совсем растерялся — он держал рукой оттопыренный карман и, широко раскрыв глаза, глядел на патрон с удивлением.

Каждый понял: это последнее испытание двух соперников, не разделивших атаманства. И до этого не раз они сцеплялись как молодые петушки. Но сегодняшнее испытание решающее. Кто победит сейчас, тот и будет командовать...

— Может... передумаешь? — спросил Андрейка.— Пока не поздно.

Ему и самому стало жарко, в горле пересохло. Ваня усмехнулся:

— Боишься, что в руке разорвется?.. Вот под кем надо посмотреть — сухо ли?

Андрейка побледнел, его длинная шея, дернувшись, проглотила комок, и рука наконец поднесла вату под капсюль патрона. Кто-то, зажав руками уши, повалился в траву. Напуганный Гумер, не различая, где белое, где черное, показал всем пятки. Зато Харис, поправив ремень, подошел к Ване ближе.

— Не бойся,— шепнул он другу.

Андрейка отпрыгнул в сторону и тотчас раздался выстрел. С крыши сарая, захлопав крыльями, взлетели голуби.

Ваня и Харис, оглохшие от выстрела, переглянулись.

— Во дал! — обрадовался поднявший голову Яшка.— Садануло, как из пушки!

— Дробинки рядом с ухом просвистели! Ей-бо! — сказал Нигмат, потирая уши.

Андрейка лежал в траве, зажав левой рукой локоть правой.

— Андрюша! — встревожился Гумер.— Ты жив?

— Нет, ранен! — ответил тот, приподымаясь.— Дробь, кажется, в живот попала.

Мальчишки вначале боялись подойти к Андрейке, затем, осмелев, приблизились и, приподняв подол его рубахи, осмотрели живот — никакой там крови не было.

— Ни одной царапинки! — заверил Нигмат.

Повеселевший Андрейка сел и попросил у Гумера закурить. Подобострастно улыбаясь, тот вытащил из кармана пачку папирос. Первую Андрейка дал Ване, вторую взял себе, остальные передал ребятам. Пачка пошла по рукам.

Закурили все, кроме Хариса и Вани. Кашляя и задыхаясь, начали пускать в небо синие струйки дыма.

— Я так и не понял, кто победил,— сказал Нигмат.

— Никто! — заявил Яшка.— Испугались оба.

— Нет, Ваня выдержал экзамен.

— Андрейка тоже.

— Оба они испугались...

— Как же быть? — задумался Нигмат.— В один котел две бараньи головы не всунешь.

— Значит, пусть еще раз померяются.

— Ну что ж, я согласен,— сказал Андрейка, потирая локоть.— Но если правду сказать, верх все-таки взял Ваня.

— Значит...

— Значит, команда ему подчиняется,— решил Харис.

Ваня в разговор не вмешивался. Он думал: как же так получилось, что патрон взорвался не в руке, а где-то за тополем? Ваня с Андрейкой стояли друг против друга. Потом Андрейка упал. И что-то еще крикнул. Значит, патрон отбросил не он. Кто же тогда выручил Ваню? После выстрела над упавшим Андрейкой склонился Харис... Неужели он?..

Ваня сразу повеселел. Улыбаясь, как человек, увидевший друга, с которым не встречался больше года, шагнул к Харису и тронул его за рукав.

— Ты? — спросил он, показав глазами за тополь.

Харис кивнул.

— А если бы в твоей руке рвануло?

— Руки не жаль,— усмехнулся друг, смущенно пожав плечами.— Я боялся, чтобы тебе глаза не вышибло.

— Спасибо...

До книг и тетрадей никто не дотронулся. Мяч тоже лежал в стороне. Мальчишки заговорили о сабантуе.

— Харис, давай поборемся,— предложил Ваня.— По-татарски!

— Пожалуйста...

— Но ты же боишься щекотки,— заметил Гумер.

Несколько дней назад Ваня попросил Хариса научить его татарской борьбе. Мальчишки стояли тут же, наблюдали. Только Харис схватит друга за поясницу, тот прыгает, как молодой жеребенок. Хохочет и машет руками: «Нет, не могу! Щекотно...»

А сейчас Ваня вдруг твердо заявил:

— Не боюсь.

Глаза Нигмата сузились:

— Да, да. Пусть борются, пусть. И если победит Харис...

— Там видно будет. А пока, Нигмат, придется подчиняться Ване,— вставил Андрейка.

— Но его приказа еще не было.

— Будет.

Ваня пришел в себя:

— Ну что ж,— сказал он.— Первый приказ такой: бросить папиросы! Никто еще не видел пользы от курения. А вред — на каждом шагу.

Харис и Ваня бросили свои папиросы на землю и растоптали ногами. Но мальчишки бросать и не подумали. Сразу видно: приказ командира им не понравился.

— Как же так? — усмехнулся Яшка.— Солдатам табак выдается каждый месяц. Если бы вред был, не выдавали бы!

— Значит, им положено.

— Приказ не обсуждают, а выполняют,— вмешался Харис.

— Даже когда он неправильный?

— Как, ребята? — спросил Андрейка.— Признаем такого командира?

— Не признаем! Нет!

— Не признаете? — сказал им Ваня.— Хорошо. Харис, пошли отсюда.— И оба направились к воротам.

— Два «макарона» испортили! — сокрушался Нигмат.— Как это можно раздавить целые папиросы?

— Понял! Я понял их секрет! — вскочил вдруг Гумер.

Андрейка встревожился:

— Какой секрет?

— Вот что, ребята: Ваня и Харис хотят бороться на сабантуе, чтобы взять первенство! Силу набирают. Потому и бросили папиросы. Берегут здоровье. И знаете, куда пошли? На тренировку!

Гумер швырнул папиросу на землю. За ним последовали другие.

— Айда! И мы на тренировку!..

Не прошло и полчаса, как дровяник запылал ярким пламенем. Собрался народ. Приехали пожарники в медных касках, с топорами, с лестницами. Огню разгореться не дали. Но сарай был разобран.

Многие из куривших ребят исчезли, будто в воду канули. Пришел участковый и, расспросив, что случилось, повел Ваню и Хариса в отделение милиции. Напуганная Ирина Лукинична, проклиная «увязавшегося на ее горе за разбойниками» Ваню, заплакала.

— Вот и кара божья,— вспомнила она слова тетки Глафиры.

В этом предположении ее поддержали и другие женщины. Пошли разговоры, пересуды...

— В этих местах черти завелись!

— До закрытия церкви такого не было!

— Надо просить, чтобы открыли ее!

Ваню и Хариса, допросив, отпустили домой. Ирина Лукинична встретила сына упреками. Взять кочергу или скалку — рука не поднялась. Зато, будто маленького, поставила его в угол. Ваня примирился, не стал ей возражать. Мать, уверенная, что этот проказник долго стоять в углу не будет, вернувшись домой с базара, удивилась. Ваня как стоял в углу, так и стоит. Но только.... на руках.

— Что же ты со мной делаешь, мучитель! — крикнула Ирина Лукинична.— Что еще за фокус придумал?

— Не фокус, а тренировка...

— Встань сейчас же! А то легкие опустятся, негодник.

— Не опустятся. Для того и тренируемся, чтобы не опускались.

— Опять этот Харис придумал?

— Нет, сам. Он об этом еще не знает. Красным командиром стать не легко — надо ко всему привыкнуть.

— Но к тому, чтобы не есть — не пить, себя не приучишь. А на базаре вон какая дороговизна...

— Потерпи немного, мама,— серьезно сказал Ваня.— Вот скоро стану водителем трамвая. Деньги начну зарабатывать. Картошек накупишь, сколько надо. И мяса.

— Беда мне с тобой, сынок. Тебя не поймешь: то красный командир, то водитель трамвая... За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

— А вот увидишь...

Вечером вдвоем с Харисом они сходили в городскую детскую библиотеку, взяли там книгу о физических упражнениях и отправились на Казанку.

«ТЫ ПРОДАЛ НАС!»

Ну почему так случается: только раз незаладится дело, и пойдет беда за бедой.

Расшивая плоты на Волге, Николай поскользнулся на мокрых бревнах и упал в холодную воду. Теперь он сильно кашляет , изо дня в день худеет. Но сам не поддается — продолжает работать. Врачи предупредили: у парня простужены легкие, надо лечиться.

Это вовсе доконало Ирину Лукиничну. Она все молится и молится. В доме как после покойника. Вдобавок и Ваня стал учиться хуже -- не ладится у него с учительницей. Полина Петровна придирается по всякому поводу.

На прошлой неделе, после того, как на уроке истории произошло «ЧП», девочки во главе с Тамарой побывали у Николая Филипповича в больнице. Учитель расспросил про их житье-бытье и разузнал о случившемся в классе. После он, оказывается, написал письмо директору. Тот немедленно пригласил к себе учеников, потом — учительницу.

Разговор директора с Полиной Петровной, видимо, был не совсем приятным: она ходила теперь чернее тучи, обвиняя во всем Ваню и Хариса.

Сегодня урок географии. Учительница, посмотрев на того и другого, сурово нахмурила брови. «Быть грозе»,— решил Ваня. Харис, тот не показывает вида. Но Ваня... Не умеет он быть на уроке таким же спокойным, как Харис. Того ведь учит отец. Они с отцом дружат. Если Харис что-нибудь не может решить сам, рассказывает отцу, всегда с ним советуется. И тот помогает. А Ване помочь некому. В последнее время он даже в учебник заглядывает редко. Вот и сегодня пришел на урок почти неподготовленным.

— Кабушкин!

Ваня вскочил так стремительно, что зацепившаяся за крышку парты рубаха не выдержала — с треском порвалась. Ученики засмеялись. «Не к добру это! — подумал он.— Только бы не спросила». Полина Петровно пристально посмотрела на Ваню, будто видела его в первый раз, и махнула рукой:

— Садись. Приведи себя в порядок.

Он сел.

— Вафин! — вызвала учительница.

Гумер, как только назвали его фамилию, встал и, ответив: «Я», тут же сел на место.

— Вафин! — повторила учительница.

Гумер снова поднялся.

— Расскажи-ка про гейзеры.

Гумер, поморгав глазами, переспросил растерянно:

— Про гейзеры?

— Да, да! — повторила учительница, повысив голос.— Что такое гейзер? Не знаешь?

— Гейзер... Гейзер... Как же... Знаю: это водопад наоборот. Когда вода летит не вниз, а кверху.

— Садись. Двойка!

Все притихли: кому черед? Подняться перед рассерженной учительницей и говорить про гейзеры не каждому хотелось. Вот она сверлит учеников глазами. Не выдержав ее взгляда, Ваня склонил голову: «Только-ко бы не меня...»

— Кабушкин! — вызвала Полина Петровна.— Рассказывай.

Он поднялся и, вспомнив прочитанное, ответил на ее вопрос.

— Мало,— сказала учительница и начала задавать ему другие вопросы.

Обычно память не подводила Ваню. А сегодня что-то случилось: он перепутал озеро Байкал с Балхашем и не ответил, какие там рыбы водятся. Даже вспотел — жарко стало.

— Садись, Кабушкин,— вздохнула учительница.— Плохо знаешь. Учил бы хоть немного... Байкал — пресноводное, самое глубокое в мире озеро. А в Балхаше вода пресная только в западной части. Поэтому и рыба разная.

Остального Ваня уже не слышал. «Эх, Николай Филиппович! — пожалел он.— Скорей бы выходил из больницы». От кого же еще ждать помощи?.. Такой человек и лежит в больнице! Говорят, он и там продолжает научную работу: пишет книгу об истории Казани. В школе организовал кружок по изучению местного края. И даже написали Горькому!

В тот хорошо запомнившийся день учитель пришел на занятие кружка в новом костюме. На белоснежной рубашке черный галстук-бабочка. Положил на стол какие-то бумаги, сказал торжественно:

— Сегодня будем писать письмо Алексею Максимовичу Горькому. В Италию.

В классе притихли. Письмо Горькому! Но что же напишут они, ученики, такому писателю? Какие слова найдут?

— Это письмо не должно быть обычным письмом привета,— продолжал Николай Филиппович.— Давайте попросим, чтобы Горький написал нам о своей жизни в Казани. Когда, на какой улице, в каком доме и сколько времени жил он — обо всем расспросим. Короче, напишите все, что хотели бы узнать. Каждый пишет сам...

Ваня долго сидел над бумагой, пока не вывел: «Дорогой Алексей Максимович! Вам ученики нашего кружка по изучению родного края шлют из города Казани пламенный привет, желают скорейшего выздоровления и творческих успехов...» Но дальше, как говорится, лодка не пошла — уткнулась в берег. Ваня еще мало знал о Горьком. Чувствуя себя неловко, поглядывал по сторонам. И у Тамары, сидевшей рядом, письмо, видать, не подвигалось. А вот Харис написал уже полстраницы. Он спрашивал про сад Фукса, про Федоровский холм, про какие-то монастыри. Зачем они Харису — Ваня так и не понял.

Николай Филиппович собрал все письма, написанные учениками, нашел в каждом что-нибудь важное и затем объединил их в одно письмо. Начиналось оно словами, придуманными Ваней. Заканчивалось вопросами Хариса. На другом листе бумаги Тамара начертила план города Казани, попросив Алексея Максимовича сделать на этом плане свои пометки. На конверте с одной стороны по русски, с другой — по-итальянски написали крупным почерком: «Италия, Сорренто. Алексею Максимовичу Пешкову-Горькому».

Считая дни, затем и недели, с нетерпением ждали ответа, Гумер и Андрейка пророчили: разве напишет он вам, не ждите. Но письмо пришло. Николай Филиппович прочитал его в большом зале всем ученикам:

«Кружку казанских краеведов.

С искренним удовольствием исполняю ваше желание, уважаемые товарищи.

Возвращаю план с моими объяснениями и прилагаю изображение мое.

Вы, краеведы, по всей России работаете так прекрасно, что очень хотелось бы чем-то поблагодарить вас от души.

Не нуждаетесь ли вы в каких-либо снимках Италии? Сообщите, немедля вышлю. Не нужны ли мои книги?

Желаю всем вам доброго здоровья и успехов в трудах.

А. Пешков.

21/II 28 г. Сорренто».

Зал притих, словно писатель сам вернулся, прочитав свое письмо. Николай Филиппович тоже был взволнован. Вытащив из конверта план города, нарисованный Тамарой, он показал его всему залу.

— Тут Алексей Максимович сделал свои пометки!

Зал зааплодировал. Ваня, подмигнув Андрейке и Гумеру, хлопал в ладоши сильнее всех...

А теперь вот Николай Филиппович в больнице. Что если написать ему письмо? Или даже навестить его? В письме ведь всего не расскажешь. А так он поймет Ваню с одного взгляда. Посмотрит, прищурив синие глаза, и тут же узнает, о чем ты сейчас думаешь. Если твое дело ему по душе, улыбается, головой кивает. И лоб у него красивый, и глаза. Когда Николай Филиппович причешет свои шелковистые светлые волосы, то становится похожим на Ивана Царевича. Раз Ваня увидел его прислонившимся к белой березе на сцене. Учитель пел какую-то народную песню. Школьная сцена с декорациями, знакомые стены, украшенные рисунками, словно растаяли, а где-то рядом затренькал, ударяясь о мелкие камешки, лесной родник. Доносились оттуда звуки серебряных гривенников. Да в раскрытые окна веяло прохладой не от родника, от пришкольного сада, сплошь усеянного цветами. А в саду, перегоняя друг друга, пели соловьи.

— Ваня! Звонок же был. Идем на улицу,— пригласил Харис.

А?.. Звонок?.. Идем, идем. А то спать захотелось.

— Спать? Но урок был интересным. Ты разве не слушал?

— Нет. О Николае Филипповиче думал...

Подошла Тамара.

— Ваня, после уроков посидим во дворе школы,— неожиданно предложила она.— Может, и не будем растягивать на два часа?

О чем она спросила, эта девчонка? Почему они должны сидеть во дворе?

Словно желая внести ясность в разговор, тут же

подкатился, как мяч, Яшка Соловей. Посмотрел на Тамару свысока и начал ее дразнить:

— За учебу-то хорошую, красавица, будешь так всегда наказана. Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Тамара чуть не заплакала:

— Я не виновата. Полина Петровна поручила... Велела мне после уроков повторить...

Светлана, заметив смущенную подругу, выгнала Соловья из класса:

— Не суйся, куда не просят!

— А я и сам в отличники не лезу,— ответил Яшка, хлопнув дверью.

Ваня задумался: почему наказали Тамару? Ведь она и так перегружена. Вон к Соловью никого не прикрепляют. Тамара же и в учкоме, и в отряде, и редактор стенной газеты. Вези, мол, пока передвигаешь ноги!..

Ваня и Харис последними спустились по лестнице на школьное крыльцо, затем по гладким перилам съехали во двор, заполненный ребятами.

Обычно во время уроков он бывает тихим. Сюда не проникают шум и гам с улицы: трехэтажное здание построено буквой «Г». Но как только прозвенит звонок, с первых двух этажей выбегают ученики младших классов. Следом за ними спускаются и старшеклассники. Однако даже их не заставишь спокойно прохаживаться по двору. Все бегают, играют. Зимой — в снежки, весной — в «кто ударил». Только и слышишь со всех сторон: шлеп да шлеп ладонями. Деревцам во дворе достается. Особенно молодому клену, что у ворот. Его, беднягу, задевает каждый, кто проходит мимо. Даже однажды совсем согнули. Ваня принес тогда из дому подпорку и выправил дерево, уже просившее пощады у всех прохожих. Теперь этот клен окреп и вырос, чуть наклонившись в другую сторону — к белой березке, похожей на девушку. Если бы Ваня был художником, то нарисовал бы у этой березы Тамару в белом платье. Непонятно, где ходят художники и куда они смотрят. Зато у мальчишек глаза острые. Заметив, что Ваня подолгу любуется деревьями, они догадались, в чем дело.

— Боишься, как бы не помешали друг другу,— сказал Яшка.

— Не помешают.

— Но твоему кленочку не дотянуться до березки,—

заверил Андрейка и, не скрывая зависти, шепнул ему на ухо:— Как тебе, теленочку, до твоей Тамары...

Сегодня день теплый, солнечный. В ярко-зеленом саду расцвела сирень. Вот-вот зацветет черемуха. Воздух во дворе такой, что в класс не хочется. Ваня посмотрел на Хариса.

— Пойдем,— кивнул тот в глубину двора.— Поиграем с ребятами.

— В разбойники?

— В «махнушку».

Оба рассмеялись. Они решили недавно работать и жить, как взрослые, водить по улицам трамваи, а тут вдруг такая пустая забава. Девчата вот в белых передниках, похожие на бабочек, играют в «классики». Мальчишки поменьше, напоминавшие рассерженных шмелей, топчутся на месте и подбрасывают пяткой «махнушку», сшитую из тряпок. А вот и Андрюшка с приятелями. Тоже маху не дают — наверное, обогнали всех мальчишек.

— Не хочу к ним, Харис,— признался Ваня.

— Скажут: ага, испугались.

— Тогда пойдем.

Бросив игру, мальчишки уставились на двух друзей. Андрейка по-взрослому подал Ване руку:

— Привет. Ну как дела?

— Так себе...

— Говорят, в отделении вам языки развязали! Правда?

— Правда, правда,— заверил Яшка.— Там запоешь. Не отвертишься.

— Нас там никто не мучил и мы не пели,— ответил Ваня.

— Да и петь было нечего — мы же не видели, куда вы бросили свои окурки.

— За что же нас оштрафовали?

— Сами виноваты...

— Ты нас продал! — заявил Соловей.

— Что?!

— А то!

— Возьми обратно, Яшка!

— Не возьму!

— Ах так! — Ваня бросился на Яшку.

Но в это время из окна выглянула Полина Петровна. Закрываясь ладонью от солнечных лучей, она крикнула.

— Кабушкин! Ты снова дерешься? Опять что-то

хочешь выкинуть? Тебе, вижу, мало двойки?.. Ступайте все в класс!

Зазвенел звонок, и ребята, не оглядываясь, побежали в школу. Ваня схватил за рукав Хариса.

— Принеси мою сумку домой,— попросил он и, повернувшись, направился к трамвайной остановке.

«ТАК ХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ»

Обидели его снова. Без вины. Уйти бы сейчас далеко, далеко, потом куда-нибудь уехать, еще подальше, и сделать бы там что-нибудь необычное. Прислали бы тогда ему письмо: приглашаем, дескать, в гости, в школу. Конечно, Ваня приедет, не откажется... И вот вся школа собирается в большом зале. Ваню приглашают подняться в президиум. Он идет, не улыбаясь, потому что в его сердце горечь. Садится на сцене за большим столом, рядом с директором, и видит внизу на первой скамейке Полину Петровну. Ах, вот она! Сидит и смотрит под ноги. Пусть будет ей уроком, чтобы не обижала без причины. Что же особенного сделал он сегодня? Яшку хотел проучить...

— Стой!— неожиданно крикнул извозчик.

Ваня попятился от взмахнувшего кнутом «барабуса».

— Или тебе свет не мил, негодник?! Ясным днем под колеса лезешь!— кричал бородач.

«Куда ж это я попал?»— удивился Ваня. Замечтавшись, он дошел уже до улицы Гоголя.

— Потише, гражданин!— сказала извозчику сидевшая в тарантасе полная женщина.— Все бока растрясло!

— Тут растрясет,— заметил какой-то прохожий.— Когда колесо хромает...

Извозчик остановил коня и спрыгнул с козел.

— Уйди, оборванец,— прошипел он Ване.— Стоишь, как пень у дороги!

— А может, он вор? — заинтересовалась женщина.— Смотрите на его рубашку: словно из-под лодки вылез.

— Карманник! — убежденно сказал извозчик, закрепляя колесо чекой.

Вокруг собирался народ.

— Нельзя называть карманником того, кто в рваной рубахе,— заступился пожилой рабочий.

— Знаем их. Долго будешь стоять с открытым ртом и тебя вмиг обчистят!

После таких слов рослого упитанного извозчика с рыжими усами, намотавшего вожжи на руки, люди стали смотреть на Ваню с подозрением. Его залатанная рубаха и штаны с прорехой, заштопанной белыми нитками, настораживали каждого.

— Может, беспризорник? — робко спросила какая-то бабушка...

«Хорошо хоть милиционера не видно»,— подумал Ваня, присматриваясь, где бы улизнуть ему из этого круга.

Но, как говорит пословица: где тонко, там и рвется. Заливаясь пронзительным свистом, подбежал милиционер. «Ну, конец, уведет!»— решил Ваня. Тут еще и «барабус» повысил голос...

К счастью, мимо проходил с работы отец Хариса. Он заступился:

— Не трогайте мальчика. Это мой сосед.

— Как его зовут? — спросил милиционер.

— Имамжан.

— А вот он себя назвал Иваном. Кому же верить?

— И он прав, и я,— сказал дядя Бикбай.— Имя ему по документу — Иван. А моя жена зовет его: Имамжан...

Милиционер улыбнулся. Но для порядка все же записал фамилии обоих, адрес каждого и, словно говоря, что можно им теперь идти домой, приложил к фуражке руку.

Когда немного отошли, дядя Бикбай, осмотрев Ваню с головы до ног, сказал:

— Посмотри, какой у тебя вид! Так нельзя ходить по улицам. Татары говорят: человека встречают, глядя прежде на его наряд. Извозчик назвал тебя карманником. Правильно сказал: ты похож на воришку. Брюки порваны, рубашка порвана, сандалии каши просят. Куда это годится? Надо ходить опрятнее. Самому шить научиться. Придешь, я научу тебя. Сделаю портным. Вырастешь, спасибо скажешь. Приходи сегодня вечером. Тетя Хаерниса блинов испечет. Она тебя любит: Имамжан, говорит, молодец. Ты не обижайся, что мы тебя так называем. Это хорошее слово. У нас все имена хорошие. Вот взять Бикбаев,— значит, богатый. Хаерниса — тоже хорошо: добрая жена, молодец жена...

Ваня улыбнулся, он знает: дядя Бикбай не зря хвалит свою жену. Тетя Хаерниса, как и другие татарские женщины, любит чистоту, порядок. Никогда не

будет жаловаться, что времена тяжелые. Из картошки умеет готовить самые вкусные блюда. Не грубит, на своих детей руку не поднимает, а их пятеро в доме: три мальчика и две девочки. Все такие тихие, скромные. Мальчики едят вместе из одной деревянной тарелки, спят на сакэ под одним одеялом. И все очень любят своих родителей. Когда Ваня стал захаживать к ним и на первых порах помогать Харису готовить уроки, тетя Хаерниса назвала его Имамжаном, а Харис покороче: просто Жаном. Так и зовут его в этой семье до сих пор — и маленькие братья, близнецы Надир и Тагир, часто бегающие вокруг печки друг за другом, и старшая, с черными косами Сагадат и, наконец, Муршида. Она умеет мыть полы так, что сверкают белизной до самой последней ступеньки на лестнице. Узнав недавно, что Сагадат и Муршида по-татарски означают Счастье и Скромность, Ваня удивился: лучших имен этим девочкам и не придумаешь.

— Дядя Бикбай,— спросил он,— что значит Харис по-татарски?

— Защитник, надежный.

— О! — еще больше удивился Ваня.— Какое вы точное имя дали... А Жан?

— Имам-жан... Так тебя зовет моя Хаерниса потому, что русского слова «Иван» ей не выговорить. А Джан— значит: хороший, любимый.

— Спасибо.

Ване понравилось это короткое имя. Что-то было в нем призывное, как сигнал тревоги, обязывающее. Пожалуй, в самый раз для командира. Хотя теперь... Только бы вот поговорить с Николаем Филипповичем...

— Дядя Бикбай! Мне домой рано. Я зайду в больницу.

— Зачем?

Ваня пожал плечами.

— Нет, Имамжан, пойдем домой. Лекарство штука ненадежная — одно место залечит, другое отравит. В больницу не ходи.

— Нельзя, дядя Бикбай. Там лежит наш больной учитель.

— А... Это уже другой разговор. Узнать, как здоровье учителя — дело похвальное. Мать молоком тебя кормит, учит ходить по комнате, а учитель, тот учит ходить по всему свету. Беги. Только постой — гостинец бы надо. Яблок, вишен. Без гостинца никак нельзя.

Ваня развел руками: ничего нету у него, кроме дырявых карманов. И как это раньше не сообразил он, что надо в больницу идти с гостинцем. Было бы у него сейчас пять рублей, ни копейки не пожалел. Но нет их, нет. А в чужой карман руку не запустишь. Вот усатый «барабус» обидел его, назвал карманником — и стыда было с гору. Нет, на такое дело у Вани рука не поднимется. Может, цветов нарвать? Не обязательно бежать за ними на Казанку. Рядом садов достаточно — и сирень там в сплошном цвету. Не перевернется мир из-за двух-трех сломанных веток...

— Гостинца нет,— сказал Ваня.— Может, цветы понести?

— А где ты возьмешь их?

— Это уж... там,— кивнул Ваня в сторону садов по Гостинодворской улице.

— Нельзя, Имамжан. Больному человеку гостинец нужен свой, не ворованный. Чтобы сон был спокойным, а день безоблачным... Зайдем-ка сюда, Имамжан, посмотрим...

Они спустились в магазинчик, расположенный в подвале.

Дядя Бикбай подозвал пальцем рослого продавца и что-то шепнул ему на ухо. Тот сначала вроде бы не согласился. Потом отвесил и положил в маленький бумажный пакет две-три горсти сушеного изюма и что-то черное, похожее на кислую пастилу.

— На, Имамжан, лети к учителю. Счастливый он оказался: изюм для него удалось достать! Пусть выздоравливает.

Ваня поблагодарил дядю Бикбая и побежал в больницу.

До чего же хорошо пахнет, оказывается, изюм! Даже слюнки текут. Может, попробовать? Одну. Из-за одной-то ничего не будет. Никогда ведь он еще не пробовал. Изюминка, такая сладкая, сама проскользнула в горло. За ней и вторая. Изюминки-непоседы, выглядывая из кулька, так и просятся в рот. Можно и третью — она сморщенная. И эту вот, надкушенную. А та вон вроде бы немного заплесневела... Постой, а что же он понесет учителю? Ваня заметил, что изюму в пакетике осталось мало. «Хватит,— решил он.— Больше ни одной!»

Мальчику стало весело, и он зашагал быстрее. По узкому переулку вышел на улицу Галактионова. Это

его любимая улица. По ней всегда ходил в школу Николай Филиппович. И Тамара теперь ходит... Вон, чуть подальше, двухэтажный дом, такой памятный. Сейчас Ваня подойдет к нему. А эта вот многоэтажная громадина — бывший дом купца Кекина. Богатый был купец и жил роскошно. Вон как выделали ему карнизы каменными кружевами. А купола на крыше — один красивее другого.

Ваня пересек улицу от большого дома к маленькому. В этом сером домике напротив жил когда-то Леша Пешков. Не жил, а мучился, работая по ночам в сыром подвале. Обо всем пережитом рассказывал потом людям в своих книгах. Ваня читал их — «Мои университеты», «Хозяин», «Случай из жизни Макара»...

Эта улица называлась раньше Лядской. А в подвале двадцать четвертого дома Леша выпекал хозяину булки. Ваня приходил сюда недавно с одноклассниками. Николай Филиппович тогда рассказывал о Пешкове удивительные истории. Не зря, оказывается, Горький писал: «Физически я родился в Нижнем Новгороде, а духовно — в Казани». В этом городе он бывал на собраниях в запрещенных кружках, прислушивался к тому, что говорят передовые люди.

Ваня задержался у двухэтажного дома, о котором так много рассказывал Николай Филиппович. Раньше здесь была булочная Деренкова. На чертеже, посланном Горькому, Алексей Максимович пометил дом этот цифрой три... Ване казалось, что в эту минуту может случиться чудо: вот-вот на крыльце появится Леша Пешков. Нет, не появился. Ваня заглянул в подвальное окно — в пекарню. Там огромные корыта, разрушенная печь, земляной растрескавшийся пол. Здесь Леша когда-то месил тесто ночью, а рано утром, повесив через плечо тяжелую корзину с булками, разносил их по городу — в «Марусовку», университет, по квартирам. На дне корзины часто лежали запрещенные книги, которые надо было передать в надежные руки.

А каким трудным был для Леши 1887 год. Кругом безработица, беспорядки. Студенты университета собираются на сходку. Одного из зачинщиков этой сходки В. И. Ульянова ночью забирает полиция. Вскоре сажают в тюрьму и друзей Леши — Плетнева, Рубцова, студента Евреинова.

Пешков один остался. Без друзей. А тут еще полюбил он красивую девушку, дочь хозяина, и та прене-

брегла им, простым рабочим. Жить надоело. 12 декабря Пешков написал записку и поздно вечером пошел на Федоровский холм у Казанки. В пути он встретил ночного сторожа, старика-татарина Мустафу Юнусова. Тот разговаривал с бродячим котенком. «Возьми его, дедуся,— попросил Пешков,— спрячь за пазуху, а то замерзнет»... Немного погодя старик услышал выстрел и побежал к обрыву над Казанкой. Там, на крутом откосе, лежал этот парень в крови. О котенке позаботился, а сам себя не пожалел. Старик Мустафа доставил его в больницу. Леше сделали операцию. Хорошо хоть, пуля не задела сердце.

Когда же Пешков поднялся, церковники вызвали его в монастырь, на суд. Леша сказал им: «Не тревожьте. Не то повешусь на монастырских воротах!» Его тут же отлучили от церкви на семь лет...

«Вредные эти церковники,— подумал Ваня.— Как ни старались, а победить не смогли такого парня. И как еще посмеялся над ними Горький! Что значит рук не опускать...» Ваня тоже не скиснет...

А вот, наконец, и больница.

Едва приоткрыв тяжелую дверь с медной ручкой, Ваня проскользнул в приемную. Там из окошка выглянула тетя в белом колпаке.

— Передачу, мальчик? — поинтересовалась она, придвинув поближе к себе корзину, плетенную из гладких белых прутьев.— Кому? В какую палату?

— Пустите меня к Николаю Филипповичу, тетя. К учителю... Пожалуйста...

— К учителю? Его вчера, как тяжелобольного, перевели в четырнадцатую палату. К нему нельзя, мальчик.

— Почему?

— Карантин. Да и спят еще все больные. Давай, что принес.

— Нет, я сам, тетя.

— Сказала же: нельзя! Карантин. Если не понимаешь сказанного, прочти вот,— и, указав на стену, сердитая тетя громко захлопнула дверцу.

Нет, Ваню так легко уйти не заставишь. Выждав минуту, он позвал:

— Тетя!

Маленькое окошко снова приоткрылось:

— Что еще?

— А на каком этаже четырнадцатая палата?

— На третьем. Второе окно с краю. Ступай в сад — увидишь.

— Спасибо.

— На здоровье. Только не вздумай кричать в саду, как заблудший козленок!

Зачем же кричать? Он, побывавший в самой церкви, сумеет забраться на третий этаж и без крика. Ну-ка, посмотрим...

Вскоре Ваня уже глядел на полураскрытое окно нужной ему палаты. Только вот как туда подняться: кирпичная стена такая гладкая, не залезешь. Неужели уйти отсюда, не увидев Николая Филипповича, не узнав о его здоровье?

ЗАГАДОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Усевшись в тени под забором, Ваня посмотрел на верхний этаж. Водосточная труба, вообще-то, кажется крепкой. Три этажа, если по три метра на каждый,— всего девять метров. А если упадешь?.. Но зачем сейчас думать об этом? Надо подняться! Карниз второго этажа вроде бы надежный. Сверток можно взять в зубы... Стоп! А вон у правой стены от земли тянется длинная пожарная лестница на крышу. Окон там нет — никто не увидит. Подняться наверх и оттуда по трубе или вон по той колонне — к третьему этажу. Спускаться — не подниматься, куда легче.

Ваня затянул ремень потуже, сунул бумажный пакет за пазуху и, мягко ступая, как выходящий на ковер цирковой борец, подошел к железной лестнице. До первой перекладины руками не достать. Ваня с резвостью кошки прыгнул кверху, но лишь кончиками пальцев задел железо лестницы. Прыгнул еще раз, и еще. Нет, не ухватиться! Пока прыгал, совсем запыхался. Если так бессмысленно тратить силу, то, поднявшись наверх, можешь и свалиться. Как мешок. После и костей не соберешь...

Вдоль забора, невдалеке, Ваня увидел битые кирпичи. Ага, собрать их и сложить под лестницей — лишь бы хватило встать на цыпочки. Так и сделал. Ухватившись руками за перекладину и извиваясь, как обезьяна, он полез наверх. Сердце гулко билось. Перекладины были прочные — хотелось карабкаться по ним все выше и выше. Дышалось наверху легко, не то, что внизу. Нахохлившись, дремали под карнизом воробьи —

такие здесь большие... А вот и крыша. Р-раз! — Ваня покинул лестницу, лег на живот и посмотрел с крыши вниз. Балкон третьего этажа был совсем недалеко. Вот он — впору бы туда спрыгнуть. Ощущая дрожь во всем теле, Ваня свесил ноги с крыши. Но где же колонны балкона? Так долго не провисишь. Кажется, кисти рук оторвутся — будто их кто-то захлестнул бечевкой и тянет кверху. Неужели Ваня сорвется? Ведь колонна должна быть где-то рядом. Ах, вот она! Теперь, качнувшись, он обхватил ее ногами. Разжал одну руку, затем другую — и вскоре тело его плавно заскользило вниз.

Упершись наконец ногами в каменный выступ, Ваня вздохнул и осмотрелся. Золотистое солнце сияет в небе, таком просторном, что нет ему конца и края. Временами легкий ветерок доносит запах каких-то лекарств и цветущей сирени.

Две пунцовые бабочки с желтыми крапинками на крылышках порхают у самого балкона, словно приглашая Ваню двигаться дальше. Надо ведь еще пройти по карнизу и приблизиться к четырнадцатой палате. Ну, это уже не трудно. Лишь бы только не увидели.

Вот и приоткрытое окно четырнадцатой палаты. На подоконнике в банке с водой цветы сирени. Ваня раскрыл белую раму и, вытащив из-под рубахи бумажный сверток, позвал:

— Николай Филиппович! Вы здесь?

Ответа не было.

Ваня, просунувшись в окно, заглянул в комнату. Слева кровать пуста. Справа — на другой кровати кто-то лежит, накрывшись одеялом. Кто ж это? Вот он шевельнулся и, нехотя сбросив одеяло, начал подыматься. Лицо его бледное-бледное, губы серые, как ласточкин хвост, а глаза потускнели, запали. Николай Филиппович? Не может быть. У того ведь волнистые волосы, переливаются, как шелк. А этот стриженый — гладкая голова у него, как у подростка. Но почему он улыбается, глядя на Ваню?

— Кабушкин?! — удивился больной, спустив ноги с кровати.— Непоседливая душа... Пролез-таки. Откуда же ты, Жан? Кажется, так тебя называют твои друзья.

— Оттуда,— кивнул Ваня вверх, на крышу.

— А если бы сорвался?

— Ни за что, Николай Филиппович. Руки у меня цепкие.

— Ну, ну. Забирайся в комнату. Если не пускают в дверь, можно и в окно,— улыбнулся учитель.

Ваня перевалился через подоконник и спрыгнул на пол. От запаха лекарств и еще больше от изумления, что увидел учителя таким похудевшим, он совсем растерялся.

Здоровье, видать, у Николая Филипповича незавидное. Вот он, обессиленный, тяжело задышал и снова лег в постель, закрыв глаза.

— Вам плохо, Николай Филиппович?

Учитель показал ему рукой на стул: садись, мол.

— А я вам... гостинец вот принес,— растерянно сказал Ваня, положив на тумбочку сверток.

— Спасибо. Только мне сейчас не до гостинца.

— Это изюм и кислая пастила, Николай Филиппович. Попробуйте. Мы с отцом Хариса Бикбаева купили в магазине. Изюм хороший...

Николай Филиппович, открыв глаза, чуть улыбнулся. Он хотел было застегнуть халат на груди, но руки плохо двигались. Улыбка тотчас пропала, будто солнце зашло за густое облако, желтое лицо похудело и стало задумчивым.

Ваня подал ему воду в стакане. Когда Николай Филиппович выпил, в комнате будто стало светлее — учитель снова улыбнулся так же хорошо, как улыбался в школе.

— Ну, рассказывай, Кабушкин,— попросил он, кивнув головой.

Осторожно скрипнув дверью, в палату вошла пожилая женщина в белом халате. Рот ее был закрыт марлей.

— К тебе, голубок,— сказала она Николаю Филипповичу каким-то воркующим голосом.— Не надо ли чего? — Но, увидев чужого человека, на мгновение растерялась. Безбровые глаза ее быстро-быстро замигали, нос покраснел. Женщина надела большие очки. Стекла их зловеще сверкнули. Где же Ваня видел этот блеск?..

— А ведь сюда нельзя посторонним,— сразу посуровела она.

«И голос кажется таким знакомым... Кто же это?» — подумал Ваня, прислушиваясь.

— Не ругайте,— попросил ее Николай Филиппович.— Это мой ученик.

Женщина достала из-под кровати какую-то посуди-

ну и, что-то бормоча под нос, прихрамывая, проворно вышла.

— Ну, рассказывай, Кабушкин.

— О чем же рассказывать? На уроке там знаешь, какую тему задали. А тут...

— Не знаю, с чего начать,— признался Ваня.

— С того, как вы ходили в церковь,— подсказал учитель,— Тамара мне рассказывала... Что вас туда потянуло?

И Ваня, глядя на щели в полу, начал докладывать обо всем: о споре с Андрейкой у церкви, кому быть командиром, о дважды брошенном жребии, кому лезть на колокольню первым, о том, как вошел в эту самую церковь смело, но кто-то ударил его палкой по голове...

— За что? — спросил учитель.

— И сам не знаю... Несколько дней пролежал в постели. Потом заработал двойку по географии. Ни за что.

— Как же так? Двойки даром не ставят.

— И еще с Яшкой чуть не подрался. Учительница помешала.

— И правильно сделала. Кулаками ничего не докажешь. Надо головой...

Николай Филиппович закашлялся.

— Вам тяжело? — спросил Ваня.

— Сейчас...— кивнул учитель и, когда кашель затих, прилег на подушку.— Вот и легче стало.

Но дышал он с трудом — ему не хватало воздуха.

— Я позову сестру,— сказал Ваня.

— Пройдет,— шепнул учитель.— Раскрой окно пошире.

Ваня раскрыл. Николай Филиппович глубоко вздохнул, исхудавшей рукой вытер пот со лба и попросил воды.

— Спасибо,— сказал учитель, сделав два глотка.— Ничего нет полезнее простой воды. В ней ведь начало жизни...

— А чем вы лечитесь, Николай Филиппович?

— Книгами,— сказал учитель.— Правда, врачи не разрешают, но я не могу без книг — читаю.

Ваня посмотрел на тумбочку — там стояли одни пузырьки с лекарствами.

— Они у меня под матрацем,— шепнул учитель.— Чтобы врачи не видели.— Он немного помолчал, что-

то обдумывая, потом вернулся к прерванному разговору: — Кто же тебя ударил?

Ваня пожал плечами.

— Не видел. Мать говорит: «сам бог наказал», а тетка ей возражает: «Не бог, а дьявол».

— Какая тетка? Уж не она ли стукнула?

— Та может. Палка у нее тяжелая.

— Конечно же, не бог и не дьявол тебя ударил. Тамара тоже говорит: какая-нибудь старуха пошутила.

— В шутку палкой так не бьют по голове.

— Ты прав. Это дело нешуточное... Церковь, по решению комиссии, запер я. Когда же вечером шел домой, на меня забор свалился. Дескать, вода виновата — размыла устои...

— Скажут,— усмехнулся Ваня.— Может, забор не случайно подмыло?

— Я тоже об этом подумал... Зачем забору надо было падать именно в ту минуту, когда я проходил мимо?

— Судьба, наверно... Так моя мать говорит.

— Другие, кому это надо, говорят прямее: будто господь наказал меня за то, что я повесил замок на двери божьего дома. И поэтому, дескать, не могу теперь выздороветь...

«Подожди-ка! — насторожился Ваня. От кого же он слышал эти угрожающие слова? — Да, да, их тетка Глафира тогда сказала. А ведь это ее был голос! Тут, в этой палате...»

— Вот и про тебя говорят: будто черт по голове ударил,— продолжал учитель.— Как договорились. Народ запугать стараются.

— Кто старается, Николай Филиппович?

— Это вот и надо бы нам выяснить. Похоже, их много таких, языкастых...

— Одну из них я знаю, Николай Филиппович.

— Кто ж это?

— Сестра... Та, которая сюда заходила и что-то взяла у вас под кроватью.

— Глафира Аполлоновна? Санитарка? — удивился учитель.— Ошибаешься, Ваня.

— Да, да, эта самая.

— Очень приятная женщина. Все мне подает: и лекарство, и книги.

— Нет, противная. Вы ее не разглядели. Грозит всем божьей карой, а сама пьет самогон...

Ваня кинул взгляд под кровать и вытащил оттуда черную бутылку с железной пробкой.

— Это ее бутылка, Николай Филиппович. Таскает в ней святую воду.

— Святая ли? — заинтересовался учитель.— Дай-ка понюхаю.

— Только не пейте...

В это время за дверью послышались шаги. В палату вошла другая сестра и, заметив мальчика в поношенной одежде, сидевшего у кровати больного, крикнула:

— Без халата?! Неслыханное дело!

Ваня растерялся, почувствовав, что Николаю Филипповичу грозит неприятность. «Надо бежать, пока не выгнали!»— решил он и, заслышав у двери новые шаги, кинулся к раскрытому окну.

— Ваня! — испугался учитель.— Не смей!

Но поздно: ученик уже спрыгнул с подоконника на карниз. Что-то гулко упало в комнате, кто-то с болью вскрикнул, и Ваня, совсем растерявшись, полез не вверх, на крышу, а вниз, на балкон второго этажа. К счастью, попал он в мужскую палату. Когда больные узнали в чем дело, успокоились и провели его по узкому коридору к темной лесенке, откуда он попал на улицу.

Как говорится, нет худа без добра. За грозной сестрой, подосланной теткой Глафирой, в палату вошел врач, а следом за ним прибежала и сама Глафира. Они уложили на кровать Николая Филипповича, вскочившего за Ваней и свалившего тумбочку с лекарствами, собрали пузырьки, рассыпанные по комнате. Черная бутылка заинтересовала врача. Он отвернул железную пробку, понюхал черное лекарство и, сморщив лицо, удивленно посмотрел на сестру.

— Откуда? — спросил строго.

— Впервые вижу,— сказал сестра, пожав плечами.

— Ее бутылка,— показал учитель на Глафиру.— Проверьте, пожалуйста.

Тетка Глафира попятилась и хотела выскользнуть. Но ей преградили путь.

В милиции она долго запиралась, но когда стал ясен рецепт ее «лекарства», вынуждена была сознаться, что все это делала по велению служителей церкви святой Варвары.

Через несколько дней дела у Николая Филипповича пошли на поправку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

И что за день выдался сегодня? Не верилось, что может быть он таким безжалостным. И это первый день после школы. Первый день, первые самостоятельные шаги...

Вчера были они учениками, а сегодня — уже никто. Вчера и сегодня... Почему ты прошел, вчерашний день? А ведь был так хорош! Как большая семья, они всем классом были вместе, мечтали, радовались. Насобирав веток на берегу Казанки, разожгли костер, кипятили чай, пекли картошку. Казалось, так дружно они будут жить всегда, нисколько не тревожась за завтрашний день.

— Это твоя доля,— сказал Ваня и, разломив душистую печеную картошку, положил половинку на листок подорожника.

— А я... хочу разделить... с тобой,— шепнула Тамара.— Чтобы... чтобы...— Она запнулась и больше ничего не сказала. Густо покраснев, отдала часть половинки Ване. Сама торопливо проглотила свой кусочек.

Ваня знал, что есть такая примета: перед расставанием все, что имеешь, раздели с близким человеком.

Если бы это сделал Харис, он бы не удивился, а тут девчонка...

Ване стало неловко. Тамара заметила это и, прикусив губу, с обидой посмотрела на него... Потом они сидели рядом. Вдыхая свежесть воды, гуляли. Он хотел сказать ей что-то значительное, но так и не нашелся, с чего начать. Она тоже, видно, ждала этого разговора: часто поглядывала на него искоса, будто просила: ну же, ну, говори, ведь завтра мы в школе уже не встретимся...

Наконец, Ваня выдавил:

— Тебе, Тамара, большое спасибо...

— За что, Ваня? — спросила она. Взгляд такой чистый, будто глаза ее умыты утренней росой...

— Ты же мне помогала... И вообще мне с тобой хорошо...

— Мне тоже...— еле слышно шепнула Тамара.

Больше они ни о чем не говорили, молча вернулись к костру, где уже начались танцы. Они танцевали неумело, робко. Ваня даже взмок от волнения. Боясь притронуться к ее белому платью, кружился почти самостоятельно. Когда вернулись к огню, он расстелил на земле свой пиджак и усадил Тамару рядом с Николаем Филипповичем.

— Итак, мои друзья,— сказал учитель,— вы вступаете в большую жизнь. И где бы ни были, какую бы работу ни выполняли, не забывайте родную школу. Носит она имя Горького! Перед вами открыты все пути — летите, соколы! А мы... — голос его дрогнул, он закашлялся,— мы... будем гордиться вами.

...С берега Казанки возвращались с песнями. На чистом небе сверкали яркие звезды. Все вместе по дороге к дому зашли в последний раз в школу. Немного постояли, затем проводили Николая Филипповича, девочек. И остались, наконец, вдвоем с Харисом.

Уличные фонари погасли. Но на душе было светло. Ваня будто и сейчас слышал шепот Тамары, голос

Николая Филипповича. Это два самых близких для него человека.

— Скажи честно, Ваня, ты чего-нибудь запомнил или все мимо ушей пропустил? — спросил Харис.

— Зачем ты так? Конечно, запомнил... Нет, не то. Век буду вспоминать этот вечер!

Харис вдруг произнес:

— Чтобы гордились тобой, надо всю жизнь делать только добро. Понимаешь?..

— Сделаем, Харис! Сила есть! Сделаем!..— Ваня расправил грудь, напряг мускулы и хотел было как петух забраться на плетень, но удержался, вспомнив слова учителя: «Мы будем гордиться вами»... А он опять хвалится...

По-взрослому, пожав руки, простились.

Ваня пришел домой, улегся и долго не мог заснуть. Наконец-то завтра и на работу! Правда, решение пока не окончательное. Договорились только с дядей Сафиуллой. С ним в трампарке считаются. Но ведь им еще нет шестнадцати, а несовершеннолетних, говорят, принимают только учениками. Но, как говорится, там видно будет. Примут — хорошо, не примут — потерпеть придется. Каждое утро вместе со взрослыми будешь ходить на работу, а там, через пятнадцать дней, принесешь домой целую пачку денег — своих, заработанных. Когда же получишь паспорт, на все четыре стороны тебе восток, где восходит солнце. Нет, Ваня и Харис не собираются куда-то уезжать. Они, как договорились, поступают на курсы водителей...

Ваню разбудили какие-то голоса во дворе. Кто-то плакал, причитая, как на похоронах. Вскочив, он заглянул в другую комнату: нет, дома никого. Мать ушла на работу, а Николай позавчера уехал в марийские леса на заготовку дров и вернется только вечером. Сегодня должны выдавать хлебные карточки. Успеют ли они с Харисом получить их? Ваня распахнул окно: в комнату повеяло утренней свежестью. День будет солнечным, ясным. Во дворе кудахчут куры, воркуют голуби. А плакучий голос, кажется, раздается в доме соседки — Пелагеи Андреевны. Там, у крыльца, уже столпились женщины — руки у них под передниками, на лицах тревожная озабоченность. И Григорий Павлович с ними. Все лопочут и кивают головами.

— Золото, серебро имеется. Козу-то уж как-нибудь купят,— говорит какая-то женщина, вздыхая.

— Но, может, ее волк задрал? — спрашивает озабоченный Григорий Павлович.

— Если бы волк, то кости бы остались! — возразила другая женщина.

— Да ведь волки, они такие, могли утащить ее и на себе. Вот, когда я мальчишкой был, однажды...

Но дяде Григорию помешали рассказать об этом случае. На крыльцо вышла Пелагея Андреевна и показала ему измазанную кровью веревку:

— Вот он, поводок моей красавицы. Весь в крови. Не отстегнули даже, зарезали прямо с ошейником! — заголосила хозяйка пуще прежнего.— И Василия дома нет...

— Ладно еще не двух, а то бывает...— начал было убеждать Григорий Павлович, но ему снова помешали. Женщины, возбужденные чужим горем, начали ругать времена, Советы.

Дядя Григорий рассердился:

— Что за дело у Советов до вашей козы? — сказал с яростью.

«Действительно,— подумал Ваня,— у Пелагеи Андреевны зарезали козу... Она привязала их обеих на берегу Казанки, в роще. И вот одну порешили. Значит, в городе стало больше воров — не зря говорят об этом. Кто же они, эти люди, ставшие на путь легкой жизни?» Ваня вот тоже уже давно досыта не ел. Так что же, воровать ему? Нет, на такое дело он не пойдет. Лучше работать...

Ваня, сделав гимнастику, вышел на кухню, посмотрел на пустую, словно загрустившую, плиту и глубоко вздохнул. Затем подошел к умывальнику в углу, умылся, вытер лицо полотенцем и, глянув еще раз на плиту, выпил воды прямо из ведра, висевшего на железном крюке. Он читал в какой-то книжке, будто сосланные революционеры, когда нечего было есть, чтоб не заболел желудок, пили воду. Но то революционеры — они боролись. А ему с кем бороться? Бога нет, царя спихнули. Вся власть в руках народа. Однако есть еще на свете несправедливость и надо против нее бороться. Но с кем? Да и где они, эти нечестные люди?

— Ладно,— решил Ваня.— Первым делом устроиться на работу. Потом видно будет.

Он запер дверь и, спрятав ключ под крыльцом, направился к Харису. Тот уже полчаса ждал его.

— Надо поторопиться,— предупредил друг.— Там нас ждать не станут...

Пошли они в трампарк. На этот раз не через щель в заборе, а в большие ворота. Вошли не торопясь. Раньше охранник не пропустил бы их ни за что, но теперь только посмотрел из окошка маленького, как скворечник, домика и махнул рукой: ступайте, мол, на счастье, раз не для забавы, а поступать на работу. На руках у них ведь не простая бумажка — свидетельство! Пошли они по самому прямому из трамвайных путей, сверкающих на солнце. И день такой веселый. А дорожка между путями даже золотым песком посыпана...

Дядя Сафиулла, как всегда, ходил на работе с ящиком в руке. Вот он влез в поблескивающий краской трамвай. Когда начал проверять оконные рамы, увидел Ваню и Хариса. Подозвал их к себе. Ребята вбежали в трамвай, поздоровались и тут же протянули старику свои свидетельства — с печатью, с подписями. Дядя Сафиулла внимательно посмотрел отметки. Похвалил обоих, особенно за математику.

— В нашем деле нужен точный расчет,— сказал он.— К примеру, возьмем стекла. Резать их надо с умом. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Если будешь нажимать без наклона, стекло — треск! — и разлетится на четыре-пять кусков. А если так вот, с расчетом и наклоном...— дядя Сафиулла приложил к стеклу деревянную линейку с медными концами, резко прочертил черту алмазом, и после осторожного постукивания стекло, тренькнув, разделилось на две равные половинки.— Всякому делу нужен свой порядок...

Ребята слушали его, переминаясь, как гуси весной, с ноги на ногу. Когда же он их поведет к начальнику?

А старик все говорил и говорил. Руки его бережно держали рабочий инструмент, лицо горело, как у человека после жаркой бани. Вот он, будто почувствовав нетерпение ребят, нахмурил брови.

— Спешить не будем... Придется подождать, ребята.

— Но ведь мы договорились, дядя Сафуилла,— напомнил Ваня.— Вы же сами обещали уговорить начальника.

— Говорил...

— Ну и что?

— Годков не хватает. Надо подрасти немного.

— А мы уже выросли,— заверил Харис.— Или сил у нас нет? — согнул он руку.— Потрогайте!

— Вижу, вижу, ребята,— усмехнулся дядя Сафиулла.

— Раньше с двенадцати лет работали,— заметил Ваня.— Сами же рассказывали, что не было вам двенадцати, когда спустились в шахту.

— Раньше — другая статья,— сказал дядя Сафиулла.— В те времена богатеи даже детей заставляли работать, строить себе дворцы. Но сейчас, брат, шалишь, закон защищает. Пока не окрепнешь, то будь хоть богатырем, на работу не возьмут. А если какой начальник и возьмет, перед судом ответит... Может вам удастся в ученики определиться? Но только смотрите, чтобы не пришлось мне за вас краснеть.

В это время дядю Сафиуллу позвали к другому трамваю. Там оказалось разбитым боковое стекло в кабине водителя. Дядя Сафиулла сразу нахмурился.

— Разбойники! — сказал он.— Швырнули камнем. Да почернеют их лица!

В депо, звеня колокольчиками, входят один за другим трамваи. Они останавливаются над ремонтной ямой. Из красных дверей, держа в руке железный ключ, выходит к рабочим водитель — он что-то говорит им и, нагибаясь, показывает вниз, под колеса. Рабочие в промасленной одежде, выслушав его, постукивают молотками, подкручивают гайки, смазывают оси... Водитель, играя волшебным ключом, идет в красный уголок. Смотри, как важно шагает он! Будто хозяин всего парка. Мальчишки провожали водителя горящими глазами. Неужели не судьба им... также вот пройти...

Наконец, дядя Сафиулла кончил свои дела и сказал ребятам:

— Попробуем зайти к начальнику. В добрый час!

Они прошли по всему депо к двухэтажному зданию из красного кирпича и поднялись наверх по лестнице с блестящими перилами. Миновали двери с табличками «Завком», «Бухгалтерия», «Осоавиахим», остановились у таблички «Начальник».

— Подождите немного здесь, ребята,— сказал им дядя Сафиулла, почему-то чуть ли не шепотом.— Сейчас я зайду, сам узнаю.

В полутемном коридоре ждали его довольно долго. Ваня, потеряв терпение, начал заглядывать во все двери,— чуть приоткрывая их и высматривая, чем там заняты люди. Сидевшие в кабинете его не замечали. На дверях без табличек масляной краской были написаны крупные цифры. Ваня, приоткрыв одну такую

дверь, обнаружил там не кабинет, а квартиру. В комнате мальчишка лет двенадцати, худой, с большими черными глазами, склонился над примусом. Руки его и рубашка вымазаны копотью. А лицо сияет, будто сотворил невесть что.

Подошел Харис.

— Ты чего,— упрекнул он Ваню,— заглядываешь в чужие квартиры?

— Потише.

Услышав их разговор, мальчишка посмотрел на дверь.

— Спичек у вас нет? — спросил он мирным голосом.— Вот примус починил. И надо бы зажечь...

— Не курим,— ответил Харис.

— А чекалки?

Ребята не поняли.

— Так называют зажигалку,— пояснил мальчишка.

— Нет и чекалки,— ответил Харис.

— А ты от проводов зажги,— посоветовал Ваня.

— Как?

— Очень просто. Вату надо всунуть.

Мальчишка усмехнулся:

— Так тебе и поверил.

Ваню охватило нетерпение. Смотри-ка, не умеет огонь добывать! Вроде бы хороший мальчик и надо бы научить его.

— Давай покажу.

Мальчишка поморщился:

— Только болтаете.

— Это мы болтаем? Тогда смотри. Только чур не обижаться, что я подрежу. И вату давай.

— Не обижусь,— ответил мальчик и поинтересовался:

— Можно потом соединить?

— Конечно.

— Раз так, чего разговаривать. Айда, входите...

Ваня взял нож, кивнул Харису на выключатель, чтобы свет погасил, отрезал шнур в углу и зачистил концы провода. Затем, включив ток, сунул в оголенные провода вату, которую подал мальчишка. Вспыхнули сине-зеленые искры в углу, и вата затрещала, наполняя комнату паленым запахом.

— Здорово! Здорово! — захлопал мальчик в ладоши.

— Теперь я сам! — Он выдрал из матраса вату, быстро забрался на табурет и сблизил концы провода...

От блеснувшей молнии в углу и взрыва ребята растерялись. Напуганные, оба выбежали в коридор. Там было темно. С грохотом распахивались двери комнат, слышались тревожные голоса.

Ваня предложил:

— Удерем отсюда подобру-поздорову!

— Нельзя... Может, мальчишке плохо.

— Ничего не случится.

И действительно, тот появился в коридоре. Отчаянно всхлипывая, он звал соседей на помощь. Люди сбежались к нему с двух сторон. Кто-то зажег свечу — и мальчика расспросили. Он оказался хуже старой мельницы: выболтал все, как сорока. Люди уставились на Ваню и Хариса.

— Как же вы смели? — крикнул им высокий дядя.

Но другой, пониже, в черном костюме, сказал уже не им, а дяде Сафиулле:

— Так вот они какие, твои орлы, Сафиулла Калимуллович!

— Не знаю, что и сказать вам, товарищ начальник...

— Это не водители, а шпана какая-то! Если взять их на работу, завтра же красного петуха нам пустят — сгорят все трамваи... Вон отсюда, поджигатели!

Ваня не помнил, как сбежал по лестнице и расстался на углу с Харисом. В голове кружились, как пчелиный рой, разные мысли: работа, новый костюм, ботинки, хлебные карточки... Дома сейчас ни куска, и негде заработать... Иногда видишь такой длинный, утомительный сон. Ходишь-ходишь, а глаза уже и черное, и белое не различают, все вокруг как в тумане. Зачем они встретили этого бестолкового мальчишку? Если бы не попали в беду, может, и приняли бы. Нет уж, нет. Кому, говорят, не повезло утром, тому и вечером не повезет...

Ваня вышел на берег Казанки. Вот он, Федоровский холм. Лет сорок назад приходил сюда Пешков. Может, именно тут он и встретил Мустафу Юнусова. Тропинка, покрытая галькой... Кому отступать уже некуда, здесь, действительно, край — дороги дальше нет... И была тогда темная ночь зимой. А сейчас летний день, улыбается в небе солнце. И как четко видны крутые берега Казанки, сверкающая вода в реке, ивняк на том берегу и равнина за ним с крохотными домами поселка. Да и тропинка не обрывается, а опускаясь по склону, ведет на золотистый пляж.

СНОВА У КОСТРА

В небе что-то затарахтело. Самолет! Вот он летит над Казанкой, раскинув крылья, похожий на большую птицу.

«Не тот ли?»— подумал Ваня, вспомнив, как зимой с ребятами бегал смотреть самолет, опустившийся невдалеке от Арского поля. То был, говорят, первый самолет, пролетевший над Казанью. Село в него девять пассажиров. Последним, десятым, поднялся летчик, в очкастой кожаной шапке, в собачьих меховых сапогах. Он помахал рукой провожающим и захлопнул дверцу. Поднимая снежный буран, самолет прокатился по ровному полю и вскоре поднялся в небо. Сказали, что полетел в Тобольск. И фамилию летчика назвали: Бабушкин.

Уж не вернулся ли он из Тобольска? Смотри, как весело тарахтит! Спасибо, летчик Бабушкин! А вот у Кабушкина дело пока не клеится — даже водителем трамвая не берут!

Ваня посмотрел вниз, на берег, и нашел то место, где горел вчера их прощальный костер. Там осталась одна зола да вокруг, напоминая обрубленные топором бараньи ножки, лежат обугленные сучья. Облизанная жарким пламенем, трава пожелтела, торчит пучками, как волосы на голове после неумелой стрижки.

Вчера с вечера ученики седьмого класса в последний раз веселились у этого костра до глубокой ночи. «Летите, соколы»...— запало на прощанье...

А сегодня... Ваня усмехнулся, вспомнив, как час назад они с Харисом летели с лестницы. Выгнали, будто ногой пинули. Но это ничего, заживет. Лишь бы только не раскиснуть. Попробуем... Но вот где бы поесть? Не сходить ли на луг? Поискать там дикий лук и щавель...

Неожиданно вышел из кустов Нигмат. В руке у него сумка, во рту папироса.

— Ищешь? — спросил он, ухмыляясь.

— Кого?

— Мой ножик. Вчера посеял.

— Ничего не знаю.

— Не заливай.

— Нет, серьезно.

— Зачем же тогда пришел?

— Проветриться.

— Понятно. Скучаешь по вчерашнему. Любовь она такая.

— Молчи, Нигмат.

— Молчу, молчу, командир. В «Электро» идет «Абрек-Заур». Покатили?

— В кармане пусто.

— Найдешь мой ножик — билеты сам беру.

— Спасибо.

— А где же твой закадычный друг? Постой! Не говори, я сам скажу, по картам.— Нигмат вытащил из кармана колоду карт и, присев на корточки, начал разбрасывать их на песке:— Валет бубен, десятка, дама, король червей, туз... Ага! Вижу дорогу в казенный дом. Вдвоем ходили? А! Крики, ругань, скандал. Король разъярился...

— Не трави,— сказал ему Ваня.— Собери свои карты... Хариса видел?

— Да. Грустный, словно только что уронил в речку топор.

— Не взяли нас на работу,— пожаловался Ваня и, тяжело вздохнув, рассказал Нигмату всю эту невеселую историю.

— Все равно вас не взяли бы,— решил Нигмат.— Потому что нет паспорта: шестнадцать не исполнилось. Вы пока несовершеннолетние.

— Что же нам, несовершеннолетним, вешаться на крючок?..

— Терпи, Кабушкин, атаманом будешь. Я вот надумал работать в Устье, как только сплав начнется. Но тоже осечка. Даже поденщиком не берут. Если что, мол, с тобой случится, покалечишься, мне крышка,— говорит начальник.

— Что же делать?

— «Не тлеть, гореть огнем! — как вчера говорили.— Вы можете стать, кем хотите. Для вас все дороги открыты...»

Они спустились на берег и подошли к месту вчерашнего костра.

— Вот она, жизнь какая,— вздохнул Нигмат, ковырнув носком золу.

За кустами послышался приглушенный свист. Вскоре сквозь ивы на реке показалась лодка. Широкоплечий парень с коротко постриженными волосами, хлюпая веслами, пытался повернуть ее к берегу. Сразу видно, что на это нет у него сноровки, хотя в руках силы

достаточно. Верхняя губа парня рассечена рваным шрамом, рукава трикотажной шелковой рубашки закатаны по локоть, на правой руке тушью наколото изображение кинжала.

На корме — Гумер Вафин. Он пытается уверить в чем-то Губу со шрамом, на лице которого заметно беспокойство. Когда они перестали шептаться, к ним подошел Нигмат. Мальчишки что-то взяли в кустах и положили осторожно в лодку. Ваня, повернувшись, пошел своей дорогой, но его тут же окликнули.

— Подойди-ка сюда, кореш,— сказал Губа со шрамом.

— Иди, Ваня,— подхватил Гумер.— Не бойся.

Ваня вернулся. Нигмат уже и в лодку залез... А кто же он, этот Губа? Рыбак? Не похоже. Но парень ловкий.

— Уступите-ка место ему,— сказал Губа, улыбаясь.

— Бредень? — спросил Ваня, увидев на дне лодки что-то, завернутое в брезент.

— Какой там бредень!

— Давай орлы! Хватайте весла! Навались...

Лодка, рассекая носом воду, мчится быстро. Казанка хоть и узкая река, но в этом году воды в ней много. Слева Кремль с белыми, как сахар, стенами, справа зеленый луг, а подальше Козья Слобода, разделенная надвое проезжей дорогой. Вон сколько там всяких машин и повозок.

— Полный вперед! — подал команду Губа и, почему-то съежившись, пересел на дно лодки. Когда лодка проскочила под мостом, он сел на свое место и начал хвалить Ваню: дескать, парень серьезный, можно с таким на любое дело. Не подведет. Гумер, улыбаясь, подмигивал Ване: слушай, он правду говорит...

— Сегодня устроим прощальный вечер,— сообщил Губа.— На лоне природы. Ох и кутнем в свое удовольствие! — Раскинув руки, он притопнул по дну лодки ногами.

— Ване сейчас не до веселья,— сказал Нигмат.— У него неприятности. Ходил поступать на работу, а начальник прогнал.

— Это по какому же закону? — возмутился Губа.— Хотя, правда, закон — тайга, медведь — начальник...

— Говорит: несовершеннолетний...

— Этот парень-то несовершеннолетний? Да мы с ним гору сдвинем! Посмотри на его пальцы: червонцы

ими считать!.. Ничего, браток, не горюй. Найдем какое-нибудь средство наказать начальника,— пообещал Губа и вдруг скороговоркой запел татарскую шуточную:

Эх, мир-колесо,
Повернешься — не достать,
Но пока еще мы живы,
Нам на землю надо встать.

— До чего же люблю на лодке плавать! Вода кругом. А воздух! Теперь давайте русскую,— предложил он и тут же, склонив голову набок, затянул «Черного ворона». Его поддержал Гумер. Но петь им долго не пришлось. Нигмат круто повернул направо, и лодка уткнулась носом в густые заросли. Губа что-то шепнул ему на ухо, и тот, схватив сумку, прыгнул на берег.

— Куда? — спросил Гумер.

— Сейчас вернется,— кивнул Губа, вылезая из лодки.

Гумер и Ваня тоже вышли... Молодые ивы расступились. Ветром донесло запахи дыма, вареного мяса. Улыбающиеся девушки в коротких платьях, с модными серьгами в ушах, сидевшие на поляне вокруг ведра над огнем, вскочили разом и, прихлопывая и напевая: «Ай, Вано, ай, Вано!» кинулись к Губе.

Из-за кустов с охапкой сухих веток вышел чернявый парень.

— Опять привез... Заждались тебя,— пожаловался он, кивнув на ведро.

— Для терпеливого на донышке золото.

— Вано! Так может говорить скучный старец! — обиделась одна девушка.

— С лягушачьей кровью! — добавила другая.

Губа сложил руки на груди.

— Виноват,— сказал он, поклонившись.— Вину свою исправлю.

Девушки захохотали. Но Губа тревожно погрозил им пальцем.

— Это уголок рая,— успокоил его чернявый,— кругом ни души.

— Трус!.. Трус! — упрекали девушки, присаживаясь на траву.

— Береженого бог бережет.

— Если парень, пусть он будет огонь! Я только таких люблю,— похвалилась первая девушка, игриво приглашая Ваню:— Садись ко мне, малыш. Конфетку дам...

Когда уселись на поляне в круг, чернявый достал из полотняной сумки несколько бутылок водки и два стакана, выстроил их в ряд. Нарезали свежий хлеб, из ведра на газету вывалили большие куски мяса. У Вани глаза разгорелись.

— Пировать так пировать! — сказал Губа, обнимая сидевших рядом с ним девушек.

Одна погрозила пальцем. Другая подула на кусок горячего мяса и, надкусив его, передала Губе:

— Возьми, попробуй.

Мальчишек не стали уговаривать. Гумер ел за двоих, Ваня тоже, обжигаясь, не отставал от него.

Вскоре вернулся Нигмат. Ему протянули штрафную — стакан водки. Тот, не поморщившись, выпил ее залпом.

— Ого! — сказал Губа.

— Молодец! — похвалили обе девушки.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Чернявый оказался фотографом. Он вытащил из-под сумки треногу, поставил аппарат и, нацелившись, щелкнул затвором. Как нарочно в этот момент Ваня держал в руках большой кусок мяса. И вдобавок одна из девушек неожиданно прижалась к нему плечом. Он отстранился, хотел даже встать, но девушка удержала его за локоть:

— Сиди!

Чернявый парень вытаращил глаза.

— Ты что кривляешься как девица? — крикнул он раздраженно.— Из-за тебя снимок испортил. Смотри, если не получится...

— Еще раз щелкнешь,— усмехнулась девушка.

— По затылку!

Девушка протянула Ване стакан водки:

— Пей! Не расстраивайся.

Он отказался.

— Пей! — потребовал чернявый.— Не ломайся! Ты куда попал? Среди волков по-волчьи вой, не то...

Губа не дал ему договорить. Он положил на его плечо свою руку, и тот отстал, поворчав, как пес, почуявший волю хозяина.

— Так не делай,— упрекнул Губа.— Эти парни другой породы. Бульдог не любит, когда повышают голос. Животное деликатное... Пойди-ка, девушек покатай на лодке. А мы здесь поговорим по-мужски.

Чернявый подмигнул девчатам. Они послушно встали, поглядывая на Губу, и нехотя пошли к берегу. Вскоре там затренькала гитара, зазвучала волнующая, полная горечи цыганская песня.

Лодка заскользила вниз по течению.

Губа, лежа на боку, долил свой стакан до краев и швырнул пустую бутылку в заросли. Затем, резко дернувшись, опрокинул стакан в рот и вытер губы тыльной стороной ладони. Из сумки Нигмата достал еще две бутылки.

— Рая правду сказала,— начал он чуть охрипшим голосом.— Если парень — гори огнем, а не тлей головешкой. Все вы, надеюсь, не такие, чтобы только дым пускать. Вижу, на вас положиться можно. Деды наши говорили: парню мало знать и семьдесят ремесел. Добавляю к этому: парень должен уметь и работать, и жить! С какой стати вы живете сейчас в нужде? Или денег достать не можете? Чушь! Просто не знаете, куда приложить свои силы. Да и хода вам не дают! А раз так, и просить их незачем, этих начальников.

Молодое время, смелое время,
В руке нож...
Пей да ешь,
Играй да смейся —
Этот суетный мир
Останется и после нас!..

«Он, оказывается, еще и неплохой артист,— удивился Ваня,— умеет заливать, чтобы ему в рот смотрели».

Губа тем временем продолжал расхваливать ребят уже окрепшим голосом:

— В этом деле Нигмат не промах. Толк из него выйдет. Молодец! Люблю таких.— Он кивнул ему на бутылки.

Потерявший голову Нигмат неожиданно взял стакан и, широко раскрыв глаза, будто исполнял какое-то святое дело, начал пить водку большими глотками.

— Не дури, Нигмат, опьянеешь! — сказал Ваня.

— Дудки! Не первый день замужем. Я веселье люблю...

— Лихач какой нашелся. Так и до беды недалеко.

Губа успокоил:

— Он свою норму знает... Очередь твоя, Гумерка! Покажи себя султаном. Ты ведь не из потерянных, друг мой. Руки у тебя золотые.

Гумер, не раздумывая, взял другой стакан и опрокинул его так же лихо, как это делал сам Губа.

— Ну, Ваня... Знаю, ты — бесстрашная душа и прозвище твое недаром — Жан. Подними-ка свой стакан да покажи, на что способен.

Губа даже пропел:

— Водку пей, кури табак,
Водка разгоняет кровь...

— Давай, давай,— торопил Нигмат.

Ваня взял стакан, поднес его к губам. Какой противный запах! Сердце вдруг запрыгало, заныло. А что если не пить? Ребята скажут: неженка, боится водки.

— Не тяни,— напомнил Гумер.— Живую воду пить не грех...

Ваня, решив покончить одним разом, запрокинул голову и набрал полный рот водки. Но проглотить ее не удалось. Он захлебнулся и прыснул обжигающей рот жидкостью на кусты.

— У, сколько водки пропало! — заныл Нигмат.

— Ничего. Первый блин комом,— сказал Губа.

Ване вдруг стало весело. Вроде и горя никакого не было. И сидящий с ним рядом Губа тоже показался не чужой. Светло-зеленая трава, нежная, как бархат, яркие цветы вокруг, лениво шелестящие листья и небо, такое чистое, синее, как глаза младенца,— на все это гляди — не наглядишься.

— До чего же тут красиво,— сказал он Гумеру.

— А на море сейчас и того красивее,— вмешался Губа.— Мы не сегодня — завтра выезжаем в те края, с Нигматом. Айда с нами, Ваня. Мир увидишь.

— Я тоже поеду,— заявил Гумер, пересев поближе.— Чем ходить здесь голодным...

Ваня развел руками:

— Никаких справок у меня нет.

— Чепуха! Мы тебе достанем паспорт, какой только пожелаешь. Добавим два года и будешь совершеннолетним.

— Раз так, давайте! — обрадовался Ваня.— Сразу же на работу примут.

— Работа — не волк, в лес не убежит,— усмехнулся Губа.

— От работы лошадь подыхает,— сказал Нигмат.— Научись жить богатым без работы.

— Как?

— Найди такой способ.

— На морском побережье — там просто,— улыбнулся Губа и рассказал, как в прошлом году, выгружая пароходы, заработал гору денег.

— Больно далеко,— вздохнул Ваня.— Один только билет чего стоит.

— Если провернем одно дело, мы тебе одолжим,— пообещал Губа.— Только бы найти ключ от сундука.

Ваня удивился:

— Какого сундука?

— Обыкновенного. Окованного железом. Когда приоткроешь, внутри колокольчик играет.

— Такой сундук, говорят, есть у Пелагеи Андреевны,— заметил Гумер.

— Есть,— подтвердил Ваня. Он вспомнил, как однажды Пелагея Андреевна попросила перенести сундук в темный угол. Они с Харисом не смогли сдвинуть его с места, тогда старуха открыла сундук и извлекла часть содержимого. Весь стол завалила какими-то чашами, крестами, подсвечниками, блестящими коробками. Загорелись глаза мальчишек, но Пелагея Андреевна и близко их не подпустила. Как только сундук установили, быстро спрятала и заперла все предметы. Звон колокольчиков издавал какую-то красивую мелодию.

— Вот бы ключ одолжить у нее. А то ведь ломать жалко,— сказал Губа.

— Так она и даст! Не зря ее зовут Пелагеей Андреевной.

— Говорят, у нее в сундуке золотые кольца, браслеты,— продолжал Губа.

Гумер добавил:

— Должно, и револьвер там лежит. Именной. Мужа когда-то наградили.

— Сундук очень тяжелый. Там, наверное, и пушка есть! — признался Ваня.

— Ключ-то где хранит старуха?

— На поясе.

— Надо бы его добыть...

— Это в два счета нам сделает Жан, шахиншах поля Ершова.

— Старуха живой ключа не даст,— заверил Ваня, почувствовав что-то неладное.

Губа сказал ему:

— Надо бы сделать отпечаток на мыле.

— Зачем?

— А чтобы такой ключ сварганить.

— И заглянуть в сундук? Послушать звон колокольчика? — усмехнулся Ваня, поняв, куда его толкают.

— Не будь ребенком, парень,— сверкнул глазами Губа.— Налей, Нигматка, пусть промочит горло.

— Я не буду пить,— отказался Ваня.

То ли от страха, то ли от предчувствий он вздрогнул. Нет, пожалуй, нельзя выступать ему против таких открыто. Пырнут в живот ножом — и все. А тело бросят в речку. Надо с ними осторожней...

— Пей! — потребовал Губа.— Не маленький.

Ваня взял стакан и, задыхаясь, выпил два глотка.

— Закусывай. Теперь ты наш. Отступать уже некуда, все мосты сожжены.

— Какие мосты? — не понял Ваня. Голова у него закружилась, и он почувствовал, что куда-то проваливается.

— Ты уже совершил одно преступление,— продолжал Губа, усмехаясь.— Приехал с нами по воде в такую даль...

«Зачем я только сел с ними в эту лодку? — подумал Ваня.— Лежал бы сейчас на берегу под солнцем — и горя мало... Как теперь выбраться из этого болота?..»

Губа тряхнул его за плечо:

— Доедай козу!

— Какую?

— Краденую!.. Обгладывал козью ножку? Пил водку? Чернявый сделает карточку — там все будет видно, с кем ты обнимаешься... Отошлем ее куда надо и — прощай, Казань, здравствуй, Колыма!

— Зря упираешься, Ваня,— вмешался в разговор опьяневший Нигмат.

Губа вытащил из-за голенища блеснувшую на солнце финку с черной рукоятью и потрогал пальцем ее лезвие. Вот, мол, какие штуки у нас имеются.

— Не ты первый, не ты последний,— сказал Гумер.— Одни казну воруют, в карманы лезут... А мы берем только лишнее — детей не обижаем.

— Стариков, значит, можно?

— Ты о Пелагее Андреевне? Зачем же две козы этой кикиморе? Молоко все равно продает, богатеет. На том свете ей ни денег, ни золота не потребуется.

— Если эти нэпманы рассуют все богатство по своим сундукам, что же государству останется? — спросил Губа.

«Да этот Губа не только артист, но еще и философ»,— подумал Ваня.

Нигмат неожиданно приподнялся на колено и, желая поддержать разговор, начал декламировать:

— Спасибо, мама, за то, что меня родила.
Не засыпая длинными ночами,
Пела мне песни, смотрела за мной...
В твоей тяжелой темной жизни
Я не смог стать помощником,
Однако
Для трудной борьбы, для великих лет
Нужно было мое рождение.
Проказник я был.
И поэтому, наверное,
Не подумал, что — грех какой:
В синюю ночь
У старухи-соседки
Выкрал белого петуха...

— Кто это написал? — поинтересовался Гумер.

— Знаменитый Хади Такташ,— ответил Нигмат.— В нашем возрасте и он крал петухов. Раз ему годился белый петух, почему же нам не пригодна белая коза? Мы ее законно взяли. На работу нас не берут. Хлеб, что нам дают по карточке,— два раза куснуть. Куда же податься? Давать спокойно жиреть нэпманам? Дудки, надо грабить их! А ты нас гонял, как голодных собак вокруг церкви...

— Зачем? — удивился Губа.

— Разделились на красных и белых,— пояснил Гумер, ухмыляясь.— Ни за что ни про что врагами стали.

— А чего делить,— сказал Губа.— Уже давно все разделено без вас: начальники и работяги. Так что не играть надо, а действовать. Ты, Ваня, должен достать нам ключ. Остальное мы сами сделаем.

Наступило молчание.

— Можно идти? — нарушил его Ваня.

— Воля твоя. Но если подождешь немного, можешь вернуться по воде, на лодке.

— Нет уж, спасибо. Я пойду пешком...

Вот тебе и не чужие! Сейчас и бархатная травка, и голубые цветы на лугу, и деревья с шумящими листьями на ветру, и небо такое чистое и синее — все вдруг потускнело и погасло. Ваня, продирая плечами ветки, шел напролом, куда глаза глядят. Почему-то и птиц уже не слышно. Может, они спрятались в тени,

разомлев от жары, а может, и притихли встревоженные черным делом, возложенным на его плечи...

Показался берег. Вон уже и Бишбалта виднеется. Пригородная слобода Казани. Так называют ее татары: Бишбалта, значит — пять топоров. А русские называют слободу Адмиралтейской.

Да, хорошо было в школе. Встанешь утром, схватишь сумку и бежишь на уроки. А сейчас какое занятие? На работу не взяли. Вот и слоняешься день-деньской без дела. Гумер и Нигмат пристроились к этому Губе со шрамом. Нет, Ване теперь ясно: без работы он жить не сможет. Надо же, все так обернулось в трампарке... Сам виноват. Больше никогда он не притронется к электричеству...

Ваня вышел на протоптанную тропинку. Недавно здесь кто-то проехал на велосипеде — тянется узорчатый след колес. Вот бы самому промчаться! Вихрем! Или прокатить кого-нибудь, Тамару, например. Она такая легкая... Только вот на велосипеде, о котором он мечтал давно, с детства, пока другой катается. Нет, Ваня больше не пойдет по чужой тропинке, чтобы не завидовать чужому счастью. Он свернул в сторону. Трудно продираться меж кустов, но что поделаешь. Пусть ветки хлещут по лицу, хватают за рубаху, он все равно пройдет. Напрямик! А это вот сгнившее дерево на земле придется обойти. Голые ветки торчат, как руки. Рядом растут колокольчики. Может, собрать их? И незаметно положить на ее подоконник. Самому показаться неудобно. А так... Он шагнул к бревну и тут же остановился: рядом с цветами грелась на солнце большая змея. Она собралась в кольцо и, подняв голову, смотрела на Ваню. Сейчас ужалит. Он осторожно пошел направо, прислушиваясь — не ползет ли за ним змея. Уши словно выросли на вершок, и он готов был прыгнуть от малейшего шороха в сторону.

В небе, редко-редко взмахивая крыльями, кружит беркут. А может, ворон? Нет, у ворона крылья поменьше. Смелость и отвага беркута всегда привлекали Ваню. Однажды он видел, как беркут охотился в открытом поле на зайца. Но здесь, у Казанки, зайцев нет. Чего же он ищет? Не Губу ли? — усмехнулся Ваня. Вот было бы здорово!

Да, надо быть в жизни таким же бесстрашным, как беркут. А вот он испугался, не смог нарвать колокольчиков. Правда, если поискать их, они, пожалуй, везде

растут. Лишь бы только змею не задеть ногами. Сколько злобы в ее маленьких, зеленоватых, как две бусинки, глазках! Так же холодно глянул на Ваню Губа, играя финкой. Тоже поджидает свою жертву. На этот раз выбрал Ваню. Если не сделает на мыле отпечаток заветного ключа Пелагеи Андреевны, эта ядовитая гадюка может и ужалить его сзади...

Ваня поднялся на трамвайный путь и по шпалам неторопливо зашагал к городу. Купить билет — денег не было, а проехать зайцем — не хватало совести. Ничего, можно и пешком дойти.

Весело позванивая, догоняли его трамваи: Ваня уступал им дорогу и, помахав рукой водителю, продолжал шагать по шпалам дальше.

На Волге простуженно загудел пароход. Это «Волгарь», который ходит между Казанью и Верхним Услоном. Пароход всегда забит едущими на базар людьми. Полно там и всякой шпаны,— если будешь ротозейничать, говорят, обворуют в два счета.

Навстречу попался воз. Мужчина средних лет сошел с телеги, осмотрелся по сторонам и забросил в бурьян у дороги две доски. «Чумара!» — сказал и проехал мимо. «Все воруют,— подумал Ваня.— Может, и правы мальчишки?».

Сзади снова зазвенел трамвай. Ваня бросился в сторону, и вагон, громыхая, промчался мимо. Кто-то, кажется, крикнул его имя. Да, на подножке передней двери вагона висел Нигмат. Волосы его растрепаны ветром. Вон он, удерживаясь рукой за поручень и упираясь ногами в нижнюю ступеньку, отклонился от вагона и крикнул:

— Два дня тебе сроку! Два дня-я!..

Он хотел еще что-то добавить, но вдруг ударился головой об столб и тут же, потеряв сознание, рухнул под колеса.

— Нигмат! Нигматка-а! — подбежал к нему Ваня.

Трамвай, взвизгнув тормозами, остановился. Но было уже поздно. Лежавшее в луже крови за трамваем тело не двигалось. Ваня склонился над приятелем и, чтобы не зареветь от горя, закусил губу.

Из трамвая вышел народ. Водитель — женщина, закрыв лицо руками, начала тихо всхлипывать:

— Пропала я, пропала! За то, что человека задавила,— десять лет...

— Не плачь,— сказал ей один пассажир,— без проверки не посадят.

— Погибший сам виноват,— заявил другой.

— Он же на подножке висел.

— И от него водкой несло.

— Ох, уж эта водка.

— Да, кого только не губит!

— И сейчас, видно, ехал за водкой, несчастный. Посмотрите!

У Нигмата из карманов торчали пустые бутылки, заткнутые свернутыми в пробку бумажными деньгами.

— Кто-нибудь знает парня? — спросил мужчина.

— Это Нигмат Хантемиров,— еле произнес Ваня.— Живет на улице Карла Маркса в сорок первом доме.

— Жил,— поправил его мужчина и, вытащив из трамвая старую рогожу, накрыл ею безжизненное тело Нигмата.

МОЖЕТ, УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМА!

Домой Ваня добрался, еле волоча ноги. Он выглядел таким уставшим, будто не спал двое суток.

— Что случилось, Ваня? — спросил Николай, сидевший за столом и что-то вычислявший на бумаге.— Не болеешь ли? На тебе лица нет.

— Болею... дурная болезнь ко мне пристала.

— Давай ложись. Я врача вызову.

— Незачем. Врач не поможет.

Николай встревожился.

— Не бредишь ли? — Он встал из-за стола и, укладывая брата в кровать, снял с его ног запыленные сандалии, расстегнул ворот рубахи.— Смотри, как похудал! И голова горячая. Может, есть хочешь?

— Нет, я сыт.

— А мать и твою долю положила мне в мешок. Приехал на место, гляжу: в мешке дней на десять еды.

— Лес сплавлять — не легкое дело!

— Ну, ну, рассказывай... Что случилось?

— Нигмат погиб...

— Какой Нигмат?

— Хантемиров. Тот, что все время насвистывал. Сын соседа.

— Ну и что?.. Как говорит мать Хариса, пусть и ему будет место в раю.

— Это я убил его.

— Как?! — диким голосом крикнул Николай, ухватив братишку за грудь.— Своего приятеля? Чем? За что?

— Его трамваем задавило.

Николай осунулся и, помолчав немного, переспросил озабоченно:

— Трамваем?

— Да.

— Не столкнул же ты его нечаянно с подножки?

— Нет. Я шел домой.

— Ну и что?

— Нигмат на подножке висел. Увидел меня и крикнул. Потом головой об столб...

Николай облегченно вздохнул:

— А я уж не знаю что подумал. Сам виноват он. Если бы не висел на подножке...

— Нет, если бы не увидел меня...

— Перестань. Смерть не бывает без причины... Что же он крикнул?

Ваня запнулся. Как быть? Если он скажет Николаю последние слова Нигмата, брат начнет копаться. И тогда уж заставит рассказать обо всем.

— Я не расслышал,— сказал он и смутился, почувствовав, что сам вырыл яму на своем пути.

— Отдохни. Сейчас у Пелагеи Андреевны молока возьму. Я на этот раз неплохо заработал.

Ваня встрепенулся, как ужаленный.

— Спасибо, Коля, не ходи!

— Молоко для больного — самое надежное лекарство. И мать сейчас вернется — пошла в магазин... Отдыхай пока. Я мигом...

Николай, взяв из посудного шкафа плошку, вышел.

Ваня забеспокоился. Ведь старший брат еще не знает, что самую дойную козу Пелагеи Андреевны украли на Казанке и зарезали. Если бы узнал, что к этому делу в какой-то мере причастен и его младший брат, не пошел бы к соседке за молоком, а потащил бы Ваню для допроса в милицию. Говорят, взъярись корова, станет она прытче лошади, так и старший брат, если разгорячится — не остановишь. Ну, будь что будет, решил Ваня. Скоро вернется мать... Не лучше ли убежать из дома? Пока не поздно. Потом вернуться дней через десять, когда все уляжется... Или лучше пойти к Николаю Филипповичу. Рассказать ему обо всем и попросить совета. Но как смотреть ему в глаза?

Стыдно перед ним... Погиб Нигмат... Как сказать об этом Николаю Филипповичу?..

Ваня откинул одеяло и сел, свесив ноги. Потом, придерживаясь руками за железную спинку, попытался подняться, но руки словно приросли к железу — не хотели отпускать его из дома. В голове застучали две мысли: одна — уходить, пока не поздно, другая — подождать немного.

Ваня еле-еле подошел к сандалиям, поставленным братом у порога. Вот они, стоят наготове, будто сами приглашают: воткни, мол, свои ноги. Он обулся, застегнул сандалии. Но когда взялся за ручку двери, сердце его вдруг екнуло.

«Да! — вспомнил он.— Забыл кепку!» Пока снимал ее с вешалки, увидел отцовскую фотографию на стене. Склонил перед ней голову. Затем, не выдержав, подошел к неубранной постели, поправил одеяло, подушку и сел на кровать совсем притихший.

— Недоваренный!..— ругнул он себя шепотом.

С плошкой молока вернулся Николай. Увидев брата в кепке и в сандалиях, удивился:

— Ты куда?

Ваня промолчал.

— В дорогу собрался?

— Да. Куда глаза глядят.

Николай быстро поставил молоко на стол и сел рядом с Ваней.

— От себя не убежишь,— сказал тихо.

Ваня, уткнув лицо в грудь брата, заплакал. Николай вдруг почувстовал себя виноватым: всегда он был строгим, требовательным и, пожалуй, никогда еще не разговаривал с младшим братом откровенно.

— Выпей молока, Ваня...

Тот мотнул головой: не хочу, мол. Но когда брат поднес ему плошку, он взял ее и начал пить.

— Она позвала тебя ночевать,— сообщил Николай.— Одна, говорит, боюсь. Ночью ходят вокруг какие-то подозрительные люди.

Пелагея Андреевна каждый раз, когда мужа не было дома, приглашала Ваню и Хариса. До полуночи рассказывала им разные истории, пока ребята не засыпали. Вот и на этот раз приглашает...

Голова у него закружилась.

— Мне тошно,— сказал он брату.

— Но молоко ведь свежее.

— Не от молока.

Он подошел к умывальнику и склонился над ним, задумавшись.

— Хочешь умыться?

— Нет,— сказал Ваня.

Его тотчас вырвало.

— Может, водку пил?

— Немножко...

— Та-ак...— Николай тяжело вздохнул.

Мимо окна проследовала тень.

— Мать пришла. Постарайся, чтобы не узнала,— попросил Николай и снова уложил брата в постель, сняв с него кепку и сандалии.— Спи, не беспокойся...

Но спал он тревожно, всю ночь разговаривал во сне и с кем-то ругался. Утром его не разбудили, оставили одного в доме, закрыв ставни окон и заперев дверь снаружи. Харис, пришедший звать его проститься с Нигматом, потоптался у крыльца и, пожав плечами, ушел к соседу.

Нигмата провожал весь двор. На выносе гроба мать, не выдержав горя, свалилась на пороге без сознания.

...В одиннадцатом часу кто-то постучал в окно. Быстро и настойчиво. На стук Хариса не похоже, Ваня выглянул из-под одеяла и вздрогнул: приоткрыв ставень, тренькал по стеклу Гумер.

«Начали преследовать!» — подумал Ваня и снова закрылся одеялом. Осталось полтора дня... Зачем же приходил этот косой черт? Во всяком случае, не для того, чтобы спросить о здоровье. Не иначе, выполняет поручение Губы со шрамом. Волнует ли его смерть Нигмата? Нет, наверное. Беспокоится лишь о том, что не стало верного исполнителя.

Через открытую ставню узкой полосой врезаются в комнату лучи солнца. Сколько частичек пыли медленно кружится в этой полосе! Откуда ее столько? Летают светлые точки роем, и ни до кого им дела нет. Умерев, человек, наверно, тоже превращается в такую пыль. Становится никому ненужным. Его забывают. Нигмата тоже забудут. Кроме родной матери, кто его вспомнит? А ведь некоторых никогда не забывают. Чапаева, Лазо, Котовского, Вахитова...— кто их забудет? Они ведь погибли не бессмысленно...

— Ты еще не встал? — удивился Николай, просунув голову и плечо в приоткрытую дверь.

Ваня встрепенулся:

— Нет... В десятом часу проснулся.

Николай вошел в комнату и, положив на стол свертки, начал умываться.

— Нигмата, значит, не провожал... Говорят, что его матери очень плохо.

— Любила сына.

— Вчера в это время еще был жив, а сегодня вот уже лежит в могиле...

— Мать же говорит: судьбу не перейдешь.

Николай, вытирая шею полотенцем, вышел на середину комнаты:

— Раньше я так же думал. Но гибель отца, наше сиротство...

Сбросив одеяло, Ваня сел.

— Ну, ну, говори.

Николай улыбнулся.

— Не торопись. Обо всем поговорим.

Он переоделся и причесал перед зеркальцем волосы.

— Ты уже вырос и мне с тобой теперь можно говорить, как с равным. Если я молчал раньше, не подумай, что брат, мол, у тебя дундук. Мне хорошо известно, как в трампарке дело у вас не выгорело. Сами виноваты.

Николай потянул с полки поясной ремень, загремев бляхой. «Не думает ли он пороть меня ремнем?» — подумал Ваня, решив ничего не рассказывать о том, что с ним случилось после трампарка.

— Прежде всего расскажи мне про это письмо.

— Какое? — не понял Ваня.

— Прочти вот,— Николай передал ему сложенный вдвое тетрадный лист и вышел из дома раскрыть оконные ставни.

Увидев корявые буквы на бумаге, Ваня похолодел: письмо было написано рукой недавно приходившего сюда Гумера Вафина. «Чернявый Мишка сделал карточки,— писал Гумер.— Очень здорово получилось: и чоканье стаканов и поедание мяса. Что прикажешь с ними делать? Заячья губа сказал: мы не любим говорить по два раза. Как «наградили» Н., так же оденем деревянный бушлат и на другого. В следующее воскресенье ждем тебя на том же месте».

— О каких это карточках идет разговор? — поинтересовался Николай.

— Да чего там... Чепуха.

— Нет уж. Давай, рассказывай! Снимались?

— Да... На выпускном вечере.

— Но разве там пили водку?

— Немножко.

— Понятно...

«Что ж это? — удивился Ваня.— Ум требует, чтобы я сейчас же рассказал обо всем, как было, а язык говорит совсем другое».

— Хорошо, пусть выпили. Но почему ты обязан пойти на то же место?

— Играть.

— А если не пойдешь? Бушлат наденут? И что это за игра?

— Не только игра... Честное слово, не только игра... Запугать пытаются... Им неизвестно, как и от чего Нигмат умер.

— Вот оно в чем дело! — сказал Николай.— Давай договоримся так. Я тебя не пугаю, но и не хочу, братишка, чтобы на тебя деревянный бушлат надели — положили в гроб. До воскресенья подумай. Будем вдвоем решать. А письмо дай сюда...

Чувствовалось, что Николай теперь по-настоящему займется Ваней: пора, дескать, уже не маленький.

ХАРИС ДОПРАШИВАЕТ

Пелагея Андреевна сама присматривала за козой. Та проворно щипала траву и, должно быть, скучая в одиночестве, норовила сбежать на Казанку. Но веревка была прочная. Хозяйка дергала за другой конец, и тогда на поясе у нее позванивали привязанные ключи.

— Подойди-ка сюда, голубок,— обрадовалась Пелагея Андреевна, увидев проходившего Ваню.— Каждый вечер зову, а тебя все нет и нет.

Ваня подошел к ней молча и замер, ожидая, что скажет ему старуха. В другое время не стоял бы он так, опустив глаза. Косой Гумер, тот нашкодит и все равно может смотреть в глаза прямо. Но Ваня, чувствуя себя виноватым, краснеет, роет носком землю и пальцами крутит пуговицу на рубахе.

— Ну, слава богу, поднялся. Вчера Николай говорил, что болеешь. Молока ему передала — от Машки, целебное...

Коза, услышав свое имя, подошла к хозяйке и, настойчиво протянув: «ме-е-е», ждала чего-нибудь

вкусного. Ключи, висевшие на поясе Пелагеи Андреевны, опять забренчали. А вот он и тот ключ от сундука со звоном...

— Спасибо вам, Пелагея Андреевна.

— На здоровье, сынок,— сказала старуха ласковым голосом, и Ваня еще больше покраснел.— Сегодня, может, придешь ко мне в помощники?

— А Харис?

— И его позовем. Только не запаздывайте.

— Ладно, Пелагея Андреевна...

Харис неохотно согласился ночевать у соседки. Он как-то похудел, осунулся. Глаза стали печальными.

— Что случилось? — встревожился Ваня.

— Со мной? Ничего. А ты где пропадал, Жан?

— Дома лежал. Больной.

Харис посмотрел на кудрявые облака, плывущие в небе, и тяжело вздохнул.

— Нигмата жалко.

— Мне тоже.

Они вышли на теневую сторону и сели на завалинке дома.

— Нигмат был пьяный,— сообщил Харис.

— Да, я знаю.

— На пути ему кто-то встретился. Говорят, если бы не крикнул ему...

— Кто его знает...— Ваня почувствовал, что начинает краснеть.

— И кто этот человек, что встретился в дороге?

— Не знаю.

Харис внимательно посмотрел на друга.

— Знаешь, ведь он зачем-то искал тебя. И бегал за тобой на Казанку. Ты знаешь? Скажи правду.

— Какую?!

— Такую!.. Не скроешься: ты его видел.

Ваня вдруг почувствовал, что если он и сейчас обманет, свершится что-то ужасное, о чем придется потом сожалеть всю жизнь. Нет, нет, обманывать нельзя!

— Рассказывай,— потребовал Харис.

— Да, видел,— признался Ваня.— Когда я шел пешком, он ехал на трамвае...

— И что же крикнул?

— Подожди. Выпытываешь, как милиционер.

— Между прочим, уже и милиционер приходил узнавать...

— О чем?

— О том же.

Ваня съежился, что-то обдумывая. Харис нахмурил брови. Теперь они, казалось, превратились в кошку и собаку.

— Раз он узнавал... тогда вот что... я шел домой, а Нигмат увидел меня и два раза крикнул: «Ванька!» В другой раз не успел докричать, как ударился головой об столб. Остальное тебе известно..

— Спасибо и за это,— сказал Харис.

Но в его словах прозвучал упрек. Неужели что-нибудь прознал? Может быть, и в самом деле рассказать ему? О том поручении, которое дал Губа со шрамом. Сегодня ведь последний день. Завтра уже воскресенье. Николай сказал: подумай сам. Но почему бы не подумать вдвоем, с Харисом?

Неожиданно из-за угла вышел Гумер. Подозвал к себе Ваню.

— Получил мою записку?

— Нет. Какую записку?

Гумер повторил содержание письма, еще раз напомнив, что сегодня же надо выполнить задание.

— Какое?

— Не притворяйся. Шуток Губа не любит.

— Не могу же я туда пробраться кошкой.

— Хоть мышкой стань. Или мухой. Нам до этого дела нет. Губе нужен ключ или отпечаток.

— А если не удастся?

— Пеняй тогда на себя. Нигмату, кажется, тоже не удалось.

Ваня вспыхнул:

— Пусть хоть в могиле он лежит спокойно. Зачем же вы мертвым спекулируете?

В это время подошел Харис.

— О чем торгуетесь?

— О курсах,— не растерялся Гумер.— Учиться только шесть месяцев. Зато выпускают шоферов первого класса.

— Где же открываются эти курсы?

— Читай газету... В слободе Восстания.

— А кому нет восемнадцати?

— Это уж кто как сумеет,—сказал Гумер, многозначительно посмотрев на Ваню.— Прощайте,— кивнул он и ушел от них, посвистывая.

Мальчики отправились ночевать к Пелагее Андреевне.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Этот одинокий дом под железной крышей, сложенный из сосновых бревен, стоит в тихом углу двора, подальше от шумной улицы. Резные карнизы покрашены. Сверху башенка с железным петушком на крыше. Правда, недавно петушка сбросил ураганный ветер. Пелагея Андреевна унесла его в сарай, пристроенный к дому из таких же крепких бревен,— к своим козам, решив, что вернется хозяин — приколотит. А Василия Петровича все нет и нет. Загостил, видать, у сына в далеком Донбассе. Старик в свое время, говорят, был управляющим банка. Он еще и в последние годы с портфелем под мышкой мотался по городу, ездил в командировки проверять уездные банки. Старик всегда аккуратен, одевается в чистое, глаженое, ходит в новом костюме, в руках — тросточка. С людьми здоровается, чуть приподнимая шляпу. Не пьет, не курит, в спорах не участвует, но подобно флюгеру, который определяет направление ветра, знает, что где происходит. По субботам ходит в баню, бренчит на пианино. Если кто зайдет к ним, когда сидит он за столом, обедает, к столу не позовет, а если обратишься к нему с вопросом, то и не ответит. Правда или нет, но рассказывают про него такую шутку. Будто бы, когда жил он еще в своей усадьбе, во время обеда зашел к нему сосед и поприветствовал его. Василий Петрович не ответил, кивнул лишь на стул у двери. А сам, не спеша, продолжал обедать. Прошло около часа. Наконец, обед закончен. Хозяин поковырял в зубах пером и спросил:

— Ну, сосед, что скажешь?

Тот махнул рукой:

— Да вот зашел сказать, что баня у тебя загорелась. Только, наверно, уже сгорела.

Короче, хоть и медленно, зато верно и до конца доводит свои дела этот чистый, дисциплинированный старик. А старуха его — полная противоположность. И за собой, и за домом не смотрит. Оконные рамы наглухо заклеены бумагой, на листьях комнатных цветов слой пыли, пианино сплошь заставлено пустыми флаконами из-под духов. Печь белили лет восемь назад, когда хозяйка переделала ее на круглую, несмотря на долгие охи и ахи мужа. Из-за переделки на потолке, немного левее от входа, образовалась четырехугольная заплата. Печной выступ Пелагея Андреевна сдела-

ла своеобразным складом. Там было все — от горшка для масла с торчащим помазком из перьев до стеклянной банки с ржавыми гвоздями. Посередине — коробки с чаем и со спичками. Сколько лет уже бывает Ваня у соседей и не помнит случая, чтобы строгий порядок был когда-нибудь нарушен. Вообще в этом доме не любят переставлять вещи. Пианино всегда у передней стены, рядом большой фикус, чуть подальше окованный железом сундук и вплотную к нему придвинута кровать Пелагеи Андреевны. У спинки ее кровати большая дверь в комнату Василия Петровича.

Вещи, говорят, похожи на хозяина — действительно, что-то было похоже на жильцов этого дома в таком расположении мебели. Сундук за фикусом напоминал еще и клад, зарытый в лесу под зеленым деревом. А кровать рядом с дверью в комнату казалась будочкой или сторожкой, охраняющей хозяина от чужого взгляда.

На этот раз Пелагея Андреевна угостила ребят молочной кашей. Самовар не поставила, чтобы не было нужды бегать во двор за щепками. Сама же выпила ковш холодной воды из ведра, поморщилась и проворчала, что вода в последние годы совсем не та, что была раньше.

Сразу после ужина Пелагея Андреевна послала ребят закрыть оконные ставни. По всему видать, сегодня она в какой-то тревоге. Оставшись одна, перекрестилась перед каждым окном, заперла ставни изнутри. Потом, когда ребята вернулись, навесила большой замок, величиной в два кулака, на дверь «кабинета», как называлась комната хозяина, и таким же замком закрыла наружную дверь. Наконец, она вернула все ключи на место, под фартук — с ними Пелагея Андреевна и во сне не расставалась.

— Мы сейчас как в крепости,— улыбнулся Харис.

— Береженого бог бережет,— сказала хозяйка.— Раз уж в ясный день украли козу, то чего не сделают ночью...

Ваня покраснел до ушей. Хорошо хоть лампа светила не ярко.

Пелагея Андреевна, застилая постель, продолжала:

— В последнее время стали ходить вокруг да около подозрительные люди. Сегодня какой-то косоглазый вертелся, будто коршун вокруг цыплят, пока не зашел прямо в дом. Не пустите ли на квартиру, говорит, са-

тана. Вот, мол, учиться приехал. На курсы, хочу быть шофером. А у самого под носом еще не высохло. И косые глаза хоть бы минуту были спокойными. Обрыскал всю комнату, осмотрел даже потолок и двери. Я сразу почуяла: послали его сюда. Вон, говорят, на Гостинодворской один остался в доме, а ночью двери открыл всей шайке, связали старуху и весь дом обчистили. Потому я теперь и наружную дверь запираю. Мои замки заграничные, к ним ключей не подберешь.

Мальчишки легли у печки на полу.

— Того подозрительного, что ходит вокруг, я знаю,— сказал Харис, укрываясь до подбородка старым одеялом.

— Кто же это?

— Косой Гумер.

— Откуда?

— С нами учился. Живет за парком. И квартира ему ни к чему.

— Зачем же он ходит? — забеспокоилась Пелагея Андреевна.

— Кто его знает...

Под печкой запели, соревнуясь, два сверчка. На стене, обгладывая бумажные обои, зашуршали тараканы. В доме темно. «И в могиле, наверное, так же»,— подумал Ваня. Вспомнился Нигмат...

Пелагея Андреевна захрапела. И Харис уже спит. У него-то на душе спокойно. Есть ли на этом свете что-либо тяжелее мук совести, прогнавших покой и сон? Пусть, оказывается, человека лучше терзает голод, чем нечистая совесть... Вот почему тетя Хаерниса часто повторяет своим детям татарскую пословицу: голодно брюху, зато ушам спокойно, и всегда учит Хариса ходить прямой дорогой. Правда, и его, Ванина мама, с пути не сбивает, по-своему строгая. В тот раз, когда играли у церкви, она даже за кочергу схватилась: для того, мол, тебя растила, чтобы ты был разбойником? И порванные штаны не залатала. Пусть знает... И действительно, барабус посчитал его за вора. Если бы не дядя Бикбай, увели бы в милицию...

Ваня спал неспокойно. Вертелся, говорил во сне, тяжело вздыхал и внезапно проснулся от какого-то грохота. Гром? Но вечером было так ясно. Правда, летом погода меняется быстро. Ваня снова задремал. Однако тут же рабудили его приглушенные удары на крыше. Он прислушался. Что это? Кошки? Нет, не

похоже, кто-то ходил по крыше. Вот шаги уже послышались на потолке, у самой двери. «Отгребают землю, которой там присыпаны доски. Зачем?.. А! — догадался Ваня.— Ищут на потолке залатанную дыру — то место, где раньше выходила печная труба. Хотят забраться в дом...»

Ваня шепнул тревожно:

— Харис!.. Харис, говорю!

Но тот не просыпался. Тогда Ваня потряс его за плечо:

— Вставай! В дом воры лезут...

— Какие воры? Я ничего не слышу.

— А ты прислушайся. Ходят на чердаке... Вот, вот! Разгребают землю...

— Кошки,— решил Харис.

— Да нет же, не кошки.

— А может, леший?..

— Сам ты леший.

Наверху кто-то чиркнул спичкой.

— Давай огонь— вскочил Харис.

Ваня, встав на цыпочки, потянулся к стене рукой,— тишину дома нарушил щелчок выключателя, но свет не зажегся.

— Провод перерезали! — прошептал Ваня.

Он дрожал то ли от страха, то ли от предчувствия беды, которая вот-вот обрушится им на голову.

— Это Губа со шрамом.

— Какая губа? — не понял Харис.

—Тот вор, что зарезал Машку. Его сюда привел Косой. Они теперь хотят украсть вещи Пелагеи Андреевны. Ключ от сундука у меня требовали...— Ваня задохнулся и, чтобы не кашлянуть, закрыл рот ладонью.

— Вот оно что! — удивился Харис.— Вчера Косой и приходил за этим?

— Да... Раз я не согласился, решили теперь через крышу...

С потолка на пол посыпался мусор.

— Что же нам делать? Разбудить хозяйку?

— Пока не надо.

Ваня зажег спичку. Подняв ее над головой, осмотрелся. Пелагея Андреевна, уткнувшись в подушку, спокойно спит. Рядом растерянный Харис. Фикус в углу с опущеными пыльными листьями, кажется, тоже замер в ожидании, что спокойствие будет нарушено. Пианино просит: я проспало тут всю жизнь и мой сон,

пожалуйста, не прерывайте. А вот сундук со звоном, будто внутри у него зажжен огонь, сверкает красноватыми полосками железа. И дева Мария на иконе, что-то чувствуя, наклонилась к сундуку в тревожном ожидании. Ваня снова посмотрел на Пелагею Андреевну. Спит безмятежно. Вон и бородавчатый ключ торчит...

Спичка погасла.

— Давай другую,— шепнул Харис.

На этот раз Ваня зажег свечку под иконой.

Мальчишки прислонились к печке. Две короткие доски на потолке уже приподняты. Когда зажегся в комнате огонь, те, что были наверху, замолкли, стали совещаться шепотом. Кровать и печка им, должно быть, не видны.

В доме стало тихо. Каждая сторона ломает голову, что делать дальше. Ваня взял из печного выступа фунтовую гирю и снова положил ее — не годится. Потом заглянул в горшок с маслом, потрогал стеклянную банку, наполненную ржавыми гвоздями,— не то. Прошел осторожно к столу и, выдвинув ящик, достал оттуда нож и вилки.

Харис вдруг оживился, вытащил из кармана медноствольный самопал с деревянной ручкой.

— Помнишь, в прошлом году сделали. Сегодня нашел в чулане. Думал, бабахнем в последний раз на берегу Казанки, потом закинем. И заряд цел. Прихватил вот сюда, как знал.

— Хорошо,— обрадовался Ваня.

Потолок вдруг затрещал. Мальчишки, прижавшись к печке, затаили дыхание: наверху отдирали доску.

— Не трусь, кореш! — послышался шепот.

«Он! Губа со шрамом!» — подумал Ваня.

— Может, высадим окно и позовем на помощь? — спросил Харис шепотом.

Ваня мотнул головой:

— Нельзя. А ну, дай мне...

Сверху кто-то уже просунул в дыру ногу. И в этот момент дом содрогнулся от выстрела.

— Грабят! Караул! — закричала внезапно вскочившая с кровати Пелагея Андреевна. Пощупав ключи на поясе, она выхватила из рук Вани самопал и с криками: «Застрелю! Как собак застрелю!»,— заметалась по комнате.

Воры убежали, гремя ботинками по железной крыше...

ТВЕРДОЕ РЕШЕНИЕ

Мальчишки поднялись рано утром.

Ваня, не сомкнув больше глаз, все думал: как быть? Если поймают Губу с Гумером и узнают, чем они занимались, добра не жди. «Дружки» его не пощадят. Еще нарасскажут то, чего не было. Конечно, и фотокарточки пустят в ход. Вот как бывает: чуть неверно шагнул, и покатишься вниз, как снежный ком с горы. Если бы в тот раз не послушался Нигмата и не сел в эту лодку, не сгорал бы теперь от стыда и не дрожал от страха. Он тогда подумал, что едут рыбачить на Волгу. А вместо рыбы, выходит, в бредень попал сам. Пировал с ними, ел ворованную козу, видел, как погиб Нигмат, и, самое главное, скрыл преступников. Если бы не удрали они с чердака, напугавшись неожиданного выстрела, неизвестно, чем бы все кончилось. Может, лежали бы в доме одни трупы...

— Харис, поймают ли воров?

— Конечно. Рано или поздно, все равно поймают.

— Как думаешь, пожалел бы нас Губа?

— Ни за что!.. На этот раз и ты меня выручил, Ваня. Теперь мы с тобой квиты.

Они уселись на солнце у дома. Пыль, в которой купаются куры, уже согрелась. Проснулись круглые, как горошина, жучки. Харис взял одного в руки. Жучок сразу присмирел, потом посидел немного, расправил крылышки и вдруг улетел.

— Гляди, чего надумал,— хотел поймать его Харис, но не смог.

Открылось окно. Прищурив ослепленные солнцем глаза, выглянул Николай.

— Вы что, ребята? Или вас прогнали? — спросил он.

— Да нет. Соседка чуть свет куда-то ушла.

— Сами-то чего пасмурные? — Он вытащил из-за пазухи Вани самопал, посмотрел на него и присвистнул.— Понятно... Я слыхал ночью выстрел. Не вы ли?

— Мы. А что нам оставалось делать?.. Летать мы не можем...

— Час от часу нелегче,— сказал Николай и подозвал Хариса и Ваню ближе к себе: — Вот что, ребята, надо нам поговорить...

Но поговорить толком им не дали. К воротам семенила Пелагея Андреевна. Она не стала заходить в калитку, а остановилась за забором, помахав Ване и Харису рукой:

— Подойдите ко мне, голубки.

К общему удивлению мальчишек, Пелагея Андреевна просила их, чтобы они никому не рассказывали о ворах, которые хотели проникнуть в ее дом. По ее словам выходило, что воры хотели украсть ее вторую козу, и все!

Как только старуха отошла, Харис сказал:

— Не пойму, чего она добивается. То сама стрелять в них хотела, то вдруг темнит.— Зевнув, он добавил: — Пойду еще посплю.

Ваня тоже почувствовал в словах Пелагеи Андреевны какой-то умысел: куда было бы лучше, если всех воров вывели бы на чистую воду. Но почему так поступает старуха — не понял.

Постояв немного один, нехотя вошел в дом, тихо разделся и лег. Однако сна не было. Он попробовал считать до ста. Один раз, второй, третий. Ничего не помогало. Мать стучала кастрюлями на кухне, Николай колол во дворе дрова. Все это назойливо лезло в уши. «Хотя бы поскорее ушли на работу»,— подумал Ваня. И тут же вспомнил, что сегодня воскресенье, день выходной.

Как ни притворялся Ваня спящим, но все равно и Ирина Лукинична, и Николай видели, что он не спит.

Ирина Лукинична, тяжело вздыхая, подошла к сыну, поправила одеяло и погладила его волосы. Ваня понял: она все знает.

На дощатом столе сверкали чашки, чайник и самовар. Чашки эти в трещинах, у чайника отбита ручка, а самовар залеплен сбоку ржаным тестом. Но все равно Ирина Лукинична была ими довольна, ведь жили до сих пор хотя и бедно, но спокойно. А сейчас...

В окна бьет ласковое утреннее солнце, а в доме все угрюмо, даже фотография мужа, что висит на стене, смотрит испытывающе, хмуро. От этого у Ирины Лукиничны защемило сердце, стало обидно. Ведь одной ей очень тяжело управляться с сыновьями. Но что сделаешь — нужно. Чтобы завтра не было поздно.

— Ванюша, знаю, ты не спишь, сынок,— сказала она.— Может, то хорошо, что все думаешь и не передумаешь. Вперед будет горький урок: за свои поступки человек ответ держать должен.

Зашел Николай, присел на свою кровать, напротив, послушал.

— Мама, какая теперь польза говорить об этом: что

с воза упало, то пропало. Давайте подумаем лучше, что ему делать завтра? Может, укатим мы с ним к вечеру в Марийские леса и поживем там с месяц среди лесорубов, пока все утрясется. А, Ваня?

Ваня протер глаза:

— Маманю таскать будут за меня.

— Отстанут...— Николай вопросительно посмотрел на седую мать: морщинистыми руками она гладила сына.

— Я бы выстояла... Но в нашем роду бегство считали позором. Вы же мужчины!..— В глазах Ирины Лукиничны блеснули слезы, дрожащим голосом она добавила: — Ваш отец не одобрил бы этого...

— Прости, мама! — еле слышно сказал Николай.— Но, понимаешь... его могут убить...

— Кто? За что?

— Воры...

—О, господи! — совсем сникла Ирина Лукинична.

Наступило молчание, тягостное, гнетущее. Наконец, она подняла голову. Глаза сухие. Тихо выговорила:

— На все воля божья. Чему быть, того не миновать.

Ваня в нерешительности спросил:

— А мне говорить, мама, о сундуке Пелагеи Андреевны? Она ведь не хочет. Сейчас у калитки просила...

— Расскажешь, сынок, правду. Тольку правду. Большой грех обманывать людей...

Вдвоем с Николаем Ваня написал обо всем, что было и что он знал о Губе и его компании. Приложили вчерашнее письмо, нацарапанное Гумером, и отнесли в милицию. Чем бы это ни грозило Ване, он понял: по-другому поступать нельзя. Решение должно быть твердым.

Вскоре в доме Пелагее Андреевны был обыск. Когда открывали окованный железом сундук с колокольчиками, то зазвенел он звонче обычного: сундук был пуст...

ПОСЛЕ СУДА

На другой день утром милиционер увел Гумера в отделение. Три дня прошло, а его домой все еще не отпускали.

Больная, убитая горем мать и вовсе слегла. Ее положили в больницу, в палату безнадежных. Узнав об этом, Гумер считал следователей бессердечными. По его мнению, причиной белезни матери был не он сам, а те,

кто его арестовал и не пускал теперь домой. Он замкнулся в себе, отказался отвечать на вопросы. Тогда пригласили Ваню к следователю. Мальчишки сразу насторожились. Андрейка и Яшка вслух осуждали: мол, болтун, да и только. Один лишь Харис понимал друга, был по-прежнему привязан, заботлив.

А Губа исчез. Как сквозь землю провалился. Никто не знал, где он находится. Ясно было одно: из города он бежал.

Гумера отпустили с милиционером на похороны матери, и он не выдержал, рассказал все по порядку, признав себя виновным.

Состоялся суд. Почти весь класс был в сборе. Только не было Нигмата. Да Гумера привели под стражей. Из зала суда вышли молча. Девушки плакали. Пора было расходиться, но никто не замечал этого. Все шли с поникшими головами, будто каждый считал себя причастным к случившемуся.

А Тамара, шедшая рядом с Гульсум и Светланой, действительно отчасти винила и себя. «Если бы я,— думала девушка,— смогла крепко подружиться с Кабушкиным, то он сразу поделился бы со мной своей бедой. И наверняка мы нашли бы выход. Может, тогда жив остался Нигмат, не осудили бы и Гумера... Только беда в том, что мальчишки не доверяют девчонкам. И вот результат...»

Терзал себя и Николай Филиппович. На суде он был народным заседателем.

— Наверное, нет более несчастного человека, чем учитель, выносящий приговор своему ученику,— сказал он дрогнувшим голосом.— Я сегодня сужу и себя самого. Мне стало понятно: мы даем своим ученикам лишь знания, но мало заботимся об их воспитании, воспитании настоящего человека, который смог бы выстоять перед любыми жизненными трудностями...

Дома после суда Николай пригласил Ваню во двор.

— Ну, теперь, надеюсь, понял? — спросил он, усаживаясь на скамейку.

Ваня сел на лежавшее рядом бревно.

— Как не понять! Чужое не трогай, будь всегда честным...

— Я не про то.

— А про что же?.. Чем это все кончается? Да? — переспросил Ваня и тут же ответил: — Тюрьмой или смертью!

— Это все так,— согласился Николай.— Но главное в другом: с чего все начинается?.. К рабочему человеку не может пристать ни один паразит, вроде Губы с компанией. «Безделье — мать пороков!» — правильно сказал учитель. Если бы вы были заняты работой, все твои друзья ходили бы людьми. А так...

— Но нет нам работы! Не берут — перебил его Ваня.

— В этом и вся беда. Пока станешь совершеннолетним, сколько придется дурака валять. Не все же пойдут учиться в техникум или в среднюю школу. Может, желания нет или возможностей. Что же такому человеку делать? Это, брат, задача не простая. Учитель ее понял сразу. Надо найти работу и несовершеннолетним. Конечно, этот вопрос когда-то решится. Но мы ждать не можем и должны решить его сами, по-своему.

— Как?

Николай поднялся и, вытащив из-под крыши курятника лопату, начертил у забора большой квадрат.

— Здесь вот будешь строить клети для кролей.

— Клети? — поднялся Ваня и подошел ближе к брату, опасаясь, что не так расслышал его. — Для кроликов?

— Да! Чтобы не бездельничать,— сказал Николай.— Кролик — доходное животное. Мяса — вдоволь, шкурок — навалом. И шапку сошьем, и шубу. Дядя Бикбай говорит: помогу, дам самую породистую пару.

— Из чего же я построю эти клети?

— Столбики найду. Остальное — сам достанешь.

— Но чужое брать не полагается...

— Я и не велю тебе воровать,— сказал Николай строго.

— Что же можно сделать с четырьмя столбиками? Надо ведь обшить их досками.

— Не обязательно. На Казанке есть ивняк.

— Его не приколотишь гвоздями.

— Заплетешь. Со всех сторон. А чтобы ветер не продувал, промажешь глиной... Через неделю крольчатник должен быть готов.

— А чем кормить кроликов?

— На Казанке и травы нарвешь, и коры насдираешь. Григорий Павлович даст овса немного, дядя Бикбай — отрубей... Только не окладывай на завтра: сегодня же начинай рыть ямы.

Николай вручил ему лопату и, пожелав успеха, вышел за ворота.

Первую от забора яму Ваня вырыл быстро. Но жарко палит солнце, и по щекам сползают ручейки пота... Андрейка и Яшка побежали купаться. Ваня увидел их в щель забора. Какие счастливые! Разденутся на ходу и прямо с берега в прохладную воду. Искупаться не мешало бы и ему. Только вот работа не пускает...

Солнце печет уже так, что рубаха промокла. Куда бы от него спрятаться? Ваня залез в яму и присел на корточки — там прохладней. Только долго так не просидишь — затекают ноги, а когда встаешь, то будто наступаешь ими на иголки. Лопата, вначале такая легкая, стала тяжелой и весит не меньше пуда. Плечи ноют, ладони горят, как в огне...

В этот вечер Ваня поверил, что самая вкусная пища — ржаной хлеб с картошкой. А когда растянулся на кровати, уснул так быстро, как еще не засыпал никогда, и ночью ни разу не просыпался...

— Пора вставать,— растолкал его Николай на рассвете.— Счастье свое проспишь. Кто рано встает, тому бог дает. Сходи-ка на берег, пока не жарко, и нарви по утренней росе травы. Сегодня принесу кролей. Бери осот, вьюнок, пырей и кашку. Надеюсь, в травах разбираешься. Да присмотрись, где получше ивняк растет. А с десяти до часу нарежешь там прутьев...

— А купаться когда?

— Можно утром и вечером. Если будет жара — и перед обедом. А после обеда перетаскаешь домой нарезанные прутья... Такой распорядок тебе на всю неделю,— предупредил Николай.

«Ничего себе, распорядочек! — подумал Ваня.— Скучать не будешь».

Берег Казанки утром показался ему особенным. Над камышами повис белесый туман. Серебряная лента реки, овеянная прохладой, тянулась вдаль. Растущий в реке камыш, будто войско, выставил острые пики, приготовившись к наступлению. Густые кусты за ним похожи на расположившихся под зелеными шатрами артиллеристов. Ивы, подобно всадникам, еле сдерживающим своих коней с копьями наперевес, тоже, казалось, ожидали в тени своей очереди ринуться в атаку.

— Эге-ге-ей! — крикнул Ваня восходящему солнцу и, встрепенувшись, побежал с крутого берега к воде. В лицо и грудь ударил прохладный ветер. В низине

воздух был опьяняющим. Сплошным ковром зеленела трава. Где же тут осот, пырей и кашка? Перезабыл он все. А кролик не корова, что попало есть не будет. На уроках ботаники, помнится, говорили, что каждая трава получает свое название в народе по характерному признаку: пырей, например, татары называют «белым корнем», клевер-кашку — «головой дятла», а осот — «молочным огнем». Значит, в стебле должно быть молоко, а пырей — тот имеет белый корень. Ваня вырвал и осмотрел все не похожие друг на друга травы. Корни почти у всех оказались белыми, а таких стеблей, чтобы давали молоко, не было ни одного. Разберись теперь. А вернуться домой без травы — это все равно, что не отыскать в лесу дров.

Ваня, набрав пригоршню воды, умылся и вытер лицо подолом рубахи. Прохладная вода приободрила его. Вон там какая-то женщина режет прутья. Надо пойти расспросить ее про эти чертовы травы...

Принес он большой мешок домой часам к одиннадцати. Кролики вовсю бегали в сенях, обживая новое место. Ваня бросил им пригоршню травы. Едят длинноухие, с хрустом!

Когда он снова собрался пойти на Казанку, вошел Харис.

— Ты знаешь, Яшку взяли в трампарк, на работу.

— Ну да! — не поверил Ваня.

— Да, сегодня уже вышел. Андрейкин отец, говорят, помог устроить. А сам Андрейка поступает в техникум... Тамара уехала к бабушке — на Черное море.

— А мы чем займемся?

— Дядя Сафиулла сказал: «Когда исполнится вам по шестнадцать и перестанут чесаться руки, попробуйте заглянуть еще разок».

— Заглянем?

— Конечно... Говорят, пускай парень сам умрет, чем его слово... Знаешь, куда направили Гумера по настоянию Николая Филипповича? В колонию. Из школы имени Максима Горького в трудколонию того же имени...

Вошел Николай.

— Кто тут собрался умирать, не успев родиться?.. Умереть успеете. Сначала покажите себя в работе! — сказал он, взяв за плечи Ваню и Хариса.

Мальчики смутились.

— Зимой открываются курсы водителей трамвая,— сообщил Николай.— Чтобы быть с вами, черти поло-

сатые, запишусь и я. Будем готовиться вместе. Я вам помогу. А там посмотрим. Так посоветовал дядя Сафиулла.

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

С утра до вечера Ваня ухаживал за кроликами. Оказывается, гора забот с этими длинноухими. Накорми, напои, смени подстилку, вычисти, а когда появились крольчата, работы прибавилось. Кроме того, надо еще и сена заготовить каждому, чтобы хватило до весны,

Выбирать на берегу траву только ту, которую могут есть кролики, принести ее домой, хорошенько высушить и затем сложить на чердаке — работа не легкая. Но Ваня успевал везде. А когда туго было с деньгами, доставал небольшой сундучок и шел к дому, где раньше было дворянское собрание, чистить обувь. Что сделаешь? Голодный, говорят, и в ад пойдет. Вначале было совестно, потом ничего — привык. Однако настоящего дела еще долго не было.

С января начал учиться на курсах Николай. Его прихода каждый вечер ждали с нетерпением. Он рассказывал ребятам все, что было на уроках. Ваня и Харис слушали, разинув рты. Особенно правила движения...

В середине февраля на линию вышло несколько новых трамваев, и срок обучения решили сократить. Курсы объявили двухмесячными, удвоив практические занятия. Николай теперь уходил рано утром и возвращался поздно вечером — замерзший, уставший. «Курсы на дому» прекратились.

Ребята, теряя терпение, решили поступить на курсы самостоятельно. Но ничего не вышло. Как и раньше, получили от ворот поворот.

Ваня вернулся домой раздосадованный. Заглянул в свой крольчатник. Но что кролики? Разве можно сравнить их с трамваем? А ему — опять ждать!..

Трижды звякнув, мимо дома промчался трамвай Николая. И другие трамваи звонят, но совсем не так. У него звон похож на заливистое ржание жеребенка. С другими не спутаешь...

Однажды в конце весны Ваня попросился к брату на трамвай. Николай тогда ездил между Суконным рынком и Бишбалтой.

— Ладно,— сказал он,— возьму.

Стоял Ваня у штурвала рядом с Николаем, затаив дыхание. Наконец, попробовал и сам вести — на том

участке, где прохожих не было. Вот она, эта волшебная ручка, в его ладони! Если повернешь ее вправо, трамвай увеличивает скорость, а влево — снижает. Можно даже разогнать его, как породистого скакуна!..

Брат глядел на Ваню и радовался: не зря он так стремится стать водителем трамвая.

А вскоре Николай вместе с дядей Сафиуллой упросили начальника трампарка взять Ваню на курсы водителей. При разговоре выяснилось, что с этой же просьбой обращался и Николай Филиппович. Просил за двоих: Ваню и Хариса. Так все мытарства ребят остались позади.

На курсах учеников уже распределили по группам. Ваня и Харис попали во вторую. Все курсанты в этой группе — мужчины, высокие, сильные: ручной тормоз трамвая, говорят, не любит слабых.

Первый урок был посвящен истории казанского трамвая. Инструктор, лет сорока пяти, рослый дядя, оказался человеком с удивительной памятью. Хоть бы раз посмотрел в тетрадь или в книгу. Так и шпарит, шагая по узкому проходу и заложив руки за спину.

— Казанский трамвай после киевского первый в России,— рассказывал инструктор.— Пошел он в Казани чут позднее, чем в Киеве, 2 октября 1875 года. Электрической тяги тогда не было. Трамвай тащили по рельсам кони, почему и называли его конкой. Трамвайный путь шел через Большую Проломную, по старой дамбе в Бишбалту и по Екатерининской улице, или — как ее называют сейчас — Тукаевской, до Суконной слободы. Маленькие вагоны были двухэтажными: верхний без крыши, открытый и с боков огорожен только решетками. Когда поднимались в гору, на помощь коренникам впрягали пристяжных лошадей, называемых «петрушками». Отсюда и закрепилось название Петрушкин разъезд. В 1890 году городская управа заключила договор с Бельгийским акционерным обществом, и через некоторое время в Казани появились трамваи с моторами. Правда, не везде: в Бишбалту и в Дальнее Устье конные трамваи ходили до 1901 года.

Ваня торопливо записывал все, что слышал.

— На кой тебе? — спросил рядом сидевший Харис.— Конок уже не будет. Без лошадей обойдемся.

А инструктор продолжал:

— Когда началась мировая война, уход за трамваями ухудшился. Их почти не ремонтировали — в механи-

ческой мастерской осталось всего лишь четыре станка, да и те износились. Бельгийские акционеры оставили Советской власти жалкое транспортное хозяйство: трамваи вот-вот развалятся, дороги без ремонта и осмотра стали ненадежными. Вдобавок враги народа в 1919 году сожгли депо, которое потом пришлось восстанавливать целых три года. На линию начали выходить всего лишь десять уцелевших трамваев. А к 1925 году число их выросло до сорока. Однако недобитые буржуи снова подожгли депо, в котором сгорело шестнадцать трамваев и снегоочиститель. Рабочие трампарка день и ночь ремонтировали выведенные из строя вагоны, прицепные открытые площадки...

— Неужели нам тоже придется работать на этих скелетах? — спросил Ваня Хариса.

— Тот улыбнулся:

— Для тебя, наверно, привезут новый трамвай, сделанный по специальному заказу.

— Думаешь, не привезут? Непременно будут новые.

— Конечно, будут. Это я так...

— Сейчас у нас более шестидесяти трамваев,— продолжал инструктор.— А скоро прибудут и новые. На этих трамваях начнут работу передовые курсанты, с лучшими оценками. Стремитесь к этому, друзья. Желаю вам успехов...

УЧЕБА НАЧИНАЛАСЬ ТАК...

Для Вани самым трудным оказалось понять и усвоить устройство трамвайного контроллера. Ток, пропущенный через дугу, прежде чем направиться к моторам, попадает в этот самый контроллер. Внутри его — пучок перевитых проводов. По точной схеме они присоединяются к многочисленным контактам. Есть там еще разные веретена, кулачки с пружинами, клеммы — всего и не упомнишь. А водитель обязан их знать, как свои пять пальцев. Вдруг в пути что случится, можешь остановить все движение. Хуже того: сунешься внутрь, не умея, как говорят, различить по виду двух телят, можешь жизни лишиться — напряжение тока достигает пятисот вольт. Об этом всегда говорили на уроках техники безопасности. Даже заставили расписаться в специальной тетради. Когда перешли к механизмам движения и к управлению, стало намного легче. Да и Николай помог — знал он эту механику вождения отлично.

Вскоре на практических занятиях под наблюдением инструктора стали выходить на линию. Ваня чувствовал себя в трамвае свободно и вел его быстрей, чем другие. Оказывается, быстрое движение, каким бы умелым ты ни был, требует отличного знания дороги, мощности мотора.

На остановке «Восстание» Ваня чуть не попал в беду: не успел затормозить вовремя. Когда же тронулся, то сердце вдруг замерло, как при переезде через только что построенный мост: лицо побелело, руки судорожно вцепились в ручку движения и в рукоятку тормоза. Инструктор заметил это и успокоил: «Не волнуйся, спокойно»...

Во время учебы каждое утро к ним в группу стала захаживать девушка. Очень красивая. Лет ей, наверное, девятнадцать-двадцать. Придет незаметно, сядет в уголок и слушает, кто как отвечает. Потом что-то записывает в свою тетрадь, а в перерыве или читает газету, или разговаривает с курсантами. Позже Ваня узнал: это секретарь комсомольской ячейки Мария Токмакова.

Дней через десять Мария, немного смутившись, подсела к Ване. Сказать правду, он уже чуть не обиделся, что девушка его не замечает. Наконец, наверное, и до него дошла очередь.

— Интересуюсь, Кабушкин, что больше всего любишь делать? — неожиданно спросила Токмакова.

Нет уж, прошли те времена, когда его разыгрывали такими вопросами.

Ваня посмотрел ей в глаза и шутливо переспросил:

— Что люблю делать?.. Мало работать и много спать.

Она усмехнулась:

— Ленивого парня девушки не любят. Но сюда вот мы впишем другое.— И, записав в блокнот его имя, фамилию, спросила: — Петь умеешь?

— Немного.

— А плясать?

— Если поставят на горячую сковородку.

— Да ты артист. Я запишу тебя в драмкружок. Согласен?

— Ладно.

Что с ним случилось? Никогда еще так не говорил он с девушкой. Комсорг может и обидеться. Хорошо,

что Харис еще не слышал, а то неизвестно что подумал бы.

Неожиданно Ваня встретил Светлану. Оказывается, работает она кондуктором. Немного похудела и, может, поэтому стала еще красивей. Светлана тараторила и тараторила ему обо всех новостях. Одна из одноклассниц вышла замуж, другая куда-то уехала, завербовавшись, третья стала модисткой... Гульсум — стрелочница, Яшка — помощник диспетчера, Харис ходит на курсы... Впрочем, о Харисе он знает, каждый день с ним встречается... Ваня с нетерепением ждал известий о Тамаре. Где она, что сейчас делает, здорова ли? И нет ли писем от нее? Но Светлана хоть бы слово сказала про свою подругу!

— Хорошо, что вместе будем работать,— сказала девушка.— Что-нибудь организуем...

— Драмкружок?

— Спортивную секцию.

— А толку от нее?

— Здравствуй... Станем на лыжи да по берегу до самой Бишбалты! А весной туда же на велосипедах. И еще — стрелять научимся...

— Ты все такая же, Света,— улыбнулся Ваня.

— Какая?

— Мечтающая... Да и где мы достанем эти самые лыжи, велосипед, винтовку?

— Государство даст. Бесплатно. В смете уже предусмотрено — так сказала Маша.

— Токмакова?

— Да, секретарь. Ты уже вступил в комсомол, охвачен мероприятием?

Ваня пожал плечами.

— Маша записывала. Но куда — не знаю.

— Хорошо, я выясню... Значит, согласен в спортсекцию.

— Давай. Попробую.

— Когда вы кончаете?

— Учебу? В середине декабря.

— Успехов тебе! Не подкачай.

— Спасибо...

Ему вручили свидетельство шестнадцатого декабря, вечером. А семнадцатого утром на доске объявлений появился приказ о приеме на работу водителем трамвая Ивана Константиновича Кабушкина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАБОЧАЯ МАРКА

Наконец сегодня Ваня выходит в первый самостоятельный рейс. Давно мечтал он об этом дне. Широко шагая, вошел он в главные ворота и, здороваясь на ходу с парнями-слесарями, прошел в депо. Конечно, неудобно пройти мимо столярной мастерской, где работает дядя Сафиулла. Ваня потоптался у двери, однако, не услышав там никакого шороха, направился в комнату диспетчера. Как-то не так получилось. Он хотел поделиться своей радостью с дядей Сафиуллой. Но того на месте не было. Правда, мать и брат уже по-своему наставили. Мать даже всплакнула, потом стала благословлять, как по старинке. Это не то. А вот послушать бы дядю Сафиуллу. Он столько лет здесь работает. Что сказал бы он? В трампарке вывесили приказ о приеме на работу — и все. Больше не мелочатся. А Ваня наде-

ялся, что кто-нибудь из пожилых возьмет и скажет ему по-отцовски теплое слово. Но такого слова не было.

По винтовой лестнице Ваня поднимается на второй этаж. То ли от старости, то ли от морозов, чугунная лестница гудит, как медный колокол. Динь-дон, динь-дон... Это не только звуки шагов, но и сердца. Подожди-ка, а не так ли звенят могучие крылья молодого беркута, свободно летающего в синем просторе неба? Ваня тоже выходит на большой простор! Это не беда, что ему не вручили трамвайный ключ с дружеским напутствием, рукопожатиями... В трампарке таких, как он, десятки. Если каждого из них выводить на работу с речами, то, пожалуй, и работать будет некогда. Ваня уже подал заявление в комсомол. Нет, ему вовсе не нужны речи. Ему нужна работа! Чтобы открытый тамбур с бьющим в лицо холодным ветром! Чтобы сильный, как его сердце, мотор и тяжелый тормоз.

Ни диспетчера, ни его помощника Яшки Соловья на месте не было. Что такое? Осталось меньше получаса до выхода в рейс, а Ваня не знает, какой трамвай за ним закрепили. Не помешало бы также заранее познакомиться и с кондуктором. Водителю не безразлично, сколько билетов продано и как выполняется план перевозок. Если кондуктором будет бойкая и добросовестная женщина, желательно, конечно, молодая, то «зайцам» придется туго.

Сопя и мурлыча под нос какую-то песенку, появился Яшка. Поздоровался кивком головы, прошел к столу. Его не узнать, вроде и никогда не дружили, и в школе не учились вместе. Не торопясь, вытащил из кармана связку гремящих ключей на часовой цепочке, открыл один из ящиков стола и начал заполнять путевой лист. Наконец расписался какими-то закорючками и сказал:

— На двадцать четвертом вагоне поедешь. Прямой тебе дороги!

— Чистой? — переспросил Ваня.

— Да, без единого пятнышка!

— Спасибо... Но только вот...— замялся Ваня.

— Чего еще не хватает?

— Ключа нет. И кондуктора.

— Все на своем месте. Они тебя ждут...

Ваня побежал по ступенькам и снова услышал чудесный гул под ногами. Казалось, много повидавшая на своем веку лестница пожелала парню счастливого пути.

В депо друг за другом стояло несколько трамваев. У переднего собралась группа рабочих. Среди них секретарь комсомольской ячейки Маша Токмакова, Светлана и дядя Сафиулла. Холодно, ветер, одежда у всех покрыта инеем. Незнакомый Ване человек, поднявшись на подножку трамвая, произнес небольшую речь. Затем начал говорить какой-то дядя в лохматой шапке и в черной шубе.

— Кто это? — спросил Ваня у соседа.

— Это Галиаскеров. Он работает в трампарке с 1904 года. Очень заслуженный человек.

Галиаскеров вспомнил трамваи на конной тяге, похвалил теперешние, сказал о том, что скоро прибудут с завода еще лучшие.

— Сынок,— сказал он в заключение, обращаясь к Ване.— Советую не тянуть из машины душу. Береги ее! И помни, что будешь возить живых людей. Смотри в оба. Не запятнай рабочую марку!

— Правильно, брат! — поддержал его дядя Сафиулла, стирая рукавицей льдинки, примерзшие к усам, и добавил еще несколько добрых слов. Затем говорила Маша. Наконец, Ване, получившему ключ из рук Галиаскерова, удалось подняться в тамбур.

— Скажи, хоть коротко,— зашептала Маша.— Нельзя без ответного слова.

Что же Ваня им скажет? О чем? О том, что навеки запомнит этот памятный день? О том, что сегодня исполнилась его мечта и поэтому он очень-очень счастлив?

— Спасибо вам! — сказал Ваня сверху.— Я постараюсь!..

— Молодец, Имамжан! — воскликнул дядя Сафиулла.— Смотри, а вон и твой друг подъехал, успел раньше тебя...

На соседний путь в депо вошли друг за другом для ежедневной профилактики два трамвая. Из переднего, как раз перед самым отправлением Вани, соскочил на землю Харис Бикбаев. Улыбаясь, он помахал другу рукой.

Весело зазвонив, трамвай тронулся к воротам. Гульсум перевела стрелку и проводила его на главный путь.

Моторы гудят ровно, дуга с шелестом скользит по верхнему проводу. Колеса, переговариваясь, бегут по рельсам. А вон первая остановка, первые пассажиры. Сейчас он проедет мимо своего дома. Возможно, и

мать выглянет в окно. Жаль только, стекла намерзли — его не увидит. Но все равно узнает, что проехал сын. Ваня позвонит ей тремя звонками, так же, как всегда стучится в дверь. И она поймет, что и второй сын ее вышел в рейс.

АВАРИЯ

Гульсум была старше Вани, поэтому и поступила на работу сразу после седьмого класса. Сдержанная и очень скромная, она бралась за любое дело охотно и с первых же дней понравилась руководству трампарка. Вскоре ее послали на специальные курсы в Москву. Когда Гульсум вернулась, решили: как только появится возможность, поставить ее заместителем начальника отдела движения. А пока девушка выполняла все, что поручали. Стрелочница заболеет — ее заменит. Составляет график в депо. Случись авария — изучает причины. Выводов с легкой руки никогда не делает, если же выскажет свое мнение, то всегда бывает оно правильным и справедливым. К подхалимам, прогульщикам и пьяницам безжалостна. Так и понимает Гульсум свои обязанности члена завкома. Но Яшка на все смотрит по-другому — он считает ее выскочкой. Она в свою очередь называет его белоручкой.

Гульсум проводила друг за другом четыре трамвая. Их вели вчерашние курсанты. Кажется, молодым водителям понравилось, что взрослые проводили их в дорогу теплым напутственным словом. Спасибо Маше... И Галиаскерову, и дяде Сафиулле. Но Яшка почему-то не пришел в депо. Неужели завидует? Он такой злопамятный. Вот и сегодня выписал Ване путевку в рейс на двадцать четвертом трамвае. И ведь кому — вчерашнему однокласснику. Этот обшарпанный трамвай должен пройти профилактический ремонт. Надо проверить моторы, токоподводящие провода. Вчера еще говорили об этом. Возможно, двадцать четвертый не стали ремонтировать из-за того, что сегодня для торжественного выезда потребовалось сразу несколько трамваев. Только почему его дали Кабушкину? Нет ли тут подвоха? И раньше они частенько схватывались, как собака с кошкой, да и теперь вот на днях повздорили.

...Перед самыми экзаменами курсантов привели в комнату кондукторов. Здесь всегда было людно. Вер-

нувшись из очередного рейса, кондукторы грели руки у печки, топали озябшими ногами, считали выручку. А те, кто собирался в рейс, привязывали к ремню сумки зеленые, красные и розовые мотки билетов. Остальные щелкали семечки, пили чай из железных кружек.

Неожиданно инструктора вызвал к себе начальник парка. Все почувствовали себя свободнее, и разговор оживился. Ваня привлек внимание своими шутками. Девушки смеялись. Одна только пожилая женщина-кондуктор не участвовала в разговоре, уныло сидела в уголке. Видимо, ей было не до веселья.

Яшке, сидевшему рядом в своем кабинете, не понравился дружный смех девушек. Приглаживая рыжие волосы, он вошел в комнату и свысока посмотрел на кондукторов.

— Повеселились?.. Хватит! — резко отрубил он. Затем, давая понять, что власть его здесь неограниченная, начал читать по списку: — Сто двенадцатая, сто сорок третья, пятьдесят вторая, девяносто пятая и девяносто седьмая остаются на вторую смену.

— Сынок,— обратилась к нему пожилая женщина,— меня, пожалуйста, не оставляй на вторую смену. Совсем замерзла. Попроси тех, кто моложе.

— Сказанное должно быть исполнено,— ответил Яшка тоном, не терпящим возражений.

— В могилу же вгонишь...

— Ваня заступился:

— Нельзя ли оставить ее?

— Нельзя! — поправляя галстук, отрезал Яшка.— И ты не вмешивайся.

— Болеет же...

— А справка где?

— Какой же ты твердолобый, Яшка!

— Но-но... поосторожней, Кабушкин... Как бы самому не влипнуть.

— Обо мне-то не тревожься, товарищ начальник,— с издевкой произнес Ваня последнее слово.

Они зло посмотрели в глаза друг другу...

Гульсум вернулась в маленькую будку, села за стол и раскрыла книгу. На следующий год она собирается поступать на заочное отделение техникума коммунального хозяйства. Повезет ли ей? До сих пор училась хорошо. Подруги Тамара и Светлана всегда восторгались ее памятью. Раз прочтет, бывало, и достаточно.

Только не может она, как другие, учить на ходу. Светлана, та умеет читать и за едой, и в трамвае. Продаст билеты, сядет на свое рабочее место и заглядывает в книгу. Как она запоминает — не понятно. Тамара, правда, тоже разборчива. Что, интересно, сейчас она делает? Когда-то мечтала стать врачом. А теперь? Писем не пишет. Надо ей послать хотя бы маленькое письмецо. Чего стоит, например, одно известие о том, что Ваня уже работает водителем трамвая. После окончания седьмого класса, когда возвращались в тот вечер с Казанки, Тамара призналась подруге: «Я люблю его, но только никому не говори об этом»...

Вечером Ваня вернулся в депо без особых приключений: трамвай не подвел. Проехал мимо Гульсум, помахав ей рукой. Та улыбнулась: молодец, мол, поздравляю...

А когда получил первую зарплату, пришел похвалиться.

— Дали-то много, только вот не знаю, Галя, что с ними делать,— признался Кабушкин.

— Матери отнеси,— посоветовала Гульсум.

— Нет, прежде хочу купить ей подарок. И самым близким людям — брату, Харису, дяде Сафиулле. Потом...— замялся он.

— Потом? — улыбнулась Гульсум, недоумевая.— Не мне ли?

— Тебе... Николаю Филипповичу... Только что вот подарить ему? И возьмет ли?

— Если бы ты был его учеником, не взял бы. А теперь, я думаю, не обидится. Ты человек рабочий, самостоятельный... В благодарность за прежнее...— Гульсум призадумалась, потом сказала: — Знаешь что — купи ему вечную ручку.

Ваня так и сделал. Учитель был очень тронут и в свою очередь подарил ему свою только что напечатанную книгу о прошлом Казани...

За работой дни пролетали незаметно. Двадцать четвертый из графика не выходил, рейсовый план выполнялся точно. Проверяющие инструктора и контролеры на водителя не жаловались. При текущем ремонте вскоре старые кабели трамвая заменили новыми.

Гульсум была довольна:

— Теперь тебе ничто не помешает!

Но радость ее была преждевременной.

Как раз перед приемом Кабушкина в комсомол сообщили о том, что на двадцать четвертом трамвае возник пожар.

— Главного инженера нет. Привезем на буксире или осмотрим на месте? — спросил Яшка с каким-то злорадством.

— На месте,— решила Гульсум.

Пригласив электрика и дежурного слесаря, она повела их туда, где случилась авария. Трамвай уже загнали в тупик на соседнем Арском поле.

Ваня сидел в тамбуре согнувшись, не чувствуя холода. Лицо его и руки в саже, ресницы обгорели.

Поздоровались молча — кивком головы. Гульсум заглянула в трамвай и ужаснулась: сиденья сорваны, стены выщерблены, окна разбиты, специальные покрытия на полу превратились в уголь. Едкий запах дыма, копоти, горелой резины...

— Моторы целы,— доложил парень-электрик, заглянувший в открытые люки трамвая.

— Колеса — тоже,— усмехнулся дежурный слесарь.

— Пожалуйста, ничего не трогайте. Пока не проверит комиссия,— Гульсум повернулась к Ване.— С пассажирами ничего не случилось?

— Нет. Все живы-здоровы.

— Как думаешь сам, отчего загорелось?

— Или контакты были слабые, или кабель неправильно подсоединили.

— Контакты нормальные,— заверил дежурный слесарь.— Слабые расплавились бы... Ты дал, видно, большое напряжение.

— В таком случае повредился бы контроллер. А в нем и чернинки нет.

Электрик недоуменно пожал плечами:

— Тогда заводской брак в самом кабеле.

Из прицепного вагона пришла Светлана и тоже молча поздоровалась, кивнув головой подруге.

— Причину аварии установит комиссия,— решила Гульсум.— Трамвай надо вернуть в парк. А ты, Кабушкин, пиши объяснение.

— И мне писать? — спросила Светлана.— Я первая увидела, как вон оттуда, около стены, с треском вырвалось пламя.

— Пиши, обязательно. Легче будет установить причину аварии.

«ПОЧЕМУ ВСТУПАЕШЬ В КОМСОМОЛ!»

Говорят, любовь дает человеку крылья, а мир полон влюбленных... Почему так? — задумывался Ваня. Наверное, потому, что любовь щедра и ее волшебные крылья достаются не только гордым соколам, но и воробьям или даже воронью — главным помощникам Азраила, как уверяет Харис. Вороны долго живут, у них такой резкий голос, такие острые когти...

В школе Яшка имел прозвище Соловей. В детстве у него был писклявый голос, и он никогда не сидел на месте, все порхал. Яшку следовало бы называть не соловьем, а черным вороном...

Отец и мать его в прошлом имели небольшой магазинчик, который всегда был полон дорогих товаров. Неизвестно только, где доставали их. Продавали тоже по черному ходу. Если передняя дверь открывалась днем, в определенные часы, то задняя распахивалась только темными ночами. Родители хотя и наживались, но жили скудно — сами одевались как попало, кормились тоже кое-как. Все товары переводились в деньги. Когда же после революции хрустящие бумажки да серебро потеряли цену, отец запил. Потом, забрав деньги, куда-то исчез и больше не вернулся.

Мать Яшки — высокая, как башня, женщина бережно расходовала оставшееся после мужа имущество. Но если высохнет родник, надолго ли хватит разлитой по ведрам и плошкам воды? Не имея другой профессии, мать начала продавать в магазинчике пиво, а если выпадет случай, и что-нибудь покрепче.

Яшка рос в унижении: все звали его сыном торговки. Научился у матери хитрить, подхалимничать. Каким был отец — он уже не помнил. Отец копил деньги, собирал богатство, а сын его собирает в своей комнате чучела всяких птиц, которые живут в окрестностях Казани. Сам ловит их, сам потрошит и набивает сухими опилками. Таких птиц у него много и все разные — так и места меньше занимают, и кушать не просят. Единственную птицу каждого вида бережет как зеницу ока, не продаст ее и не подарит. Правда, недавно дал Андрейке чучело дятла. Но у Яшки другого выхода просто не было. Тот поставил вопрос ребром: или чучело дятла, или деловой разговор. Отец Андрейки — большой начальник. Он только позвонил куда надо, и Яшку на другой же день взяли помощником диспетче-

ра. Не только дятла, но и любую птицу не жаль бы отдать за такое дело. Андрейка сейчас учится в техникуме. Может, уже выбросил дятла. Зачем ему неживая птица?

Яшка не мог успокоиться, пока не восполнил свою коллекцию. Поехал в Займище, целый день проторчал в лесу и подстрелил из рогатки самого красивого дятла. Хорошо теперь сидеть в комнате, среди всяких птиц. Даже дятел занял свое место. Вот какой Яшка! Захотел — и дело сделано, сиди теперь на сухой ветке...

С птицами он, конечно, хозяин, но вот с людьми... Сколько раз давал понять Светлане, что неравнодушен к ней — назначал в более выгодный маршрут, не оставлял на вторую смену. А когда пригласил в кино — дудки! Теперь же, начав работать с Кабушкиным, стала совсем непонятной. Как ни старался Яшка помешать им сесть в один трамвай — нет, не получилось. Маша Токмакова испортила все дело. Сумела убедить и завком, и начальника, что на маршрутах нужны комсомольско-молодежные экипажи. Но посмотрим, что будет после аварии. Сохранят ли на двадцать четвертом его экипаж? Жаль, члены комиссии не могут прийти к определенному мнению. Главный инженер заболел, поэтому, наверное, и затянулась проверка. Ладно, пусть тянется... Только Токмакова что делает? Вчера вывесила объявление о приеме Кабушкина в комсомол. Вопрос ведь еще не выяснен, зачем же торопиться. Подождать бы... Собрание состоится в клубе, любой работник трампарка может принять участие и может выступить. Про эту аварию, конечно, разговоров будет много.

Яшка не останется в стороне. Придет он, обязательно придет на это собрание, не упустит подвернувшийся случай, задаст Кабушкину пару вопросов.

С таким решением отправился Яшка на работу во вторую смену. День прохладный. По земле мела поземка. «Трамвайные пути снегом завалит! — подумал он.— Сейчас же надо послать снегоочиститель. Может, назначить Кабушкина? Если получится, то и молодежный экипаж его распадется, да и сам обломает себе рога — ведь снегоочиститель еле-еле передвигается...»

Рабочие, заступая на смену, в проходной трамвайного парка опускают у двери в ящик жестяной жетон. Помощник диспетчера не занимается такой мелочью, он всегда проходит в главные ворота. Вот и сегодня прошел в них мимо Гульсум, очищавшей стрелку. Надо

спешить — до собрания, которое будет проводиться между двумя сменами, заполнить все маршрутные листы. Заходить в депо нет смысла. Могут брызнуть мазутом на рубашку с белым воротом, на фетровые сапоги, побеленные мелом. Яшка резко повернул влево и угодил по колено в яму. Фу, черт, как выскочило из памяти: здесь же вырыта канава для ремонта, засыпанная снегом. Хоть бы маяк поставили, а то и шею свернуть недолго. Боясь, как бы не увидели девчата, он быстро выскочил из ямы и, потирая ушибленное колено, засеменил к депо.

Хотя настроение было немного испорчено, Яшка с удовольствием развалился на мягком диване в своей комнате и закурил папиросу. Мысли его прояснились. Он позвонил в завком: хотел узнать решение по делу Кабушкина. Там никого не было.

Позвонить в партком не хватило смелости.

Когда, закрыв на ключ свою комнату, Яшка пришел в молодежный клуб, Кабушкин уже рассказывал автобиографию. Надел синий костюм, новую рубашку с вышитым воротником, волосы причесал набок. «Вырядился,— усмехнулся Яшка.— Хоть под венец...»

Начали задавать вопросы. Ваня всем отвечал коротко, чуть смущаясь. Кто-то спросил его:

— Почему вступаешь в комсомол?

Он задумался.

«Ну, ну, что сейчас ответит Кабушкин? — насторожился Яшка.— Тоже мне — умник».

— Для чего вступаешь? — переспросили Ваню.

И Яшка, не поднимаясь, крикнул:

— Для того, чтобы заводить беспорядок! И жечь трамваи!

В зале все повернулись к двери. Гульсум вскочила с места и, не ожидая, пока ей дадут слово, подошла к столу.

— Так не годится, Яков! — обратилась она к сидевшему на задней скамейке помощнику диспетчера.— Мы не дадим в обиду Кабушкина. Вот как это было. Яков приказал пожилой женщине — кондуктору Никитиной отработать вторую смену. А Никитина и свою-то смену отработала еле-еле. Она говорит ему: не могу я, замерзла. Ваня тогда еще курсантом был, заступился. А помощник диспетчера начал угрожать им: не потерплю, мол, беспорядка. Но, по-моему, никакого беспорядка тут нет. А Никитину заменила Света.

— Нет, конечно! Нет! — загудел зал.

— А все-таки пусть Кабушкин скажет, почему вступает в комсомол,— снова потребовал кто-то из первого ряда.

— Скажу,— ответил Ваня.— Если примут, я вступлю с радостью. Потому что комсомол помогает строить новую жизнь. Для этого можно жить. И за это можно умереть. Если надо будет, я жизни своей не пожалею...

— Правильно, парень!

— Хорошо сказал!

— Пусть и про аварию скажет. Может, нам он дым в глаза пускает.

— И про аварию скажу,— ответил Ваня.— Сделал это не по халатности. Если комиссия найдет меня виновным, весь ущерб оплачу своей работой.

— Кабушкин тут не виноват! — крикнул молчавший до сих пор Харис.— Вот мы написали свое мнение.— Он вытащил из кармана бумагу и показал ее всему залу.— Одиннадцать водителей подписались!

Гульсум пояснила, что комиссия пока не пришла к единому решению, да и сгоревший кабель еще не вернули с экспертизы.

— Товарищи, наверное, мы виноваты,— сказал неожиданно поднявшийся дядя Сафиулла.— Короба, куда вложили новые кабели, заколачивали наглухо. Я говорю про двадцать четвертый. На складе мелких гвоздей не было — забили длинные. Один гвоздь, видно, задел кабель, и получилось это замыкание. Вот, полюбуйтесь! — Он вытащил из кармана и показал конец кабеля, пробитый гвоздем.

— Ну и дела,— обронил кто-то в зале.

— Тогда... тогда, может быть, Кабушкин расскажет про свои похождения... с ворами,— не унимался Яшка.— Ведь ни куда-нибудь, в комсомол вступает.

— Про какие похождения? — тревожно спросила секретарь.

— Это надо спросить у Кабушкина. Сегодня он не скроет, наверное, что побывал на суде, был замешан в темных делах и если бы не заседательствовал наш классный руководитель, то ему не сдобровать бы...

Зал загудел, как пчелиный улей.

Вскочили с мест Гульсум, Харис и Светлана.

— Ну и зловредный ты, Яков!..

— Зачем тебе ворошить старое?!

— Он вводит собрание в заблуждение, товарищи!..

Харис поднялся на трибуну и, сверкая глазами, стал рассказывать о Ване все, что знал. Как воры хотели втянуть его в свои темные дела, запугивали, но он не поддался. Как храбро защищал дом Пелагеи Андреевны. Как сам обо всем рассказал милиции, помог задержать преступников.

— Гладко у тебя выходит,— не отступал Яшка.— А Нигмат из-за кого погиб? Пусть скажет Кабушкин сам...

А Ваня стоял склонив голову и молчал: мысли, как в клубке, запутались, сердце учащенно билось. Он плохо соображал, чего от него хотят. Но знал твердо: сегодня решается его судьба, раз и навсегда. Если поймут его правильно и примут в свои ряды, то он свяжет свою жизнь с комсомолом навсегда, а если оттолкнут, то тоже... не на один год... «Надо,— думал он лихорадочно,— объяснить все до конца, чтобы не оставалось ни капельки сомнений...» Но как, оказывается, тяжело объяснить, если ты споткнулся в самом начале пути...

Харис кончил говорить. Не успел он еще сесть на свое место, как на трибуну поднялась Гульсум. Она говорила как на уроке: не торопясь, ясно, логично.

Яков ухмылялся. Нет-нет да и задавал ей колкие вопросы, желая сбить с толку. Но Гульсум отвечала убедительно.

Потом говорила Светлана, каким знала Ваню в школе, на работе...

А зал все шумел: одни осуждали его, другие, наоборот, никакой вины не видели.

«Хуже чем на суде,— подумал Ваня.— Там хоть поверили, а тут...»

— Можно и мне сказать? — вдруг послышался из задних рядов знакомый голос. Когда председатель кивнул головой, откашлялся и продолжал: — Хорошо, что меня пригласили сюда. Я знал, что при приеме Кабушкина в комсомол поднимется буря. Не все гладко получилось у парня. Не все... Тут говорили о нем много. И хорошее и плохое. Хочу к этому добавить, что знаю и думаю о нем сам. И можно ли принимать его в комсомол...

Ваня, еще не видя, узнал, что говоривший — Николай Филиппович. Слова учителя, горячие и хлесткие, оживляли и стесняли его: в зале было жарко, хотелось пить, а еще больше — сесть на скамейку, но Ваня

продолжал стоять у стола и смущенно смотреть на свои ботинки.

— ...У него, как видим,— заключил учитель,— были недостатки. Но жизненный опыт сам по себе не приходит. А Кабушкин чего только не перенес. Будем надеяться, такие испытания пошли на пользу, сделали его мудрее и тверже. Я верю, что он достоин звания комсомольца и вполне оправдает ваше доверие.

Ваню приняли единогласно.

А через неделю вручили ему комсомольский билет.

— Номер запомни,— сказала секретарь ячейки, пожимая Ване руку.

Он заглянул в билет и четко доложил ей:

— Номер 6 319 090. Никогда не забуду.

НЕ ТОРОПИСЬ — ОБОЖЖЕШЬСЯ!

Осенью Николай начал работать инструктором.

«Не рано ли?» — подумал Ваня. У старшего брата мало опыта и к тому же образование... Только семь классов. Правда, Ваня тоже не может похвастаться образованием, но ведь он водитель и не собирается в руководители. Трамваем управлять не то, что людьми. Николай же ничего, кроме параграфов инструкции, знать не хочет. Наверное, из-за того, что был таким аккуратным, сдержанным, и сделали его инструктором. Конечно, для молодых трамвайщиков, которые только что вышли на линию, он будет хорошим учителем. Но есть и такие водители, которых стесняет заведенный порядок.

Уже не первый раз горячо спорят братья дома по этому поводу. Николай придирается: почему сегодня, мол, опять нарушил инструкцию, ездишь с превышением скорости? А Ваня доказывает, что ее параграфы устарели.

— Заладил одно и то же,— упрекал старший брат.— Не греми, как пустой барабан...

Ирина Лукинична, улыбаясь, внимательно прислушивалась к их разговору. Вначале даже попыталась вмешаться, уговаривая младшего работать по закону, как требует старший. Но когда послушала Ваню, то убедилась, что и тот не пустой барабан. Если будешь водить на линии трамвай по-новому, сделаешь вместо шестнадцати кругов семнадцать и вдобавок сэконо-

мишь электричество. Последнее особенно понравилось Ирине Лукиничне. Потому что в домах тока часто нет, подают редко и то по строгому «лимиту»: если будешь дома жечь больше тебе назначенного, тут же или оштрафуют или провода совсем обрежут.

— Излишки тока направят по квартирам,— доказывал Ваня.

— Правильно, сынок,— поддержала мать.

Но старший брат серьезно предупредил его:

— Как бы такие излишки не вышли боком. На семнадцатом рейсе можешь и человека раздавить. Не торопись — обожжешься!

Мать испугалась:

— Делай только так, Ваня, как закон велит. Не то угодишь в тюрьму! Нет-нет, сынок, даже не говори об этом. Работай, как велят...

Ваня успокаивает мать, обещает. А рано утром, сев на трамвай, опять все делает по своему. И дома вечером снова спор. Долгое время Ваня был одиноким в этом споре, пока не появился Харис.

Их вечные соседи Бикбаевы получили новую квартиру, и с тех пор, как туда переехали, Ваня видел Хариса только на работе. Но в последнее время неожиданно Харис начал приходить к ним почти каждый вечер.

— Старое, говорят, не забывается, тетя Ирина,— улыбался он и протягивал ей или щепотку чая, завернутую в бумагу, или кусок пастилы — подарок матери.

Потом они с Ваней садятся у стола, застеленного старой газетой, и ждут Николая. Тот приходит с работы поздно. И все трое тут же возвращаются к прежнему разговору. Ирина Лукинична уже не присоединяется ни к одной стороне: прислонив спину к печи, она прядет пряжу и слушает.

Харис и Ваня убеждают Николая составить новый график. Они хотели, чтобы он сам написал об этом рапорт начальнику парка. Николай не только не соглашается, но и грозит им закатить по выговору за превышение скорости.

Куда пойти, у кого просить помощи? Они знали: подобно тому, как из одного пшена каши не сваришь, ничего не получится из того, что лишь один-два трамвая будут ездить по-новому. Действительно, что сделаешь один? Трамвай не автомашина, его не обгонишь. В графике с точностью до минуты указано: какой трам-

вай на какую остановку должен приехать в такое-то время. И во сколько тронуться. Эти минуты связывают всех.

Понадеялись, что им опорой будет Николай, но тот не загорелся. Наоборот, назвал их затею вздорной. А сегодня даже не пришел домой в обычное время. Надоело ему болтать попусту.

Парни поднялись и вышли на улицу.

— Скажу тебе новость,— сообщил Харис.— Гумер после того, как вышел из колонии, был с Николаем Филипповичем в археологической экспедиции. Раскапывал там развалины города Булгар...

— И клад нашел,— улыбнулся Ваня.— Золотые монеты.

— Нет, серебряные. Но очень ценные. Так сказал Николай Филиппович. Одну монету он подарил Гумеру. И сказал ему: старинное серебро, говорят, убивает микробы, так что всегда носи ее — в здоровом теле будет здоровый дух. На счастье!..

— Значит, Гумер не пропадет... Смотри-ка, неужели прошло четыре года?

— Меньше: три... Куда же мы пойдем? — спросил Харис.

Ваня подумал.

— Айда, постреляем из винтовки,— предложил он.

— Получили?

— Новенькую. Позавчера еще. Скоро и соревнование устроим.

— Добилась-таки Маша.

— Сейчас она и лыжи требует. Скоро ведь зима.

— Дадут ли? — усомнился Харис.

— Как не дать? Она еще, посмотришь, и велосипеды купит. В завкоме, говорят, деньги уже отпущены.

— Молодец,— удивился Харис.— Ваня, послушайка, может, нам с ней посоветоваться? Насчет графика.

Лицо Вани посветлело:

— Идея правильная. Как это сразу не пришло нам в голову? Айда.

— И Гульсум позовем.

— Пошли!..

В комнате комсомольской ячейки сидели они долго. Маша сама не была водителем трамвая и многое из того, что говорили ей ребята, не понимала. Как назло, и Гульсум не было дома. Попытки Хариса и Вани пояснить свое предложение и даже начертить его прибли-

зительную схему на бумаге оказались не очень удачными. Яшка смотрел на ребят ухмыляясь. Он выжидал.

— Завтра с утра надо проверить на линии по секундомеру,— сказала Маша.

— Хорошо, проверим,— согласился Харис.

Но Ваня, любивший ковать железо, пока горячо, не выдержал:

— Зачем же оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня?

— Как? — поинтересовалась Маша.

— Есть же свободный трамвай. Если Яков разрешит...

«Ну и хитер! — подумал Харис.— Когда ему нужно, поет, как соловей: дескать, если Яков разрешит!»

Яшка, выпрямившись, заявил торжественно:

— Раз это надо в интересах общего дела, такое разрешение будет.

— На каком маршруте?

— На четвертом.

Хотя Маша и не хотела брать кондуктора, считая, что в пробном рейсе тому нечего делать, но ребята разубедили ее и пригласили Светлану...

Вскоре трамвай стоял уже на первой остановке. Маша, посмотрев на часы, махнула рукой. Ваня перевел ручку. Моторы загудели, начали работать в полную силу. Скорость — сорок километров. На этом пути с такой скоростью ездить раньше запрещалось. Трамвай, грохоча и вздрагивая, летел по рельсам. Чаще обычного замелькали дома, столбы.

Ваня глядит за дорогой. Рука в любую секунду готова повернуть рукоятку в нейтральное положение. Для того чтобы колеса не скользили после остановки, нога так и просится нажать педаль сброса песка на рельсы. Не доезжая до поворота, Ваня прекратил подачу тока, и трамвай продолжал движение вперед по инерции. Расстояние в двести метров было пройдено без энергии. Ваня вздохнул, радуясь, что и на этот раз опыт его прошел успешно.

— Сорок две секунды сэкономил,— сказала Маша.— Поздравляю. Только смотри, будь осторожен. Слишком быстро едешь.

Светлана тоже стала работать проворнее: едва войдет последний пассажир, она дергает сигнальный шнур и закрывает двери. Ване только этого и надо. Вклю-

чает мотор, отпускает ногой педаль: трамвай осторожно трогается и немного погодя снова начинает бежать, грохоча и вздрагивая на стыках рельс.

Не заметили, как поехали в обратный путь. Во время рейса разговаривать с водителем трамвая не разрешается, чтобы не отвлекать его внимания. Но Ване сейчас самому хочется поскорей узнать результаты пробного рейса. Набралось ли две минуты в движении без энергии? Между какими остановками больше всего сэкономлено?

— Харис! — позвал он.

Тот наклонился к моторам: слушает, нет ли перебоев.

— Что случилось?

— Ничего. Я так...

— Нашел время такать,— упрекнул Харис.

То ли потому, что голос друга был строгим, то ли по иной причине, Ваня перевел разговор на другое.

— Когда я проезжаю здесь, то наклоняюсь вперед, будто сам помогаю моторам... А ты?

— Нет, я упираюсь ногами, как коза Пелагеи Андреевны. Не трать слов попусту! Гляди вперед.

— Сколько получилось?

— Дома подсчитаем!

— Есть ли две минуты?

Харис не ответил.

Ваня, закусив губу, смотрит на рельсы, убегающие под колеса. Когда гул моторов стихает, слышится, как Светлана предлагает билеты пассажирам или объявляет им следующую остановку. Хорошо идут дела, подумал Ваня, и ему вдруг потему-то захотелось петь. Но рядом стоял Харис. Еще просмеет...

У Булака Ваня всегда хватался за тормоз, чтобы осторожно въехать на мост. Но когда тормозишь, расходуется много энергии. Подсчитать бы, сколько? Теперь же, подавая ток моторам только по необходимости, он ведет трамвай спокойно. И тот, тихо погромыхивая, въезжает на мост по инерции, своим ходом. А тормоз — вот он! Только тормоз этот без языка. Поставить бы сюда счетчик, такой же, как на квартире у дяди Сафиуллы. Подсчитал бы он тогда все лишние расходы!

Харис и Маша сидят на первых скамейках и внимательно смотрят в открытые окна. Трамвай прошел

мимо Кабана — большого, с крутыми берегами озера, и приближался к центральной площади. Здесь нельзя было и думать о быстрой езде.

На площади сошли все пассажиры. Светлана, взгрустнувшая без работы, заглянула в кабину:

— Говорят, на Кабане строят водную станцию. Надо бы записаться,— улыбнулась она.— Может, и нам повезет.

— Куда? — не понял Ваня.

— Гляди, нырнешь на дно и достанешь золото,— вставил Харис.

— А кто его туда положил?..

— Скажите лучше, сколько мы сэкономили? — перебил Ваня.

— Туда — минуту и девять секунд. Стало быть, на рейс приходится около трех минут,— подсчитала Маша.

Ваня прикинул: если за смену шестнадцать рейсов, то по три минуты — уже сорок восемь. А в год — семнадцать с половиной тысяч минут. Или сто девять полных смен! Интересно, сколько станков сможет работать на этой сэкономленной энергии? Причем сэкономленной всего лишь одним трамваем. А если все трамваи перейдут на этот график? Ого!..

Ваня тронул трамвай с Кольца, как называют жители конечную остановку, и повел его в сторону парка. «Подожди-ка, нельзя ли дать чуть большее ускорение»,— подумал он и тут же прибавил силу тока. Трамвай послушно въехал на стрелку с приличной скоростью. Колеса, проскрежетав: «Нехорошо! Нехорошо!», ударились вдруг о стрелку. Жалостливо заскрежетал металл, что-то с треском лопнуло. Трамвай сошел с рельсов, проехал немного по земле и, наконец ударился в ларек с газированной водой. Со звоном полетели стекла, послышались тревожные голоса.

На улице образовалась «пробка», та самая, которой водители трамвая боятся больше всего на свете. Собрался народ, подъехала с воем аварийная машина...

И КАПЛЯ ТОЧИТ КАМЕНЬ

Ване дали выговор. Если бы не Маша, Светлана, Харис, могло быть и хуже. Яшка, боясь, чтобы ему тоже не попало, сказал, что не разрешал выводить в рейс трамвай с запасного пути. Дело осложнялось.

Маша, Светлана, Харис в один голос заявили, что они виноваты наравне с Кабушкиным. И тоже получили от щедрого начальника по выговору. А когда на общем собрании было предложено заставить виновника заплатить за ремонт испорченного трамвая, товарищи снова выступили в защиту Кабушкина. Маша сказала, что этот вопрос уже обсуждался на комсомольском собрании: Кабушкину вынесли порицание.

— Вашим порицанием трамвая не починишь,— заметил кто-то в зале.

Другой добавил:

— Убыток огромный.

Маша успокоила:

— Комсомольцы решили все возместить субботником.

Рабочие постарше допытывались, каким пришел водитель на работу — не пьяным ли, но, узнав, что несчастье случилось не в рабочую смену, а во время испытания, в один голос поддержали предложение ограничиться только выговором.

Один лишь Яков не был согласен с таким решением. Правда, он этого не сказал на собрании, воздержался, однако несогласие подобно древесному червю точило его изнутри. Почему все рабочие защищают Кабушкина? Кто он? Простой водитель. И среди водителей ничем не выделяется. Но за него все горой. В тот раз, когда принимали в комсомол, Якову даже говорить не дали. Выходит, слово помощника диспетчера ничего не значит. И Светлана задирает нос, не признает его. Вон уже старшего Кабушкина перевели инструктором. Скоро и Гульсум начнет работать диспетчером. Еще возьмет да и сделает Кабушкина своим помощником. Не зря защищает его, не зря. Сегодня прямо сказала: «Предложение Кабушкина достойно внимания, надо изучить его». Мать говорит: человек не ангел. Если покопаться, грехи у каждого найдутся. Надо лишь понаблюдать и «застать на месте преступления». Яков не из ленивых. Он постарается. И так уже постоянно следит за двадцать четвертым трамваем...

Однажды в пути его застигла похоронная процессия. Нарушив инструкцию, трамвай проехал поворот с большой скоростью, отчего треснули бандажи трамвайных колес. Конечно, пришлось заменить бандажи раньше срока.

В другой раз, не замеченный Кабушкиным, ехал Яшка с работы в его трамвае. Это было в конце августа. Душно. Двери открыты настежь. Кабушкин разговаривал с Харисом. Бикбаев прислонился к двери и словно наблюдает, как его друг ведет трамвай, ловко орудуя рычагами. Хорошо, запомним это,— подумал Яшка. Подожди-ка, не зайдет ли он в кабину. Тогда попало бы обоим. Нет, Бикбаев не дурак — порог не перешагивает. И разговор прервали. Наверное, увидели. А может, и Светлана их предупредила. Не зря же она краешком глаза косила на Яшку...

А он тоже не простак: уже давно глаз не сводит с водителя и кондукторши и никак не может определить их отношений. Кабушкин, кажется, не обращает внимания на девушку. Но та, видать, липнет к нему, как смола. На языке у нее: Ваня да Ваня. Дескать, Ваня хороший спортсмен, очень смелый, находчивый и бог знает еще какой. Девушки тоже рассказывают ему свои сердечные тайны, советуются с ним. Что бы это значило? Сам-то он вроде скучает только по Тамаре. Хотя и никому не говорит об этом. Но когда напомнят о ней, почему-то бледнеет и злится. Чудно! Если бы говорили Якову так про Светлану, он слушал бы с удовольствием... Но Светлана засматривается на Ваню. Из-за него в Осоавиахим записалась и ходит на стрелковые соревнования. Девичье ли это дело — стрелять из винтовки? Смехота одна. Из десяти выстрелов поразила раз тройку. Но тоже гнет свое. Все равно, говорит, с Ваней сравняюсь. А тот каждую пулю вгоняет в девятку или восьмерку... У Яшки тоже вот не получается — рука дрожит. Не может попасть выше четверки. Многие пули у него, как говорит Светлана, уходят «за молоком»...

После работы ребята и девушки пошли на соседнее Арское поле дострелять оставшиеся патроны. День ясный, теплый. Вовсю цветут липы. Вокруг них с жужжанием носятся пчелы, в траве трещат кузнечики.

Ваня, словно для полета, раскинул руки.

— Эх, до чего же тут просторно,— воскликнул он и, сделав стойку на руках, пошел с пригорка вверх ногами.

— Артист,— усмехнулась одна из девушек.

Другая добавила:

— Из цирка... Тебе, Ваня, по канату бы ходить, а не сидеть в трамвае.

Яшка позавидовал. Показалось просто, как еще не летавшему скворчонку. И он вдруг, бросившись за Ваней, тоже встал на руки. Но в пояснице что-то хрустнуло, руки в локтях задрожали, а ноги потянули вперед, и он, перевернувшись, плюхнулся на землю.

Светлана засмеялась громче всех.

— Ничего,— смутился Яшка,— я думал: это просто...

— Надо не думать, Яков Илларионович, а тренироваться,— пожурила Светлана.

Вот же никто не посоветовал — ни Гульсум, ни Маша. Именно Светлана сказала! Даже назвала его по имени-отечеству. Может, и заботится о нем, чтобы не был он посмешищем? Но прошло после того разговора много времени, а девушка не признает своего начальника.

Надо, надо приструнить ее немного. В любом случае от этого не будет вреда. Вот только бы подвернулся случай,— решил теперь Яков...

В окно трамвая хлестко ударил ветер. Где-то рядом с треском разорвалась молния, загромыхал гром и хлынул проливной дождь. Крупные холодные капли запрыгали по стеклу, забарабанили по крыше трамвая.

Люди, как по команде, заспешили, побежали по улице в разные стороны, прячась в подъездах, под воротами, под навесами. На трамвайной остановке — ни души... А дождь, холодный, осенний, все хлещет и хлещет. Какой-то человек прямо посреди улицы поднял руку.

«Видать, торопится, а до остановки далеко»,— подумал Кабушкин и вдруг затормозил трамвай. Мало того, распахнул передние двери. Харис подал руку прохожему и помог ему подняться наверх.

«Отлично,— решил Яшка.— Так и запишем». Для того, чтобы выполнить свой долг, он, расталкивая пассажиров, протискался к передней двери. Тот промокший мужчина стоит у кабины, благодарит Кабушкина и Бикбаева. Подожди, за это и начальник парка еще скажет свое «спасибо»! Надо и бандажи припомнить. Капля за каплей и камень точит...

— Кабушкин! — сказал он.— Ты нарушил порядок. Инструкция не разрешает в пути сажать человека в трамвай, тем более через переднюю дверь!

Харис и Ваня засмеялись.

— Посмотри-ка получше, кого посадили! — сказал Харис.

Яков повернулся к промокшему человеку.

— А, Николай Филиппович! — сказал он.— Здравствуйте.

Парни ждали, что Яков улыбнется и попросит у них прощения. Но этого не случилось. Он лишь посмотрел на ребят, сурово сдвинув брови.

Прошел день, второй. На третий день на доске объявлений появился приказ начальника парка о переводе группы рабочих в депо в электрический цех. Среди рабочих была и фамилия водителя трамвая Ивана Кабушкина...

Ваня долго смотрел на бумагу, стараясь улыбнуться, но улыбка не получилась, он круто повернулся и пошел в депо. Скорее, скорее бы выйти отсюда, из этого душного коридора на простор, на воздух.

Депо гудело голосами рабочих, звоном железа.

А вон и его трамвай. Будто чувствуя расставание, кажется, погрустнел, бедняга. Только что его вымыли: на стеклах крупные капли. Да и загнали его в самый дальний угол депо — на четвертый путь.

Неожиданно из трамвая вышел Яшка. Что он там делал? Наверное, зашел снять аншлаг с надписью: «Водитель трамвая И. К. Кабушкин». Точно! Табличка в его руках. Не рановато ли, Яшка, празднуешь?

Ваня подошел к нему вплотную.

— Зачем ты здесь, Яков? — спросил он, сжав кулаки от гнева.

— Этот вопрос я должен тебе задать, Кабушкин. Приказ читал?

У Вани поднялась рука.

— Продажная душа! — схватил он его за грудь.

— Караул! Спасите! — неожиданно закричал Яшка и бросился бежать вдоль четвертого пути в контору.

Стоявшие поодаль рабочие громко засмеялись. Ваню позвал дядя Сафиулла.

— Не связывайся,— посоветовал он.— Проучил разок, и хватит...

НА НОВОМ МЕСТЕ

Говорят, если не везет с утра, то не повезет и вечером.

Ваня стал работать в электротехническом цехе. Вначале вроде бы все шло хорошо. Он старательно счищал грязь и копоть с моторов, напоминающих огромных

морских крабов. Их привозили из депо на железной тележке. Потом раскручивал большие гайки величиной с кулак, с помощью молотка и зубила открывал крышки моторов, похожие на шляпы.

Начальник цеха был доволен его работой. Но вскоре он заболел, и на его место назначили техника Аню Кузьмину. С этой белобрысой ветреной девушкой Ваня давно был не в ладах. Несколько раз поспорил с ней на комсомольских собраниях. Однажды высказал, что неприлично ходить среди рабочих такой разнаряженной — в коротком платье, с длинными серьгами в ушах и с кольцами на пальцах.

В первую неделю Аня вроде бы не замечала Кабушкина. Да и он работал, не обращая внимания на свою новую начальницу. Это, видимо, и задело девушку. Она чаще стала наблюдать за ним и каждый раз донимала замечаниями. Рабочие поняли это по-своему и, вспомнив свою молодость, а также неписаные законы цеха, решили посмеяться над Ваней. Ближе к обеду сказали, что начальница велела ему отрубить кусок железа. Ваня подошел к верстаку. Там уже лежало зубило и в тисках торчал большой пруток железа. Ваня, засучив рукава, приступил к работе... Но что за оказия? Зубило не держится в руках, да и зажатое в тисках железо при каждом ударе вылетает на пол. Он вспотел, запыхался, а толку никакого — не поддается. В это время в цех вошла разодетая и раскрашенная Аня, посмотрела на смеявшихся в углу рабочих и, поняв, наконец, в чем дело, сама вдруг рассмеялась.

Неизвестно, чем бы кончилась эта невеселая шутка, если бы в цех не зашел дядя Сафиулла. Присмотревшись к инструментам, которыми работал Ваня, сказал ему:

— Брось! Не руби!.. Эх, Имамжан, дал же ты маху на этот раз! Для испытания тебя разыграли — намазали зубило и пруток свиным салом, безбожники. Поэтому и отскакивает в сторону. Поваляй в песке, оботри сухой тряпкой... Ах, темные души, вон что сделали с твоими пальцами. Хоть бы ты, красавица, предупредила.

— Вреда не будет,— улыбнулась Аня.— До свадьбы заживет!

— Герой не бывает без ран! — поддержал ее кто-то в углу...

Ваня не подал вида — обижаться не полагается. Со

всеми вместе посмеялся над своей неопытностью и пошел к моторам.

Кто-то из рабочих сочувственно обронил:

— Хороший парень...

А когда Кабушкину поручили в парткоме вести политинформацию среди рабочих, авторитет его и вовсе поднялся.

За пасмурной погодой всегда приходит солнечная. Так и у Вани. Он привыкал на новом месте, сдружился с рабочими, стал в цехе своим человеком. Только вот на трамвай тянуло по-прежнему. Будто уголек какой теплился внутри, напоминая о себе.

Яшка не оставлял его и здесь, словно только тем и занимался, что кого-то выслеживал, чего-то выискивал.

Как-то Ваня рассказывал рабочим о событиях, происходящих в мире. Рабочие окружили его и просили рассказать подробнее. Тогда он вытащил из валенка газету, сел на разобранный мотор и громким голосом начал читать:

— «Сегодня, 30 января 1933 года, президент Гинденбург принял в своем кабинете для переговоров руководителя национал-социалистической партии Германии Адольфа Гитлера и прежнего рейхсканцлера фон Папена. Рейхспрезидент Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером, по его предложению изменил состав правительства. Министры нового правительства члены той же национал-социалистической партии»... То есть фашисты,— пояснил Ваня.

— Если так пойдут у них дела, добром не кончится,— сказал один из рабочих, раскуривая папиросу.

— Этот Гитлер, говорят, не остановится,— добавил другой рабочий.— Будто хочет уничтожить всех коммунистов.

— Пусть попробует!

— Он еще такого наделает — ахнешь.

— Почему же не свернут ему шею? Где же там рабочие и коммунисты?

— Борются,— ответил Ваня.— Вот смотрите: «Сегодня в рейхстаге было заседание совета старейшин. Депутат-коммунист Торглер внес для рассмотрения рейхстага следующие вопросы. Высказать недоверие кабинету Гитлера... Организовать помощь для дальнейшего объединения рабочих...». Как видите, не бездельничают. Но власть и сила сейчас у фашистов. И как бы Гитлер не пересажал всех коммунистов...

— Не распространяй панику, Кабушкин! — послышался вдруг голос Якова. Никто и не заметил, как он вошел в цех.— Гитлер — пустомеля, ему не дадут развернуться. Думать по-твоему — значит, клеветать на передовых рабочих Германии! Это...

— Кабушкин лишнего не говорил,— заступился какой-то рабочий.— В газете пишут правильно.

Кто-то нечаянно повернул воздушный кран, и струя воздуха из шланга, взметая пыль, ударила Яшке под ноги.

— Так тебе и надо,— сказал Ваня.

Яшка попятился к двери, затем, погрозив Кабушкину кулаком, выскочил из цеха...

Начались весенние дожди — время, когда часто выходили моторы из строя. Как только собиралась вода вдоль путей в низинах, так и жди: трамваи будут возвращаться преждевременно. Железная тележка из депо в электротехнический цех прибывала на день по три-четыре раза. Вдоль стены, как на складе, выстроились в ряд моторы. Если их не ремонтировать вовремя, трамваи перестанут выходить на линии.

В электротехническом цехе рабочие трудились, не поднимая головы. Неожиданно пришла беда: отремонтированные моторы начали дымиться на испытательном стенде. Шутки, смех исчезли. Все работали молча, стиснув зубы.

Когда крепили очередной мотор для испытания, один из рабочих тяжело вздохнул:

— Ну, если сгорит сейчас и этот, не знаю, что делать.

— Надо искать причину,— ответил Ваня.

Мотор должен выдержать на испытании ток в три тысячи вольт. Прежде выдерживал. А теперь... Один и тот же мотор электрики уже разобрали и собрали трижды. И впустую. Результат пока плачевный.

— Давай позовем техника,— предложил бригадир.

Как всегда, лишь после долгих поисков нашли Аню Кузьмину. Та вошла с видом делового человека — в руках бумага и карандаш. Глядя исподлобья, посмотрела соединения проводов. Проверила чистоту коллекторов. Тонкие губы ее сжались в презрительной усмешке. Наконец, засунув руки в глубокие карманы халата, накинутого на пальто, и встав на чистое место, чтобы не испачкались фетровые сапожки на высоких каблуках, она приказала:

— Подсоединяйте мотор!

Ваня подошел к щиту и включил рубильник: тонкие стрелки на приборах вздрогнули, мотор заревел, заработал. Всем стало весело, будто услышали в гуле мотора какую-то волшебную музыку.

Аня посмотрела на часы, отточенным карандашом записала в свой малюсенький блокнот время и гордо вскинула голову: дескать, зачем по пустякам меня пригласили.

Рабочие в это время, затаив дыхание, следили за приборами. Вдруг появился характерный запах едкой гари. Потом из коллектора мотора брызнул ослепительный сноп колючих искр и повалил дым.

— Сгорел! — очнулась Аня и, как ни в чем не бывало, зажав нос платком, направилась к двери.

Ваня крикнул ей:

— Подождите! Почему же он горит?

Рабочие пожаловались:

— В третий раз его собрали. Сколько труда ухлопали!

— Что за причина? — допытывался Ваня.— Вы же техник...

— Надо получше работать.

— Работаем, как всегда. Но не получается, помогите!

— Я принимаю исправные моторы, а не исправляю испорченные,— ответила Кузьмина и вышла, громко хлопнув дверью.

Что делать? Снова разбирали мотор, отмывали в бензине обуглившиеся ролики. Советовались между собой. За работой и разговорами обида на техника забылась. Только Ваня все еще не мог успокоиться. Какую же обязанность исполняет в депо эта красавица? Неужели училась на техника только для того, чтобы две-три минуты посмотреть на вольтметр и записать номер мотора? Почему не выясняет причины аварии? Вины тех, кто работает в цехе, нет здесь, нет...

— Ребята, надо позвать комиссию! — решил наконец Ваня.— Зачем делать одну и ту же работу несколько раз. Я пошел.

— Куда пошел? В контору?

— Домой.

— Неудобно...

— Бесполезная работа. Я не буду. А вы как хотите...

Рабочие заговорили, заспорили. Наконец решили

послать Ваню к самому начальнику парка. Пусть разберется.

Начальнику не понравилось, что Кабушкин так сердито набросился на техника, но потом он понял, что парень сердится не без причины.

В электротехнический цех послали комиссию. Среди ее членов были секретарь ячейки Маша и Гульсум: они интересовались, как относится Аня к своим обязанностям, к рабочим. Другие осматривали мотор, который после того, как из него был вынут якорь, напоминал сруб сгнившего колодца. Блестевшие раньше ролики обгорели, потрескались. От едкого запаха лака и резины многие члены комиссии морщились. Поставив приборы, проверили магнитное поле, осмотрели места соединений, изоляцию. Ничего подозрительного не было. Все на месте. Мотор собран, как положено, по всем правилам. Тогда отправили в лабораторию лак, которым покрывали катушку. Анализ показал, что лак этот не пригоден для изоляции.

Технику Ане Кузьминой дали строгий выговор. Ее же заставили оплатить стоимость ремонта сгоревших моторов.

Через неделю Ваню перевели на свое место — водителем двадцать четвертого трамвая.

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

Пришла весна. Обогоняя друг друга, побежали звонкие ручьи. За неделю снег на улицах почти растаял. На стеклах трамвайных окон появились надписи: «На Волге тронулся лед!» Горожане толпами, как на сабантуй, устремились к Волге — полюбоваться ледоходом. Трамваи шли на Дальнее Устье переполненными.

Светлана, высадив пассажиров у берега, попросила Ваню задержаться на пять минут. Он укрепил тормоз и тоже вышел из трамвая.

Кого только не было на берегу Волги. Все одеты празднично. Бабушки в ичигах и башмачках, в цветастых платках, повязанных по-татарски, старики в тюбетейках, сосредоточенные, приглаживающие пальцами усы, глядели на ледоход молча. Детишки бегали наперегонки, как молодые жеребята, и трудно было понять, что их больше занимает: лед на реке или возможность порезвиться. Нарядные длиннокосые девушки из-под опущенных ресниц поглядывали на своих суженых, а

парни с расстегнутыми воротниками, казалось, были готовы сразиться с любым батыром. И все будто чего-то ждали, что должно случиться непременно сейчас, в эту минуту.

Льдины, подталкивая друг друга, плыли вниз по Волге с шумом и грохотом. И не было им конца-края.

Ване стало грустно. Вон рядом — спокойный залив. На островке поблескивают серебром пушистые сережки ивы, словно ждут чьего-то прихода. В детстве он не раз заглядывал сюда... Не долго думая, Ваня перепрыгнул с льдины на льдину и, сорвав самую красивую ветку, вернулся к трамваю.

— Тебе,— сказал он Светлане, не глядя ей в глаза.

Она растерялась, щеки покраснели, голубые глаза казались теперь синими.

— Я?.. Мне?.. Спасибо,— улыбнулась она, взяв пушистую ветку, и что-то еще хотела спросить, но Ваня опередил ее:

— По дружбе... За помощь.

Синий огонь в ее глазах погас. Она кивнула на трамвай:

— Поехали?

— Да, Света. А то, кажется, задержались.

Подходя к трамваю, она, трогая рукой нежные сережки ивы, сказала:

— Скорей бы лето, с цветами на лугах, чистым небом.

— Мне тоже надоела холодная погода. Вот пройдет ледоход, сразу все переменится...

Действительно, наступившие теплые дни многое изменили. И прежде всего в самих отношениях Вани и Светы. На работе у них все вроде оставалось по-прежнему. Двадцать четвертый график не нарушал, план перевозок пассажиров тоже выполнялся. В свободное время Ваня ходил на лодочную станцию или на стадион — играть в футбол. По вечерам иногда бывал на занятиях спортивного кружка и раз в неделю на стрелковых соревнованиях. Светлана тоже не отставала. Как оказалось, слов на ветер она не бросает: и стреляла не хуже, чем он, и ездила на велосипеде, и занималась гимнастикой...

Яшка все высматривал, как сыч. Из его намеков было видно: Тамара уже не будет присылать своей подруге писем, потому что ей все известно. Яшка постарался.

Пришел сабантуй. Двоюродная сестра Светланы уехала в деревню — там этот праздник проходит всегда интересно и по-своему. Светлана пригласила своих подруг и друзей на выходной в дом сестры. В том числе и Гульсум с Ваней.

Было очень весело. Во главе стола посадили Светлану с Ваней, сославшись на то, что вместе, мол, работают. Светлана была так хороша и нарядна, что парень смутился: белокурые волосы уложены колечками, брови подведены, ресницы черные. Розовое платье с коротенькими рукавами, подшитое снизу тонкой лентой, обтягивало стройную фигуру девушки...

После первой рюмки запели под музыку граммофона. Пластинка попалась старая, и игла часто кружила по одному следу, наигрывая: «гм-гм-гм», до тех пор, пока ее не подталкивали рукой.

Послушав две такие нестройные песни, Светлана, стуча каблуками, прошла на кухню и вынесла большую сковороду с эчпочмаками. Опустив ресницы, краснея и чуть улыбаясь, она пошутила:

— Кому понравится мой пирог, тому и я понравлюсь.

Девушки и парни пробовали пироги, расхваливая того, кто их стряпал. Когда же Ваня сказал, что и раньше любил эчпочмак с жирной утятиной, но такого вкусного, как сегодня, еще не пробовал, все вдруг зашумели, требуя поцеловать Светлану.

— Почему же только я? — растерялся Ваня.— Всем пироги ее понравились.

— Но ты похвалил их особенно,— сказал один парень.— Так что не отказывайся. Мы ждем...

— Горько! Горько! — подхватили гости в один голос.

Светлана, сверкая глазами, подошла к нему покорная. Когда кто-то воскликнул: «Посмотрите, какая пара!», Ваня, раз этого требовал обычай, поцеловал ее в губы...

Затем снова крутили пластинки, плясали. Когда же гости начали расходиться по домам, Светлана задержала Ваню.

Гульсум, наблюдавшая весь вечер молча, посмотрела на Ваню с укором. Перед уходом протянула Светлане письмо, свернутое вдвое, и тихо сказала:

— Прочти сейчас. От Тамары.

Светлану словно подменили. Она сразу же насто-

рожилась, будто держала в руках что-то обжигающее, хотела бросить, да не могла этого сделать при Ване. Густо покраснев, она отошла к комоду и, опершись на него, стала читать. Потом круто повернулась, тряхнув белокурыми завитками волос, с улыбкой сказала:

— Ладно!.. Давай теперь выпьем вдвоем.— Налила две длинные рюмки доверху, чокнулась и выпила свою до дна.— Душно. Открой, пожалуйста, окно...

Ваня раскрыл, и в комнату ворвался свежий воздух полуночи.

— Спасибо... Садись вот сюда,— показала Светлана на стул рядом с собой.

Он сел. В такое положение ему еще никогда не приходилось попадать. Он уже посматривал то в раскрытое окно, то на закрытую дверь, соображая, как бы скорее отсюда вырваться.

Девушка, заметив его беспокойные взгляды, тоже отрезвела.

— Ваня, ты меня...— она остановилась, видимо, не решаясь сказать то, что хотела, и устало произнесла: — Ты мне веришь?

— Верю. Ты, Света, хорошая, все такая же мечтательница...

Она задумчиво повторила: «Хорошая...» — на глаза навернулись слезы. Потом тихо спросила:

— Разве плохо, когда человек хороший?..

— Нет, конечно...— сказал Ваня каким-то чужим голосом, не зная, что добавить еще. А сказать что-то нужно.

Светлана опередила его:

— Ты знаешь, скоро приезжает Тамара.

— Ну и что?

— Ты же любишь ее.

— Когда-то любил... А теперь не знаю. Да и не хочу сейчас о ней слышать.

Светлана опустила голову и, смущаясь, сказала:

— Вчера эти слова обрадовали бы меня. И я была бы довольна таким ответом, веря, что остальное придет со временем. Сегодня я уже другая... Гульсум... осуждала нас. А твои слова... Надо оправдать их — быть хорошей.

В открытое окно бесшумно влетела ночная бабочка и начала кружить на потолке у лампочки.

— Знаешь, проясним наши отношения раз и навсегда. Чтобы каждый пошел своей дорогой...

— А я не хочу этого,— как-то упрямо сказал Ваня.— Мне с тобой хорошо.

— Но это не самое главное. Ты сейчас пьян...

— Я не пьян, слегка только, чуть-чуть...

— Все равно. И пусть этот разговор между нами никогда больше не повторится. Мы останемся с тобой просто друзьями...

Ваня перестал улыбаться, молча поднялся.

На столе, упав с потолка, зашуршала бабочка с опаленными крыльями. Ваня, взяв ее бережно пальцами, выпустил в окно:

— Лети, глупая.

Часы на стене пробили двенадцать.

— Начался новый день,— сообщила Светлана.— Нам пора по домам...

ВОТ ЭТО ВСТРЕЧА!

Когда Николай, женившись, перебрался на другую квартиру, в доме стало пусто. Ирина Лукинична загрустила:

— Вот растишь, растишь и отпускаешь от себя,— жаловалась она, тяжело вздыхая.— И кто-то чужой забирает сына...

— Жена, мама, не чужая,— доказывал Ваня.— Да и вечно вместе не живут...— Он улыбнулся, пригладил волосы:— Вот скоро мне подойдет срок семьей обзаводиться...

— Ну!.. Ты еще погоди, Ванюша.— Ирина Лукинична внимательно посмотрела на сына:— Света, похоже, не плохая девушка...

Шутливое настроение Вани пропало.

— Я погожу еще, мама,— сказал он.— Время терпит, успею.

— Смотри сам, сынок. А я приняла бы Свету...

Жена Николая оказалась подругой Светланы. Сперва Света навещала подругу, а теперь нет-нет да и наведывалась к Ирине Лукиничне. То воды принесет, то полы помоет. Придет Ваня домой, кинет взглядом, и все ясно становится:

— Опять приходила?

— Да, сынок. А что здесь плохого? Пусть помогает. И ей хорошо, и мне. Девушка-то не плохая, Ваня. Так ведь?

Он соглашался:

— Хорошая...

После вечеринки Ваня все рассказал Харису. Тот осудил его.

— Мой отец говорит: все девушки красивые, а выбирать надо одну...

Нелегкое дело, держать в сердце одного человека и думать о другом. Нет, чтобы он ни говорил Светлане, а не забывается Тамара. Кажется, где-то рядом она — смотрит за ним обиженная, притихшая. Какое-то чувство неловкости незаметно воздвигает каменную стену между ним и Светланой.

Ваня слышал не раз, что сердце может заранее предчувствовать встречу с любимым человеком, которого ждешь — не дождешься. Именно такое состояние испытывал он в последнее время. И оказалось не зря...

Как-то вдвоем со Светланой пошли они на плавательную станцию. Светлана, поднявшись на верхнюю площадку, стояла на самом краю и любовалась берегом. То и дело вскидывала руки, похожие на крылья, и глубоко, всей грудью, вдыхала воздух. Но прыгать не торопилась. Словно хотела показать себя: смотрите, какая я стройная, красивая. Даже какой-то фотограф, не спрашивая разрешения, навел в ее сторону аппарат. Но щелкнуть не успел: в это время Светлана замахала Ване рукой — звала его к себе, на площадку.

Нехотя, словно шел одалживать у соседей огня или денег, направился он к вышке. Весь берег усеян загорающими. Под ногами распустились, как цветы на поляне, яркие зонтики. Ребята и девушки в черных очках, с белым защитным носом и с ластами на ногах, похожими на растопыренные лапы лягушки.

Черные очки да белый нос так изменяют человека, что не узнаешь и близкого. Вон, например, девушка в синем костюме с белой чайкой на груди. Она уже давно следит за Ваней, да и сейчас провожает его на вышку любопытным взглядом. На ее ногах такие же синие «лягушачьи лапы». А рядом с ней лежит на песке резиновая маска с металлической трубкой и с круглым стеклом. Должно быть, умеет глубоко нырять. На плавательной станции до сих пор не было девушек с такой маской.

Ваня поднялся на площадку. Светлана улыбнулась ему.

— Ты что сегодня такой хмурый? — спросила она, как ни в чем не бывало.— Смотри, смотри,— тронула его

плечо рукой,— фотограф вон щелкнул! Давай прыгнем — пусть на лету снимет...

Слегка подскочив, Светлана вытянула руки по бокам и красиво нырнула в воду. Ваня, сделав мертвую петлю, нырнул следом, только в другую сторону.

— Айда, закажем фотографу карточки! — предложила Светлана, когда Ваня показался из воды.

Он кивнул головой и саженками поплыл к берегу.

Фотограф оказался бывалым человеком. Быстро поняв, чего от него хотят, тут же повернул аппарат в их сторону:

— Сколько сделаем?

— По две,— сказала Светлана.

Фотограф метался туда-сюда по берегу, выбирая место, не раз приседал, пока наконец не щелкнул затвором.

— Готово! Скажите ваш адрес...

Вдруг рядом, не показываясь на поверхности, что-то скользнуло, и на воде появились пузыри. Еще, еще. Они будто всплывали со дна роями, устремляясь вдаль.

— Погляди, кто это так забавляется,— кивнула Светлана.

Ваня тотчас нырнул в ту сторону. Широко раскрыв глаза под водой, осмотрелся. Здесь неглубоко, солнечные лучи сделали воду ярко-зеленой. А вон что-то синее. Только удивительное дело: шевелится еле-еле, как раненая рыба, и медленно плывет на середину озера.

Ваня, поднявшись наверх, вдохнул побольше воздуха и снова нырнул. Темная тень, кажется, почуствовала, что ее преследуют: собрав последние силы, она попыталась ускользнуть. Однако Ваня поймал ее за «лягушачью лапу», затем перехватил рукой повыше и, оттолкнувшись ногами, поднял чье-то гибкое тело на поверхность.

Это была та девушка в синем костюме с белой чайкой на груди.

Светлана, размахивая руками, что-то кричала фотографу — и тот уже направил аппарат на спасителя и спасенную.

Девушка в маске оттолкнула Ваню руками.

— Глупая,— сказал он.— Ты же чуть не захлебнулась!

— А тебе какое дело?! — возмутилась девушка.— Зачем ты меня преследовал?

Голос ее был каким-то шипящим, словно простуженным.

— Извините,— растерялся Ваня.— Я подумал: вам плохо...

— Зато тебе хорошо,— усмехнулась она, сказав это уже другим голосом.

Ваня вздрогнул. Он заглянул в стекло, покрытое сверкающими каплями, но девушка тут же отвернулась и, разгребая руками воду, пошла к берегу.

— Снимите их, пожалуйста, еще разок снимите, вот они выходят из воды,— умоляла Светлана фотографа.

— Постойте! — крикнул Ваня.

Догнав девушку, он решил взглянуть на ее лицо. Набрался смелости и потянулся к маске.

— Не смей! — сказала та и сама сдвинула стекло на лоб.

— Тамара! — воскликнул он.— Зачем же так разыгрывать?

Она молча смотрела на него злыми глазами.

— Какая ты стала!

— Такая уж...

— Да нет... Выросла, похорошела...

Она смутилась, потом усмехнулась:

— Говорить ты всегда был мастер... Наверное, и ей пел то же самое,— кивнула она на Светлану.

— Светлане? Так это же твоя подруга.

— Была когда-то...

— Зачем ты так: она не виновата. Сама-то сколько времени пропадала. Ни адреса, ни привета.

— Тот, кто хотел, нашел.

— Яшка?

— Не только.

Ваня взял Тамару за руку:

— Бежим отсюда.

Пошел мелкий теплый дождь, словно процеженный сквозь тонкое сито. За ботаническим садом по мосту мчался пассажирский поезд, окутанный дымом. А в небе над мостом и поездом появилась еле заметная радуга.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

После того, как прислали повестку явиться на комиссию, Кабушкин почувствовал себя красноармейцем. Конечно же, его признали годным. А вместе с ним — Хариса и Яшку.

— Явиться послезавтра,— сказали в военкомате обрадовавшимся парням.

Итак, впереди полная романтики и отваги армейская жизнь, знакомство с настоящим боевым оружием, командирами, стать которыми они не раз мечтали сами.

На другой день утром Кабушкин с приподнятым настроением зашагал в трампарк. Слесари электротехнического цеха и рабочие депо наперебой поздравляли его. Особенно девушки смотрели с восхищением.

Прямо в депо, под открытым небом, собрались на митинг. Ваню, Хариса и Яшку пригласили в центр круга, как на сабантуе. Сказали напутственное слово, вручили подарки..

Потом домой зашел дядя Сафиулла, за чаем вспомнил первую свою встречу с Кабушкиными в 1915 году, вздыхал об ушедшей молодости. На прощание сказал:

— Служи, Имамжан, Родине нашей честно. Будь храбрым солдатом! Ты можешь не вернуться, но имя твое все равно возвратится к нам. Не забудь этого, сынок!..

Вечером перед расставанием Тамара подарила ему вышитый платочек и, целуя и плача, дала клятву ждать его.

Кончилась вольная жизнь. Новобранцев поместили в «Журавлевской мельнице», что в Адмиралтейской слободе. С одной стороны Волга, с другой — железная дорога. По Волге, издавая протяжные гудки, день и ночь плывут пароходы. Про железную дорогу и говорить нечего — ежечасно со свистом проходят поезда...

Ваню пока никуда не выпускают. Рядом с ним Харис и Яшка. Оказывается, тут уже служит Гумер Вафин, Яшка его встречал. Говорит, передавал привет. По словам Яшки, всех должны оставить под Казанью. Где-то есть местечко под названием «Архиерейская роща». Там, дескать, формируется восемьдесят шестая имени Верховного Совета Татарстана стрелковая дивизия. Вернее, дивизия давно уж сформирована. Только называлась раньше отдельной мусульманской, а ее командиром был отважный Якуб Чанышев. Дивизия в гражданскую войну сражалась против белогвардейцев. Теперь она переформирована. Красноармейцев, набранных в этом году, как уверял Яшка, будут учить на шоферов и трактористов.

Действительно, вскоре новобранцев направили в «Архиерейскую рощу». Тут жили в палатках. Каждое утро будил голосистый сигнал горна. Команды: «Шагом

марш!», «Бегом!», «Ложись!» — так надоели Ване, что слышались ему даже во сне. Вдобавок он один остался в 169 полку, другие ребята попали в соседний — 330 полк.

Ваню зачислили на интендантскую службу. Командир его, капитан Кадерметов, лишнего не требовал, голоса не повышал. Но все равно Кабушкина будто подменили. Не стало веселого, жизнерадостного парня. Все из рук валилось. Похудел, нос заострился, уши торчали, как у кролика,— скучал по родным, особенно по Тамаре. В письмах просил ее прийти к лагерю. И несмотря на строгий запрет, ухитрялся проскользнуть к ограде, перекинуться с Тамарой взглядом, поговорить.

Однако тоска не убывала. К счастью, Ваню перевели в другое подразделение, затем отправили на Дальний Восток. Там он попросился на границу. Начальник пограничной заставы лейтенант Иван Терешкин, присмотревшись к новичку, решил: пусть послужит в отделении бывшего шахтера Гильфана Батыршина. Тут Ваня принял боевое крещение, которое заставило его забыть все личное.

Случилось это в сенокосную пору. Пограничники спустились в низину, в четырех-пяти километрах от заставы, косить высокие травы. Не зная усталости, работали до полудня. Кабушкина подозвал командир отделения. Заметив на покосе, что коса его то и дело утыкается в землю, он показал как надо ее держать в руках, размахиваться и подсекать густую траву под корень. Попутно расспросил о делах, о семье, о родине.

Вместе легли отдохнуть на копне. По левую сторону пасутся нерасседланные кони. Каждая лошадь безостановочно качает головой, отмахивается гривой и хвостом от оводов, мошек. Неожиданно между сопками показался на узкой тропинке скачущий во всю прыть всадник. Он закричал еще издали: «Тревога! Японские самураи нарушили границу!»

— К оружию! — скомандовал Батыршин.

Все вскочили на коней и поскакали выполнять приказ, переданный связным, в районе озера Хасан. Переправились через глубокий залив.

Начальник заставы лейтенант Терешкин приказал расположиться у подножия соседней высоты. Вырыли окопы, траншеи, огородились колючей проволокой и на подступах к сопке закопали мины. Пока было тихо, подвели к проволочным заграждениям пустые консервные

банки: прикоснется нарушитель — зазвенят. И вскоре они, действительно, зазвенели. Тин-тин!.. Пограничники прислушались: да, кто-то ножницами режет проволоку.

Батыршин тут же позвонил начальнику заставы и доложил о своих подозрениях.

— Есть!.. Есть! — говорил он полушепотом, затем, положив трубку на место, приказал троим красноармейцам, в том числе и Кабушкину, следовать за ним в траншею.

Спускались они к подножию сопки, навстречу самураям. Удастся ли обнаружить нарушителей? В предутреннем тумане пока ничего не видно.

Командир отделения шепотом приказал соединить концы кабелей от фугасных мин. Затем все четверо замерли, прислушиваясь.

В поредевшем тумане появились первые ряды японских солдат; с кинжальными штыками наперевес торопились они к сопке.

— Стой! — крикнул командир отделения и дал два предупредительных выстрела.

Самураи ответили беспорядочной стрельбой.

— По нарушителям — огонь! — скомандовал Батыршин.

Загремели друг за другом четыре мощных взрыва. Ударило упругой воздушной волной, посыпались комья земли. Нарушители побежали назад.

Когда рассеялся туман, японцы начали артиллерийский обстрел. На сопке бушевал огонь, земля вздрагивала. Потом самураи возобновили атаку. Шли во весь рост, как на параде, уверенные, что на перепаханной снарядами высотке никого не осталось.

— Отделение, огонь! — скомандовал опять Батыршин.

Судорожно затрещал пулемет, полетели десятки гранат — и японцы вынуждены были отступить. Но атаки на этом не прекратились...

Кончались патроны, а силы далеко не равны. Высоту защищали всего лишь тридцать семь советских воинов, самураев же более четырехсот. И все-таки пограничники стояли насмерть, пока не подоспела помощь *...

Японцев прогнали.

---

* За этот подвиг командиру отделения Гильфану Абубакировичу Батыршину было присвоено звание Героя Советского Союза.

А к Кабушкину привязалась лихорадка. Совсем замучила. Нужно было менять климат, и его отправили в свою дивизию, которая к тому времени расположилась в городке Ломоносово под Ленинградом.

Весть, распространенная когда-то Яшкой, оказалась правильной. 169 стрелковый полк ввели в состав бронетанковых войск. Так как в полку не хватало шоферов и трактористов, Кабушкина зачислили на курсы водителей. В конце февраля, прицепив к своей машине сани, он выехал на лед Финского залива. Через два дня участвовал в прорыве сильной обороны белофиннов и на занятом нашими войсками острове Койвисто был ранен.

Война с ее беспрерывной артиллерийской стрельбой, наступлениями вдруг закончилась. В конце марта за образцовое выполнение боевых заданий в борьбе против белофиннов 169 мотострелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. А в начале апреля победители вернулись в Казань.

Тамара встречала парня первыми цветами — подснежниками. Она держала их в руках и пристально смотрела на дорогу. Едва поезд подошел к вокзалу, а Ваня спрыгнул на перрон, девушка протянула ему цветы:

— Живой? Здоровый?

— Как видишь.

— Пошли скорее...— улыбнулась она, смущаясь.

Он взял ее за руку, заметив, как на безымянном пальце блеснуло когда-то им сделанное для нее золотое колечко. Это колечко имело свою историю. Весной, перед уходом в армию, Ваня остановил трамвай за мостом, не доезжая Кольца: ремонтники срочно налаживали дорогу. День выдался жаркий, и он сошел напиться воды у колонки. В луже рядом плескались утки. Одна жирнее другой.

Какая-то сердитая тетка с прутом в руках стала загонять уток домой. Селезень с фиолетовой отметиной вдоль крыла ни за что не хотел покидать лужу.

— Из-за тебя, окаянный, перестали утки слушаться! — проклинала хозяйка селезня.— Уводишь их на Кабан, а дорогу домой забываешь. Совсем разжирел, проклятый. Пущу тебя в лапшу...

— Тетя, продай этого селезня,— сказал Ваня.

— Думаешь, не продам? Все равно его щука сожрет — глубоко ныряет, проклятый.

Слово за слово — сторговались.

В тот вечер мать и Николай еще не вернулись домой с работы. Ваня зарезал купленного селезня, ощипал его и начал потрошить. Когда разрезал наполненный камешками желудок, что-то в нем блеснуло. Ваня ковырнул концом ножа: небольшая монета.

— Настоящее золото, сынок! — сказала потом Ирина Лукинична, попробовав монету на зуб.

— Неужели тетя кормила своих уток монетами? — засмеялся Николай.

— Рассказывали, когда чехи покидали Казань, то все награбленное золото ссыпали в Кабан. Может, селезень твой и нашел тот клад,— сказала Ирина Лукинична.— Словом, береги монетку, Ванюша, не теряй.

— Он из нее выплавит колечко,— сказал Николай.— Для своей невесты.

— Можно, можно сделать и обручальное,— согласилась Ирина Лукинична.

Ваня, действительно, из найденой монеты сделал такое кольцо. Только не расплавил, а сковал его молоточком...

Сейчас это воспоминание вызвало у него улыбку.

— Пойдем,— ответил он Тамаре.

Держась за руки, вышли на вокзальную площадь. Казань такая же, не изменилась. И башня Сююмбеки, и вон слева по-прежнему дымили заводские трубы...

Улицу Карла Маркса пока не видно. Мать, наверно, сейчас на работе. И не думает, что Ваня вернется именно сегодня: только неделю назад он писал ей, что после госпиталя дадут месячный отпуск, но пока неизвестно, когда будет врачебная комиссия. И вдруг повезло — в тот же вечер назначили комиссию. Ваня успел только дать короткую телеграмму Тамаре.

И вот он уже в Казани. Привокзальная площадь, мощенная булыжником, подсохла. Из лежащих в саду кучек почерневшего снега просачивается вода в низину, где в сверкающих на солнце лужицах купаются воробьи, чуть поодаль воркуют голуби.

Тамара, засмеявшись, потянула Ваню за рукав шинели.

— Куда? — не понял он, оглядываясь.

— Никуда.— В ее сияющих глазах появились искорки: очень веселой и привлекательной показалась она ему в эту минуту.

— Знаешь, о чем я подумала? — спросила Тамара, чуть склонив голову.— Если сумеешь угадать...

— Что подаришь?

— Все, что пожелаешь!

— Ты стала смелой.

— Потому что... Потому что все равно тебе не угадать.

— Приблизительно догадываюсь. Хочешь полететь сейчас в небо. Нет? Тогда хочешь сказать, давай-ка пойдем прямо к нам...

— Ко мне? — удивилась Тамара.

— Нет, ко мне,— пояснил он.

— Ты уж того... лишнего придумал. Рановато нам.— И, встав на цыпочки, чтобы не замочить блестящих туфель, она прошла вперед, через ручей. Ваня посмотрел ей вслед — на ее черные косы, на ее красивые ноги, обтянутые светлыми чулками. Тамара, словно чувствуя этот взгляд, обернулась и густо покраснела. Он подошел к ней и взял ее под руку.

— Глядя на голубей в той луже, я вспомнила, как мы в детстве ходили на Волгу смотреть ледоход,— сказала Тамара.— Помнишь?

— Как же не помнить? Будто вчера это было.

— Там еще ты сказал мне какие-то хорошие слова.

— Что я тебя люблю?

— То было позже. Во всяком случае, у прощального костра я уже почувствовала... Так вот я снова хотела бы на Волгу.

— Не сегодня, в другой раз. Ведь я и дома еще не был.

— Давай завтра. Если не раздумаешь...

Они стояли на трамвайной остановке. Долго ждали трамвай. Наконец, решили пойти пешком. Не доходя Булака, на углу прежнего Сенного базара, он задержался посмотреть афиши. Тамара, оказывается, уже знала, что идет в кинотеатрах, и поэтому афиши ее не занимали.

— А вот интересней всего,— сказал он.— Смотри: Николай Филиппович выступает с лекцией в музее «Об археологических исследованиях в Татарии». Пойдем?

— Конечно.

К ним подошла старуха с можжевеловой палкой и протянула целую горсть нательных крестиков.

— Купи, солдатик, святой крестик. Купи близким своим: жене молодой, сестре милой, матери родной. Купи чадам своим: сыну или дочери кровной,— тараторила она, не переставая.— Быть целым и невредимым помо-

жет крест святой, всесильный. Купи, солдатик, рубль всего стоит-то. А мне на пропитание...

Ваня сунулся в нагрудный карман, думал просто дать ей рублевку, и вдруг уставился на старуху.

— Только на хлеб насущный,— промямлила та, почувствовав что-то неладное.— Из психбольницы вышла я. На дорогу ничего не дали. А ехать надо...

— Почему так обманываете? — не сдержался Ваня.

Старуха попятилась.

— Боже упаси... пресвятая дева Мария. С чего бы мне врать?

— Я хорошо знаю, из какой вы больницы, Глафира Аполлоновна.

— Свят, свят, свят,— перекрестилась старуха. Придержав белыми пальцами свои очки, она посмотрела сквозь разбитое стекло внимательнее:

— Подожди, подожди-ка. Чей же ты будешь, солдатик?

— Иван я, Кабушкин.

Тут ее белые пальцы дрогнули.

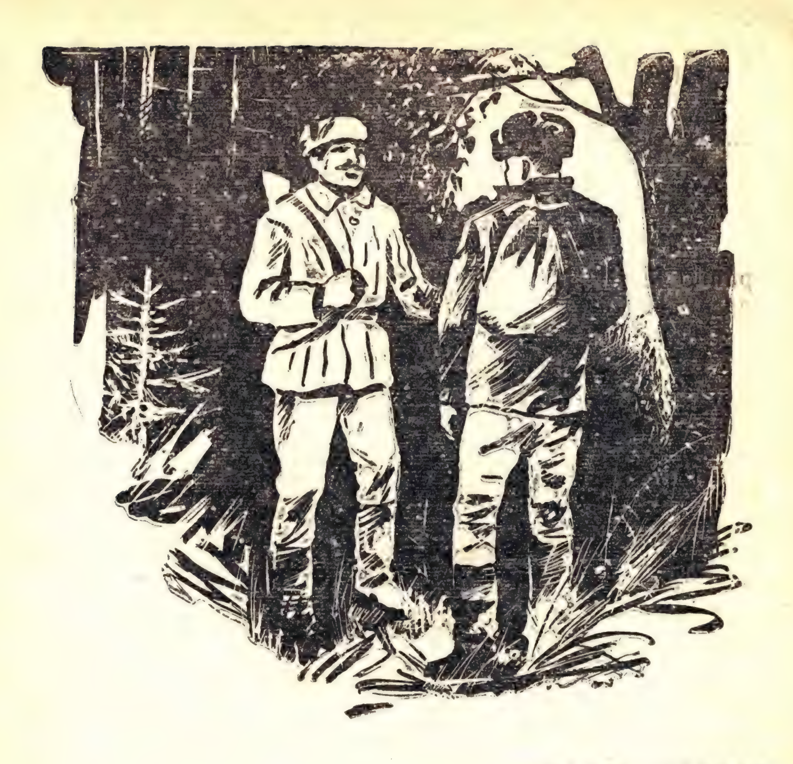
— У-у, палач! Не прибили тебя там, на фронте? Прибьют, бог даст, еще прибьют, окаянный. А ты, красавица, беги от него. С антихристом счастья не увидишь. Нечестивец он, богохульник.

— Нет, нет, он мой жених! — воскликнула Тамара и, прижавшись к Ване, потянула его в сторону.— Пойдем от сумашедшей.

Они уже выходили на большую улицу, а старуха все еще стояла на углу и, грозя можжевеловой палкой, выкрикивала им вдогонку свои проклятия.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ТЫЛУ ВРАГА

Когда в партизанский отряд прибыл с «Большой земли» самолет, Кабушкин, услышав об этом, рассчитывал: ему вручат письмо. Но надежда не оправдалась. Расстроился, взгрустнул. Каждый кустик, каждое дерево, наконец, сам густой и притихший лес — все напоминало ему родные места, Волгу. Погруженный в свои думы, он шагал и шагал по лесной тропинке. С того памятного дня прошло не так много времени, а кажется — вечность.

...Кабушкин гостил в Казани недолго. До конца отпуска было еще далеко, а он уже получил повестку явиться к военкому. Догадался: вызывает отец Тамары. Солидный, с острым взглядом, награжденный двумя боевыми орденами...

При виде повестки Кабушкиным овладело какое-то странное чувство — не то легкий испуг, не то удивление:

для чего военком требует к себе? Прознал про их с Тамарой любовь? Правда, тут ему бояться нечего, потому что любовь у Ивана чистая, если можно так выразиться — мечтательная.

Может быть, как отец, военком хочет ближе узнать, что за птица избранник дочери, предостеречь ее от всяких неприятностей? Конечно, если захочет, он вправе сказать: хотя ты и понюхал солдатского пороху, однако все равно не чета Тамаре. Она еще очень молода, не набралась ума и ошибается в своих чувствах, а следовательно, и выборе.

Долго беседовал с Кабушкиным военком. Обстоятельно. В конце сказал:

— Тамара мне все рассказала о тебе, Иван. Вижу, парень ты с головой. Потому я советую тебе учиться. Солдатскую жизнь знаешь. За год станешь лейтенантом. Ну, договорились?

Это был почти приказ. Но последние слова военкома прозвучали как-то очень тепло, по-отечески заботливо, а прищуренные голубые глаза смотрели открыто и ободряюще.

На прощание военком крепко пожал руку Ивану:

— Ну, желаю успехов.

Через девять месяцев Кабушкину, окончившему краткосрочную военную школу, присвоили звание лейтенанта интендантской службы, и он после двухнедельного отпуска должен был начать службу в пограничных войсках Минского военного округа.

Он приехал в Казань — доложить своему будущему тестю-военкому об окончании учебы и просить руки Тамары. К сожалению, военкома не застал — полковник Петров сам отбыл на учебу в Москву. Но на свадьбу приехал. От души поздравил дочь и зятя, пожелал им счастья, порадовался сам. Только не совсем одобрил решение молодых — уехать сразу вместе на заставу, где должен служить Иван, отложив на год экзамены Тамары в медицинском институте.

После стольких месяцев разлуки Тамара, конечно, не хотела расставаться с любимым. Ирина Лукинична поддержала ее. Вскоре втроем они отправились в Белоруссию, к месту назначения Вани. Оказалось, что отсюда до Малаховцев — родного села Ирины Лукиничны — рукой подать.

Все складывалось как нельзя лучше. Когда приехали в часть, Ваня встретил одного из своих старых знако-

мых, капитана Кадерметова, теперь майора. Кадерметов помнил и Тамару — она не раз навещала Кабушкина в начале его службы в Казани, когда новобранцы были на карантине, часто заходила к капитану за разрешением на свидание. Вспомнили прошлое, посмеялись.

Ирина Лукинична уехала в село к родным — предстояли свадебные хлопоты и здесь. Потом началась армейская жизнь...

Для Вани и Тамары то было первое лето — с росными утрами, туманами, медовым запахом отцветающей липы,— когда они собирались провести его вместе. Но внезапная война спутала все планы. Запомнились лишь спешные проводы Тамары и — плен...

Все как в кошмарном сне. Может быть, сон и сегодняшнее тихое утро в лесу, будто вовсе нет войны. Чуть больше полгода назад, еле волоча ноги от усталости, шагал он в строю с такими же, как сам, пленными в сторону Минска. Не мог даже подумать, что еще раз увидит такое утро. Только пыльная дорога. И солнце...

Тамара, Тамара, моя красавица-черноглазка, где ты теперь, родная? Не забыла ли своего Жана, скучаешь ли?..

«Жан» стало его партизанской кличкой. Как того требовала конспирация, он никому не называл настоящей фамилии. В Минске его знали как бывшего командира Красной Армии, преданного Родине, знали как неуловимого разведчика и грозного мстителя, который выполнил в логове врага не одну дерзкую операцию. Знали как связного партизана. Но никто не знал, откуда он, кто его близкие, родные.

Он шел по белорусскому лесу, настороженному и тревожному, обдумывая, какое очередное задание ему предложат сегодня. Вдруг услышал:

— Салям*, земляк!

Мысли Кабушкина оборвались. Перед ним стоял приземистый человек, почерневший от ветра и солнца: широкое обросшее лицо, на котором, однако, ясно виден глубокий шрам, узкие прищуренные глаза, черные усы. Лет двадцати восьми — тридцати. «Нет, не похож он на знакомого! — подумал Кабушкин.— Зачем тогда выдавать себя первому встречному. Такое к добру не приведет. Не зря говорят: сказанное слово — серебро,

---

* Привет *(тат.)*.

а молчание — золото! Кажется, человек этот в нашем отряде новичок».

Усатый хитро улыбнулся и, как бы читая мысли Кабушкина, сказал:

— Я пришел из соседнего леса только вчера. Скоро пойду обратно.

— Мне что за дело до того, когда кто приходит или уходит,— недовольно пробурчал Кабушкин, не останавливаясь.— Возвращайтесь хоть сейчас.

— Мы не чужие, Жан,— спокойно продолжал незнакомец.— Так, по-моему, тебя называли ребята. Хотя бы Харис... Да и Тамара... Вспомни-ка. Кроме того, первых наших командиров в дивизии — Зашибалова, Кадерметова...

— Моя дивизия — партизанский отряд, куда вы пришли, товарищ...

— Вафин,— протянул руку усатый и рассмеялся:— Нельзя быть таким забывчивым, товарищ лейтенант. Или, может, проще — недавний женатик.

«Вафин... Так это же Гумер Вафин! — чуть было не крикнул Кабушкин.— Только странное лицо... Впрочем, пусть немного выговорится...»

Наконец они объяснились. Вспомнили последний предвоенный вечер. Тихий и тревожный. Засиделись у Кадерметовых до полуночи. Командир полка Михаил Арсентьевич Зашибалов уехал на пограничный командный пункт — проверять оборонительные укрепления, дзоты. А к майору приехала жена. Артистка. Вот и захотелось ему провести время в обществе своих земляков. Слушали песни Асии Измайловой, записанные на пластинку. Тамара все забавляла маленького сына Кадерметовых, он так и не сходил с ее колен...

А на рассвете — война. Артиллерийский и минометный огонь, бомбежки. В городе с треском пылали крыши, деревянные дома, сараи, выбрасывая в небо черные клубы дыма. Потом проводы жен, родных...

— Оброс, усы отпустил, не сразу признаешь тебя,— еще раз пристально поглядел на Вафина Кабушкин.

Тот посерьезнел, глянул с укором.

— Хорошо, что все-таки признал, а то не подступиться... Отчего не спросишь, как живу.

Кабушкин спросил другое, видно, более его интересующее:

— Ты как тут очутился?

— Прибыл для связи между отрядами.

— Ну что ж, хорошо. Будем знать, кто в соседях.— Казалось, он оживился: подпрыгнув, схватился руками за толстый сук. Сук не выдержал, затрещал, нарушив тишину леса. Кабушкин невольно завертел головой — огляделся.

— Наших, казанских, тут никого не встретил? — спросил Гумер, обиженный тем, что друг детства с ним так обошелся.

— В отступлении?

— Да.

— Встретил Якова Лысина. Только, по правде говоря, не обрадовался встрече. Даже вспоминать не хочется...

— Трусоватый он парень,— вставил Гумер.

— Мелочной и шкурник. Еще в Казани, когда работали в трампарке, написал на меня жалобу за то, что я впустил в дождь через переднюю трамвайную дверь Николая Филипповича. И сейчас таким остался.

— У него не сорвется,— усмехнулся Гумер.— Недавно я получил из дома письмо. Жизнь в городе нелегкая. Но работают, не хнычут. Николай Филиппович ходит в старом латаном костюме, голодный, а для победы отдал государству все заработанные деньги и серебро, что раскопал на развалинах. А серебра было много: килограмма четыре.

Кабушкин словно спохватился — вспомнил свой давний разговор с Харисом.

— Послушай, Гумер, тебе ведь тоже Николай Филиппович дал одну монету. Целая она?

Гумер нахмурил брови.

— А почему я должен потерять ее? — пожал он плечами. Помолчал и улыбнулся:— Тут целое богатство. Хочешь не хочешь, а никуда не денешься — поверишь в колдовство. Николай Филиппович говорил: серебряная монета приносит человеку счастье, потому и дал. Она и в самом деле вывела меня из окружения. Теперь это мой талисман.

— Ну? Дай поглядеть.

Гумер расстегнул верхние пуговицы телогрейки и, сунув руку за пазуху, вытащил кожаный кисет, развязал шнурок и нащупал в табаке монету.

— Держи.

Кабушкин взял монету, сдул с нее табачную пыль и несколько раз подбросил на ладони, будто пробовал на вес. Потом с любопытством стал разглядывать блестя-

щий кружок, напоминавший о далеком детстве, об учителе...

— Вернулась бы та пора,— вздохнул Вафин.

— К чему? — Кабушкин отдал монету хозяину.— Давай лучше не будем.

— Что не будем? — вскинул брови Гумер.

— Попадать в окружение — вот что.

— Я о другом подумал,— Вафин, махнув рукой, спросил:— А Яшка вспомнил учителя?

— Ну что ты. Он вспоминал своих девушек. Говорил всякое про Светлану.

Закурили. Кабушкин молчал. Невеселой была та встреча с Яковом, о ней теперь и говорить не хотелось...

НЕПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

...Их дивизия с боями отступала к Бресту. Едва прошли первые километры, как выяснилось, города Гродно и Брест уже в руках врага. Близ города Слоним, у станции Зельва, немцы сбросили большой десант с артиллерией, чтобы преградить дивизии дорогу. Любыми средствами они стремились окружить штаб, но это им не удалось. Однако встреча с десантниками обошлась дорого — погибло много воинов. Заместитель командира дивизии Молев, тяжело раненный, попал в руки врага. Подразделения, в том числе и взвод Кабушкина, сопровождавшие штаб дивизии, направились к городу Слуцку. Стрелковые полки, госпиталь и другие части — всего до семи тысяч бойцов — по лесным тропинкам отступали к городу Лунинец. В небе с ревом проносились вражеские самолеты, по шоссе сплошной колонной продвигались немецкие танки...

Тут в отступлении Кабушкин и встретил Якова. И до этого знал он: в дивизии, носившей имя Верховного Совета Татарстана, служит много казанцев. Майор Кадерметов как-то показал ему список младших командиров: дескать, погляди, нет ли знакомых. Кабушкин нашел фамилии друзей детства — Хариса Бикбаева, Андрея Счастливцева и других. Но ни с одним из них встретиться не удалось. И вот — пожалуйста.

Яшка мало изменился: те же светлые волосы, хитроватые глаза. Даже в армии не бросил привычку одеваться щегольски: пилотка набекрень, гимнастерка подпоясана широким офицерским ремнем.

— Ну и встреча! — воскликнул Яшка от неожиданности.— Не думал — не гадал, что так свидимся.

— На войне может быть и хуже,— сдержанно ответил Кабушкин.

Зашагали рядом. Под ногами с треском ломались сухие ветки, местами чавкала вода. Они то прыгали с кочки на кочку, то шли набитой колеей.

— Говорили, ты на интендантской службе,— сказал Яшка, доставая из кармана папиросы.— Где же твои машины? Почему не катишь по дороге, а слоняешься по лесам.

— Часть сожгли, другие отправили в тыл.

Яшка, не торопясь, прикурил и после двух-трех затяжек спросил:

— Тамара успела выехать?

— Успела.

Впереди на большаке показалась машина с красным крестом. На приступке раскрытой двери, словно что-то высматривая, стояла молоденькая медсестра, усталое веснушчатое лицо в капельках пота.

Яков тут же захромал, с видом человека, терпящего страшную боль, стал кусать нижнюю губу и вцепился в руку Ивана.

— Я — раненый, ты меня сопровождаешь. Пошли,— завопил он.

— Ты что?! Только что...— Иван не успел досказать.

— Товарищи раненые красноармейцы, есть место для двух человек, пожалуйста,— сказала медсестра.

Над головами, чуть не касаясь верхушек деревьев, пролетел варжеский самолет. Взмыл в высокое чистое небо — и тут же в нескольких местах разорвались бомбы. Взметнулись копны огненного дыма, земли, обломков деревьев.

— Ложись!..

Еще более сильный, чем прежний, взрыв потряс округу: просеял смерть второй самолет. Одна из бомб попала в машину с красным крестом. Когда дым развеялся, на ее месте осталась лишь чадящая яма.

— Выходит, не пришел еще наш черед,— поднялся с земли Яков.— Долго будем жить.

Кабушкин ничего не ответил.

Потрясенные случившимся, они шли молча.

— Послушай-ка, Ваня, наверное, не годится все время думать о смерти. Хватайся за любую соломинку. Иначе нельзя. Зубами...— Видно, о чем-то вспомнив, он

замолчал и уже каким-то другим, приветливым голосом спросил:— Правда, что на твоей свадьбе не удалось испечь хлеб из пшеницы, что колосилась на семи полях, и из воды, взятой из семи родников?

— Правда,— коротко ответил Иван. Потом добавил:—Мы было намерились сыграть свадьбу, как хотела мать, в ее родном селе, но помешала война.

— Выходит, зря гонялись за обрядом, никакого толку. Я еще в Казани говорил тебе, пустое дело.— Яков безнадежно махнул рукой.— Кого дороги влекут в Рим, кого в Мекку, а кого и в могилу.

Кабушкин зло посмотрел на Якова.

— При чем тут это. Нам бы пройти через белорусские леса. Соединиться со своими.

— Уже проходим. А может быть, здесь остановимся? Смогли бы хоть свадьбу сыграть по-настоящему. С обрядом.

— Что ты хочешь сказать, Яков?

— Ладно, не обращай внимания. Чего только не сядет на язык в таком аду... Ты погляди: вокруг грохот, взрывы, вой, озверело прут танки. Чем все кончится, а?

— Чем кончится, давно известно: разобьют себе носы и побегут без оглядки. Всегда так было и теперь будет так.

— Вряд ли. Гитлер прет на самой лучшей технике. Так что на этот раз не побежит. Уверенно заявляет: одержит молниеносную победу.

Ваня вспомнил разговор, который состоялся четыре года назад в трампарке. Яшка тогда говорил другое.

— Помнишь, когда я в электроцехе читал однажды газету рабочим? Ты сказал, что Гитлер — шантрапа, пустозвон. Помнишь?

— Злопамятный ты, Кабушкин. Вряд ли я так говорил.

— На память не жалуюсь. И ничего не забываю.

— Плохого,— усмехнулся Яшка.

Когда остановились на отдых, Яшка устроился на пеньке у обочины дороги, достал из кармана блестящую стопку и, наполнив ее спиртом из фляжки, выпил, потом налил Ване:

— Хватни.

Кабушкин отказался:

— В такую жару глоток бы родниковой воды.

— Тогда за твое здоровье.

Яков выпил и вторую стопку.

— А где твоя винтовка?

— К чему она? С меня и пистолета хватит. Я штабист...

Настроение у Яшки после выпитого спирта поднялось. Не обращая внимания на усталых бойцов, несших на себе оружие и боеприпасы, он стал вспоминать прошлое.

— Да, были молодые годы. Как говорил Харис, гороха полные карманы. Куда все ушло? Точно и молодости не было... А сколько девушек растеряли.— Помолчал, явно сожалея.— Я ведь, Ваня, так и подцепил тогда Светлану. В трампарке когда работали, в Казани. Не забыл? Она стала такой легкомысленной, выпивать научилась. А раз девушка пьет, не хозяйка она уже себе... Как бы тебе сказать: и нашим, и вашим... Я, грешным делом, думал, ты гулял с ней.

— Опьянел или чокнулся?

— Почему же? Просто Света мне все рассказала... Замучил ты девушку, хоть сам с Тамарой крутил...

— Оказывается, каким ты был, таким и остался. Хорош...

— На что намекаешь?

— Хватит! Не то...— Кабушкин резко поднялся.— Надоело слушать твои бредни. Не по-мужски это. Штабист...

— Все, все...— тут же примирительно сказал Яшка и поспешил к толпе отступающих.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Судьба еще раз свела Кабушкина с Яковом. Случилось это уже в лагере военнопленных.

Отступая с полком, взвод Кабушкина расположился на какой-то безымянной высоте. Фашисты забросали ее минами, затем поднялись в атаку.

Совсем оглохший, Иван перетащил два уцелевших пулемета в сторону. Один из них оказался неисправным. Тогда, взяв коробку с патронами, он перелег ко второму. Ждать пришлось недолго. Немцы снова поднялись в атаку. Стиснув зубы, Кабушкин поливал их длинными очередями. «Только бы хватило патронов. Только бы хватило...»,— неотвязно стучала мысль. Но тут кто-то внезапно запрокинул ему голову назад и схватил за горло. Потом навалились еще двое. Съежившись кошкой, он кого-то пнул в живот, кому-то разорвал гимнастерку,

успел ударить головой снизу в подбородок. Его стукнули по голове чем-то тяжелым...

Выволокли Кабушкина к дороге, бросили, махнув рукой: все равно, мол, кончился. Он открыл заплывшие кровью глаза: мимо шагают пленные. Одежда у многих порвана, свисает клочьями. Головы мокрые — у одних от пота, у других — от крови,— опущены...

— Вставай, браток, вставай,— шепнул один из пленных.— Сам не встанешь, пустят в расход.

Он еле поднялся. Но ему не дали упасть — повели, подхватив под руки. Гнали к Минску. Ни пить, ни есть не давали. Говорят, без еды человек может вытерпеть недели три. А без воды? Где-то звенит ручей. Перекатываясь, булькает вода... Эх, глоток бы. Один глоток...

Вдруг среди пленных пробежал слух: белорусов, за которыми могут прийти родственники, выпускают на свободу.

Кабушкин не поверил. Но слух подтвердился. Коверкая русские слова, об этом сообщил немецкий очкастый офицер, проехавший на легковой машине в сторону Минска.

— Так будет новый порьядок,— заявил он, делая упор на слове порядок.— Возвращайтесь домой и помогайт Германии.

Видно, такое великодушие придумано не зря. Заигрывают немцы: не воюйте, мол а работайте на великую Германию. Хитро, ничего не скажешь. Надо попытать счастья — освободиться, а там будет видно. Умереть всегда успеется.

Как в детстве, один план рождался за другим. Только бы найти подходящих людей. Иван еще ни разу не был в Минске. Если немцы спросят, откуда он родом и где его семья, должен быть готов ответ. Нет, нельзя говорить, что он из Минска.

Сразу себя обнаружишь, ведь не знаешь ни одной улицы, ни здания.

Иван доверил свою тайну одному пленному — Иванову, который раньше жил где-то под Минском.

— Посмотрим,— неопределенно сказал тот.— Прежде надо, чтобы меня самого выручили отсюда.

Минск был разрушен. Всюду сплошные развалины. Оборванные, голодные жители с котомками за плечами, жалким скарбом в руках, возвращались домой, поняв, что пути к отступлению отрезаны. Но вместо своих домов находили груды щебня...

Пленных загнали в лагерь, обнесенный колючей проволокой, у парка Челюскинцев. Совсем как обреченную скотину, доставленную в город на убой...

Немцы еще раз объявили по радио, что готовы отпустить минчан по домам.

К лагерю начали стекаться местные жители, надеясь найти среди пленных родственников. Появилась и жена Иванова — молодая, но измученная женщина, с длинными, как у мусульманок, косами. Горько поплакали, прильнув друг к другу у колючей проволоки.

— Ну, как же дальше будем жить? — спросила она мужа, вытирая слезы на печальных глазах.

Кабушкин подошел к Ивановым. Жена, стесняясь чужого человека, потупила голову. Но муж, словно протрезвел, торопливо вытер глаза рукавом и сказал ей:

— Познакомься, Маруся: это мой друг Жан.

Маруся присмотрелась к нему и, чуть улыбнувшись, кивнула головой. Кабушкин выждал, когда удалились немец и полицай, наводившие порядок среди пленных, и попросил ее «найти» ему каких-нибудь родственников.

— Вытащим парня из этого ада,— вмешался муж.— Спасем его, Маруся?

Женщина немного подумала, видать, что-то вспоминала.

— Есть у меня подруга. Нюрой зовут. Попрошу ее.

Кабушкин стал объяснять, что надо сделать. Но тут у самых ушей послышался шепот:

— Мне тоже найдите жену. Иначе номер ваш не пройдет. Лопнет.

Кабушкин поднял голову и удивился: перед ним, держа на окровавленной перевязи руку, стоял исхудавший, в грязной и ободранной одежде Яков. Облизывая пересохшие потрескавшиеся губы, он добавил:

— Пожалуйста, Жан, замолви хоть ты за меня слово. Пусть не сомневается. Я женюсь на любой женщине. Сделаю так, как она захочет, пусть только заберет меня отсюда и вылечит.

Яшка был поистине жалок, и Маруся, сморщившись, брезгливо поглядела на него. А Иванов, будто ничего не заметил, мягко проговорил:

— Попробуй, Маруся.

Та в знак согласия кивнула и, взяв мужа за руку, пошла с ним в направлении проходной.

— Не верю я этой стерве. Не сдержит слова! — проговорил Яшка сквозь зубы и плюнул.

— Поживем, увидим...

— Тебе-то чего — не сомневаюсь, жена найдется. Ты всегда нравился женщинам. Сумел вон даже вскружить голову дочери самого военкома. Светлана по тебе сходила с ума. Только мне вот не везет. Почему и сам не знаю.

— Ты же говорил про Светлану другое...

— Неужели не понял: просто трепался...

На этот раз плюнул Кабушкин и, отвернувшись от Якова, замолчал. Говорить с ним ни о чем не хотелось.

— Вот мы с тобой и оказались бусинами, нанизанными на одну нитку. В самом деле, как бы не пришлось играть свадьбу. А? — юродствовал Яшка. Он вдруг преобразился, как тогда на дороге, с машиной.— По белорусскому обряду? Только не забудь потом мою доброту: так и быть, не скажу, что ты женатый.

— К твоему сведению, жениться еще раз не собираюсь.

Яшка непонимающе глядел на Кабушкина: тот по-прежнему стоял к нему спиной.

— Зачем тогда они будут выручать нас, если мы не станем на них жениться? Это же глупость!

— Боюсь, ты не поймешь. Скажу только одно: если сам не захочешь, тебя насильно никто не женит.

Яшка вызывающе рассмеялся. Но смеялся тихо, чтобы не привлекать внимания других — пленных, полицая. Он, как ему казалось, нашел свои неотразимые доводы.

— Сразу сядут на шею! И попробуй пикни, тут же выдадут немцам.

— Не смей так говорить! — Кабушкин обернулся.— Привык всех мерить на свой аршин. И теперь выгадываешь, как бы не промахнуться. Гляди: не плюй в колодец, пригодится еще напиться.

Яков отмахнулся словно от мухи:

— Постой-постой, не зазнавайся. За нами никто и не придет!

— За мной придут. За тобой — сомневаюсь...

— Если за мной не придут, не думай, Ваня, вырваться отсюда. Я расскажу, что ты зять комиссара. Будем жить — вместе, умрем — тоже вместе. Мы же бусины, нанизанные на одну нитку. Вот так!

— Хорош гусь. Я давно замечал. Но так и без шеи остаться можешь.

К счастью, пленные разговора не слышали. Все они страдали от жажды и были озабочены, куда бы пона-

дежнее спрятаться от солнца. А тут еще донимали мухи: раны и окровавленные бинты так и притягивали их.

Кабушкин присел в тень стены какого-то строения. Сжал ладонями виски. Голова трещала, мысли были туманные. Но надежда не покидала. Это, он считал, главное. Конечно, кто-нибудь придет за ним. По-другому быть не может. И здесь свои люди, советские. А вдруг Яков продаст? Тогда конец. Не пожалеют и ту святую душу, которая захочет протянуть руку помощи Ивану. Впрочем, если дела примут такой оборот, женщина сможет повернуться и уйти. Чего проще, скажет: не ее муж, ошиблась.

Когда он, погруженный в свои думы, было забылся, пленные разом поспешили в сторону проходной. Там у ворот стоял немец и, держа в руке бумагу, звал Якова Лысина.

Яков посмотрел на Ивана краешком глаз и гордо прошел вперед.

— Яков Илларионович Лысин?

— Йа, йа *,— закивал головой Яков.

— Ду ист белорус? **

— Йа, йа...

Немец что-то сказал широкоплечему, высокого роста человеку, на рукаве которого была повязка со свастикой. Тот цепким глазом оглядел пленного, довольно мрачно произнес:

— Жена пришла за тобой.

— Давно пора. Вот вернусь домой и отлуплю чертовку за то, что сразу не выполнила приказание немецких властей...

— Как звать жену?

«Ну, пропал Яшка, попался! — подумал Кабушкин.— Откуда ему знать имя женщины, которую он ни разу не видел? Пропал...»

Но Яшка и тут остался Яшкой. Он нашел способ выйти из воды сухим. Облизывая губы, сказал:

— Вы о какой жене говорите, господин хороший? Жен у меня, если считать законных и незаконных, набирается пять человек...

— Ты разве мусульманин?

— Нет, христианин я. Родом из Загорска. Дом моего

---

* Да, да *(нем.)*.

** Ты белорус? *(нем.)*

папаши совсем недалеко от семинарии. Усадьбы три-четыре вниз, по правую руку...

Видно, сообразив, что дела принимают неприятный оборот и надо спасать положение, из-за дощатой двери выскочила полногрудая молодая женщина, которая, кажется, не уступала Якову в хитрости и коварстве. Она тут же кинулась на своего «мужа»:

— У-у-у, идол проклятый!.. Нашел наконец себе место! Что ж не пришли твои шлюхи? Опять понадобилась Авдотья? Хоть плохая, но своя, законная...

— Авдотьюшка! Авдотьюшка! — взмолился узнавший ее имя Яков.

Глаза женщины, явившейся выручать своего «мужа», смотрели испытующе. Лишь ярко накрашенные пухлые губы остались полураскрытыми от удивления или от недоумения. В ушах холодно блестели дешевые металлические серьги.

Немец и полицай смотрели то на женщину, то на пленного.

В самом деле трудно было поверить, что эта толстая, как печка, молодуха жена такого щуплого, похожего на вареного нырка пленного.

Яков должно и сам почувствовал, что жизнь его висит на волоске, так и сыпал словами.

Полицай, кажется, стал уже догадываться: пленный ведет себя так неспроста, грубо схватил его за рукав:

— Ты говоришь — белорус и женат на этой женщине?

— Да, да, господин хороший,— скороговоркой лепетал Яков.— Даже свадьбу по-старинному сыграли. Все как полагается.

— Вон как! Тогда скажи мне, как зовут дружек жениха по обычаю наших свадеб? Или чем обсыпают молодых в день обручения? А может скажешь, какой главный подарок в приданом? — Полицай ехидно ухмылялся, глаза его, как два буравчика, сверлили Яшку.

Хотя в детстве тот не раз бывал у Кабушкина и слышал, как мать рассказывала сыну об обрядах белорусов, но в памяти он их не сохранил — тогда было ни к чему. Поэтому теперь пытался бессвязно что-то плести, но толком ничего не мог сказать: все выходило невпопад.

Женщина быстро сообразила: надо убираться подобру-поздорову. Сказала:

— Нет, нет, человек этот не мой муж. Только нос

немного похож. И то у моего он чуть поаккуратнее, не такой острый, как у этого хряка. Так что ошиблась я, простите...

Полицай, не тратя слов, с размаху ударил Якова в ухо. Точно сноп, повалилось обмякшее тело, которое тут же куда-то уволокли. Больше Яшка на глаза не показывался. Остался ли он жив, Кабушкин не знал.

Услышав эту печальную историю, Гумер молчал. Потом сказал в раздумье:

— Да, запутался Яшка. Не смог пройти через мост Сират.

— О чем ты? — не понял Кабушкин.

— По древним легендам мусульман, есть такой мост над адом. Тоньше волоска, острее бритвы... Праведники проходят по нему, а грешники попадают в ад. Вот и Яшка сорвался...

— Там, за проволокой, своих испытаний хватало, похлеще всяких выдумок.

— Ты прав,— согласился Гумер.

Где-то рядом, давая о себе знать, каркнула ворона. Еще раз. Звук, будто просыпавшись сквозь голые ветви, гулко покатился по лесу. Однако ответа не последовало, и птица, каркнув еще раз — на прощание, с шумом поднялась вверх и скрылась.

— Знаешь,— продолжал Гумер,— я Андрея Счастливцева встретил. Погиб он потом, бедняга. За Белостоком. От бомбы.

— Жаль, хотя и был слишком высокомерным. Помнишь, как мы выбирали командира? — Кабушкин усмехнулся, но вдруг забеспокоился:— У Белостока, говоришь? Там шли грузовики нашей дивизии...

— Хорошо, если вырвались. По дороге я видел много искалеченных машин. Которая совсем опрокинулась, которая дымит. Не разбирал, гад, куда бросал бомбы. Женщины ли, дети — ему все равно...

— Там была моя Тамара... Сядем-ка, Гумер... Расскажи, какие были машины?

— Разные. Но больше грузовых. Только ты не беспокойся: Тамара может пересесть и в другую машину. Так что теперь уже дома... Сам-то как вырвался?— поинтересовался Вафин.

— Сам-то? Пожалуй, просто повезло...— неопределенно ответил Кабушкин, но, успокоившись, рассказал, что пришлось пережить.

На другой день его вызвали к проходной, сказали: пришла жена. Увидев молодую, в потрепанной старой одежде, девушку, которая старалась казаться старше своих лет, он еще издали крикнул: «Нюра!»— и побежал к ней навстречу. Она догадалась: это и есть ее «муж» и, нисколько не стесняясь, прижалась к нему, стала целовать в сухие потрескавшиеся губы, в заросшие колючей щетиной щеки. Сама все что-то причитала и плакала, несказанно радуясь встрече.

Сцена, видно, тронула часового, который прохаживался взад и вперед. «Фрау, гут, гут»,— сказал он, улыбаясь, и отошел немного в сторону. Тем временем Нюра успела сообщить Ивану, что ему готовят паспорт, нужна только фотокарточка. Нет ли у него какого документа, чтобы можно было оттуда переснять.

— Все документы забрали,— сник он.— Хотя нет...

В кармане гимнастерки каким-то чудом сохранилась помятая фотокарточка, где они были сняты вдвоем с Тамарой в зимней одежде. Иван достал ее и с жалким видом незаметно протянул Нюре:

— Может, из этого снимка что-нибудь сумеете...

— Сделаем,— шепнула Нюра.— Есть у нас такой фотограф.— Он и лысого сделает кудрявым!

Действительно, уже к вечеру Нюра принесла паспорт на имя Жана, где красовалась фотокарточка, сделанная по всем правилам: без головного убора. Кабушкина вместе с «женой» отпустили домой.

Полицай, уличивший Якова, оказался тут как тут. Исподлобья поглядел на Кабушкина, задал ему те же вопросы, заранее, видать, рассчитывая на промашку пленного. К счастью, Ваня обо всем хорошо помнил с самого детства и, улыбнувшись, рассказал о боярах, золотистых зернах, главной приданке — украшенной курице.

Когда Кабушкин и Вафин вышли на поляну, где рос дуб, к стволу которого была прикреплена черная доска, Иван дал знак остановиться.

— Давай повернем обратно. Не будем мешать детям,— тихо произнес он.— И так их уроки часто прерывают вражеские самолеты, артиллерия. В землянках донимает сырость, вот и вышли сюда, на солнце...

Ученики, закутанные кто во что, смирно сидели на сколоченных партизанами скамейках и слушали учителя.

Они даже не обернулись в их сторону... В лесной школе не было разделения на классы. Младший и старший сидели рядом. Каждый сам знал, в каком он классе и какое выполнять задание. Озоровать никто и не помышлял — не до этого.

Еще только неделю назад Жан по заданию командира отряда Ничипоровича и комиссара Покровского достал карандаши. А вот с тетрадями было туговато. Нет у немцев бумаги. Впрочем, ученики не теряются: леса много, пишут на бересте, на липовых дощечках. Какие только задачи не придумывают! В каждой — то взорванный склад или мост, то пущенный под откос паровоз или другая техника, то уничтоженные солдаты... Война не оставляет в покое и детей: они учатся распознавать врага, мстить ему. Среди них много сирот, но в отряде они чувствуют себя как дома...

— Знаешь, майор Кадерметов тоже был партизаном,— сказал вдруг Вафин,— так вышло. Только недолго: погиб. Сам сдался немцам.

— Ты даешь себе отчет, о чем говоришь? — насторожился Кабушкин.— Не верю.

— Как хочешь. Видел своими глазами.

— Майор не из тех, кто продается.

— Не горячись. Разве я сказал — Кадерметов продался? Он пожертвовал собой, чтобы спасти жителей целой деревни.

— Вон что.

Они прошли мимо землянки, где расположилась кузнечная мастерская по ремонту оружия, и, выбрав на прелой траве место посуше, сели под высокой сосной.

— Мы тогда совсем выдохлись,— начал рассказывать Вафин.— Восемь атак отразили. Многих уже не было в живых, погибли. Когда рассвело, глядим: вокруг ни души. Тишина. Только птицы поют, где-то прокуковала и стихла кукушка. А фашистов нет. Видать, не захотели нас преследовать — ушли. Но тут вдруг мы услышали выстрелы позади. Поняли: попали в окружение. Что делать? Кое-кто начал срывать петлицы, бросать оружие. Появился майор Кадерметов. Раненый, заросший бородой. Посмотрел на всех тяжело. Сейчас, думаем, понесет. Нет, не крикнул. Сказал очень тихо: «Взять оружие!»— и все. Не только винтовки, ни одного патрона не оставили. Провел он нас лесными тропами в Крестовку, что на Смоленщине. Немцев там не было. Вырыли землянки, заняли оборону. Словом, как полагается.

Отряд наладил связь в районе с подпольным комитетом партии. Дела у нас пошли: начали щипать мы немцев вылазками. Запаслись оружием, боеприпасами, снаряжением. А в середине февраля фашисты вдруг арестовали в соседнем селе Андрея Иванова, местного учителя. Обвинили его в распространении сводок Советского информбюро. Долго допрашивали, все выпытывали, где радиоприемник, потом расстреляли. Первый провал настораживал. Было ясно, среди нас предатель. Кто он? Оказался один из сельчан — Похвистнев, сын бывшего помещика. Подослали его в Крестовку шпионом, мол, обиженный немцами человек. Сказали: хочешь быть хозяином отцовской земли, помогай нам громить партизан. В конце концов поймали гада. Жалеть не стали: приставили к березе. Кадерметов после говорит: надо листовки выпустить. Пусть народ знает предателей. Достали типографский шрифт. Написали текст, других прислужников фашистов упомянули, напомнив, что их тоже ждет суровая кара. Листовки распространили по всему району. Ты бы видел, как закружились полицаи, фашисты!

— Отчего так? — не понял Кабушкин.

— Как бы не дошла и до них очередь. Стали разыскивать подпольную типографию. А мы в это время натягивали веревки через дорогу — ловили мотоциклистов, захватывали обозы...

— За дело взялись...— улыбнулся Кабушкин.

— Погоди,— уловил иронию Вафин.— Захватывали обозы не для того, чтобы жить припеваючи. Надо было кормить население. И сделать запас: ведь сами решили перейти к лесной жизни, даже печки в землянках сварганили. Словом, все подготовил майор. Только самому не пришлось воспользоваться.

— Как же майор погиб? Ведь он не только был человек смелый и решительный, но и семь раз примерялся, прежде чем что-либо предпринять.

— Видишь ли, тут на раздумье времени не было. Тут нужно было действовать... А произошло вот как: в день Красной Армии, 23 февраля, решили мы расстрелять фашистов и полицаев, которые жили в селе,— хватит им издеваться над населением,— затем уйти в лес. Но и тут провал. В соседней деревне Деньгубовке схватили Боева. Нашли в его доме радиоприемник. Известное дело: начали пытать. Боев не выдержал и назвал партизан,

которые к нему приходили. Сказал, что фамилия командира — Кудров, так называли местные жители Кадерметова.

Немцы тут же нагрянули в Крестовку. Рыскали по всем домам. Мы в это время находились в соседнем лесу, на своей базе. Не обнаружив ни Кудрова, ни типографии, разъяренные фашисты согнали мужчин в центр села — на площадь. Офицер потребовал, чтобы немедленно выдали Кудрова. Пять минут на размышление. Стволы двух пулеметов устрашающе направили в толпу. Офицеру осталось только взмахнуть рукой... В этот момент и вернулись мы в село из леса. Кадерметов и я. На лыжах. В домах все перевернуто вверх дном. На улице плачут женщины, дети. Рассказали нам, что случилось. Кадерметов снял автомат, передал его мне, а сам — на площадь.

— Не трогайте безвинных! — крикнул издали.— Я Кудров!

Немцы бросились на майора, завернули ему руки за спину и, связав его веревкой, потащили к саням. Толпа заколыхалась. Женщины, прижимая к себе детей, рыдали.

— Не плачьте, родные! — крикнул им Кадерметов.— Я скоро вернусь!

Должно быть, он рассчитывал, что партизаны вот-вот подойдут и выручат его. Но те запоздали. Сани уже тронулись. Я, не помня себя, дал по ним длинную очередь. Так и не удалось нам спасти Кадерметова. Он умер от жестоких пыток в селе Монастырщино...

Кабушкин задумался. Перед глазами, словно живой, стоял Кадерметов. По-прежнему веселый, радушный. И такого вот человека уже нет. Неизвестно даже, где могила...

Они свернули на тропу, что вела к штабу. Навстречу уже шел молодой парень в овчинном полушубке, с биноклем и немецким автоматом на шее — связной штаба.

— Командир отряда вызывает,— сказал он Кабушкину.

Тот кивнул.

— Ну вот и кончилось наше время,— протянул он на прощание Вафину руку:— О том, как погиб майор, напиши жене. Пусть знает. Ей, наверное, сообщили — пропал без вести. Человек совершил такой подвиг! Еще передай от меня привет Николаю Филипповичу...

В ПОДПОЛЬЕ

Очутившись на воле, Кабушкин поначалу решил приглядеться к людям Столовой слободы, где поселился, затем уже подыскивать друзей в самом городе. Он слышал, что в лесу есть партизаны, но знать о себе они пока не давали.

В округе было спокойно, словно все давно вымерло. От опустелости Жану становилось не по себе. Люди не должны терять надежды, пусть народ готовится к борьбе и чувствует: есть у него заступники. Так говорилось и в листовках, сброшенных ночью нашим самолетом. Значит, надо действовать. Пора.

В чужом настороженном городе, кроме Иванова и «своей жены» Нюры, он никого не знал. Подойти к незнакомому человеку — непросто: вдруг еще наткнешься на шпика?.. Немецкая агентура наверняка уже успела навербовать себе людей... Что остается? Читать объявления, понавешанные на стенах домов и заборах, думать. Тем, кто укажет на коммуниста, сотрудника милиции, командира, еврея,— немцы сулят награду. Да, не все эти люди успели эвакуироваться или отступить с частями Красной Армии... А вот еще объявление: кто не явится на регистрацию или хранит оружие, или выйдет на улицу без разрешения властей после комендантского часа,— смерть. Особо выделены те, кто угрожает жизни представителям немецкой власти, а также саботажники, диверсанты. Чего уж тут говорить: все ясно. Но раз враг волнуется, стало быть, есть на то основания. Ну что ж, это хорошо.

Жан поднял голову, погладил усы,— чтобы казаться солиднее,— которые отпустил по совету Нюры, и, искоса посматривая на одиноких прохожих, зашагал к взметнувшимся вдали трубам. Они не дымили — завод бездействовал. «Это тоже хорошо: не помогают тут немцам...»

Нещадно печет июльское солнце. В безветрии не шелохнется даже листва на деревьях. Душно. Жан снял старую соломенную шляпу, расстегнул ворот клетчатой рубахи... Эту единственную рубашку Нюра стирает через два-три дня, утром старательно гладит. Как ей скажешь: раз ты опрятно одет, ухожен, как бы ни горбился при встрече с патрулями, все равно выдавать себя за старика трудно. Надо было в клубе Казанского трампарка побольше заниматься самодеятельностью,

сейчас бы сгодилось. Но кто знал, что вот так все обернется...

Спасибо Нюре, она славно играет: поверили ей и часовой лагеря, и тот коварный полицай. Накинулся, как волк. А вот когда доставила «мужа» домой, девушка сразу переменилась. Избегает попадаться на глаза, днем ходит как тень. Позовешь — вздрогнет. Вечером закрывается в комнате и — ни звука. Прошлой ночью он слышал, как она плакала, уткнувшись в подушку. Потом накинула на плечи шаль, вышла в сад. Сидела там долго. Когда вернулась, поправила одеяло младшего брата, лежавшего рядом с Жаном. Казалось, время тянется вечно... Жан шевельнулся, она как дикарка кинулась в свою комнату, защелкнула дверь. Неужто и это игра? Непохоже. Пока ничего плохого не случилось, нужно искать новую квартиру. Задача... Хотя через Нюру можно выйти на надежных людей. Иванов не подойдет. Не рискнет: боится жены. А вот фотографа поискать стоит. Он — целый клад! Если его втянуть в дело, то можно организовать побеги из лагеря военнопленных. В первую очередь — командиров: их не надо обучать воевать с врагом, да и доверять им можно любую операцию...

За размышлениями Жан не заметил, как пришел к заводским трубам. Высокий зеленого цвета забор в нескольких местах обвалился. Дверь проходной открыта настежь, виден взорванный, в обломках, цех.

Рядом с Жаном незаметно появился человек, похожий на цыгана, — небритый, в старой безрукавке, штаны заправлены в сапоги.

— Что, жалко?

— Нет,— ответил Жан.

— Значит, вы не наш человек...

Жан улыбнулся:

— Чей это — «не наш»?

— Как хотите, так и понимайте.

— А что это за завод? До войны вы тут работали?

— Тут. Это завод имени Мясникова.

— А кто такой Мясников?

Человек уставился черными, как уголь, глазами на Жана. Чистосердечная улыбка, желание поговорить открыто этого нездешнего человека, кажется, ему понравились. Он махнул рукой — мол, была не была!— и пояснил:

— Мясников — большой человек: революционер, военный начальник.

Они разговорились. Так Жан познакомился с одним из первых подпольщиков Минска Кириллом Ивановичем Трусовым, намного старшим его по возрасту. Проживал он по улице Проводная, 23. Эвакуироваться с семьей — женой Александрой Владимировной, дочкой Анютой и двумя меньшими сыновьями — не успели. Для установления «нового порядка» работы и здесь по горло... При последних словах Кирилл Иванович многозначительно улыбнулся.

— Понятно,— сказал Жан.— Вы, как мне кажется, не из трусливого десятка. А фамилия даже удобная для конспирации. Примем это как зацепку. Сейчас самое время подумать о тех, кто томится за колючей проволокой. Надо поставить их на ноги, выпустить из клеток. Потом развязать руки, чтобы они могли заняться делом. Там они все больные, в лохмотьях. Я проходил через этот ад, знаю...

— У меня были такие прикидки,— разоткровенничался Кирилл Иванович.

— Это хорошие мысли рабочего человека.

— Спасибо за доброе слово.

— Слышали, кого немцы отпускают на свободу? Вот для тех, кто в клетках, понадобятся, Кирилл Иванович, добрые феи.

— Есть у меня кое-кто на примете,— в раздумье сказал Трусов.— Начнем с лазарета, что в бывшем Политехническом институте. Там многие военнопленные — комсостав.

— Добро. Я тоже так думал...

— Только вот, как изволили заметить, развязать им руки будет нелегко. Нет бумаг.

— Найдем выход. Поначалу сойдут старые справки, свидетельства с печатью, старые паспорта поищем. Думаю, уладим. Труднее с оружием. Без него, как без рук.— Жан кивнул на объявление, что висело на заборе:— Глядите: за хранение — смерть. А нам не только хранить, но и применять его против фашистов нужно. Причем потребуется много.

— Оружие было в окрестных лесах Минска. Мальчишки собирали. После приказа комендатуры часть, конечно, повыбрасывали. Но другую наверняка оставили где-нибудь в заначках.

Жан улыбнулся: на память пришло детство.

— Я сделал бы то же самое, Кирилл Иванович!..

— Значит, будем действовать... Рад был познакомиться.

Они уже дошли до перекрестка, когда заметили патрульных. Кирилл Иванович тотчас отпрянул в сторону, бросив на ходу:

— Встречаемся у проходной завода в воскресенье, в одиннадцать дня.— И, прихрамывая, зашагал прочь.

Повернуть назад? Нельзя: вызовешь подозрение. Может, не станут проверять? Где там: во все глаза глядят! Жан держался свободно. Паспорт, что принесла в лагерь Нюра, не вызывал сомнений.

Патрульный офицер, возвращая бумагу, спросил:

— Арбайтен?

— Да-да, господин офицер, работаю. Коммерсант я.

— Проваливайт...

Смотри-ка, успел, рыжий черт, запомнить русские слова. Знает их значение! Ничего, и мы научимся — немецкому! Без этого теперь в нашем деле просто нельзя...

Нюра сварила суп: запах печенки витал по всему двору, приятно щекотал ноздри.

Вспомнились мать, Тамара. Хотя вместе долго жить не пришлось, все же Ирина Лукинична сумела передать невесте, что Ваня любит ее. Через день стряпали они дома блюда из печени: то с картошкой, то с макаронами, то цельную, пропустив через мясорубку и приправив луком, перчиком. И не было, наверное, большего счастливца, когда его встречала в прихожей любимая черноглазка, в белом переднике, румяная от кухонного жара, ждущая объятий и поцелуев...

Вот и Нюра в таком же белом переднике кружится около плиты, и у нее такой же белый ковшик!.. Ему было очень приятно. Девушка это заметила сразу: лицо ее засияло.

— Нюрочка, откуда ты узнала, что я люблю печенку?

— Когда на базаре нет ничего другого...— смутилась счастливая хозяйка и, желая остаться до конца скромной, добавила:— Просто совпало...

— В добрый час! Хорошее совпадение.

Девушка покраснела и, почувствовав легкую дрожь в руках, разлила суп в тарелки. Все было чисто, опрятно. Хотя Нюра находилась в своем доме, сама готовила обед, ела она очень застенчиво. Тем не менее ей было так приятно!

К вечеру, осмелев, Нюра сопровождала Жана к фотографу Козлову, который работал в частной фотографии «Фольксдойч Вернера». Если парень согласится сотрудничать, Нюра пригласит Жана в дом. За труд, каким бы опасным он ни был, фотограф ничего не получит, потому что нет денег. Да и когда Родина в беде, настоящие люди денег не просят, хотя рискуют головой. Тогда Козлов тоже не взял ни копейки. Стало быть...

С западной окраины города наплывал грохот. Он усиливался. Громыхая гусеницами, на улицах появились танки. Будто случилось землетрясение: все вокруг заходило ходуном. В лицо ударило горячим воздухом, перемешанным с запахом гари и пыли, зазвенели в домах стекла. Из гнезд вылетели грачи.

Спрятавшийся за крыльцо Жан подумал: «Какая силища... И все для того, чтобы раздавить человека, сделать его безвольным, трусливым...»

Тут дверь открылась: на пороге стояла бледная, но улыбающаяся Нюра. Поманила в дом.

На второй день перед рассветом Жан отправился в лес. Немцы устроили на дорогах вокруг города контрольно-пропускные пункты. Хотя в руках у него пустая плетеная корзинка и палка, все же проходить осмотр не хотелось. Зачем лишний раз лезть в глаза? У тех, кто ходит по ягоды и грибы, свои тропы...

Сбивая палкой обильную росу, Жан направился к речке, где рос кустарник. Не спешил: утренний воздух чист, на деревьях на все голоса заливались птицы, прокуковала кукушка. По привычке он обернулся: на росистой траве оставил стежку-дорожку, будто лось на свежем снегу. А ведь это плохо: он не лейтенант интендантской службы, а разведчик в логове врага. Как не подумал? И брюки, заправленные в сапоги, мокрые. Вот умудрился! Порядочный человек как зверь не ходит. Скорее на речку. Немного пройдешь по воде, и сыскная собака не разнюхает, следы потеряются...

На возвышенности красовались стройные сосны. Такие видел он на Волге, проезжая мимо поселков Займище, Васильево, западную окраину Казани. В старину царь Петр I возил отсюда строевой лес для военных кораблей. Место, где готовили сплавные плоты, и сегодня называется Адмиралтейской слободой.

Послышался гул самолетов. Жан, прислонившись к сосне, стал смотреть в небо. Летят, точно гуси-лебеди.

Нет, те птицы выстраиваются в цепочку, эти же как воронье — стаей. Он насчитал около ста самолетов. Тяжелые бомбардировщики «Ю-88»— с неубирающимися шасси. Нет даже сопровождающих истребителей. Не боятся. Неужто правда, что в первые дни войны немцы уничтожили на наших аэродромах тысячи самолетов? На второй день после лагеря Жан видел наш самолет. В окрестностях Минска он сбрасывал листовки. Всего один самолет... Нет, если бы было так, командование фронта все равно использовало бы его, чтобы приостановить наступление немцев. А может, невидимый фронт тоже имеет большое значение?..

Жан крепче сжал в руке палку. Жаль, что не автомат. Без оружия военный человек как без рук. Теряется вера в собственные силы... Кирилл Иванович говорил, что именно где-то здесь шли ожесточенные бои, советовал поискать оружие. Однако следов никаких. Зато вон сколько спелых ягод! Пока есть возможность, нужно собрать. Не к лицу из леса возвращаться без ягод.

Солнце поднялось выше, начало припекать. Тишина. Лишь по-прежнему поют птицы. Буйно зеленеет папоротник, отцвели ландыши, благоухают нежные лесные ромашки. Они пахучее луговых. Не зря их любила Тамара — словно солнышки в белом обрамлении. Где она теперь?..

Жан поднялся в гору. Вдали увидел две бревенчатые избы, большой двор. У подножия под высокими соснами паслись козы. Там, где кончалась лужайка, заметил овраг, к которому тянулся выложенный камнями канал. Любопытства ради спустился вниз, прошел оврагом. Слева по откосу — гладкий, потрескавшийся от непогоды и времени, столб с каким-то выжженным знаком-клеймом. Не заметил, как очутился в просеке. Красиво! Березы стояли попарно и образовывали длинную аллею. Только под руку пройти с невестой! Но вот аллея уткнулась в новый, глубокий овраг, поросший шиповником, малиной, вишней. На краю обрыва большая сосна. От солнца ее смолистая живица таяла, отчего казалось: сосна плачет горючими слезами.

Поставив на пенек корзинку с ягодами, Жан направился к дереву. На ветке старой, склоненной над обрывом сосны висели сделанные из проволоки качели. На чурбаке-сиденье букет цветов, придавленных железякой. Сомнений не было: этот тихий волшебный

уголок принадлежал романтически настроенной храброй лесной девушке. А сосна, видевшая, как она качается, как звонко смеется,— грустит о ней, печалится.

Цветы завяли, а железяка оказалась затвором винтовки. Почему затвором, не куском валежины или камнем? Значит, тут свой смысл: война!

Жан подошел к качелям. Пригляделся: на цветах — клочок бумаги. Надпись: «Наша кровь не пропадет!» Видно, кому-то адресована. Кому, возлюбленному? Соратнице по борьбе?

Он положил бумажку на место, тронул качели. Железная проволока, будто недовольная, жалобно скрипнула. Где же хозяйка? Ушла в партизаны или переехала в город, чтобы стать смелой подпольщицей? И зовут ее Нюрой или Марусей? Пока ничего неизвестно. Но Жан встретит ее!..

В предположениях, что девушка сейчас бродит по лесу в поисках оружия для партизан, Кабушкин свернул на еле заметную тропу. Тут где-то недавно прошли бои... Тропа привела к озеру. Наверно, девушка купается вон там, у плакучей ивы? День жаркий, а места красивые... Но все вокруг было пустынно. На желтом песке, где только и загорать, лишь валялись пустые бутылки да жестяные банки.

Треск мотоцикла заставил Жана спрятаться за кустами. Рядом оказалась проселочная дорога. Она круто разветвлялась к озеру. Может, немцы ехали сюда купаться. Надо уходить. Куда, назад? В овраг? Вот уже мотоцикл на повороте. А может, не свернет, поедет по прямой? Чу! Впереди за кустарником мелькнула чья-то тень. Наблюдают за дорогой? Кто? Вроде мужчина? Нет, шагает осторожно, легко. Наверное, это и есть...

Но едва мотоцикл с тремя немцами достиг поворота, за кустарником вдруг прозвучала короткая очередь. Немец за рулем сразу сник, мотоцикл опрокинулся в канаву.

— Партизанен!..

По фашистам, бегущим сломя голову в лесную чащу, прозвучало еще три выстрела.

— Эх! — послышалось в кустарнике.

Удивленный происходящим, Жан вышел на обочину. Наклонив голову, перед ним стоял подросток. В кепке — с необычным, большим козырьком.

— Кто ты?

— Растяпа...

— Как зовут?

— Володя Щербацевич. В трех шагах не смог попасть!..

— Попал. Вон один,— Жан кивнул на труп, который лежал вниз лицом у мотоцикла.— Дыхнуть даже не успел.

— А остальные? Убежали...

— Это плохо. Скорее нужно отсюда убираться.— Жан подошел к немцу, вытащил из кобуры «вальтер», потом, брезгливо сморщившись, взял из нагрудного кармана документы. Труп оттащил за кусты, спросил: — Заводить можешь?

— Могу,— сказал юноша.— Водить вот...

— Заводи!..

Володя с охотой покатил мотоцикл на дорогу. Одним махом завел его и, как дитя, которое не хочет расставаться с любимой игрушкой, с грустью отдал руль Жану:

— Время не ждет...

— Верно, Володя!..

Берегом круглого озера они поехали в сторону сосны с качелями. Жан спросил:

— Тут глубоко?

— Метра три.

— Достаточно...— Жан остановил мотоцикл, повернул его к воде.

Быстро сообразив, в чем дело, Володя недовольно обронил:

— Жаль.

— Вытащим его отсюда, когда придет время.

— Постойте! Пусть потонет как «Наутилус» капитана Немо! — И юноша зажег фару мотоцикла.

Постепенно погружаясь в воду, мотоцикл медленно ушел вниз. На поверхности остались лишь пузыри воздуха, которые вскоре тоже исчезли. Володя смотрел как очарованный.

Жан понял: имеет дело с бесстрашным и чудаковатым юношей, он нравился ему все больше.

— Вы кто? — прямо спросил Володя.— Может, новый капитан?

— Нет, лейтенант Жан...

— Чудесно! Я буду вашим адъютантом.

— Хорошо. А теперь, адъютант, куда путь держим? К таинственным качелям?

Глаза юноши загорелись.

— Вы и это уже знаете? — Немного охладев, добавил: — Нет там никакой тайны. Это я сделал для Маши Брускиной. Она была нашей старшей пионервожатой.

— Понятно...

Володя насторожился:

— А что непонятно? — выделил он последнее слово и, поправив ремень автомата, почему-то густо покраснел.

— Непонятно, почему с четырех утра ты бродишь по лесу?

— Ладно. Вам я скажу правду,— не стал таиться юноша.— Выполняю поручение одного человека.

Из-за того, что шли быстро, оба вспотели. После недавней контузии у Кабушкина разболелась голова, глаза затуманило. Он приостановился.

— Человек этот просил, чтобы ты из леса принес оружие?

Володя от неожиданности и удивления едва вымолвил:

— Да...

— Понятно...

— Раз вы такой понятливый, то скажите, пожалуйста...— Юноша споткнулся и чуть не ударился головой о дерево.— Скажите...

— Слушаю тебя.

— Почему я тогда не попал в фашиста, который сидел в люльке мотоцикла? И во второго немца не попал...

Кабушкин поправил:

— В третьего немца.

— Нет, второго,— сказал Володя упрямо.

— Первый был за рулем, и он сразу опрокинулся,— стал объяснять Жан.— Второй — в люльке, третий — на заднем сиденье...

Володя нахмурился:

— В люльке был не немец, а латыш, нет-нет, литовец-фашист Антонас Импулявичюс.

— Ты его знал?

— Знал: он чуть не оторвал мне ухо и дал пинка. За лампочку, которую я вывернул в фойе казино. Хорошо, что был пьян, иначе так просто не отпустил бы.

Жан заинтересовался:

— А откуда узнал, что он — Антонас Импулявичюс?

Володя остановился и, прислушиваясь к усилившемуся гулу, сказал:

— От тети Сани Янулис. Она работает в офицерском казино. Знает немецкий, только от них скрывает.

— Спасибо, Володя! Теперь бежим.

— Выходит, мы их боимся? — юноша посмотрел вслед «юнкерсам» которые шли косяком на широком небе. Они, может, Москву бомбили, а?

— На Москву их не пропустят. Скорее всего — Смоленск. Там теперь фронт...

— А ихний аэродром около Барановичей. Большой.

— А это у тебя откуда? — посмотрел на юношу с любопытством Жан.

— От нее же, от тети Сани... Она — подружка сестры моей матери. Тетя Саня и со мной дружит. Я хотел удрать на фронт, припас харчей. Она принесла, конечно, из казино. Мама почуяла и испортила дело. Заставила дать слово, иначе я...

Володя сел на землю, автомат положил рядом. Не замечая, в волнении стал ломать прутья. Найдет ощупью и сломает. Еще. На лице — напряжение, неудовлетворенность.

Кабушкин сел рядом.

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцатый пошел...

— Не боишься? И вчера не боялся, когда шла танковая колонна немцев?

— Было немного. Обидно, что они так хвастливо едут. Хотелось долбануть гранатой по гусеницам...

Помолчали. Сквозь лесную свежесть прорывался тлетворный запах. Кабушкин повертел головой: вроде ничего особого не видно. Поднялся:

— Веди меня, Володя, в тот лес, где еще осталось оружие.

— Мы почти дошли. Чуете, как дурно пахнет? Мертвечиной. Немцы сюда не ходят. Брезгуют. Мы захоронили трупы. И женщины пришли. Да, организовала все это Маша Брускина. Теперь она ходит в Дрозды. Хорошая она, Маша...

— Сколько ей лет?

— Нынче закончила десять классов. Я — девять...

— А что за дело у Маши в Дроздах?

— Носит воду военнопленным. Простую воду. Фашистские морды не дают им даже досыта напиться. Дер-

жат наших в открытом поле, обнесенном колючей проволокой. Нет даже навеса от дождя и солнца. И никакой никому помощи. Маша ищет своего отца, Бориса Дмитриевича. В первый день войны он уехал из дома в летней одежде, в белых туфлях.

— Ты меня познакомишь с Машей?

— Познакомлю...— робко произнес Володя.— Как вас зовут?

— Называй просто — Жаном. А теперь, адъютант, пошли за оружием.

— Есть идти за оружием, товарищ лейтенант! — с готовностью сказал юноша.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

В воскресенье в одиннадцать часов у заводских ворот его ждал Кирилл Иванович. Сегодня он одет по-праздничному, чисто выбрит, даже зонтик прихватил. Не хромал, степенно прохаживался вдоль ограды. Вот он остановился и, делая вид, что читает приказы немецких властей, дожидался Жана. Пока тот приближался, внимательно оглядел перекресток улиц.

— Ступайте за мной,— сказал тихо.— На базаре вас ждет Ольга Федоровна Щербацевич.

Узенькими закоулками, дворами, обходами они наконец добрались до базара. Земля тут была утоптана и отшлифована, словно чугунная плита. Тянулись ряды лабазов, ларьков, длинных дощатых прилавков с фруктами и овощами. Проходя через ворота, Жан подумал: «Власти, видать, не без умысла обнесли базар высоким забором — будут облавы».

Толпы людей напоминали бурлящее море. Чем только не торговали: рубашками и разноцветными пестрыми платьями, брюками и плащами, пальто и шубами, туфлями и сапогами... Каждый, предлагая свой товар, громко нахваливал его. Хотя в городе немцы, но в обиходе — советские деньги. Их достают из карманов, ридикюлей, даже из-под кофточек, и туда же прячут. Марки не в ходу.

Кирилл Иванович, забегая вперед, вошел в одноэтажное здание, где раньше было ателье мод. Дом имел входные и выходные двери. В боковой, с зашторенными окнами комнате сидела полнолицая красивая женщина лет тридцати пяти. Ее пушистые каштановые волосы акку-

ратно причесаны. На небольшом столе перед ней — отрез дорогого материала.

Кирилл Иванович, поздоровавшись, произнес:

— Пришел покупатель...

Женщина мило улыбнулась:

— Если сойдемся в цене, магарыч — за нами.

— Сойдетесь. Денег у господина — куры не клюют.

Это был знак: можно говорить открыто. Сам Кирилл Иванович поспешил к входной двери.

— Давайте знакомиться,— сказала приветливо женщина и протянула руку: — Ольга Федоровна Щербацевич.

— Жан,— сказал Кабушкин.

— По такой фамилии вы прописаны?

— Пока что — Бабушкин. В другой раз, когда приду сюда, обязательно буду Базаровым.

Щербацевич полушутливый тон разговора «покупателя» понравился.

— Если позволите, Ольга Федоровна, хотел бы задать один вопрос.

— Пожалуйста.

— У вас есть связь с каким-нибудь городским подпольным комитетом?

Щербацевич посмотрела испытующе, но, увидев умное, сосредоточенное лицо Жана, успокоилась.

— Первый, кто вошел с нами в контакт, это — вы...

— Понятно. Ну что ж, тогда за дело! Чтобы меньше слов.

— Да ведь мы начали...

— В первую очередь — лазарет в Политехническом институте.

— Кирилл Иванович передал мне ваши слова. Туда направляем двух медсестер. С фельдшером Писаренко из того лазарета установили контакт. Ему разрешили выходить в город с нарукавной повязкой.

— Будьте осторожны: у нас еще нет опыта... Чтобы первый блин не вышел комом.

Брови Ольги Федоровны сдвинулись:

— И комсоставу не доверять?

— Только после проверки, Ольга Федоровна. На то и пословица: семь раз отмерь...

Потом они говорили об одежде для освобожденных из лазарета, документах для них. Жан пожелал встретиться с девушкой из казино.

— Удивительная она,— сказала Ольга Федоровна.— Симпатичная. Так что смотрите...

В эту минуту Кирилл Иванович, находившийся на посту, кашлянул, и Кабушкин с Щербацевич, переменив разговор, стали бойко торговаться.

Вошедший оказался своим, потому что Кирилл Иванович стал потихоньку корить:

— Ненормальная, зачем сюда явилась?

Молодой голос ответил:

— Увидела вас и зашла...

— Это неразумно. Тебе велено знать только мой дом.

— А мне еще надо к Ольге Федоровне.

Щербацевич поднялась из-за стола, прошептала:«Машенька Брускина», чем вызвала интерес у Кабушкина.

— Я давно уже хочу повидать ее,— сказал он.

— Выходит, на ловца и зверь бежит!

В комнату, сияя, почти вбежала возбужденная красивая девушка лет семнадцати-восемнадцати, очень стройная, живая, с такими же каштановыми, как у хозяйки, волосами. Жан сразу обратил на это внимание.

Кирилл Иванович только развел руками...

— Ольга Федоровна,— произнесла торжественным голосом девушка,— поймали передачу из Москвы. Наши дают фрицам жару!

— Тихо, тихо, Машенька! — Щербацевич быстро шагнула навстречу и обняла ее.— Успокойся, моя красавица.

— Так ведь такая радость!..

Увидев широкоплечего, высокого мужчину, который сидел в углу за столиком, Маша застенчиво улыбнулась. Но тут же поборола минутную растерянность, поклонилась незнакомцу и уже сдержанно сказала:

— Здравствуйте!..

Поймав ее вопросительный взгляд, Ольга Федоровна пояснила:

— Это — Жан. Первый командир, вышедший из неволи. И тебе командир...

Кабушкин немного задержал в своей большой руке узкую ладонь девушки, которая так быстро овладела собой. Хотелось чем-то помочь ей, предостеречь от опасности.

— Я буду требовательным командиром, Маша,— коротко сказал он.

Девушка сразу стала серьезнее, будто повзрослела.

— Хорошо,— промолвила тихо.

— А теперь расскажите о тех радостных новостях, которые вы слышали:

Глаза Маши заблестели:

— Наши войска у Гомеля перешли в наступление. Переправились через Днепр, освободили города Рогачев и Жлобин! Освободили также более пятнадцати деревень... Я посмотрела по карте: от Жлобина до Минска недалеко. Скоро эти войска придут сюда. Придут же?!

— Конечно...— словно мимоходом обронил Жан.— Теперь, Маша, о радиоприемнике. Где вы его слушали? Он в надежном месте?

Маша круто обернулась:

— У кого — не скажу! Но место надежное. Правда, немного сыровато...

— Это плохо: в сыром месте лампы радиоприемника быстро выходят из строя.

— Верно: одна лампа барахлит,— чистосердечно заявила девушка.

— Значит, эту дорогую для нас вещицу необходимо беречь. Подыскать сухое место. Это — приказ.

— Будет исполнено, товарищ командир.

Жан в раздумье встал.

— Вопросы мои к вам, Маша, не кончились. Время кончилось. В одном месте долго засиживаться мне нельзя. А вы должны выполнять указания Ольги Федоровны и Кирилла Ивановича. Все делать так, как они велят. Никаких отступлений — ясно? Всех вас я разыщу сам. Теперь не взыщите — мне пора.

Едва Жан вышел за ворота базара, как его догнала запыхавшаяся Маша. Чтобы прохожие не обратили внимание, взяла его под руку и, прильнув, тихо заговорила:

— Вы сказали: вопросы не кончились. Сегодня я свободна. Завтра иду на работу в лазарет, не будет времени...

Ее горячее дыхание, чуть-чуть дрожащие губы, мягкая робкая рука смутили Жана.

— Это ведь нарушение дисциплины, инструкции... Только что говорилось...

Теперь смутилась Маша. Не желая с первых дней огорчать ее, Жан в досаде предложил:

— Тогда веди меня подальше отсюда... чтобы меньше подозрений.

— В церковь? Там много народу. Нет, в сад! Влюбленные сидят в саду!..

«Прямо артистка!» — Жан невольно улыбнулся.

Вид городского сада был унылым и печальным. Немцы и тут установили свой «новый порядок». Многие деревья повалены. Там и тут ветошь, пеньки, обрубки. Маша переживала: на ресницах повисли слезы, в глазах ненависть.

— Пойдемте, Жан, в тот угол,— сказала дрожащим голосом и с опущенной головой, будто она в этом была виновата, пошла впереди. У центральной аллеи сразу преобразилась: голову подняла высоко, шагала гордо.

У тира, развязно жестикулируя, галдели немецкие офицеры.

Жан первым нарушил молчание:

— Маша, вы не мечтали стать актрисой?

— Еще как,— чуть улыбнулась она.

— Играли бы превосходно...

— Спасибо за комплимент.

— Я не шучу.

— Я — тоже...

Они свернули с аллеи налево, где буйно росла трава, и присели на трухлявый ствол спиленного старого тополя. Где-то в отдалении стучал, точно в сердце, невидимый дятел, рядом гудели шмели, напоминая самолеты с черными крестами.

— Слушаю вас, командир,— сказала девушка.

— Первый наказ: в лазарет идти, перекрасив волосы. Это обязательно. Там назови себя другим именем, ну, например, Анютой. Пусть никто не знает настоящего имени.

Маша согнула мизинец:

— Второй ваш наказ?

— По пути в лазарет зайди к кому-нибудь из знакомых и переоденься.

— У меня есть кожаная куртка...— сразу сообразила Маша, чего от нее требуется.

— После работы до той квартиры — в этой куртке. Так постоянно.

— Третий...

— Расскажи о себе.

Маша наклонилась, сорвала высокую травинку и, покусывая ее, вымученно улыбнулась:

— Это, наверное, самое трудное... Ладно, все наказы принимаются без изменения. Но у меня к вам есть свои требования. Два.

— Первое? — Жан внимательно поглядел на девушку: лицо серьезное, озабоченное.

— Первое... Нет, нет, это скорее не требование, а просьба... Вас я буду называть Жаном. Потому что... всегда уважаю старших, сильных.

— Принимается единогласно,— в душе улыбнулся Жан.— Второе?

— Второе... второе... У вас есть нож?

У Жана лопнуло терпение: уж не задумала ли девчонка взять с него клятву с кровопусканием? Еще этого не хватало...

— Моя хорошая, время не такое!..

— Я хотела только вырезать на стволе этого тополя стрелу, а под ней сделать тайник связи. Как Маша Троекурова с Дубровским. Помните?

— Согласен,— чуть не рассмеялся Жан.— Говори о себе.

Маша с удовольствием устроилась поудобней и, уходя в свой мир мечтаний и грез, принялась рассказывать:

— В мае этого года я была в Москве. Стояла на Красной площади, слушала бой курантов. Все хотела увидеть, везде побывать. Самые счастливые минуты в моей жизни. Правда-правда! Жаль, не смогла сфотографироваться на память. Но я ничего не забуду. Никогда!

Понимая, что все это очень отдаленно от того, чего от нее хотят, быстро перестроилась и, немного помолчав, заговорила ближе к делу:

— Я окончила 28-ю среднюю школу. Была пионервожатой, членом комитета комсомола. Папа и мама — коммунисты. Папа на войне. Мама до войны работала товароведом в Управлении книжной торговли Госиздата Белоруссии. Чего еще?.. Я люблю разводить костры. Однажды, когда мы играли в войну, я нашла приказ, который был спрятан в дупле старого дуба. Приказ требовал: не мешкая, собрать хворост, переплыть речку и на поляне развести костер. Все мы сделали как положено. Но тут поднялся ветер. Как быть? Наш отряд не растерялся: все выстроились в линию и загородили меня от ветра, а я, что есть силы, раздувала огонь. Наш костер разгорелся первым!..

Я и сейчас разожгла бы костер на этом вот пне... Костер любви и ненависти! Я, комсомолка в подполье, клянусь: до последнего вздоха буду верной Родине, за меня краснеть никому не придется!

Жан насторожился: что еще выкинет эта взволнован-

ная девушка? С ней надо быть готовым ко всему. Глазом не моргнешь, как поставит перед фактом. Потом разбирайся: хорошо или плохо. Но Маша вдруг прикрыла руками лицо и заплакала.

— Хорошая моя! — опешил Жан.— Я верю тебе! Сдержишь слово. Не отступишься. Верю! — И он не заметил сам, как проводил ее до дома.

ПЕРВЫЕ ВЫЛАЗКИ

Кабушкиным овладело безудержное желание — начать настоящее дело. Всего вернее — на лесных дорогах вокруг Минска. Он нанес уже множество знаков на карту, которую дал ему Володя Щербацевич. Обговорив все детали с Кириллом Ивановичем, Володей, они ночью перетаскали к большакам оружие, которое нашли в лесу на том гиблом месте.

Первая охота была и разведкой: круглосуточно ли ездят фашисты, на чем ездят, какая охрана, сколько ее? Оказалось, лесные дороги ночью пустуют. Враг боится нападения партизан. Конечно, причина тому не только гибель у круглого озера немецкого мотоциклиста.

Как сообщила Ольга Федоровна, никакой подпольной организации в городе до сих пор не выявлено. Но это могло быть следствием глубокой конспирации. Вполне возможно, что центр, который организует всенародную борьбу с заклятым врагом, концентрируется в дальних уголках леса, бережет кадры. Пока нет опыта борьбы, подпольщик для врага — легкая нажива. Значит, предлагая освободить из лазарета в первую очередь военнопленных командиров, Жан поступил верно.

Шагавший тихо, как рысь, Кирилл Иванович вдруг спросил:

— Почему молчите, Жан?

— Так и вы не говорите.

— Я вообще молчун... как бирюк.

— Все думаю, Кирилл Иванович.

— У меня тоже голова не пустая. Вот, например, мне не нравится, что днем мы хотим играть с фашистами в прятки.

Они вошли в густой подлесок из молодой ели, осины. Красиво. Предупреждая, что все вокруг спокойно, дважды кукушкой прокуковал Володя.

Жан поправил автомат на плече и сказал:

— Да вы, Кирилл Иванович, оказывается, любите и пошутить.

— Верно, мне наша «охота» кажется шуткой — да и только.

— Поглядите, какой злой шуткой она обернется сегодня для немцев. Действовать будем ихними же автоматами.

— Вызовем ненужный шум — и только.

— Пусть. Пусть рапортуют в Берлин, что в белорусских лесах стало много партизан. Пусть вместо фронта воюют с нами в лесах. Пусть боятся нас...

Впереди «кукушка» прокуковала четыре раза. Это значило: будьте внимательны, опасность!

Прекратив разговор, поспешили к Володе. Он — весь внимание, смотрит вдаль. На кепку с большим козырьком, подражая индейцам, нацепил травяной венок. Пучки травы свисают с плеч, спины. Только в руках Володи не лук со стрелами, а автомат и бинокль. Жану нравится этот неистощимый на выдумку юноша. Сегодня утром при встрече он спросил у него: «Почему, Володя, все ходишь в одном пиджаке, другой одежды нету, что ли?» А он, застенчиво улыбаясь, сказал: «Была, да отдал Маше Брускиной...» Жан предупредил его, что в условиях оккупации такая прямота может обернуться несчастьем... Володя в недоумении пожал плечами...

— В открытых кузовах проехавших машин до роты солдат. Вооружение — ручные пулеметы, автоматы,— доложил юноша, продолжая наблюдение.

— Это нам не по зубам,— сказал Жан.

Кирилл Иванович в его тоне добавил:

— Нашу долю волк не съест.

— Конечно. Во-он там внизу шоссейка круто сворачивает. Подождем. Там очень хорошая позиция.

Скрываясь за деревьями, спустились вниз. Перед тем, как устроить засаду, Жан еще раз объяснил Кириллу Ивановичу и Володе, чего они должны делать.

— А сейчас не курить, не разговаривать, не двигаться с места. Ждать, только ждать!

Минуты тянулись медленно. На дороге ни души. От жары взмокли волосы, пересохли губы. Володя, желая сходить за водой, показал на флягу, но Жан не разрешил. Кирилла Ивановича стал мучить кашель — ему очень хотелось курить. На шум прилетели беспокойные сороки и устроили гвалт. Ничего не оставалось, как

забросать их камнями. А Кирилл Иванович уткнулся в траву лицом.

Наконец все стихло. Даже в вышине застыли белые облака. Вон одно похоже на тонконогого скакуна. Рядом — балалайка. А вон точь-в-точь — автомобиль... Видит ли их Володя? Пожалуй, нет. Его глаза устремлены на дорогу. Он ждет свою жертву. В сердце — месть: в пятнадцать лет его разлучили с мечтой. Сказали: у тебя нет будущего, как нет его у навозного жука. Никогда не согласится он с таким приговором. Пусть даже погибнет... И Маша Брускина не согласится, и никто другой... Фотографию Маши напечатали в газете «Пионер Белоруссии». И снимок Володи тоже напечатают. Кто перепрятал оружие в глухом лесу? Он! Кто уничтожил немецкого мотоциклиста у круглого озера? Он! Правда, двое убежали. Если бы не вспомнился ему этот фашист Импулявичюс, рука не дрогнула бы. Зато сегодня он спокоен, рука твердая. Он наверстает упущенное...

Сейчас бы, конечно, хорошо окунуться разок-другой в озере. Сразу бы живости и сил прибавилось, а то лежишь как в печке, сморенный. Лето — самая хорошая пора: катайся на лодке, загорай, ходи в походы, в лес. Проклятый немец — испортил каникулы. Он загоняет безвинных людей в концлагеря, морит их голодом, изводит жаждой. Кто дал ему право? Это же наша земля, наша Родина! И этот татарник, и деревья, и цветы, и даже муравьи — все наше, близкое сердцу. Ни вершка своей земли не отдадим врагу. Кто пришел к нам с мечом, тот от меча и погибнет!..

Вдруг Володя встрепенулся и горячо прошептал:

— На дороге мотоциклы!

— Сколько?

— Три.

— Гляди в оба: за этим почетным эскортом должна ехать легковая автомашина.

— Едет! «Оппель».

— Приготовиться к бою!.. Кирилл Иванович, Володя! Мотоциклы — вам. Гранатами... По моей команде...

От неожиданности сердце колотится медленно и гулко, будто отсчитывает время. Кажется, что его удары раздаются по лесу. Охватывает оторопь. Ждут, желая одного: скорее бы.

Как только эскорт приблизился, Жан привстал и, крикнув: «Огонь!» — метнул гранату.

Три взрыва последовали почти одновременно. Силь-

ная взрывная волна отбросила мотоциклы от дороги. Загоревшийся «Оппель» опрокинулся в кювет: сидевший рядом с шофером пожилой майор грузно придавил его своим телом. Не мешкая, дело довершили автоматными очередями и, захватив оружие убитых и документы, поспешили в лес.

— Копался бы себе в огороде, спокойно дожил бы до своей кончины,— покачал в досаде головой Трусов.— Жадность довела до ада.

Немецкая техника горела у дороги.

В назначенный час Жан встретился в саду с Володей Щербацевич. То ли соблюдая конспирацию, то ли оттого, что день сегодня был жарким, пиджак свой он оставил дома. Вместо зеленой косоворотки, в которой обычно ходил, надел синюю с короткими рукавами майку. На голове — та самая кепка, с большим козырьком...

— Володя, дорогой, эта кепка выдает тебя с головой, как багдадского вора. Ты можешь избавиться от нее хотя бы на неделю?

— Почему?

— Потому, что она могла понравиться Импулявичюсу.

— Понятно...— Он тут же снял кепку, смял ее и хотел сунуть в кустарник.— Когда понадобится...

— Это так. Но лучше не оставлять следов... А теперь, Володя, сбегай в казино и позови тетю Саню. Тут рядом.

Володя кивнул и, ни о чем больше не спрашивая, крупно пошагал к центральной аллее, пересек ее и приблизился к дому.

Был обеденный перерыв. Немцы в это время или стреляли в тире, или же сладко спали в кабинетах, разморенные духотой. Сегодня солнце пекло с утра, зноем дышал асфальт. От жары никли на деревьях листья.

Жан присел в тень. В последние дни он все чаще задумывался над своими поступками, подвергал их оценке «со стороны». После «охоты» на немцев он оставил в двух местах визитную карточку — «Жан». Теперь один внутренний голос считает это ветрогонством или, как обычно говорят в таких случаях,— ухарством. Второй голос возражал: мол, все уместно. Пусть фашистская разведка считает Жана лесным хозяином здесь, и пусть ищет его в лесу. Тогда для подпольщиков, которые орудуют в городе, опасность уменьшится, и они

будут действовать более смело. Что касается Жана, то он свои следы запутывать умеет.

Из казино вышел Володя. Один. Глянул по сторонам, но дожидаться никого не стал. Насвистывая какой-то знакомый веселый мотивчик, направился к скамейке.

— Фрейлен * Александру не сговорить. Приглашает тебя.

— Гордая девушка...

— Ужасно гордая. Иди, там у нее сегодня пиво есть. Этих вояк хлебом не корми, а пиво подавай, всегда спешат как мухи на мед. Но сейчас обед. Ты будешь первым.

Жан вошел в зал, где стояли длинные ряды полированных столов. Цветы до потолка, на окнах — тюлевые занавески. От легкого дуновения ветерка они колыхались. На небольшой площадке, возле высокого фикуса, огромный пузатый барабан и две медные трубы. На левой стороне зала — буфет. За прилавком в белом, низко надвинутом на лоб колпаке стояла молодая девушка. Она бегло глянула на Жана, видимо, дожидалась его.

— Добрый день, фрейлен. Желаю вам счастья,— сказал он немного смущенно.

— Спасибо...

Я рад, что наконец увидел вас.

Она чуть не произнесла «И я!» — в ее черных глазах мелькнула лукавинка,— но быстро взяла себя в руки, подвинула к нему бокал пива, который приготовила заранее. Он отказываться не стал, улыбнулся:

— Надеюсь, этот божественный напиток обладает только дурманом любви...

— Пейте, пожалуйста,— не приняла она его благодушия, хотя мягко добавила: — Вот вы какой, Жан...

— Какой?

— Острослов, веселый...

Жан понял: о нем не только тут знали, но и ждали встречи. Тем лучше. Можно сразу говорить о деле. Щербацевич постаралась. Заботится о подполье — так и должно.

— В последнее время много было радостных встреч,— сказал он тихо, покосившись на дверь.— В лесу...

---

* Девушка (*нем.*).

— Слышала. Тут господа офицеры целых два дня только и судачили о вас.

Жан, пригубив пиво, еще раз посмотрел на дверь, потом повернулся к Янулис. Взгляд его был теперь строже, хотя лицо оставалось улыбчивым.

— С сегодняшнего дня будете докладывать, о чем они тут говорят...

— Это... это...

— Это — приказ,— пояснил он спокойно.— А приказы, как вы знаете, не обсуждаются, а выполняются.

— Хорошо, Жан. Но... так неожиданно, прямо страх охватывает...

— Страшного пока ничего нет: я ведь — Иван Константинович. Значит, ваш брат. А брат своей любимой сестре всегда желает только хорошего. Сегодня мы говорили о том же. Не так ли?..

Девушка глядела на него в недоумении, такого поворота она не ожидала, хотя чего тут — война. Наконец едва промолвила:

— Да... да...

Жан, кажется, все заметил. Пояснять ничего не стал, лишь спросил:

— Где вы живете?

— На улице Фабричной, 14. Снимаю угол,— чтобы он не пытался запомнить этот адрес, поспешила известить: —Только я скоро оттуда съеду. Нашла комнатку у паточного завода.

— Тогда зачем тянуть? Завтра и переходи. Приехать к тебе с извозчиком? К пяти часам?

— К шести! — сказала Александра, довольная, что так быстро на этот раз сориентировалась, да и с переездом прямо с легкостью все уладилось. Ее охватила какая-то необычная радость: в этом вражеском сборище она теперь не одна. И работа ее здесь тоже обретала совершенно другой смысл.

Хозяин казино, который скрыто следил за каждым движением девушки, последние ее слова понял по-своему и облегченно вздохнул:

— Влюбилась. Слава богу, не встречается с опасными людьми!..

Маша Брускина третью неделю работала в лазарете. Здание бывшего Политехнического института в несколько рядов обнесено колючей проволокой, окна тоже опутаны проволокой, выставлены часовые. Прежде чем

войти в зону лазарета, Маша заглядывает к подруге своей матери — Софье Андреевне. Тут она снимает кожаную куртку и направляется в городской сад. Будто отдыхает, присаживается на спиленный тополь, проверяет «почтовый ящик» — стеклянную баночку, которая спрятана в дупле комля. Вестей — никаких! «Бездушный Жан, почему не держит слово? Что ему стоит написать хоть малюсенькое письмецо?.. Может, самой написать?» О проделанной работе ей хочется рассказать не только Ольге Федоровне и Кириллу Ивановичу, но и Жану. Посоветоваться с ним, кое-что выяснить. Вот, например, фельдшер Писаренко просит одежду на пять человек. Говорит: командирам, что на втором этаже. Бумаги, говорит, готовы. Но те, кто готовил их, надежны ли? А сами пленные? Борис Рудзянко совершенно не нравится Маше. У него масленые глаза, как у шкодливого кота. Откуда-то пронюхал, что Маша придерживает одежду, спустился на первый этаж, стал бить себя в грудь, кривляться. Командир так не сделает. Вон политрук Иван Блажнов — лишнего слова не скажет. Лежит и терпеливо ждет: рана на ноге почти зажила. Зорин, Истомин, Левит и еще восемь человек готовы к побегу. Куда их — в лес или пока скрывать в городе? У кого? Жан, конечно, был бы за отправку в лес. Меньше риска. Маши, правда, это не касается, ее обязанность — лечить больных, одевать их. На лазарет немцы не отпускают ни лекарств, ни перевязочного материала. У многих раны гниют: толком не обработаны. Люди лежат на голом полу, в тесноте и смраде. Кругом роятся мухи... Стоны, бред... Ходячие с утра уже ждут Машу. Кто просит найти закурить, другому нужна чистая бумага и огрызок карандаша. И всех интересует, где теперь фронт, о чем сообщают сводки? Чуть освободившись от дела, Маша бежит выполнять просьбы. Еле успевает. Ей теперь помогают мать, Софья Андреевна и Володя Щербацевич. У Володи на уме одно — сбор оружия и нападение на врага. Наверное, даже во сне это видит. Мать Маши — женщина по характеру боязливая. Чтобы ее не беспокоить, Маша не все ей говорит. К тому же у матери больное сердце. Все равно самые дельные советы идут от нее. Когда Жан говорил с Ольгой Федоровной о типографских шрифтах, Маша спросила у матери, кто мог бы помочь в этом деле? Ведь она долгие годы работала в Госиздате Белоруссии, знает немало людей, которые остались в Минске. Мать подумала и

сказала: «Самый надежный человек — Хасан Мустафович Александрович». Жалко, что он переменил квартиру. Найти, конечно, можно, особенно, если Жан возьмется... А вот Софья Андреевна — сущий клад. Чего ни спроси, на второй же день — пожалуйста! Где только берет? Понадобилась радиолампа — нашла, спросили фотоаппарат — тоже... Но самое главное: эта женщина, ничего не боясь, обеспечивает Машу сводками Информбюро. Так что теперь новости точные. А то фашисты все гоготали: «Москва капут! Ленинград капут!» Оказывается, борьба еще только начинается. Не сегодня завтра уйдет в лес к партизанам первая группа военнопленных. На очереди и вторая. А сколько таких вот лазаретов, больниц, лагерей на временно оккупированной врагом территории? Десятки... А как не восхититься мужеством и борьбой минчан! Маша буквально покорена поступком актрисы Виктории Рубец, которая работает теперь в городской больнице. Выздоравливающие наверняка слушают там не только «Песню о Буревестнике» Максима Горького. Маша убеждена: Виктория Рубец в любой обстановке не погрешит совестью. Вот бы скорее установить с ней связь. «Где ты ходишь, Жан? Ты очень нужен...»

Жан не явился в сад ни на второй, ни на третий, ни на пятый день. Группа, которой он руководил, составившая уже солидную силу, вышла на «охоту». Сперва попытали счастье на дороге в Логойское. Затем, завладев большим количеством оружия, отправились в сторону Стелбуна. Пусть враг думает, что партизаны действуют и по соседству. Тут они подорвали четыре машины с горючим, освободили большую группу военнопленных, которых гнали в Минск.

ПРОВАЛ

Решив бежать из лазарета, невольники вели себя неспокойно. «Чего ждем: с моря погоды?», «Нечего нас мариновать, не в гостях прохлаждаемся», «Последние силы уходят...», «Скорее бы конец мукам...»

Как могла, Маша пыталась удержать их, ссылаясь на то, что нужно посоветоваться с Жаном, подождать. Но пленные не слушали ее. Тогда Маша поспешила к Щербацевич, все ей доложила.

— Ну что ж, документы у Писаренко. Машина подъедет в десять часов,— сказала Ольга Федоровна.— Под

предлогом, что пленные больные направляются в городскую больницу Клумова, завтра их проводишь.

— И Родзянко?

— Да, и лейтенанта Бориса Родзянко.

Маша в раздумье пылко возразила:

— Ох, как вспомню его глаза бесстыжие, так мороз по коже...

— Когда делаешь общее дело, никогда не предавайся личным настроениям, Машенька!

— Не получается, Ольга Федоровна! Не нравится он мне — и все тут.

— «Нравится, не нравится! Судьбу человека так не решают. Пока поводов для сомнений нету. Он такой же невольник и страдалец, как и другие. И стремление его вырваться поскорее на волю оправдано.

— Но поведение... Понимаете...— девушка не договорила и, обведя взглядом опрятную комнату Щербацевич, спросила: — Он будет жить у вас?

— Нет,— погладила ее волосы хозяйка.— До отправки в лес его приютит Лена Островская.

Маша облегченно вздохнула.

Ольга Федоровна прямо рассмеялась:

— Ну и характер у тебя!

— Брускиных...— улыбнулась Маша, прильнув.— Скорее сломается, чем согнется...

В этот миг скрипнула входная дверь, и вошедший в дом спросил:

— Кто это надумал тут ломаться? Все, что угодно, только не это.

— Жан! — Девушка не заметила, как бросилась к двери и обхватила его за шею.— Будете долго жить: только что вспоминали о вас.

— Конечно, буду! Работы — по горло, так что куда деваться?!

Глаза Маши сияли от восхищения.

— Вы и в лесу успеваете, и в городе. Прямо Фигаро — тут, Фигаро — там! — улыбалась она, забыв все огорчения.

Жан вынул из кармана пиджака две шоколадки и сперва отдал одну Ольге Федоровне, потом вторую — Маше.

Любящая сладости девушка захлопала в ладоши:

— Шоколад! И еще наш — советский! С «Большой земли» прилетал самолет? Это оттуда, Жан? Оттуда?..

— Конечно,— сказал Кабушкин, не желая омрачать радость девушки.— Говорите, что произошло у вас за эти дни, пока меня здесь не было.

Щербацевич ознакомила его с городскими новостями, какая обстановка в лазарете. Ждала, что Маша выскажет свои подозрения, но та почему-то промолчала.

Спустя десять дней стали готовить к побегу из лазарета новую большую группу военнопленных. Но на этот раз Маша уже не сопровождала их. Она вдруг куда-то исчезла, будто сквозь землю провалилась. И никто ничего толком сообщить о ней не мог.

Жан увидел Брускину на улице лишь 26 октября. На шее дощечка с надписью: «Мы — партизаны, стреляющие по германским войскам». Слева от нее в знакомой кепочке Володя Щербацевич, справа — Кирилл Иванович...

Что же произошло? *

Забыв о предосторожностях, Маша таиться не стала — всегда на виду. На работе всем пытается помочь, все успеть. То, что было тайным,— доставка одежды, документов,— стало явным. Доверчивая, она и в лазарете перестала называть себя «Аней», ничего не скрывала... Когда спохватилась, было уже поздно...

Почуяв опасность, она подалась к родственникам, которые проживали на лесном кордоне. Чтобы чем-то занять время, ходила к круглому озеру, качалась на

---

* Где находилась Маша до отправки в лес военнопленных и, самое главное, до ареста группы Ольги Щербацевич? Долгие годы эти вопросы оставались без ответа. Когда окончательно выяснилось, что казненная фашистами юная героиня Минска — Маша Брускина (это установили эксперт-криминалист подполковник милиции Ш. Г. Кунавин и журналист и писатель Л. А. Аркадьев), ветеран войны Софья Андреевна Давыдович рассказала: «Как-то в порыве откровенности Маша поведала мне об «одном человеке» из лазарета. Краем уха слышала она, что его величали «товарищ майор», но он сказал ей свое имя — Владимир. Когда Владимир окреп, то попросил Машу зайти к нему, когда будет посвободнее.

«Спасибо тебе, сестричка, за все, что ты сделала для нас,— сказал он ей.— Теперь еще одна, последняя просьба. Не ходи больше сюда. Сколько ты принесла пиджаков?! А их уже нет. Оставшиеся ребята тоже скоро уйдут. Теперь ты понимаешь, что не должна здесь появляться?.. А твои пиджаки и документы — это то же оружие. Жив буду, обязательно разыщу тебя после войны, чтобы еще раз сказать спасибо. Будь счастлива, Машенька!..» — Здесь и далее по тексту примечания автора.

качелях, собирала цветы. И хоть на душе скребли кошки, девушка тосковала без настоящего дела.

Возвратившись в Минск, Маша в тот же вечер побежала к подружкам, с которыми работала в лазарете. От них узнала: немцы подняли переполох. Довольно много пленных, в том числе из комсостава, совершили побег. Теперь допрашивают персонал, отбирают пропуска. Рыская как ищейки, обнаружили лаз... Стало ясно и то, что беглецы имеют связь с городским подпольем: без документов им не выйти. А помогли те, кто не считается с новым порядком. Конечно, тут не один человек. Кто они?..

Борис Родзянко, притворяясь больным, остался в городе. Первым делом он предает тех, кто вызволил его из неволи и дал приют — Лену Островскую, Ольгу Щербацевич, потом ее сестру Надю, сына Володю...

Маша ни о чем не знала: пока все в тайне. Мать не сказала дочери, что ее искал высокий парень, что ежедневно он будет ждать Машу в городском саду, или пусть она придет днем в казино. Умолчав, мать думала, что так убережет Машу от неприятностей.

А Маша, само собой, и не подозревала, что в «почтовом ящике» уже давно лежит предупреждение. На следующий день она решила съездить к Ольге Щербацевич. А пока с утра читала книгу.

Во дворе появились два парня в гражданской одежде. «Где живет Маша, которая работает в лазарете?» — спрашивают.

Услышав, что ее ищут, Маша крикнула в кухню: «Мама, за мной ребята приехали. Я сейчас вернусь». Предполагая, что это ребята Жана, она обрадовалась. Только те почему-то холодны:

— Вас ждут...

Девушка, поторапливаясь, как ни в чем не бывало расспрашивает о Володе.

— Там и Володя, и Иван...— отвечают ей.

— Какой Иван? — настораживается Маша.

— Придете — увидите. Говорят же — ждут...

На улице в машине ее действительно ждали... двое фашистов с автоматами. «Ребята» же, ухмыляясь, достают из кармана повязки полицаев, привязывают их на рукава...

— Мама! Ма...— Маше тут же закрыли рот. Жалобный голос прозвучал во дворе, где она выросла, играла, как прощальное эхо.

Брускину привезли в тюрьму, которая находилась на улице Володарского. Всякое общение с ней запретили. Напрасно убитая горем мать каждый день по несколько раз приходила в тюрьму, молила о свидании с дочерью. Ни горькие слезы, ни мольба не действовали. Каждый раз седую женщину гнали от ворот.

К Маше в седьмую камеру поместили Лену Островскую. От нее она узнала, что Ольга Щербацевич тоже арестована, в десятой камере. Маша добивается разрешения выйти на тяжелую работу во двор тюрьмы. Сил нет, сковывают побои, но она надеется, что увидит Ольгу Федоровну, которая также воспользуется возможностью встречи. Так и случилось.

Как только охранник отвернулся, Ольга Федоровна, превозмогая боль, устремилась к Маше. Она незабвенно любила эту девушку и готова была пойти за нее на смерть.

— Моя хорошая, что сделали с тобой эти кровопийцы?! — стала она оглядывать синяки, ссадины на ее лице, руках, ногах.

Всплакнувшая в объятиях Щербацевич, Маша вдруг словно встряхнулась.

— Борис Родзянко — предатель! Он нас предал!— сказала твердо.— Я говорила...

— И Володю, и Кирилла Ивановича тоже?..

— Кто ж еще?..— Она вытерла кулачками слезы. Заторопилась: — От меня они ничего не добились. И не добьются!

— Верю, золотце мое, верю,— гладила Щербацевич ее по голове.— Держись, как только можешь. Не поддавайся этим извергам, моя хорошая. Твердости тебе и силы...

— Володя как? И его эти изуверы...

— И его, и Кирилла Ивановича так бесчеловечно пытают...

— Они не признались?

— Володя только...

Маша отстранилась, широко раскрыла глаза: Володю, который всегда стремился к подвигу, смелого, упрямого, сломали... Возможно ли это? Нет, нет!

Ольга Федоровна поторопилась внести ясность, успокоить девушку.

— Не поддался он. И не признался. Его самого литовец-фашист, командир карательного батальона, признал.

— Тот, который спасся на круглом озере?

— Он самый.

Охранник, предупреждая, что пора браться за работу, прокашлялся. Откуда-то из подвальных камер послышались душераздирающие крики.

Ольга Федоровна поспешила обнять девушку:

— Прощай, Машенька. До последнего вздоха помни: ты — Брускина, дочь Родины. Ничего не бойся: гордо держи голову.

— Это наказ Жана? — с вымученной улыбкой шепотом спросила девушка.

— Всех борцов... От матери ничего не получила?

— Нет, Ольга Федоровна.

— Она просто не знает, как подойти к караульным. Пиши записку. Вот бумага и огрызок карандаша...

На следующий день мать поднесла охраннику ручные часы, и Маша получила небольшую передачу. Из камеры принесли записку, где корявым почерком было написано:

«Дорогая мамочка! Больше всего меня терзает мысль, что я доставила тебе горе. Прости. Ничего плохого со мной не случилось, и других огорчений, клянусь, я тебе не причиню. Если сможешь, передай мне еще школьную форму, зеленую кофточку и носки. Хочу выйти отсюда в форме. Большое тебе за все спасибо. Обнимаю и целую».

Записка была безымянной: узники в своих посланиях не подписывались. Но любая мать узнавала, к кому обращаются в весточке. Да и как не узнать? Маша просила школьную форму, которую сшили недавно, весной. Очень она шла ей, с алым галстуком, и девушка любила ее. Потому и написала, что хочет выйти отсюда в этой форме. Значит, дела не совсем безнадежны. Может, еще все обойдется. Ни Маша, ни ее товарищи ни слова не сказали о побегах из лазарета. Сами пленные — в лесу, допросить их невозможно. Таким образом, вина Машеньки не доказана. Есть надежда.

Сказать бы бедной матери, возвращающейся в пустой дом с опущенной головой и затуманенными глазами: от фашистов не ждут пощады. Слово предателя для них — закон! Хищный орел, красующийся на бланках приказов и других казенных бумаг, из своих когтей добычу не упустит.

25 октября вечером Жан зашел в казино к Янулис. Только тут он мог узнать о судьбе схваченных подпольщиков, городские новости.

Народу в зале прибавлялось, но свободные места были, и Александра взглядом предложила ему сесть за столик. Ждать ее долго не пришлось. Выбрав подходящую минуту, она поставила перед ним кружку пива и тихо сказала:

— Завтра будут вешать Володю, Машеньку и Кирилла Ивановича...

— Откуда узнала? — не поднимая головы, также тихо спросил Жан.

— Сегодня майор Импулявичюс хвастался немецким офицерам. Он узнал Володю...

— Вспоминал, наверно, нападение на него?

— Да.

Александра оставила на минуту «клиента» и принесла еще одну кружку пива и счеты. Будто рассчитывается, стала щелкать костяшками, сама продолжала:

— Матери Володи, Ольге Федоровне, тоже завтра... казнь.

Жан в досаде обронил:

— Был бы у меня взвод автоматчиков...

Янулис не «отвлекалась». Сбросив со счет цифры, вроде она что-то спутала, принялась считать заново. Из-за соседнего столика поднялись два клиента. Александра добавила:

— Руководитель казни майор — командир батальона...

— Не удивлюсь, если окажется и генерал. Тут они постараются и охраны нагонят...

— В четырех местах будут вешать. Майор хочет показать горожанам грандиозное представление. Пригласил офицеров.

— Куда пригласил?

— К паточному заводу.

Оставаться в зале дольше — значило бы обращать на себя внимание, да и подвергать опасности Александру. Жан встал и, сказав обычное «до свидания», покинул казино.

КАЗНЬ

Всю ночь он не мог заснуть. Что можно сделать с одним пистолетом и двумя гранатами, спрятанными в развалинах по соседству?! Отправить на тот свет десять-пятнадцать фашистов? А приговоренных все равно не спасешь.

Впервые Жан почувствовал себя беспомощным. Побрился. Глядя в зеркало, подумал: тебе двадцать пять, ты здоровый, сильный и — на свободе. Володе пятнадцать, Маше семнадцать. Они — невольники. У фашистов... Да, недооценили мы врага, всюду уверяли: сильны; земли своей вершка не отдадим. Вот и поплатились... Даже когда наступили тяжелые дни, и тут не смогли сберечь нашу молодежь. Причем, лучшую. Первый провал... Нелепо: сколько пленников они освободили, а вот самих их вызволить не можем. Что поделать? Победа всегда достается дорогой ценой. И отступать нельзя...

Завтра он пойдет на место казни. Пусть приговоренные взойдут на эшафот уверенными в своей правоте. Пусть вместе со смертью шагнут они в бессмертие, поднимут к борьбе других!

На миг охватило сомнение: если, увидев его, Володя или Маша закричат? Тогда... его сразу арестуют. Взять с собой гранаты — для уверенности? Но осколки поранят не только фашистов, погибнут или останутся калеками невинные... Установители «нового порядка» объяснят это народу по-своему. Нет, врагу нельзя давать козырей. С собой он ничего не возьмет. А Володе и Машеньке, тем более Кириллу Ивановичу верит как самому себе. Идя на эшафот, они не смалодушничают, не будут хвататься за жизнь, как утопающий за соломинку. Зато, увидев товарища по борьбе, станут крепче духом.

Собираясь к месту казни, Жан оделся простым рабочим: старый картуз, заплатанная телогрейка, широченные шаровары, заправленные в кирзовые сапоги. По аусвайсу он — Назаров Иван Петрович, помощник старшего кочегара паточного завода Жевчика. Кочегарка — уголок спокойный. Жан показывается там не часто: его работу делают другие.

Направляясь на завод, он шел окольными улицами, чтобы потом сразу выйти к месту. Будто только что с ночной смены, от топок. Уставший, взлохмаченные волосы прилипли ко лбу, на щеках и под носом угольная пыль. Руки и сапоги — тоже припыленные. Сам внимательно оглядывал все вокруг. У завода ни немцев, ни полицаев. А главное — нет виселицы. Вдруг Александра перепутала? Нет, до сих пор ее сведения были точные. Может, немцы перенесли место казни? Едва ли. Такие акции, как он знает, заранее согласуются с главной немецкой управой и выполняются пунктуально.

«Наверное, еще рано»,— подумал Жан и, на всякий случай, свернул в сторону Володарской улицы, где тюрьма. Приговоренных к смерти ведут отсюда. Войска, полицаи должны быть уже там. Ого-го, вон их сколько! Все в полном снаряжении, с карабинами, автоматами. Плотным кольцом окружили тюрьму. На поводках овчарки, как волкодавы.

Вдруг на всю улицу раздалась по-немецки команда. Войска встали смирно и, взяв наизготовку оружие, лязгнули затворами. Серые железные ворота медленно открылись. Со двора тюрьмы вышли трое арестантов со связанными назад руками. Володя и Кирилл Иванович с боков, а Маша — в середине. На шее дощечка с надписью на немецком и русском языках: — «Мы — партизаны, стрелявшие по германским войскам». Все трое одеты по-летнему, хотя на улице прохладно. Кирилл Иванович и Маша без головного убора. У Володи — та самая кепка с большим козырьком...

Снова прозвучала команда. Войска и полицаи, выстроившись в две шеренги, образовали длинный коридор. По нему в окружении фашистов, с накрученными на руку поводками от оскалившихся овчарок, двигались приговоренные.

Жан понял: майор Импулявичюс на самом деле решил впечатлительно обставить сегодняшнюю казнь. Этим он хочет доказать свою преданность новым хозяевам.

С утра было ясно, но вдруг погода переменилась, точно не хотела быть свидетелем ужасного представления: солнце скрылось за облака, подул ветер. С деревьев, будто от стона и ропота, сыпались крупные горючие слезы — листья. Птицы боязливо улетали подальше. В тишине стук сотен сапог о мостовую отзывался в сердце. Кто-то не выдержал — зарыдал, кто-то шепотом проклинал изуверов.

То ли услышав эти голоса, то ли увидев в толпе Жана, который стоял на тротуаре. Маша встрепенулась: подняла выше голову, на лице появилась легкая улыбка. Даже зашагала смелее, отчего дощечка на шее заколыхалась. В глаза ударила надпись: «Мы — партизаны...»

Фашисты с овчарками приблизились к приговоренным вплотную, коридор тут же сузился. Сапоги солдат застучали сильнее.

Жан только сейчас обратил внимание: Маша вышла

из тюрьмы в школьной форме. Видать, все обдумала: в последний раз по улицам родного города она решила пройти в красивой, как и ее юность, одежде. Ее гордый вид говорил: «Смотрите, враг не смог сломить меня, я вытерпела страшные пытки, голод, но никого не предала!»

К горлу Жана подкатил комок, часто забилось сердце. Умница ты моя, Машенька!.. Бесценная! Ты поняла, что на зависть врагам должна быть крепкой духом и не бояться смерти. Теперь ты не надломишься, не дрогнешь по пути на эшафот. Ты будешь идти твердо и гордо, как подобает борцу и патриотке.

Враг и тут не отказался от коварства: шествие, которое распространяло вокруг страх, сеяло мучение, повернуло к лазарету, где раньше работала Маша. Пусть глядят военнопленные на свою сестру милосердия, которая не подчинилась новому порядку. Такая участь, мол, ждет каждого. Маша и здесь не дрогнула, не пролила ни слезинки — прошла с гордо поднятой головой.

Наконец позади оставили мост через реку Свислочь и повернули к паточному заводу. Остановились. Но попрежнему виселицы нигде не было.

Снова произвели перестройку войск и полиции: приговоренных теперь окружили с трех сторон. Рядом стали два солдата в тяжелых касках, с оружием. Позади — офицеры. Спереди — все открыто. Оказывается, для фотографа, который тут же явился. Офицер.

— На памьять,— сказал он, оскалив зубы *.

Кирилл Иванович посмотрел на него злобно.

— Снимай, снимай, гад! Обвинительным для вас документом обернутся!

---

* Немецкий офицер снял восемь кадров. В ноябре 1941 года эта пленка попала А. С. Козлову, который работал в личной фотографии «Фольксдойч Вернера». По заказу он сделал по три отпечатка с каждого снимка. Кроме того, на свой страх и риск отпечатал еще по одному экземпляру. Людей, которые были на фотографиях, он лично не знал, но, потрясенный их мужеством, решил сохранить эти документы для будущего. За годы войны ему удалось сберечь 287 фотографий, запечатлевших злодеяния немецко-фашистских извергов, которые он сдал органам Советской власти после освобождения г. Минска.

В 1946 году подпоручик Войска Польского Юзеф Армель принес в посольство СССР в Польше три фотоснимка, свидетельствующих о зверствах гитлеровцев в Минске. Армель заявил, что нашел их в одной из квартир города Зольдингена. Запечатлевшие момент казни, снимки хранятся теперь в Минском музее истории Великой Отечественной войны.

— Молчать! — подскочил офицер в кожаной куртке, в фуражке с высокой тульей и ударил Трусова по лицу. Это был командир карательного батальона майор Антонас Импулявичюс.

Володя, взглянув на него, чуть улыбнулся и прикусил губу.

— Что, признал, змееныш... Знай: от меня не убежишь! Отправлю на тот свет собственными руками.

— Спасибочко!..

Маша, будто сбилась с такта, слегка коснулась плеча Володи и строго глянула на него: мол, держись как подобает.

Володя прошептал:

— Хорошо.

— Не разговаривать! Три дня будете висеть рядом. Объяснитесь от всей души.

Тяжелые заводские ворота открылись.

Горожане с испугом заговорили:

— Неужто живыми хотят сварить в котлах?

— Нет, на перекладине ворот повесят...

— Звери!..

— Эти...— партизаны? Да ведь двое из них — дети! Как рука поднялась? Стыд и совесть потеряли...

— У них ее и не было...

В это время к перекладине привязали три веревки. Один из полицаев побежал в соседний дом за табуреткой. Дверь ему не открыли. Тогда из проходной завода вынесли стул, поставили у веревок.

Кого первым? Майор задумался: руки чешутся повесить первым Володю. Или всех сразу! Вон как невозмутимо стоят, будто ждут не исполнения приговора, а награды. Особенно спокойна и неприступна девушка. Красивая, черт возьми. Прямо королева красоты... И через пару минут исчезнет навсегда... Почему она не просит о пощаде, не становится на колени? Дикарка! Засчиталось бы как отречение от большевистской России. Во всех газетах поместили бы эти снимки... Упрямая тварь! Как глядит: вроде не мы ее судим, а она нас. О чем думает?..

Трудно предположить, о чем думала Маша Брускина в последние минуты своей жизни. Может, о матери, о товарищах по борьбе, незавершенных делах? А может, о Москве, где побывала нынче весной, когда цвела черемуха, и казалось ей теперь все волшебным сном. Тогда она наверняка вспомнила бы торжественный перезвон

курантов, увидела перед собой брусчатку, что на Красной площади? На улице родного города, где она сейчас стоит, камни тоже похожи на те, что в Москве. Такие же твердые и лежат, тесно прикасаясь друг к другу. И Маша сохранит в душе твердость. Вот она выше подняла голову, встряхнув пышными кудрями, и чуть улыбнулась. Во взгляде, обращенном к майору,— ненависть и презрение, которые приходят от сознания своего превосходства.

— Взять! — закричал Импулявичюс, показывая пальцем на девушку.

Маша, не дрогнув, спокойно шагнула к эшафоту.

Трое фашистов, находившихся рядом, засуетились — хотели снять с ее шеи дощечку с надписью, но не решились.

— Кончать! — снова заорал майор, поторапливая подчиненных.

Маша взглянула на него на этот раз с отвращением и сама поднялась на стул.

— Ну?..— майор ожидал, что теперь-то жертва запросит о пощаде.

— Палач! — лишь бросила ему Маша. — Наша кровь даром не прольется.

Импулявичюс пинком ноги опрокинул стул...

Рядом с Жаном кто-то вскрикнул и, потеряв сознание, упал. Другой закрыл лицо и отвернулся. По толпе, будто говорливая волна, прокатилось рыданье.

К перекладине шагнул Володя Щербацевич.

Потрясенный происходящим, немецкий солдат с трудом поднял стул трясущимися руками.

Володя встал на него сам.

Майор, довольный, что ему наконец удалось рассчитаться с опасным мальчишкой, который чуть не отправил его на тот свет, сам поправил петлю на шее Володи. «И этот невозмутим,— подумал он.— Проклятые фанатики!..»

Володя как раненый сокол, который бросается в пропасть, чтобы почувствовать себя хоть на миг в полете, встрепенулся.

Жан сжал кулаки и стиснул зубы. Не в силах больше сдерживать себя, ушел прочь. «Месть! Месть! — стучало в его сердце.— Пока видят глаза и руки держат оружие, только месть может притушить боль утраты. Значит, работу подполья надо не сворачивать, а наоборот,— расширять: готовить новые побеги военнопленных

из лагерей и лазаретов, устраивать нападения на лесных дорогах, взрывать склады, танки, пушки врага!.. Только так отвечать фашистам. А о сегодняшнем их зверстве сообщить бы в газете. Пусть все знают, на что они способны, и не ждут от них милости... Где только найти наборщика, о котором говорила Маша. Постой, знает ли ее мать о том, что произошло? Может, и на адрес наборщика натолкнет?..»

Жан заторопился. И хотя мысли путались, одно наслаивалось на другое, он укрепился в одной: «Предельная осторожность! Без дисциплины не будет успеха. И громить врага с новой силой. Чтобы узнал, где раки зимуют! Только так... Жан слов на ветер не бросает и дважды повторять не любит».

Ольгу Федоровну Щербацевич фашисты повесили в тот же день, что и сына Володю, но на другой улице. Казненных сняли только через три дня.

О судьбе Кирилла Ивановича жена узнала сразу. Где силы брала — держалась. Хуже с матерью Маши Брускиной: от потрясения она потеряла рассудок и теперь ежедневно ходила к заводу, хотя там никаких следов уже не осталось.

Однажды вечером, сам того не замечая, Жан завернул на Замковую улицу. Вошел в знакомый двор. Словно рана, заныла душа. Тут вот взяли Машу два полицая, надели наручники. А вон там чуть поодаль стояла машина, которую окрестили в народе «душегубка». В нее и затолкали Машу...

По этой дорожке, обсаженной летом цветами, радуясь жизни, Маша ходила в школу и возвращалась обратно. На скамейке, что под сиренью, отдыхала, водила с подружками разговоры, строила планы на будущее.

А вот ее окно... Оказывается, и окна могут грустить. Стекла затуманились, потеряли блеск, занавески запылились, висят как попало. Отклеившаяся от стекла бумажная полоска тоскливо дребезжит на ветру, напоминая похоронную музыку...

Вокруг — никого, пусто. Может, не заходить в дом? Нет, нельзя. Надо разделить горе несчастной матери Маши.

Дверь не заперта. Жан достал из кармана сколько было денег, положил их на стол под солонку и собрался уже уходить, но тут в сенях послышались шаги.

— Это мы, добрый человек. Увидели, как вы вошли сюда, и вернулись,— сказала соседка, прежде уложив

в постель хозяйку.— Только вот Машенька теперь не вернется...

— Вернется, скоро вернется! — встрепенулась бедная мать.— Взгляд ее был блуждающий, седые волосы плохо прибраны.— Чтобы долго не ждала, я и дверь открытой оставила.— Она потянулась руками к вискам, потерла их, будто ее что-то беспокоило.

— Конечно, вернется. Успокойся, голубка моя, успокойся. Выпей лекарство — полегчает, голова перестанет болеть.— Соседка присела рядом с хозяйкой.— Вот нежданно-негаданно одна беда за другой...

— Тяжело... Я тоже пришел, чтобы хоть чем-то облегчить горе,— сказал Жан.— Оставил деньги — понадобятся.— Он кивком головы показал на стол.

Соседка немного удивилась, скользнула взглядом по его запыленной одежде, спросила:

— Откуда будете?

— Из паточного завода. Кочегар.

— И вы все видели?

— Видел...

— Как лишилась дочери, она сразу потеряла рассудок.

Жан покосился на хозяйку: лет ей тридцать пять-тридцать шесть, лицо осунулось, помрачнело. Сама затаилась, по-своему осмысливает услышанное. Как отнесется? И только тут заметил: она уснула.

— Вы, пожалуйста, присмотрите за ней. Я буду помогать.

Пока разговаривали, мать Маши спала. Но сон был некрепким и коротким. Открыв глаза, она засмущалась, мол, не к лицу хозяйке лежать, когда гость в доме, и быстро поднялась. Будто что-то вспоминая, тревожно посмотрела на него.

— Я — Жан,— сказал Кабушкин, не зная, как продолжать дальше.— Не смог вовремя предупредить Машу об опасности...

— Помню: вы приходили,— тяжело вздохнула мать.— Сама виновата: я не сказала Машеньке о вас. Думала, так лучше. Только просчиталась...

В эти минуты она размышляла здраво, ум был ясный.

Соседка перебивать ее на этот раз не стала, подложила под спину подушку и, сказав: «Пусть немного выговорится», ушла.

Измученная горем, мать вытерла полные слез глаза и продолжала:

— В школе Маша была заводилой. Ни один концерт, ни одна встреча не проходили без нее. Все принимала близко к сердцу. Помню: поставили они в драмкружке «Цыган» Пушкина. Охотника на роль Алеко не нашлось, так Маша сама играла его. А если бы вы слышали, как она читала «Песню о Соколе» Горького?.. Всегда веселая, радостная, мечтательная. Она светилась, как солнышко. Любила справедливость и за нее — хоть в огонь и воду. Правда — выше всего! Училась только на отлично и другим помогала. Если спросить ребят из ее класса, кого вы любите больше всех, они ответят: Машу Брускину. Вон гавайская гитара,— хозяйка трясущейся рукой показала на стену, где висел инструмент,— подарок влюбленных... Книги о путешествиях и подвигах у нас не переводились. Много читала Маша. Нет,— покачала мать сокрушенно головой,— мы все равно не сберегли бы ее. Она всей жизнью была подготовлена к подвигу. И совершила его... Машенька, голубка моя, за что тебя сгубили проклятые фашисты? За то, что была доброй, сердечной, любила Родину. Всегда теперь у меня перед глазами, как она, моя голубка, взошла на эшафот... Изверги! Вчера вечером часовые куражились над ее мертвым телом. На меня спустили собак. Сейчас пойду и раскромсаю этих поганцев! — Несчастная мать, пошатнувшись, встала и начала быстро одеваться. Ее глаза расширились, губы, руки тряслись.— Дайте нож, веревка больно давит шею моей Машеньке!.. Дайте! Не проходите мимо,— кричала она, снова впав в беспамятство...

7 ноября по приказу командира карательного батальона майора Импулявичюса * ее расстреляли.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Побродив несколько дней по лесу, Жан встретился у деревни Усакино с дозорными 208-го партизанского отряда имени Сталина. Они появились из густого кустарника неожиданно и заставили его лечь на снег. Не

---

* Жан долго выслеживал этого палача. Как охотник, все ждал подходящего случая. Но командир II карательного батальона Антонас Людвикас Импулявичюс на глаза не попадался, потом совсем исчез из Минска. Вместе с фашистскими войсками Импулявичюс отступил в Германию. Оттуда в 1949 году он уехал в США. Приговоренный в Каунасе за свои злодеяния к смертной казни — уничтожил 46 тысяч советских людей,— палач живет под крылышком американских властей в городе Филадельфия.

шевельнешься: один вскинул наизготовку автомат, другой забрал у него пистолет и финку. Встать не разрешают. «Кто ты, откуда следуешь и куда путь держишь?» Жан не обиделся на дозорных. Ответил, подумав при этом: «Порядок у них что надо. Верят в свою правоту и силу, потому так четко сработали. С такими и в бой не страшно...»

Дозорные — в красноармейском обмундировании. Военное подразделение, в которое они входили, выдержав ожесточенные схватки с противником, сумело сохранить прежний номер своей части и составило ядро партизанского отряда. Посты, секреты, траншеи — все было тут как в военном лагере. У Жана поднялось настроение: обосновались надолго.

— Кто ваш командир? — спросил он.

— Там увидите...

— Скажите хотя бы, нет ли у вас людей из Минского лазарета? Истомин, Зорин, Блажнов, Левит?

— Если нужно, об этом скажет командир.

Жан остро взглянул на здоровяка-красноармейца и пожал плечами.

Видя, что его напарник неправ, вмешался второй дозорный:

— Ты чего, Перепелица, играешь на нервах человека,— сказал он с украинским акцентом.— Не бачишь, что лейтенант наш, советский.— Потом повернулся к Кабушкину и сочувственно добавил: — Нет, товарищ лейтенант, таких командиров у нас нет. Наверное, они попали в другой отряд.

В большой теплой землянке командир партизанского отряда полковник Ничипорович встретил Кабушкина стоя. Был он высоким, стройным, с продолговатым лицом. Русые волосы на висках серебрились, будто тронутые первым инеем здешних лесов. Одет по форме: в зеленой гимнастерке, подпоясанной широким ремнем, и такого же цвета галифе, новенькая портупея, начищенные до блеска сапоги.

Жан коротко доложил о себе.

— О вас я наслышан, лейтенант Кабушкин,— сказал командир отряда.— Если не ошибаюсь, подпольная кличка — Жан, не так ли?

— Так точно, товарищ полковник.

— Это вы оставляли свои визитки после дерзких операций?

— Было, товарищ командир...

— Вот этого делать не следовало, лейтенант. Садитесь.— Ничипорович прошелся до двери и обратно.— Привлекли на себя внимание врага. Ясно?

Жан встал.

— Именно такого результата я добивался, товарищ полковник. Но все равно не избежали провала. В один день повесили двенадцать подпольщиков.

— Об этом тоже слышал, лейтенант. Сперва вкратце расскажите о себе, потом — о подполье.

Невольно шевельнулась мысль: сомневается... Как же иначе: причины провала не совсем ясны. Если нет провокатора, то откуда немцы узнали адреса подпольщиков?.. Жан чуть растерялся: с чего начать? С того, что в 1915 году оставили Белоруссию и осели в Казани? Что мать сейчас проживает недалеко отсюда, в деревне Малаховцы? Нет, не надо. Вообще о матери – ни слова. Не знаешь, что случится завтра. Лучше ее не трогать. А может, сказать, что он — зять военного комиссара республики?.. Тоже не годится. Жан начал с того, как служил в Красной Армии у майора Кадерметова тут, в Белоруссии. Потом — как попал в плен, как вырвался и как организовывал на лесных дорогах нападения на немцев. Напоследок рассказал о подпольной работе в Минске.

Ординарец принес чай.

Хоть Жан был непротив выпить чашку чая, обогреться,— ему хотелось поскорее закончить беседу. Поэтому продолжил:

— Только группа Щербацевич устроила побег пятидесяти человекам. Из них пятнадцать — командиры.

Ничипорович, неторопливо помешивая ложечкой в стакане, тут же спросил:

— Фамилии помните? Хотя бы некоторые?

Жан, загибая пальцы, стал считать.

— К сожалению, никого из них у нас в отряде нет.— Полковник опять стал ходить по землянке. То, что он не совсем поверил Жану, было заметно по его сосредоточенному лицу.

— Выходит, в другом отряде?

— Возможно... Пока вы отдыхайте. Понимаете: нам нужно подумать, посоветоваться. Понадобитесь — вызовем...

Бывают моменты, когда ты не в силах доказать свою правоту. Сам организовывал подполье и тебе же не верят... Не брать же в гестапо справку, что столько-то фа-

шистов ты отправил на тот свет, поджег столько-то автомашин, мотоциклов? А скольким военнопленным помог бежать из лазаретов и лагерей? Впрочем, они тут о многом знают. Наслышаны же, что он не раз оставлял свои «визитки». Так что пусть думают, советуются. Если не найдется работа в отряде, в Минске ее хоть отбавляй. Помощницы Нюра, Александра в строю. Есть фотограф. Найдем и наборщика Хасана Мустафовича...

Через несколько дней в землянку к Жану зашел Перепелица. С ним молоденькая девушка — в валенках, полушубке, закутана шалью. Сразу видать, не лесная это девушка: лицо не успело обветриться, с длинными ресницами.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — сказал Перепелица.— Разрешите обратиться...

— Слушаю вас.

— Не поглядите ли у нашей милой Ирмочки пистолет?

— А вы сами?

Перепелица почесал затылок:

— Тонкая штука, товарищ лейтенант. Пистолет трофейный, дамский.

Девушка смотрела на Жана очень внимательно. Молчала.

— Она немая, что ли? — тихо спросил он у Перепелицы.

Хозяйка пистолета расслышала, засмеялась.

— Языкастая, товарищ лейтенант. Временами даже...

Жан по-прежнему стал шутить:

— Лучше соловья поет, да?

— Не знаешь, куда деваться.

— А я вас раньше видела,— разоткровенничалась Ирма, не давая разговору уйти в сторону.

— Где? На вечеринке? Люблю водить хороводы с девушками.

— У Нюры,— сказала Ирма и, чуть помолчав, добавила: — Потом двадцать шестого октября у паточного завода...

В ее голосе ощущался холодок металла. Шутки погасли.

«Связная!» — решил Жан, возвращая ей оружие. А вслух сказал:

— Эта вещица исправная, Ирма. Пожелал бы: никогда не применять ее. Вашими пальчиками держать бы бокал с шампанским.

— Спасибо, Жан.— Она собралась идти, тронула за рукав Перепелицу.— Не будем отвлекать...

— Нюре от меня поклон.

— Ладно,— сказала она с улыбкой.— Я завтра иду домой.

Вот те на! Случайная встреча или... Оружие было исправное. Значит, посылали ее сюда для опознания? А оружие — только повод... Топорная работа. Хотя... пусть будет так. Что ему от этого?! Зато теперь успокоится полковник.

Может, случайное совпадение, только после встречи с Ирмой Жану разрешили участвовать в крупной ночной операции. Она завершилась успешно: из лагеря, что в Стельбуне, освободили около ста пятидесяти военнопленных. Захватили также много оружия.

Чтобы не оставалось следа, нападение совершили, когда свирепствовал буран. Но как только вышли за ворота лагеря, он прекратился. Пришлось поторапливаться, менять маршруты. Сначала шли по большаку, потом спустились к замерзшей речке и лесом — на вспомогательную базу, которая совсем в другом направлении. Костры не зажигали. Дозорные, что впереди, и замыкающие следили за небом, слушали молчаливый лес. Если что-нибудь вызывало подозрение, сразу всякое движение прекращалось: партизаны прятались под густым ельником. После четырехдневного перехода, наконец, добрались до базы.

Когда после отдыха вернулись в лагерь, командование отряда направило Кабушкина в Минск. В городе уже были созданы подпольные райкомы партии, которыми руководил городской комитет. К тому времени в лесах под Минском существовало несколько партизанских отрядов. Они наносили врагу чувствительные удары. Теперь фашисты не могли, как прежде, разгуливать свободно на нашей земле. Немецкое командование встревожилось: леса вокруг Минска объявило партизанской зоной. Немцы боялись туда заглядывать даже днем — на каждом шагу их подстерегала смерть.

Кабушкину предстояло встретиться с секретарем горкома Исаем Казинцем или редактором городской газеты Владимиром Омельянюком, привести кого-либо из них в отряд для координации действий.

Жан нашел обоих. Но Казинец идти в лес наотрез отказался. В Минске по руководству подпольем организовался военный совет. Каковы его функции? Как долж-

на проводится борьба с сильным и коварным врагом? Какие ее особенности? Казинца, как секретаря горкома, все эти вопросы беспокоили в первую очередь. Было много и других забот. Нет, не покинет он город в такие дни.

Возвратившись в отряд, Жан обо всем доложил командиру, сообщил и о своих наблюдениях:

— В районе деревни Водопой есть немецкие склады... Неплохо бы пустить «красного петуха»?..

После разведки, которая подтвердила донесение Кабушкина, стали готовиться к очередной операции.

Настал срок вылазки. Темной ночью, несмотря на ветер, группа вовремя добралась до места. Сняла часовых. Складская территория, обнесенная колючей проволокой, большая. Партизаны разделились надвое. С Жаном оказался низенький боец Саранин, которого он помнил по тому памятному дозору, что привел его в отряд. Вдвоем быстро подожгли склад со стороны деревни. Вспыхнул огонь и с другой, противоположной стороны.

Пожар разгорался. Уже подали сигнал к отступлению. Но тут начался сильный обстрел: из гарнизона к немцам пришла подмога. Упал один партизан, другой. Оставшиеся в живых соединились вместе, открыли дружный огонь из автоматов. Но силы оказались неравными, к тому же были и раненые. Группа снова разделилась надвое. Жан, взяв на спину раненого Саранина, пополз в лес. Немцы стреляли плотно, не давали подняться.

Операция закончилась не совсем удачно. Жан переживал, считал себя виноватым. А тут еще ночью сгоряча не почувствовал, что ранен. «Не повезло,— думал он.— Теперь ходи по лазаретам».

Дни тянулись долго, беспокойство не покидало. Наконец повязку с руки сняли. Партизанский доктор, седенький старичок с бородкой клинышком, вышел за ним из землянки.

— На минуточку задержитесь, пожалуйста,— попросил он.— Видите ли, дорогой, у меня к вам одно деликатное дело. Скорее даже просьба. У нас нету медикаментов, нету инструментов. Одна ножовка — и та садовая. Если кризис не минует, то я вынужден буду ею отпилить ногу Саранина. Представляете, как дерево буду... Без наркоза. И, как на грех, Саранин самогона не пьет. А то даем перед операцией. Вот такие дела...

Варварство, одним словом, дорогой, но другого выхода нет.

— Что я должен делать, доктор?

— Помочь нам скорее...

— Кровь дать? У меня вторая группа. Берите.

— Нет. Про вас говорят легенды.

— Врут все! — сказал Жан.— Если я теперь правильно вас понял, доктор, нужны медицинские инструменты и лекарства? Не так ли?

— Абсолютно верно, дорогой. Ох, как нужны. Я слышал по беспроволочному телефону, что не сегодня завтра вас отправят в Минск. Вот там взяли бы у немцев взаймы то, что нам нужно, а?

— Взаймы? — Жан улыбнулся.— Зимой не вернуть, весной — не отдать?

— Вот-вот. Вы правильно поняли. Я, конечно, говорил командиру. Но у него разных дел по горло — забудет. А вот Саранин лежит, как бы не опоздали мы... Конечно, отпилю. Знаете, какое это будет мучение?! Чтобы подавить боль, хотя бы выпил рюмашку-другую. Нет, не пьет...

На другой день Жана вызвал к себе командир отряда Ничипорович. Полковник, как всегда, был хорошо побрит, подтянут. Справился о здоровье и сразу — за дело.

— Мы тебя, лейтенант, назначили старшим помощником начальника второго отдела штаба. Отдел этот занимается вопросами уничтожения вражеских агентур, идеологическими вопросами. В таких делах опыт у тебя есть.

— Спасибо за доброе слово, товарищ полковник,— сказал Жан.— Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Хорошо, Кабушкин. Подходи поближе.— Командир отряда еще раз внимательно посмотрел на Жана, расспросил о здоровье, настроении, потом не спеша рассказал о тяжелых известиях, полученных только что из Минска.

— Решено послать тебя в город. Приказ готов.— Из ящика стола он взял лист бумаги и протянул его Кабушкину.

Там было написано: «Учитывая, что отряду не хватает медикаментов и боеприпасов, а также в целях необходимости установления связи с Логойским отрядом красных партизан, приказываю:

1. Старшему помощнику начальника 2-го отдела штаба отряда лейтенанту Кабушкину и бойцу-партиза-

ну тов. Перепелице отправиться в Минск — раздобыть медикаменты (по отдельному списку) и боеприпасы, установить связь с Логойским отрядом красных партизан и выпустить печатные листовки.

2. Для выполнения поставленной задачи покинуть территорию лагеря в 22 часа 00 минут 10 марта 1942 года».

— Ясно,— сказал Кабушкин.— Разрешите готовиться к выполнению приказа.

Командир обнял его:

— Только будь осторожен, Жан. Не горячись. Ты нужен для большого дела... Запомни это. В городе после провала подполье ослаблено...— Командир отряда вздохнул и, покусывая в раздумье губы, словно решал, говорить или нет, продолжил: — Там объявился провокатор. Надо его найти. Иначе...

— Понятно,— сказал Кабушкин и, щелкнув каблуками, отдал честь: — Приказ будет выполнен, товарищ командир.

Ничипорович пожал ему руку:

— Успехов тебе, Жан!

— До свидания, Владимир Иванович!

Хотя Кабушкин и заявил, что ему нужно готовиться к выполнению приказа, но в землянку, где располагались его друзья, не вернулся. К чему, собственно, готовиться? Он и так всегда готов. Партизанская жизнь приучила действовать немедленно. Все необходимое с ним: документы, оружие, одежда...

И все-таки перед серьезным заданием хотелось побыть одному. Подумать... Разве не был он счастлив? Жил в свободной стране, учился, работал, служил в армии. Казалось, будто плыл по морю, в теплой и чистой воде. Тамару встретил, дружил... Решили: всю жизнь рядом... Только вот внезапно ясное небо заволокло тучами. Грянул гром. Они расстались. Бывшая морская купель вдруг заволновалась, превратилась в бездонную пучину, откуда бросаются разъяренные волны. Кажется, вот-вот они его накроют. Нет, не боится он, плывет и знает: буря кончится, небо снова будет ясным... Где только сейчас Тамара! Увидеть бы ее улыбку, похожую на радугу после дождя. Но враг все украл. Даже улыбки людей. Никого не жалеет: вешает, стреляет, живыми закапывает в землю...

Он сел на пенек писать письмо Тамаре. Но куда посылать его? В Казань. Отец Тамары — военный комис-

сар Татвоенкомата. Пожалуй, он и сообщит своей дочери...

«Добрый день, дорогие...» — начал Кабушкин, но вдруг засмеялся, не зная, как назвать родителей жены. По имени, отчеству? Никогда еще не писал им...

«Если Тамара с вами,— продолжал он,— сообщите ей, что я жив-здоров...»

Что написать еще? Очень, мол, скучаю? Неудобно. Сообщил: «Гитлеровские изуверы мучают мирный народ и пленных. В Минске перед парком размещается в недостроенных зданиях лагерь для военнопленных. Если бы вы видели, как их бьют и морят голодом! Даже воды не дают напиться досыта! За шесть месяцев уже погибло восемнадцать тысяч пленных. Я сам оттуда еле вырвался. И теперь за издевательства над нашим народом буду мстить злодеям...»

Перечитав написанное, Кабушкин добавил: «Обо всем этом знаю сам, не по чьим-то рассказам, все видел своими глазами, слышал своими ушами — не могу быть спокойным к таким страданиям, и до тех пор, пока глаза видят, уши слышат, буду бороться до последней капли крови.

Обнимаю Тамару.

Передавайте мне привет по радио на имя Жана. Тут меня знают...»

Вчетверо сложив письмо, запечатал его. На конверте четким почерком написал адрес: «Город Казань, ТАССР, Татвоенкомат, тов. Петрову» *.

Всю ночь Кабушкин и Перепелица были в дороге. Старались больше молчать. Партизаны говорят: лес — уши, а поле — глаза... На заре немного подморозило, шагать стало легче. Хотя устали и очень хотели спать, но остановок решили не делать. Перекусили почти на ходу, прислонившись к стволу сосны. И снова, превозмогая боль в ногах и усталость, продолжили путь.

У леса, казалось, конца-краю нет. Те же старые дубы да высокие сосны, гордо вскинувшие свои верхушки в темное небо. Где-то вскрикнула птица, потревожив притихший лес. Снова наступила густая тишина ночи.

---

* Кабушкин оставил это письмо в штабе отряда. По каким-то причинам его не послали на «Большую землю». Оно попало в штабные бумаги, затем было сдано в архив. Обнаружили его через девятнадцать лет.

— Товарищ лейтенант, разрешите, пройду вперед.

Кабушкин посторонился.

Перепелица зашагал, делая на пять-шесть нормальных шагов один длинный. Кабушкин улыбнулся: «Заботится, чтобы не заснуть на ходу. Однообразные движения утомляют... Подожди-ка,— присмотрелся он к своему спутнику,— кто же точно так шагал, переваливаясь по-медвежьи? Такие же длинные руки, широкая спина...»

Перепелица оглянулся.

— Не спишь? — спросил, улыбаясь.

В темноте блеснули зубы.

«Харис! — неожиданно вспомнил Кабушкин.— Харис Бикбаев! Был он таким же. И точно так улыбался...» Где он теперь? Воюет, конечно. Если не прошло увлечение машинами, наверняка, сменил контроллер трамвая на руль. И чувствует сердце: проведет свою машину в Берлин через Белоруссию. Будет косить гадов огнем и давить гусеницами танка. Недалек тот день, когда и в Минск ворвется. Красная Армия уже наступает. Да и они здесь, в тылу, не дают покоя немцам. На железных дорогах летят под откос поезда, горят склады...

Когда начали редеть утренние сумерки и до города оставалось километра три-четыре, Жан сказал Перепелице:

— Теперь каждый пойдет своей дорогой. Так будет надежнее.

Тяжелую ношу — взрывчатку, которую они несли из самого партизанского отряда, разделили на две части. В мешки сверху положили сало.

Спрямляя путь, Жан пошел одному ему известной тропой. Вскоре он постучал в дверь квартиры Александры Константиновны Янулис.

Эту полную и редко улыбающуюся, красивую девушку с черными тугими косами Жан сам выбрал в качестве хозяйки конспиративной квартиры. Поскольку в пропусках полиции — аусвайсах — их отчества совпадали, они выдавали себя при проверках за брата и сестру. Фамилии, правда, разные, но это потому, что Александра вышла замуж. Мужа ее в первые дни войны забрали в армию, и теперь от него никаких вестей...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОПЕРАЦИЯ «ЛЕКАРСТВО»

Отдохнув, Жан попросил Александру согреть воды. Когда вода была готова, вручил ей пакетик:

— Эта штука сделает мои волосы черными, как у цыгана.

Александра только улыбнулась: изобретательность Жана ее не удивляла.

Вскоре из дома вышел человек с черными вьющимися волосами. Тихими переулками он направился к площади в центре города. Напротив бывшего до войны Дома правительства — аптека. Там работал свой человек.

Жан открыл обледенелую стеклянную дверь и прошел внутрь. Очкастый аптекарь дул на озябшие руки и перебирал какие-то бумаги. Когда вышел последний покупатель, бережно прижимая к груди пузырек лекарства, Жан кашлянул два раза кряду, потом крякнул. Аптекарь поднял голову и, озираясь то ли по привычке, то ли от осторожности, указал на дверь в дальнем углу.

Вскоре они уже сидели с Кабушкиным на складе с маленьким окошечком.

Жан коротко рассказал о новостях, передал решение Минского подпольного горкома — создать партизанский лазарет.

— Прежде всего нужны медикаменты. И как можно больше,— закончил он.

Аптекарь вытащил из шкафа небольшой вещмешок.

— Все, что могу дать.

— Так мало? Одним поленом землянку не обогреешь. А бинты? А вата?

— Вычистили под метлу,— сказал аптекарь, кивнув в окно.

Там внутри двора у склада солдаты грузили на машину ящики, тюки.

— Куда повезут? — спросил Кабушкин.

Аптекарь пожал плечами:

— Не знаю. Машина приехала из Борисово, так что возвращаться будет по шоссе...

— Так, так. Говори, что еще знаешь. Это уже наводит на размышление.

— Немцы, конечно, задержатся в маленьком ресторанчике у заброшенной церкви. Там еще хромая бабка Глафира готовит самогон для господ офицеров — на пахучих травах, с перцем.

— Первый раз слышу. Откуда она взялась?

— Появилась перед войной. Собирает подаяния — хочет восстановить церковь какой-то святой Варвары. Привезла даже утварь — говорит, издалека.

Но Жана интересовала уже не бабка с ее церковной утварью — он думал, как добыть медикаменты раненым партизанам.

— Спасибо тебе, дружище. Свой мешок ты спрячь пока. У меня не поднимется рука, чтобы забрать последние крохи. Я пойду к своим, посоветуюсь. Может, еще повезет...

Несколько дней назад в городе выпал снег. Мохнатые шапки алмазами сверкали на крышах домов. Весеннее солнце уже делало свое дело: время от времени со звоном падали острые, как пики, сосульки. С карнизов и наличников стучали о землю дружные капли — будто горючими слезами плакали хмурые трущобы. Чернотой глядели проемы окон разрушенных зданий. Снег подтаивал и на дорогах, на тротуарах.

Что принесет весна непокоренным людям Белорус-

сии? Фашисты в городе чувствуют себя вольготно. Вон идут по улице двое. Видать, пьяные — во всю глотку горланят песню. Хорошая добыча! В карманах у них наверняка есть увольнительные, образцы подписей которых так нужны партизанам... Но из-за угла вышли трое с автоматами. «Патруль!»— насторожился Жан, и по телу пробежали мурашки. Свернуть в сторону? Правда, бояться нечего, документы у него в порядке, а все-таки... Внешность тоже не вызывала сомнений: одет он как заправский парикмахер — демисезонное пальто, черная шляпа, в руке маленький чемоданчик с пульверизатором и целым набором духов и одеколона.

— Аусвайс! — потребовал молодой щеголеватый офицер. Патрульные тут же преградили дорогу — с двух сторон приставили дуло к ребрам.

— Битте,— Кабушкин лихо раскрыл чемоданчик, вытащил бумагу на имя парикмахера:— Пожалуйста!

Немцы, фыркая, побрызгались одеколоном и, сказав: «Гут, гут*. Работай!», ушли.

Охотиться за пьяными теперь времени не было. Жана занимал грузовик. Груженная медикаментами машина вот-вот тронется в путь. Надо спешить к старушке, а там видно будет...

Забежав на квартиру, чтобы переодеться, он появился неузнаваемым: в старом латаном ватнике, таких же замусоленных стеганых штанах. На ногах ржавые, намазанные дегтем сапоги. За плечами мешок, а в нем — соль и завернутое в тряпку черное, как земля, мыло. Будто выменял добро это у горожан на сало и теперь вот возвращается в родное село. Ну разве такому земляному жуку не положено остановиться перед божьим храмом — осенить себя крестом, да и не грех опрокинуть чарку водки у богомольной старушки на дорогу.

Дальше все казалось просто: купить у неизвестной бабки самогон, пройти на контрольный пункт и ждать грузовик. Во время проверки часовыми пропуска предложить выпить шоферу, чтобы тот согласился взять попутчиков до Хатыни. По дороге прикончить фашистов и завернуть на ближайшую базу партизан. Таков был его план.

Как было условлено, они встретились с Перепелицей у самой церкви. Креститься им не пришлось: неожиданно из-за поворота выехал грузовик.

* Хорошо, хорошо *(нем.)*.

— Не успели! Эх, черт! — выругался Жан.

Грузовик остановился у пристроя, где когда-то раньше трапезничали монахи.

— Может, попытать счастья — спросить разрешения на поездку с господами офицерами? — спросил Жан Перепелицу.— Здесь же за столом, за выпивкой, когда промочат горло, может, станут добрее.

— Попробуй.

Жан зашагал к пристрою — в ресторанчик, похожий на распивочную. Но ему не только не позволили сесть за стол, даже за порог не пустили.

— Вшивый сабака! — поднялся пьяный немец.— Вег!*

О поездке на грузовике нечего было и думать. Жан подошел к Перепелице:

— Не вышло.

— Касатики, пожертвуйте на храм божий,— послышался жалобный голос.

Жан оглянулся. Опираясь на палку, к ним подошла старушка лет шестидесяти с острыми, как у ястреба, глазами, в очках.

— А если надо горло промочить, найду вам питье покрепче, только не скупитесь.

«Глафира Аполлоновна! — чуть не вскрикнул Кабушкин.— Так вот почему сундук с золотом, что стоял у Пелагеи Андреевны, оказался тогда пустым,— молнией мелькнула мысль.— Сплавили кресты и чаши. Сплавили... Теперь на храм собирает...» Жан достал из нагрудного кармана две немецкие марки и, сторонясь, протянул их старухе.

Глафира Аполлоновна, быстро хапнув деньги, вытащила из-под фартука поллитровку мутной жидкости.

— Пейте, голубчики, на здоровье.

— Пошли, Христофор, тут господа,— сказал Жан своему спутнику.— Надо поторапливаться: путь неблизкий.

Они зашагали по шоссе к шлагбауму, где находился контрольный пункт.

— Успеем ли? — шепнул Перепелица.

— Должны успеть,— ответил Кабушкин.— Пока немцы не торопятся.

День клонился к вечеру. Навстречу дул резкий ве-

---

* Прочь! *(нем.)*

тер. Мела поземка. Это на руку. Будет предлог отогреваться около будки, прислонившись к стенке, и ждать машину. А раздумья о Глафире не покидали. Хитрая тетка. Фанатичка... Какой была раньше, такой осталась и теперь...

Молча добрались до контрольного пункта. Навстречу им тут же вышли двое с автоматами. Третий остался в будке.

«Многовато...»,— подумал Жан.

Стали проверять документы. Худощавый немец и краснорожий полицай присматривались к запоздавшим путникам.

— Куда вас на ночь глядя леший гонит? — спросил краснорожий.

Немец тоже поворчал.

— Должен сейчас подъехать грузовик, господа,— сказал Жан. — Мы договорились — подвезут нас... Ветер вон какой злючий. Продувает насквозь... Может, стакашек у вас найдется? — Кабушкин вытащил из кармана поллитровку.— Первач, с перцем. Не успели в городе отведать. Погреться на дорогу не помешало бы.

Полицай, облизывая губы, глянул на часового.

— Шнапс? Гут, гут! — сказал тот, кивая на будку:— Битте.

Жан и его спутник переглянулись.

Вскоре внутри будки глухо прозвучали три выстрела. Когда подъехал грузовик с медикаментами, проверять документы вышли двое переодетых. Жан, покосившись на пьяного шофера, взял его пропуск. Тем временем Перепелица с автоматом быстро залез в кузов.

Создавая видимость проверки, Жан в левой руке держал пропуск, правой в кармане стискивал пистолет. Как только что-то крякнуло в кузове, он выстрелил в шофера, другим выстрелом уложил сидящего рядом немца.

Грузовик, зарычав мотором, плавно тронулся, оставив на месте лишь облачко дыма. Но и оно скоро развеялось.

Возвращаясь в партизанский отряд, Жан решил остановиться на подсобной базе, чтобы немного передохнуть, прийти в себя. В городе всегда тревожно. Патрули, облавы. Каждый день в напряжении. Ходишь, как по лезвию ножа. А тут сейчас спокойно, тихо. Но отдыхать не пришлось. Оказывается, до

темноты на базе пережидает время группа партизан. Она следует в деревню Клинок. Там в здании средней школы немцы открыли пансионат, в котором сейчас более трехсот эсэсовцев. Задание группе — уничтожить их.

Жан бывал в этой деревне и потому сразу загорелся. Может, тут отдыхает со своими головорезами майор Импулявичюс? В конце концов — пусть любые фашистские прихвостни. Хрен редьки не слаще... Усталость будто рукой сняло. Он должен участвовать в этой операции! Отсиживаться не позволит совесть. Еще свежа память о погибших, словно рядом слышен голос Маши Брускиной: «Наша кровь даром не прольется». Она знала, что так будет, она верила ему. Пусть же теперь ее предупреждение обернется гибелью для каждого фашиста.

Жан с разведчиками шел впереди. С вечера все вокруг сковал трескучий мороз. Скрип снега под ногами, наверное, слышен издалека. Ну что ж, надо зорче глядеть в оба. Лишняя осторожность никогда не мешала. На звездном небе — рожок луны. К двум часам ночи он исчезнет. Станет темнее, но тогда яснее прорежется Большая Медведица — самый хороший ориентир. Только сейчас заботы другие: посчитаться с врагом! Разведчики немного устали: дышат тяжело. Брови, усы, бороды — в инее. Но всем жарко, мороз будто и не мешает, только снег скрипит...

Наконец впереди зачернела деревня. Вошли. Здание школы заметно выделяется — стоит особняком посередине. На улицах — никого. Даже собаки попрятались от мороза — не кажут носа.

Все вызнав, разведчики дождались основную группу у околицы под липами. Пока никаких осложнений, все шло как задумали. Четыре храбреца поползли к школе. Вскоре три раза прокричал филин. Это означало: дорога свободна, охрану сняли...

Не мешкая, партизаны с двух сторон окружили здание пансионата. У дверей выставили автоматчиков, в каждое окно по команде кинули гранаты. Большой деревянный дом охватило багровое зарево. Полусонные, неотрезвевшие еще от попоек, эсэсовцы с диким криком бросились к дверям. Но тут их ждали пули партизан...

Никаких потерь народные мстители не понесли.

КТО ОН, ВИЛЬКЕ?

Александра Янулис продолжала работать в казино. А это было очень важно: сюда стекались офицеры со всей округи. Провал группы Щербацевич ее не поколебал. Она теперь передавала в отряд услышанные тут различные сведения и новости.

Принесла весть: в Минск для выполнения важного задания прибыл немецкий капитан Артур Вильке. Особого внимания Жан вроде не обратил: мало ли кто приезжает и кто уезжает из города, который так и кишел агентами гестапо, СД, абвера?! Но вдруг прояснилось: у капитана именной пистолет — подарок Гитлера. Такой подарок имеет далеко не каждый...

Жаном овладело неодолимое желание — завладеть пистолетом!

Александра удивленно спросила:

— Для чего он тебе?

— После войны мы бы его выставили в музее. Посетители, прочитав надпись на пистолете, похвалили бы нас: «Вот какими смельчаками были белорусские партизаны, они сумели захватить оружие, подаренное даже самим Гитлером!»

— И так похвалят, Жан.

— Все равно расскажи, Шурочка, каков он из себя, этот капитан?

Жан всю неделю ходил сам не свой — выслеживал капитана. Наконец встретил. Тот сидел в казино за накрытым столиком, в дальнем углу, под цветами, с каким-то офицером. Оба изрядно выпили, о чем-то горячо спорили.

Допивая кружку пива, Жан многозначительно посмотрел на Александру, давая понять: час настал — и поспешил на улицу.

В какую сторону пойдет капитан? Было под вечер. В такое время он, конечно, скорее всего вернется в гостиницу. Значит, в «Беларусь». (Жан уже успел разузнать, где капитан остановился.) Немец, целый час смаковавший пиво, обязательно по дороге сделает остановку. Причем уборную искать не станет. Тогда?.. Ага...

Капитан вышел из казино вместе с товарищем. Это сразу несколько нарушило планы Жана. Далее немцы вообще не стали сворачивать в сторону гостиницы, пошли прямо. Жан тоже последовал за ними, не раздумы-

вая. Встречный ветер донес обрывки фраз: «великая Германия», «фюрер», «клятва фюреру»...

Эти штампованные слова Жан слышал не раз, почти от каждого немца. Но сегодня они были сказаны не торжественно и гордо, как всегда, а с угрозой — сурово и строго. В чем секрет? Жан сунул руку в карман пиджака. Нет, не потому, что ему понадобилось оружие (днем он вообще ходил без оружия), а для того, чтобы придумать какую-нибудь хитрость на случай, если немцы станут придираться: зачем, мол, идешь за нами. В кармане у него оказался серебряный медальон Александры. Хорошо. Если что, Жан потянет за цепочку и скажет:

— Гер офицер! Битте, цванциг марка...*

Поскольку их двое, прибегнуть к своему левому кулаку, от удара которым противник обычно терял сознание, тоже не удастся. Хотя, если подвернется случай...

Офицеры, поглощенные разговором, не оборачивались. То слышались выкрики отдельных слов, то зловещий шепот. Не доходя до обвалившегося на тротуар деревянного дома, они замедлили шаги — спор разгорелся очень сильно. Особенно рьяно что-то доказывал капитан. Но вот он схватил товарища за ворот, втолкнул его в узкий проход двери.

— Брудер! Майн брудер! ** — кричал помоложе.

Жан опешил, прижался к развалинам и подумал: «А ведь капитан — хороший спортсмен. С таким будет трудно тягаться. Но что он собирается делать? Ведь «брудер» по-ихнему означает брат...»

В руке капитана сверкнула сталь пистолета, раздался сухой короткий выстрел, похожий на треск ветки при тихой погоде.

Что это? Немец застрелил немца? Жану не только видеть, но даже слышать про такое еще не приходилось. Сомнений нет: один из них...

Капитан в черном мундире наклонился над убитым и стал торопливо рыться в его карманах. Одни бумаги отбросил в сторону, другие, перелистнув, оставил на месте. А вот увесистый сверток взял брезгливо в руки и, воровато озираясь, спрятал у себя на груди. Явно не желая, чтобы его обнаружили, побежал обратно.

---

* Господин офицер! Пожалуйста, двадцать марок... *(нем.)*.

** Мой брат! *(нем.)*.

Нет, Жан не мог его пропустить: дал подножку. Капитан распластался, как лягушка. Подобно ястребу, бросающемуся на свою жертву, Жан прыгнул к капитану, наступил ему на руки и вытащил пистолет из его кобуры.

— Папиер! — потребовал он.

Немец сразу догадался, чего от него хотят, протянул сверток. При этом отрывисто произнес:

— Флюгшрифт... Листофка... Из Москау...

«Неужто наш агент? — на мгновение подумал Жан.— Неудобно получилось. Может, вернуть ему пистолет?.. А если после он выстрелит тебе в лоб?..»

— Геноссе... Камрад... Товарищ...— шептал немец, не сводя глаз с Жана.

— Вег! Беги быстрее! Я тебя отпускаю...

— Спасибо.

Вернувшись на конспиративную квартиру, Жан сперва положил на стол медальон, потом рядом с ним именной вороненый пистолет и листовки.

Александра побледнела:

— Жан, что ты наделал? Опасно же!

— По всей вероятности, не совсем так, дорогая. Только, по-моему, я оказался в очень глупом положении.— И он рассказал ей обо всем.

Листовки действительно были отпечатаны в Москве. А то, что капитан отбросил в сторону при обыске убитого, оказалось удостоверением личности лейтенанта Рудольфа Вильке.

Александра, поглядев на принесенный пистолет, в раздумье сказала:

— Хозяин этой штучки тоже носит фамилию Вильке. Только имя другое. Прямо загадка.

У Жана прояснилась мысль:

— Умница ты моя, Шурочка! Спасибо тебе, что обратила внимание... Выходит, капитан Артур Вильке застрелил своего брата. Так?..

— Ты что, Жан...— Девушка отступила от стола, где лежал пистолет, тупо смотревший на них своим черным зловещим глазом, и прижалась к груди Жана.— Не может быть — своего брата?..

— Это ясно как день. Лейтенант даже крикнул ему: майн брудер!

— Брат брата... Страшное варварство. Из пистолета, подаренного Гитлером...

— Ничего тут необычного для вояк фюрера нет. Ты

лучше подумай: почему капитан Артур Вильке лишил жизни брата? Вот в чем загадка!

— Не все ли равно, Жан? Первый фашист убил второго или, наоборот, второй фашист — первого? От перестановки слагаемых сумма не меняется.

Жан погладил девушку по волосам и задумчиво проговорил:

— Меняется, дорогая, меняется. Кто сегодня убит: друг или недруг? Один из этих братьев, несомненно, наш друг. Но кого я отпустил — врага или друга? Вот в чем вопрос. Может быть, ответ на вопрос удастся найти в листовках?

Александра стала их переводить. Прямо с листа. Жан слушал внимательно. Потом попросил:

— Шурочка, переведи, пожалуйста, еще раз мысль антифашистов о предательстве. Вот с этой запомнившейся мне строки: «Да, мы связаны клятвой...»

Александра продолжила: «Отказаться от нее тяжело, очень тяжело... Гитлер, пришедший к власти посредством своих злодеяний и жестокости, ведет народ к гибели. Наша верность народу намного выше верности Гитлеру...»

— Все ясно? — спросила девушка.

— Да. Продолжи еще немного.

— «Что такое предательство? Предателем становится тот, кто ради личной выгоды забывает об интересах народа, родины. А мы не предатели народа и родины, а их спасители... Наша честь, наш долг не в формальной верности данной Гитлеру присяге, а в том, чтобы остаться верными своему народу и родине...» *

— Теперь понятно...— остановил девушку Жан.—Это богатство, Шурочка, мы, конечно, передадим по адресу. Кое-что ясно и мне. Не сомневаюсь я только в одном: между убийством Рудольфа и листовками — связь самая прямая.

— Почему так считаешь? — удивилась Александра.— А если бы братья просто бросили листовки и ушли?

— То, во что ты веришь, за что борешься не щадя жизни, нельзя бросить, Шурочка. Такова суть. Иначе

---

* Из речи антифашиста Эрнста Хадермана, произнесенной им в 1942 году на офицерском собрании, состоявшемся в лагере военнопленных в городе Елабуга ТАССР. Она была отпечатана на немецком языке тиражом в пятьсот тысяч экземпляров и распространена в виде листовки среди фашистских войск. Несколько экземпляров хранится в Центральном музее Советской Армии.

беспринципность. От нее до приспособленца или шкурника рукой подать. Тогда — то же самое предательство, о котором ты только что читала в листовке. К слову, листовки были во внутреннем кармане армейского кителя Рудольфа. Выходит, он их где-то взял раньше. Когда? Дал почитать брату как старшему. Потом, оказывается, не сошлись, вернее сказать, столкнулись две противоположные идеи, каждая из которых казалась другому святой. Но почему все-таки именно Артур убил брата и откинул его документы в сторону?

Александра несмело сказала:

— Наверное, чтобы свалить на партизан.

— Я тоже так думаю. Только теперь вот, Шурочка, ответь на такой вопрос: если бы Артур сдал своего младшего брата в гестапо с листовками в кармане, то ему бы дали рыцарский крест?

Вопрос оказался непростым. Они пробовали подойти к нему с разных сторон, но толкового ответа не нашли.

Жан разобрал лежавший на столе пистолет, разделил его на две части, одну часть завернул в старую тряпку и протянул Александре:

— Спрячь, дорогая. После окончания войны соединим вместе и соберем. Так будет надежнее.

Девушка вышла во двор. А когда после долгого отсутствия вернулась, сказала:

— Закопала рядом со старым тополем, справа.

— Для чего ты мне говоришь?

— Чтобы знал. Всякое может случиться, тогда заберешь. Вспомнишь меня...

Жан обнял девушку. Помолчали, каждый был занят своими мыслями. По улице с истошным воем прошла патрульная машина, затрещали автоматы. Где-то неподалеку раздался взрыв, отчего задребезжали оконные стекла. Потом все стихло.

Жан опять вернулся к своим прежним рассуждениям. И, глядя на листовки, спросил:

— Почему Артур отказался от рыцарского креста? В этом орешке что-то скрыто...

Девушка не переставала восхищаться: до какой степени Жан предан подпольной работе. Можно подумать, ему больше ни до чего нет дела. А может, действительно так. Вон как горячо он говорил о своих убеждениях. Можно только позавидовать. Но неужели у него

нет другой, своей личной жизни?.. Или он всегда такой деликатный? Со всеми?.. Жан хороший, воспитанный парень. Жаль, ничего о себе не рассказывает... Девушка вздохнула и, чтобы не выдать своего расположения к нему, начала разливать по чашкам чай. Эти чашки она доставала только тогда, когда приходил Жан. Голубые, с цветочками по краю, они нравились ему, и девушка всегда помнила об этом.

За чаем она сказала:

— Знаешь, Жан, я, кажется, поняла, почему Артур решил отказаться от рыцарского креста.

— Почему?

— Я слышала в казино от офицеров, что если немец, нарушив присягу, изменяет фюреру, то его приговаривают к смертной казни.

— Ну и что? Рудольфа уже нет в живых...

— Но дело на этом не кончается: родителей приговоренного к смерти, его родственников выгоняют из дома и отправляют в лагеря смерти.

Жан поднял девушку на руки.

— Дорогая ты моя! Правильно! Артур Вильке испугался именно этого. Его младшего брата все равно бы схватило гестапо, и его непременно бы расстреляли. Но тогда тень его легла бы на всех родственников и близких. В том числе и на самого Артура Вильке. А тут теперь подадут под другим соусом: верного своей присяге Рудольфа убили партизаны. Он умер праведной смертью — за фюрера. Домашние будут получать за него пенсию. А авторитет Вильке не пострадает. Умно придумано!— Жан обеими руками схватился за голову.— Теперь у меня сомнений нет: я отпустил настоящего фашиста. Жалко, как жалко!..*

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЙ ШКУРЕ

В лесах Логойского, Заславльского, Дзержинского, Червенского и других районов Минской области с немцами уже боролись крупные партизанские отряды.

* Вернувшись на базу, Жан попросил командира отряда навести справки: не является ли Артур Вильке нашим агентом? С «Большой земли» положительного ответа не дали. Позднее Жан убедился в обратном: майор Артур Вильке стал одним из главарей минского гестапо. Ему удалось избежать справедливой кары, в последние годы он работал в ФРГ в качестве преподавателя.

Руководил ими военный совет партизанского движения. Отряды пускали под откос вражеские эшелоны с живой силой и техникой, взрывали мосты, поджигали склады боеприпасов, разрушали коммуникации и линии связи между войсками армии «Центр» и Германией.

Немецкие оккупационные власти вынуждены были просить целые регулярные части для подавления партизанских отрядов.

Когда, наконец, подоспели каратели, вооруженные танками, самолетами, народные мстители, зная о готовящейся операции, ушли в дремучие леса.

В начале марта 1942 года фашистам удалось разгромить военный совет партизанского движения. Были схвачены многие члены подпольного городского комитета. Видимо, кто-то из арестованных не выдержал пыток и стал предателем. Если его не выявить, жди новых арестов. Преступника поручили найти Кабушкину...

Пришла весть, что заключенных пытают в гестапо зверски. Взяли и тех, кто приносил им еду. Значит, не сумели выведать новых фамилий: подпольщики держатся крепко. Во что бы то ни стало надо установить с ними связь...

Через тюремного наздирателя Кабушкин сумел передать записку одному из подпольщиков — Василию Соколову, которого знал очень хорошо. С нетерпением ждал ответа. Прошел день, другой. Но тут оказалось — исчез надзиратель. Видать, его схватило гестапо. А записка? Прочитал ли ее Соколов? Успел написать ответ?

Не сумев получить каких-либо сведений от подпольщиков, немцы пошли на хитрость Они поставили заключенных в сани и объехали так весь город. Брали на улице каждого, кто выказывал хоть малейшее волнение.

Ждать ответа от Соколова дольше смысла не имело.

Кабушкин решил попытать счастья. Может, ребята сумеют как-нибудь передать ему... глазами, кивком головы... Говорят же: глаза умеют говорить. Некоторые люди, посмотрев друг на друга, сразу понимают, о чем каждый в это время думает.

Свою мысль о встрече с Василием Соколовым Кабушкин высказал работнику горкома Сайчику. Этот худой, осмотрительный человек не поддержал его намерения.

— Зря подвергать себя такой опасности? Ничего не узнаешь,— отговаривал он.

— По глазам увижу,— доказывал Кабушкин.— Попытка не пытка. Да и других возможностей пока нет.

В конце концов Сайчик согласился.

— Ну, гляди, только будь осторожен.

Василия Соколова Кабушкин увидел возле сквера на улице Горького. Он шел еле передвигая ноги. Под глазами черные круги, волосы на голове спеклись от крови, пальцы на руках в грязных тряпках. Шагал он согнувшись, будто тащил на своих плечах непосильный груз. Его сопровождали два гестаповца. Встречные, сторонясь, смотрели на шествие с опаской, дескать, подальше от греха.

Жан, чтобы привлечь внимание товарища, задержался у фонарного столба: прикуривая, начал чиркать по коробку обратным концом спички. Вот их взгляды встретились. Василий, кивнув головой, следил за немцами искоса. Гестаповцы насторожились. Они шли позади Соколова и, заметив его кивок, лихорадочно искали в толпе того, кто приветствовал заключенного. Кабушкин продолжал чиркать спичкой и, занятый своим делом, пристально смотрел из-под козырька фуражки на Василия: «Ну, кто же, кто предатель?»

Соколов склонил голову. Должно быть, он понял. Обвязанным пальцем дотронулся до единственной белой пуговицы на рубашке, затем, тяжело вздохнув, посмотрел на белые, точно ватные, облака в небе.

Закурив папиросу, Кабушкин пошел своей дорогой. Что бы это значило? Зачем Соколов показал на пуговицу? Круглая? Дескать, провалено, закругляй побыстрее дела и уматывай к партизанам. Однако Вася не трусливого десятка. Значит, так не скажет. Если прочитал письмо, переданное через наздирателя, он обязан был сообщить фамилию предателя. Обязан, но как? Вдруг вот сообщил? Надо прикинуть еще раз: пуговица — круглая. Может, Круглов? Только среди подпольщиков нет человека с такой фамилией... Пуговицу пришивают к рубахе ниткой... Ниткин? Ниточкин? И такого не знает Кабушкин. Пуговица белая... И белые облака, на которые посмотрел Василий... А? Все правильно — Белов! Действительно, есть один с такой фамилией среди руководителей военного совета, при подпольном комитете. Кабушкин хорошо его запомнил. Этот человек с замашками чиновника превратил воен-

ный совет в канцелярию: посылал в партизанские отряды письменные приказания, требовал донесений, рапортов, составлял списки, вызывал на совещания командиров и заместителей. Словно в регулярной армии. Один из руководителей подпольного комитета Исай Казинец и Кабушкин как-то высказали свое несогласие с подобной деятельностью военного совета, заявив, что такая переписка под носом у врага рано или поздно к добру не приведет. Однако военный совет не придал этому значения. И вот результат.

Жан поспешил к товарищам. Выслушав его внимательно, подпольщики решили:

— Как бы не обвинить человека напрасно. Проверить надо, а главное — без шума.

На другой день гестапо использовало Белова для приманки: едва он поднял руку, приветствуя встретившегося на улице подпольщика, гестаповцы в штатском арестовали его. А спустя несколько дней стало известно: Белов бежал из гестапо в один из партизанских отрядов. Кабушкину поручили следовать за ним. Но куда? Целый день ходил он по городу, расспрашивал знакомых. Наконец выяснил: предатель отправился в Карпухинские леса.

Вскоре Белов был обезврежен. Командир отряда Воронянский поблагодарил Кабушкина за своевременную помощь. Но в городе снова объявился провокатор, словно выследили и взяли кого-то другого. Не успел Жан вернуться на базу, отдохнуть и привести себя в порядок, как его срочно вызвал Ничипорович.

— Знаю, что устал,— сказал командир отряда,— но выхода другого нет. Подменить тебя некем. Надо идти. Это моя просьба. Не приказ.

И Кабушкин со своим неизменным спутником Перелицей снова целую ночь в пути. За плечами тяжелый груз. Его и на этот раз нужно доставить в город «попутно». На второй день они так обессилели, что боялись присесть — иначе заснешь мертвым сном и не встанешь.

В город вошли тайной тропой у Комаровки, когда стемнело. На условленной квартире их уже ждали. У разведчиков не было сил даже раздеться — оба свалились и тут же заснули как убитые.

Присланный партизанами «лесной гостинец» переправили подпольщикам. Он пришелся кстати: на железной дороге на следующую же ночь были пущены под

откос вражеские эшелоны с горючим, снарядами, солдатами. На дороге остановилось движение.

Фашисты бесновались. Усилили борьбу против подпольщиков. В городе за несколько дней число агентов удвоилось. Пароли и пропуска то и дело менялись. Участились облавы и обыски. Ходить на улице стало опасно. Патрули задерживали каждого подозрительного.

Утром Кабушкин переоделся, побрился и, сказав Перепелице, что идет к связному, тихо вышел из дома. Задание не давало покоя.

С изворотливостью кошки он кинулся в одну сторону, другую и лишь после того, как убедился, что за ним нет «хвоста», взял у надежных людей новый адрес редактора находящейся в подполье газеты «Звезда» — Володи Омельянюка. Этого аккуратного парня он знал уже давно. Володя заметно повзрослел, даже отпустил небольшие усы и бороду. Одет как жених: белая сорочка заправлена в тщательно выглаженные брюки, на шее шелковый галстук.

— А-а-а, привет! — воскликнул Омельянюк, встречая друга.— Тут я о тебе узнал столько лихого, что голова кругом идет...

— Не понимаю,— с недоумением поглядел на него Жан.

— Сейчас поймешь... Александр, Жан, Базаров-Назаров, Бабушкин... Говорят, под этими кличками ты значишься в деле, которое завели на тебя в гестапо. За твою голову назначили и приличную сумму. Поскольку так, можешь гордиться. Не зря видать, заслужил....

Кабушкин улыбнулся.

— Пойми, Володя, я бы один ничего не смог сделать. Но мы действительно не мелочимся: если взрываем, то сразу эшелон, если за кем охотимся, то выбираем фигуру покрупнее. Наверное, уже слышал о столкновении возле Клинок?

— Слышал, Жан, слышал,— ответил Омельянюк, предлагая гостю стул.— Садись. В честь этого я сегодня и приоделся. Прямо праздник на душе. Дали вы фашистам жару. Около батальона эсэсовцев уложили. Да каких! Все высокие чины, приехавшие сюда на отдых. Три дня хоронили, три дня отправляли гробы в Германию. Словом, спасибо. Вернешься в отряд, передай всем партизанам, Ничипоровичу пламенный привет и

большую благодарность от имени городского комитета партии.

— С удовольствием, Володя! Но, как говорится, долг платежом красен. Мы тоже выражаем благодарность городскому комитету: посланные им люди в тот день дрались как львы. Они теперь прекрасные партизаны. Спасибо им,— сказал Кабушкин и, помолчав, добавил: — Видишь, когда приходит час, постоять за себя минчане умеют...

— Это само собой. Но все-таки я завидую тебе, Жан. Хороши у тебя дела.

— Почему так говоришь?

— Сюда приезжаешь — надеваешь на гестаповцев огненные рубашки, уходишь — и эсэсовцам баню задаешь.

— Поэтому и числюсь партизаном у своих. У немцев же, как сам говоришь,— Базаров-Назаров, Бабушкин...

Оба рассмеялись.

— Скажи лучше, какие новости привез? Как там Ленинград?

— Стоит твердо, как скала. Севастополь тоже не думает сдаваться. Так что немцы зря болтают. И о Красной Армии тоже. Сейчас на всех фронтах идут ожесточенные бои. Дело за нами.

— Понятно,— протянул Володя. И спросил: — С каким заданием приехал?

Под окнами прошел фашистский патруль. С пронзительным воем пронеслась крытая машина — «душегубка». Следом за ней проехали, тарахтя, мотоциклы.

— Докладывай ты, какие успехи,— попросил Кабушкин.— Засиживаться, видишь сам, некогда.

— Понял,— сказал Володя.— Печатание листовок почти на мази: шрифты нашли, правда, не совсем то, что нужно,— мелкие, но для начала сойдут, осталось только найти место поспокойнее да кое-какие мелочи. Решим вопрос и о связи. Вот-вот должен человек явиться, чтобы определить, где встречаться. Тут новые адреса,— протянул он лист бумаги.— Береги как зеницу ока. Лучше закодируй и при себе не носи. Малейшая опасность — уничтожь. Держит нас всех провокатор Давыдов... За него, наверное, возьмешься сам. Как руководитель оперативной группы. Только, пожалуйста, проверь тщательно и... сам не исполняй. Гестапо узнает твой почерк.

— Не волнуйся, Володя, что-нибудь придумаем.

Жан осторожно и долго собирал сведения о провокаторе, как бы приглядывался со стороны. Давыдов представлялся кадровым командиром, полковником. Дескать, когда его дивизия отступала, был тяжело ранен и оказался в плену. Так уж случилось. Но, верный воинской присяге, не обронил ни единого слова. Из лагеря спасся чудом. Конечно, помогали советские люди. А теперь, мол, по заданию городского комитета он собирает партизанский отряд.

По сведениям, доставленным Перепелицей, провокатор пользовался доверием у людей, которых отобрал для отряда. Среди них были давно знакомые Кабушкину двое юношей: Толик Левков и Лелик Лихтарович, два неразлучных друга. Жили они в одном доме на углу Академической улицы. Лелик — высокий, стройный, а Толик, наоборот, коротыш и немного сутулился. Парни давно приставали к Жану взять их в лес. В городе нет им настоящего дела, а бегать на побегушках надоело, руки чешутся взять автомат... Кабушкин советовал не торопиться, подождать еще немного: всему свое время. Лелик по его просьбе «организовал» печать в комендатуре. Ту самую, что ставили на пропусках, когда разрешали покинуть город. Несколько поручений выполнил и Толик. Так что ребята надежные. Но теперь они сами попали на крючок провокатора. Надо их выручать.

Кабушкин поспешил на Академическую улицу. Однако, узнав по дороге у знакомого подпольщика Вадика Никифорова, что сегодня Давыдов собирает у военного кладбища группу завербованных им людей, решил отложить встречу с парнями. Что-то тут кроется несомненно.

Рядом с военным кладбищем, на углу Галантерейной улицы, уже собралась группа мужчин и подростков. У каждого в руках или за плечами котомки, мешки. Все курят, переговариваются. Вскоре подошел мужчина лет сорока пяти, с бородой, похожей на ту, которую носят продавшиеся фашистам белорусские националисты.

«Наверное, чтобы не привлекать внимания сыщиков,— подумал Жан.— Это Давыдов». Кабушкин и сам для безопасности часто изменял внешность. Вчера был небритым, со спутанной бородой, деревенским крестьянином в лаптях, а сегодня выглядел щеголем: прохаживался под руку со своей освободительницей Нюрой,

разыгрывая беззаботного ветрогона, сопровождающего знакомую.

Нюра словно преобразилась: она весела, красива.

— Знал бы, что ты такая эффектная, сам бы влюбился,— засмеялся Жан.

Девушка улыбнулась.

Неподалеку от группы куривших мужчин они остановились посмотреть афиши. Нюра, помахивая небольшой модной сумочкой, смеялась, выбирала, куда бы пойти развлечься вечером, кланялась проходящим знакомым. Жан, беззаботно улыбаясь, сыпал комплименты и в то же время наблюдал за мужчинами.

Для «выхода в свет» Нюра — очень удобный спутник. Пользуясь тем, что патрули пропускают такую красивую женщину без обыска, Кабушкин очень много уже пронес с ее помощью лекарств, аккумуляторов. И вот теперь она снова помогала ему.

Давыдов что-то говорил мужчинам, и те с нетерпением посматривали на улицу Володарского. Руки провокатора не знали покоя, и сам он то и дело поворачивался то к одному, то к другому, беспокойно озираясь по сторонам.

«Нет, суетливый человек не мог быть кадровым командиром»,— решил Кабушкин.

— Нюра, вернись домой,— попросил он.— Я должен заглянуть к одному приятелю. По неотложному делу.

— Надолго?

— Приду за тобой через полчаса.

— Понятно,— кивнула спутница.

Проводив ее до угла, Жан вернулся назад. Подъехала грузовая машина. Мужчины уселись в кузове.

— Готово? — спросил Давыдов, залезая в кабину.

— Готово! Поехали.

Машина тронулась. Какой-то пожилой мужчина в кузове перекрестился.

Жан хотел было кинуться к ближайшему связному, чтобы тот сообщил своим: не упускать машину из виду. Но грузовик неожиданно завернул к двухэтажному зданию охранки — филиалу СД, и ее тотчас окружили автоматчики. Солдаты начали вытаскивать людей из кузова и бить их прикладами.

Сидевший в кабине Давыдов, воспользовавшись шумихой, метнулся в сторону. Немцы сделали вид, что ничего не заметили. «Старые приемы,— подумал Жан, вспомнив бегство из гестапо Белова.— Не выйдет...» Он стал следить за ним издали неотступно. Провокатор

петлял по улицам и переулкам, частенько посматривая на ручные часы. Должно быть, у него явка.

Наконец, Давыдов открыл дверь сверкавшего стеклами казино. Жан прошел мимо, успев заглянуть в окно: там, за крайним столиком, пил коктейль чисто выбритый мужчина в штатском. Давыдов подсел к нему.

Спустя минуту Жан был в этом казино. Бросив на стол бармена хрустящую немецкую марку, попросил коньяку...

Вечером он зашел к Толику Левкову и сообщил ему адрес провокатора.

Через два дня гестаповцы обнаружили безжизненное тело Давыдова за костелом, в полуразрушенном склепе.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

Нюра боялась ездить ночью в поездах. Надеясь встретить запоздалое такси, пошла она на стоянку, что у привокзальной площади. Ждала долго. Хорошо, что ночь теплая. Стараясь разогнать тревожные мысли, тихонько напевала. Наконец, показалась легковая машина. За рулем — солидный мужчина. Высунув голову из окошка, он спросил:

— Куда прикажешь, красавица?

Нюра назвала пригородный поселок.

— На дачу,— добавила не без умысла: мол, не из простых она смертных.

Шофер присвистнул:

— Далековато...

— А по мне — близко: спешу я туда.

— Проверяешь мужа? Ха-ха-ха!.. Я — водитель господина Козловского. У него пятая или шестая жена, тоже молодая, красивая. И тоже чуть что — проверяет... Я до восьми утра свободен, услужу.

— Это хорошо. Если самого не застану, вернемся в город.— Нюра открыла заднюю дверь кабины, поставила тяжелую сумку. Сама села рядом с шофером, чуть приподняв узкую юбку.

— Сколько положишь? Или...— Шофер искоса глянул на ее округлые коленки.

— Посмотрим на ваше поведение...

— Все ясно, как эта темная ночь. Ну-ка, старушка,— включил он скорость.— Покатим с ветерком, повеселим красавицу, тогда она расщедрится. Да гляди,

не ломайся. А если надумаешь, то лучше на обратном пути, чтобы заночевали в глуши леса! — Так, приговаривая полушутя, полусерьезно, шофер погнал машину на окраину города.

Миновали последние дома. Хозяин такси все заливался:

— Знаете, что за ночь сегодня? Ивана Купалы! Сегодня такие мечтательницы, как вы, ровно в полночь едут в лес за волшебным цветком папоротника. А мы уже здесь. Вдвоем. Может, попытаемся? Исполнятся все желания!.. Деньги не нужны. Зачем они, когда сами — золото. Вот здоровья, молодости, любви... Не так ли, красавица волшебной ночи?!

— Так, так, дедок,— рассмеялась Нюра.— Только меня дома ждут...

— Не спеши раньше батьки в пекло...

— У кого пекло, а у меня, может, рай...

— Ну и клиентка попалась... И эта волшебная ночь...

Шофер не переставал болтать, даже когда въехали в глубь леса. Хвалил Нюру, интересовался, есть ли у нее дети, как познакомилась с мужем, любит ли его. О своем хозяине сказал, если ему доводится кого подвезти, денег никогда не берет...

Нюра подумала: «Яблоко от яблони далеко не падает. Шофер — старый хитрый лис». Она открыла редикюль и, достав платочек, вдруг схватилась обеими руками за голову.

Следивший за каждым движением девушки, шофер сбавил скорость:

— Что с тобой? Может, остановиться: подышишь лесным воздухом?

— Нет, нет,— отказалась Нюра.— Это — недомогание, пройдет. Мне уже лучше.

Где там! Она забыла дома деньги. Охватило беспокойство: голова пошла кругом, сердце забилось сильнее. Вдруг Жан в городе? Этот дяденька себе на уме — ко всему приглядывается. Куда девать сумку, спрятать? Где? «Ах, Жан... Только он никогда не оставлял ее в беде. Чего разволновалась? Наверняка обойдется. Надо взять себя в руки...» Чтобы отвлечься от нахлынувших мыслей, она сказала шоферу, что имеет ребенка от первого мужа, хотя тогда еще ничего толком не смыслила в семейной жизни.

Шофер многозначительно усмехнулся:

— Муж и жена — одна сатана. Тут все сказано...

Может, он и прав. Если нужно, Нюра бросится за Жаном в огонь и воду. Да, так. Ничего не побоится. Страдание и заботы его — теперь ее заботы. Она никогда не ждала принца, но о друге по сердцу мечтала. Когда Нюра выручала Жана из лагеря, подумала: бог услышал ее мольбу, «наградил» за выплаканные слезы, за ожидание. С первого взгляда ей понравился Жан: всегда внимательный, ласковый, веселый... Жаль, не все так вышло, как она предполагала. Жан с головой окунулся в опасную работу. И ее втянул. Без него она теперь не представляет жизни. Утром встает — думает о нем, вечером ложится — он перед глазами. Каждое его слово — закон... Нет, просто она не может возразить ему. Не смеет. Он не заслуживает этого. Жан не такой, как другие, слов на ветер не бросает. Строгий, требовательный. Сама к нему привыкла. Вот и исполняет все его поручения, хотя иногда бывает несладко, даже унизительно. И сегодня едет она к нему среди ночи, да еще по страшному лесу. Зачем так рисковать? Мало ли мужчин, которые рады исполнить любое ее желание?! Стоит только намекнуть, улыбнуться. Сам бургомистр при встрече по утрам так и ест глазами. Заходи, говорит, в контору, поговорим наедине. Как увижу тебя, покоя нету... И другие липнут, точно надоевшие мухи. Да, Нюра посвежела лицом, красивая. Жан заботится, чтобы она хорошо одевалась: симпатии к ней влиятельных лиц — военных, гражданских — только на пользу. Теперь, когда она вставила золотые зубы, даже изменила походку, стала «важной». Это заметили и подруги: «Для своего рыцаря стараешься?» Жан, конечно, десятерых заткнет за пояс. Все же не надо отталкивать бургомистра. И... старосту. Пусть надеются... А то как начнут мстить, так, не дай бог, беды не оберешься. Что она только не тащит домой — все пока сходит. Даже сейчас в сумке — тяжелый груз. Бомбы или аккумуляторы...

При приближении к месту мысли опять завертелись... Если Жана не окажется на даче, тогда что? Дом, ворота на замке. Одна ночью в лесу... Хорошо, если шофер согласится доставить в город. А если машина «сломается» и придется ночевать в лесу? Этот старый хрыч не отстанет...

Поднялись на железнодорожный переезд. Слобода осталась на правой стороне. Поехали вдоль дачных садов и огородов, повернули налево, потом направо.

У массивных железных ворот, на которых висел большой замок, остановились.

— Можно, я возьму сумку? — спросила Нюра, волнуясь.

— Я доверяю тебе, красавица. Подожду. Никуда не денешься — впереди ночь. Незабываемая, волшебная ночь...

Нюра пошла вдоль высокого забора. Где-то здесь лаз, вторые «потайные» ворота. Через них возят удобрения, мусор. Вон чернеет куча навоза. Обессилев от тяжелой ноши, она наклонилась к доске, приложила усилие. Доска чуть подвинулась, но больше не поддалась. Что делать?

Глаза, полные слез. Нет, сердце Нюры чует: Жан здесь. Он только не до конца отодвинул задвижку... Надо лезть через забор. А это непросто: поверху еще натянута колючая проволока... Много раз она взбиралась на забор, оцарапала до крови руки, порвала юбку, но своего достигла. С бешеным стуком в сердце тут же побежала к домику.

Света в окнах не было, дверь заперта. Хотелось плакать навзрыд, но когда ты уже в слезах, к чему такой плач? Кричать, ругаться — тоже не дело. Пошатываясь от усталости, она едва доплелась к окошку. Обкусанные губы повторяли словно молитву:

— Жан, спаси меня... Слышишь? Спаси!..— Ее взмокший, со спадающими волосами лоб уткнулся в стекло.— Жан, это я...

Голос прозвучал как отчаяние.

Бывают же на свете чудеса: в комнате кто-то быстро поднялся с кровати и, подойдя к окну, одним махом открыл его.

— Нюра?!

Девушка не могла держаться на ногах, присела. И ослабшим голосом сказала:

— У ворот такси. Нужны деньги. Я — без копейки...

— У меня есть. Но сперва о тебе... Как ты решилась? Ночью одна... без денег...

— Сам просил груз по-срочному...— Она со слезами смотрела на Жана. «Хоть открыл бы дверь»,— хотела сказать, но воздержалась.

— Просил, просил... Пошли домой.

Нюра встала.

— Нет, Жан, пусть он посмотрит на мое поведение,— сказала она окрепшим голосом.

— Кто? Не понимаю...

— Таксист. Пусть увидит своими глазами, что мы, это — мы...— И, держась за его руку, она направилась к воротом. Пока шли, сообщила о намеках шофера господина Козловского — редактора националистской газетенки...

— Дон-Жуан,— усмехнулся Жан и, протянув шоферу деньги, сдачу не спросил.

Нюра стояла рядом, положив голову на плечо «мужа», и во все глаза глядела на шофера.

Машина рыкнула мотором и уехала.

— Жан, о чем теперь подумал этот тип? Наверное, о том, что муж избил жену до крови, а она, дурочка, все равно обнимает его, да?

— Это было бы хорошо, Нюра. Но сомневаюсь. Он увидел, что нас и водой не разольешь. На все пойдем!..

— Правда, Жан?..

Они замолчали, прояснять свои отношения дальше постеснялись.

Жан осторожно вел девушку домой и думал: «Если бы я уехал в город, ночевала бы в лесу?» — «Нет. В машине...» — «А шофер бы привязываться стал?..» — «Не стыди меня, пожалуйста...»

А Нюра, угадывая раздумья Жана, мысленно отвечала: «Зря ты все проясняешь, Иванушка! Шофер —старый человек, только поговорить и горазд. А заворожил меня ты. К тебе и стремлюсь. Цепи разорву, но прибегу. Другого мне не надо. Люблю я тебя! Всем сердцем люблю и никому не отдам! Об остальном суди сам...»

Вошли в дом. Лампу зажигать не стали. У открытого окна Нюра положила руки на плечи Жана.

— Бесстрашный мой...

— Сегодня ты бесстрашная, Нюра! Несмотря ни на что, привезла... такой груз: его никак нельзя было оставлять в городе.

— Устала я, Жан. Еле-еле на ногах стою...

— Сейчас все устроим, только сперва...

— Умой мне лицо...

— Нюрочка, скорее бы спрятать подальше эту сумку. Тем временем вскипит чайник, все сделаем. Потерпишь?

— Раз ты решил...

Жан хотел закрыть окно, но из сада врывался свежий пьянящий воздух, пели соловьи. Светало.

— Жан, ты забыл... меня поцеловать...

Он остановился у дверей:

— Всему свое время, Нюрочка. Пока соседи не встали, надо спешить.

У нее чуть не вырвалось: «Какой ты сегодня оловянный солдатик!» — Но, зная, что его не переубедишь, сказала устало:

— Да, верно...

Жан вышел в сад. В слободе, неподалеку, наперебой пели петухи. В хлевах, дожидаясь хозяек, мычали коровы, лаяли собаки — видать, сюда не дошли еще «новые порядки». Из многих сел немцы угнали скот в Германию, кур переловили, собак перестреляли... Потом только Жан понял: этот «райский уголок» принадлежал белорусским националистам.

Куда девать эту набитую шрифтами сумку? Вернее всего закопать в лесу. Подальше от дачи. Мало ли кто спрятал: ищи ветра в поле.

Когда Жан возвратился на дачу, обошел вокруг дома. Никого. Успокоился... Этот тихий уголок «снял» до осени Володя Омельянюк. Здесь намеревались печатать листовки. Ночной приезд Нюры в сомнительной машине все изменил. По всей вероятности, шофер — «стукач», других бы Козловский не держал.

Нет, рисковать теперь нельзя. Или подождать с печатанием, или перенести в другое место. Оно должно быть таким, чтобы не вызывать у немцев никаких подозрений.

Два дня назад Жан поручил Толику Левкову — найти еще одно надежное для печатания место. Запасное — на всякий случай. Прямо как чувствовал. Вчера парень приходил. Улыбается до ушей: «Нашел!» — говорит.— «Что нашел?» — «Городскую баню! Ночью,— говорит,— после одиннадцати там ни души. Выход с двух сторон. По реке доставляй хоть слона — никто не заметит».

Предложение Толика было дельное. Жаль, что Жан не смог предупредить Нюру. И вот результат. Да, теперь сюда нельзя. А Нюра — молодец, она сегодня доказала, что ни перед чем не остановится, если речь идет о задании...

Завтра, как приедет Омельянюк, они переберутся в баню. Если шофер — «стукач» гестапо — в чем Жан не сомневался,— пусть тут устанавливают слежку. Тем временем они заварят такую кашу, что она встанет фашистам поперек горла.

Нюра давно уже спала крепким сном, и Жан не стал ее будить.

В бане, как ни проветривали, было очень жарко. Сняли одежду.

Текст листовки набирали сначала в предбаннике на табуретке. Потом связанную по краям рамку с набором перенесли к банной полке.

Омельянюку тут больше пока делать было нечего. Очки его запотели, затуманились. Приходилось то и дело протирать их. Видя, что без него обойдутся, он вышел на волю.

Работа закипела.

Толик, закатав красильным валиком набранный текст, сверху клал лист бумаги. Жан тотчас накрывал лист влажным сукном и начинал хлопать по нему рукавом старого ватника. Провести бы сверху еще раз-другой чистым валиком — и делу конец. Но его нету. А эта бестолковая работа напоминает похлестывание веником в парной. Там хоть попаришься, телу благодать, а тут — сущий ад. Да и если еще «печатать» спустя рукава, то вместо ровного четкого оттиска жди плешины — нужных слов как не бывало. Положишь лист на рамку опять — хоть плачь: букры на старое место не встают. Начинай снова — все пропало. Короче, каждая листовка требует пота.

— Поэтому-то, наверное, и дорого печатное слово, а? — спросил Толик, закуривая для передыху.

— Конечно,— сказал Жан, поддерживая шутливый тон.— Отсюда печатники на вес золота. Как услышит гестапо о таком человеке, так сразу присылает за ним машину с приглашением в гости...

— У меня нет желания гостить у них!

— Я знаю, ты не обжора, поэтому только беру тебя работать. Давай крась валик и проводи по набору. Можешь вообразить, что ты сейчас в дремучем лесу.

— Так вот нагишом? — смеялся Толик.

— Сойдет. Сегодня ночью, как мне рассказывали, в лесу одни привидения. Они подумают: ты их родня. Вон на лбу у тебя намалеван солидный рог, а хвост приделаем. Так что вполне сойдешь за чертика.

— Жан, перестань шутить. Расскажи лучше про что-нибудь другое. Чего в отряде делаешь, много ли немцев на тот свет спровадил?

— Сегодня, Толик, вторая ночь Ивана Купалы. Исполняются все желания, какие загадаешь. Мне бы хоте-

лось увидеть в этапной колонне, которая направляется прямо в ад, кого бы ты думал? В первую очередь гаулейтера Кубе, областного комиссара Эренлейтера, начальника жандармерии Карла Калла, зондерфюрера Эркаченко.— Жан немного подумал и добавил: — Ну и их прислужников — бургомистра Ивановского, главарей «Союза» предателей Акинчица и Рябушку и, конечно же, опасного твоего соперника по делам печати беспутного редактора Козловского. А ты что загадаешь, Толик?

— То же самое...

— Тогда крась валик и загадывай. Спеши!

— Дай-то бог,— сказал Толик и поставил на вспотевший лоб еще один рог.— Но только чур, Жан, я хочу видеть этих господ не на том свете,— не то и сам не заметишь, как с дороги собьешься, а только перед тем, как их отправить туда. Это мое истинное желание!

— Поправка уместная. Принимается. Давай набери ее поскорее.

— А Омельянюк пропустит?

— Он же стоит на вахте. Нас охраняет. Сейчас в печатном цехе хозяева — мы. Своя рука — владыка.

Так, шутя и посмеиваясь, они продолжали работу. Теперь даже все наладилось, шло ритмично: едва Толик проведет валиком по набору, Жан сразу накладывает чистый лист бумаги, тем временем у Толика готово влажное сукно. Потом Жан начинает «хлестать» рукавом, его сменяет Толик. Готовую листовку снимают с рамки осторожно. Гляди и любуйся: жирными «горящими» буквами набрана сводка «От Советского информбюро». Нет, не получилась «молниеносная победа» у Гитлера! Победы над Россией ему не видать как своих ушей. Прошел год с начала войны, притом самый трудный и страшный для нас. Однако немец, разбив морду под Москвой, покатился назад, Ленинград тоже оказался не по зубам, ничего не выгорело на юге... Не одолеть ему Красную Армию! Остановив вооруженного до зубов врага, теперь она освобождает село за селом, город за городом. Чтобы результат был еще ощутимее, надо усилить борьбу с немцами здесь, в их тылу: разрушать железные дороги, взрывать склады, заводы, где изготовляется оружие для фронта. Все делать так, чтобы земля горела под ногами захватчиков! Об этом говорится в листовке, которую они печатали до рассвета.

Увязав пачку, Жан и Толик приготовились уже идти в город, но их остановил Омельянюк.

— А руки? — спросил строго.

— Не отмываются: краска типографская. Десять раз мыли...

— Это не дело. Еще десять раз мойте! Сразу видно, чем вы занимались. Хотите в петлю? Мыть еще и еще раз, с песком, пока не слезет с рук чернота.

Жан пожал плечами, улыбнулся:

— Тогда сегодня, Володя, мы не успеем их пристроить...

— А так идти в город рискованно, неужели не понятно? Не мне говорить тебе, Жан.

Толик спрятал руки за спину и расхрабрился.

— Да что мы? Это только пуганая ворона куста боится. А мы все обглядим.

Жан подошел ближе:

— Пойми, Володя, наш «товар» держать под замком нельзя. И ходовой, и рискованный. Его ждут сотни и тысячи людей.

Лицо у Омельянюка стало озабоченным.

— Попадете в беду, я никогда себе не прощу...

— Не беспокойся. Все будет в порядке. Не впервые.

— Мы уже условились,— снова оживился Толик: — Я клею, Жан — сторожит. Я сторожу, он — клеит.

Омельянюк не сдавался:

— А днем куда денешь свои руки? Обоим не выйти из дому. Это в то время, когда облавы, обыски на каждом шагу.

Жан и Толик засмеялись:

— В подпол залезем!

Приближался рассвет: темнота ночи заметно поредела. Но на улицах города не показывался ни один прохожий. В это время всех одолевал сладкий сон.

Жан и Толик друг за дружкой вышли из городской бани и направились к речке. Тут в зарослях — лодка. Спасибо Омельянюку: весла обмотал тряпками — когда стоял на посту. Теперь они не стучат, не скрипят уключины. Вода спокойная, будто вовсе нет никакого течения. Лодка плывет тихо. Вдоль берега наклонились к воде плакучие ивы: они грустят о чем-то своем.

Не доплывая до моста, остановились у ивняка. Тут, дожидаясь своих, уже «рыбачил» Омельянюк. Значит — путь свободен. Жан с Толиком, поспешая, направились по улице Ворошилова к паточному заводу. Машу, Володю, Кирилла Ивановича вели на казнь этой дорогой...

На том месте, где они взошли на эшафот, сегодня появятся листовки. Потом на очереди — лазарет для военнопленных, что в бывшем здании Политехнического института, Червенский рынок...

Остановившись под тополем, Жан во все глаза глядел за окрестностью. Кругом — ни души, тихо. Тем временем Толик наклеил на столбы заводских ворот еще пахнущие свежей краской две листовки, несколько штук бросил также за ворота.

— Идем дальше,— сказал на ходу, показывая рукой вперед.

— Отдохни,— остановил Жан.— И запомни: фашисты повесили тут троих наших подпольщиков. Три дня висели они. Охранник-эсэсовец от скуки пинал их тела ногами, они раскачивались...

— Это те ворота?..

— Те... Теперь сумку возьму я. Ты идешь впереди. Я прикрою... Еще раз напоминаю: оружием не баловаться. Чтобы без всякой вольности. Пошли...

Но как Толику пройти спокойно мимо витрины, где пестрят разноцветные объявления городских властей? Самое подходящее место для свежей листовки. Намазал кисточкой клей на грозный приказ областного комиссариата и, вытащив из кармана листовку, заклеил ею немецкого орла.

Приближалась улица Володарского. Рассветную тишину неожиданно нарушил стук копыт: конные патрули! Пришлось спрятаться за кустами.

У здания Политехнического института долго не задерживались: охрана тут не дремала. Улучив момент, бросили привязанные к камню листовки за ограду и направились на рынок.

Светало. На востоке из-за горизонта показалось красное огненное зарево.

Где хранить адреса, которые дал Омельянюк? Конечно, самое лучшее — в памяти. Но ведь их около двадцати. Все не упомнишь!

Александра принесла Жану старый утюг:

— Ты в электричестве разбираешься, может, отремонтируешь? — попросила она.

Удивительно предупредительная девушка: когда только успела догадаться о причине его беспокойства. И что хорошо: не имеет привычки допытываться. Если сам не скажешь, ни о чем не спросит. И все-таки отку-

да-то прознает, чего тебе нужно. Вот и сейчас, наверное, хочет спросить: дескать, не годится ли этот утюг, чтобы схоронить бумажку.

Жан стал осторожно разбирать прибор. Чтобы не осталось следов на гайках, на плоскогубцы наложил резину. Поднял асбестовую прокладку и положил под нее бумажку с адресами. Потом позвал Александру.

— Если что случится, соедини вот тут шнур,— сказал он.

— Хорошо, Жан.

— Умница ты моя.

— Я очень рада, что могу помочь тебе.

— Твои родители могли бы гордиться такой дочерью.

Александра опустила голову и тихо сказала:

— Их теперь нет...— Ей очень хотелось добавить: «Теперь только ты у меня!» — но у девушки не хватило смелости: она покраснела и пошла на кухню собирать ужин.

Наскоро перекусив, Жан извинился: еще до рассвета должен отправиться в путь, чтобы к трем часам попасть в городскую слободу, а потому сегодня ему не до разговоров.

Вскоре, уставший за день от своих дел, беготни, он уже безмятежно спал.

При свете маленького ночника Александра присела возле Жана. Вглядывалась в его черты, такие близкие ей и такие дорогие. Все думала: «Бесстрашный ты человек, Жан. Сколько на твоих плечах опасных дел, сколько забот, тревог... Но ты никогда ни жалуешься. Всегда жизнерадостен, приветлив, всегда смел. Что тебе снится сейчас, Жан? Не чувствуешь ли ты меня?..»

Как только нежные пальцы девушки коснулись его лица, Жан проснулся.

— Твое время пришло, Жан...

ЗАВЕРБОВАННЫЙ АГЕНТ

К вечеру в Минск за Кабушкиным пришла связная Ирма Лейзер.

— Батя велел,— передала она,— немедленно вернуться в отряд.

«Время еще не вышло. Что бы это значило? — подумал Жан.— Может, мы чего недоглядели. Или наломали дров?»

Он вспомнил до мелочей всю операцию, связанную

с ликвидацией Давыдова. Может быть, место выбрали неудачно? Нет, польское кладбище не было явкой подпольщиков. До сих пор там не проводилось ни одной операции и, наверное, не думали ничего затевать. Во всяком случае, член горкома Сайчик заранее предупредил бы. Ведь до операции Жан встречался с ним, советовался.

Тогда Сайчик только улыбнулся:

— Клюнет ли такая осторожная тварь на твою приманку? Уж больно место глухое.

А «тварь» клюнула, и ребята на растерялись... Может, чего напутали? Вместо провокатора укокошили своего, переодетого? Нет, такая ошибка исключалась. Когда нашли труп провокатора в склепе, фашисты переполошились, как тараканы перед пожаром.

Листовки тоже были вовремя отпечатаны и распространены. Хорошо получилось, аккуратно. И связь налажена как следует. Будто все в порядке — не придерешься... С такими мыслями Жан вернулся в лес.

Часовой у землянки Ничипоровича велел подождать. Это тоже наталкивало на недобрые мысли. Раньше так не бывало — он всегда был жданным гостем...

Набежавший ветер колыхнул острые, как стрелы, наконечники елей и пышные шапки сосен. Они дружно зашумели и стихли. Где-то поблизости сиротливо прокуковала кукушка.

Наконец Кабушкина попросили в землянку. Здесь было темно и прохладно, пахло полынью. Для лесной землянки это казалось необычным. В детстве, когда Ваня ходил за травой для кроликов, запах полыни вот так же приятно щекотал ноздри. Он рвал несколько метелок, растирал руками их серебристые перистые листья — чтобы запах усилился — и вдыхал с наслаждением...

Кабушкин старался не волноваться. Воспоминания тронули душу, но глаза смотрели так же, как и всегда,— весело и с озорством. Он чисто выбрит, подтянут. Дай ему взвод, роту, он командовал бы не хуже любого фронтовика. Но тут партизанская зона. И хотя в отряде Кабушкин числился лейтенантом и занимал должность помощника начальника отдела штаба, никто ему не подчинялся. Нет у него ни одного подчиненного. Он сам солдат, сам себе и командир. До сегодняшнего дня они — этот солдат и командир — выполняли свой долг безупречно. И поэтому на душе у Кабушкина спокойно, несмотря ни на какие сомнения. Да и если разобраться,

то это скорее были не сомнения, а раздумья, без которых не обойтись ни солдату, ни командиру, анализ своих поступков, к которому теперь все чаще и чаще прибегал Кабушкин.

Командир отряда Ничипорович поднял голову, не отрывая глаз от лежащих на столе бумаг, поправил гимнастерку, ремень и бодро произнес:

— Вольно, лейтенант, вольно. Я тебя, дружище, жду с нетерпением. Ну, садись. Первым делом о выполнении задания. Коротко. Что сделано?

Кабушкин доложил, как налаживался выпуск листовок, устанавливалась связь, как ликвидировали провокатора, похвалил ребят. В заключение сказал, что готов к выполнению нового задания.

Ничипорович встал. Поднялся и Кабушкин. Умные, проницательные глаза командира сузились, на широком лбу появились морщины. Он закурил свою трубку и стал медленно ходить по скрипучим половицам землянки. Он так делал каждый раз, когда его что-то волновало. Батя думал.

На столе зазвонил телефон, но командир не брал трубку. Будто не слышал ничего. Ходил и ходил.

Вошел радист с папкой бумаг. Положил на стол, козырнул и коротко сказал:

— Срочно. С «Большой земли».

Ответа ждать не стал — вышел.

Командир, не садясь за стол, раскрыл папку, прочел расшифрованную радиограмму.

— Знал бы я, каков он, этот пастух...— произнес в задумчивости.

— Товарищ командир, разрешите мне сказать. Пастух — фигура заметная, ему подчиняется целое стадо. Может, мне удастся узнать? В свое время имел дело и с пастухами, и с козами. Если надо, то и теперь попробую...

Глаза командира озорно блеснули:

— «Имел дело», говоришь? Значит, и жирной козлятины отведал? Поэтому, наверное, ты шустрым парнем стал. Не так ли, Жан?

— Не скрою, товарищ командир, было дело. В молодости, когда бегал подростком. Устроили на берегу Волги пикник. Шумный, да не как-нибудь, с выпивкой...

Командир почесал затылок:

— А что, можно повторить такой пикник. Раз уж и опыт есть. Если он не пойдет в лес или на лужайку, мож-

но, конечно, и в ресторане — пить коньяк с лимончиком тоже приятно. Не забывай одно: пастух — не из простых... Сам говоришь: ему подчиняется стадо...

— Понятно, товарищ командир,— лишь теперь уяснил Жан суть разговора.— Только разрешите уточнить одну деталь: «пастуха» потом куда, на тот свет?

Ничипорович засмеялся:

— Нет, Жан. На сей раз задание посложнее. Он должен работать на нас.

— А если не согласится? — Жан вопросительно поглядел на командира.

Ничипорович не спешил с ответом — раздумывал.

— Он немец?

— Да.

— Тогда ничего не выйдет.

— Не все немцы — фашисты, Жан. Многие из них уже поняли, что молниеносная война затянулась, а если еще определеннее — оказалась бредом Гитлера. Скорее их отправят, как ты сам сказал, на тот свет, чем они увидят победу над Россией. Вот даже фашистская газета «Минскер цайтунг» пишет: «На кладбище в Минске уже похоронено более тысячи шестисот немцев, павших от рук партизан». Это только офицеры среднего чина. Более высокие отправляются в Германию в цинковых гробах.

— Значит, и наш «пастух» — офицер?

— Само собой... «Большая земля» его так окрестила.

— Понятно. Задание сверху?

— Да, Жан. А твой «пастух» — Ганс Штрубэ, начальник канцелярии президента железных дорог «Центр».

У Кабушкина выступил на лбу холодный пот. Он резко опустился на стул и, взглянув на лежащую на столе фотокарточку Штрубэ, переспросил:

— Вы не шутите, товарищ командир?

— Нисколько, лейтенант.— Ничипорович примял большим пальцем пепел в трубке, закурил и опять стал ходить по землянке.— Конечно, опасное дело. Очень опасное. Но другого выхода нет. Мы верим в тебя, Жан...

Кабушкин мысленно отругал себя за неуместный вопрос. А если еще командир подумал, что он испугался,— и поспешно ответил:

— Попробую, товарищ командир!

— Вот и отлично. Теперь к делу. «Большая земля» считает: к «пастуху» можно и нужно подобрать ключ. Только будь осторожен, Жан. Штрубэ — человек умный

и ловкий. План действий обсудим особо. Нужны будут деньги — дадим...

На первых порах Жану пришлось стать торговцем. С Александрой он почти не встречался, только в казино. Зато чаще бывал в обществе Нюры, она теперь всегда привлекала внимание своей внешностью. Жан и сам словно преобразился: пошил великолепный костюм, переехал на другую квартиру — в центр города,— не станет же крупный коммерсант жить где-то на окраине!

За Гансом Штрубэ наблюдал издали. Чтобы поближе познакомиться с ним, надо было как следует изучить этого человека: знать повадки и настроение, отчего Штрубэ иногда злится и нервничает, что ему по душе, а что нет. Потом можно приниматься за дело. Конечно, как и другие его соратники, Ганс, должно быть, любит золото. Не исключено, что клюнет. Только нужно суметь предложить его. Но как? Не выложишь же в открытую: «Вот, мол, тебе золотишко, а ты, друг ситный, подавай нам ценные сведения о движении поездов по железной дороге». Немцы народ щепетильный. Можно сорваться. Вот тут и думай.

Жан стал чаще крутиться на станции. У железнодорожников была горячая пора. Около десяти паровозов стояли возле ворот депо в ожидании ремонта. Одни под парами, другие холодные, как покойники. Должно, ждали своей очереди не меньше трех-четырех суток! Раз их столько скопилось у ворот, то в самом депо яблоку негде упасть.

От железнодорожника *, которого велел найти Сайчик, Жан во время обеда за кружкой пива узнал: паровозы возвращаются в депо из-за того, что плавятся подшипники.

— Сплав баббита, который присылают в последнее время из Берлина, плохой,— сказал железнодорожник.— Потому и паровозы собираются у ворот депо.— Он испытующе посмотрел на Жана и, погладив бороду, подмигнул:

— Из плохого хорошее не сделаешь...

— А как же ваш начальник господин Штрубэ? Не грозит поставить к стенке?

— На людях колюч. А когда один, ничего, покладистый.

---

* Как установлено, это был советский патриот А. И. Султанов.

Оказалось, Штрубэ бывает в депо скорее для видимости: горло не дерет, в тонкости не вникает. Больше сидит в кабинете, читает какие-то бумаги. Три раза в неделю проводит совещания. Приемные дни — вторник и пятница. У двери кабинета всегда сидит хорошо одетая, накрашенная секретарша.

— Как зовут девушку?

— Раиса Александровна...

Жан вызнал, она незамужняя. «Чем я не жених? — улыбнулся от неожиданно пришедшей мысли.— Высокий, приодетый. Франт — да и только. И подарков не пожалею... Если все пойдет гладко, шеф-немец быстро заметит, какой элегантный кавалер ходит к симпатичной секретарше...» Затем Жан попросит Штрубэ быть посаженым отцом на свадьбе,— а она состоится вскоре,— подарит на память дорогие подарки. Не забудет и фрау Штрубэ. А уж потом, улучив момент, можно и намекнуть: дескать, гонорар получен, пора и за дело. К тому времени, быть может, удастся что-нибудь выудить от Раисы — через ее руки проходят горы бумаг... Подарки, конечно, придется брать из комода Нюры. Все равно лежат и тускнеют впустую. Для таких случаев и предусмотрены.

Знакомый парень из бюро пропусков быстро отыскал номер телефона секретарши Штрубэ.

Жан, не медля ни минуты, позвонил Раисе, рассыпался в любезностях, назначил свидание.

— Буду ждать вас хоть до утра,— заявил с откровением и настойчивостью.

Девушка согласилась.

В казино они ели мороженое, выпили вина. Александра прислуживала, не чувствуя ног: «Что еще прикажете, господин... Не нужно ли чего, господин...» Вечером Жан проводил девушку домой, а на другой день снова встретил, когда она возвращалась с работы.

Раиса действительно была хороша собой. Жану она понравилась с первого взгляда. Похоже, и он приглянулся девушке. Ее ясные глаза все чаще и чаще смотрели на Жана, лицо алело... Наконец, войдя в доверие, он стал бывать в канцелярии, выдавая себя за представителя торговой компании.

Дорогие подарки, постоянные встречи, вино совсем вскружили девушке голову. При расставаниях она не хотела его отпускать. Жан сдержанно целовал ее и удалялся, помахивая рукой. Соседи смотрели на «парочку»

враждебными глазами. А Раиса, каждый раз напуганная, запиралась в своей комнате и, едва дождавшись утра, сама звонила Жану. Бросив свои дела, он тут же спешил к «любимой»...

— Счастливая ты, Раечка,— шептали ее сослуживцы.

Жан садился рядом с невестой, закуривал ароматную сигару, иногда поглядывая на бумаги, которые интересовали его как «коммерсанта».

В своих телеграммах в Берлин Штрубэ настаивал на увеличении поставок баббита, ни словом не упоминая о плохом его качестве. Будто не знал о лабораторных анализах. Шеф их не замечал.

Почему так поступал начальник канцелярии президента железных дорог Ганс Штрубэ? Невольно задумаешься. Нет, начальник не просто закрывал глаза на происходящее. Он делал это с умыслом. Укажи Штрубэ на результаты лабораторных анализов, и в Берлине тут же займутся улучшением качества баббита. Тогда, понятное дело, отпадет дефицит поставляемого материала, а с ним — и проблема подшипников. Паровозы не будут ждать ремонта в депо, их место — на линии. Напрашивался вывод: Ганс Штрубэ сознательно пропускает товар низкого качества. И хочет, чтобы шли поставки, как и раньше, с плохим качеством. Рука руку моет. Каждый думает о своем кармане. Значит, Штрубэ явно заинтересован в продолжающихся беспорядках на железной дороге...

Это был веский козырь в руках Жана в игре против Штрубэ.

Жан вспомнил слова командира отряда: «Штрубэ — человек умный, ловкий...»

— Посмотрим, как будет изворачиваться этот старый вьюн, когда я схвачу его за жабры?

Между тем наивная Раиса втрескалась по уши. Ее знакомые только и говорили о влюбленной паре. Богатого жениха заметил, конечно, и шеф. Жан понравился ему.

Казалось, настала пора играть свадьбу: Раиса согласна, не дождется часа. Но в Минске не было Нюры. Она срочно уехала по заданию Бати. Должна вернуться, но ее все нет и нет. А время не ждет. И Жан, как бывало с ним не раз, решил действовать на свой страх и риск.

Однажды, счастливо улыбаясь, Раиса пропустила

его к шефу для важного разговора, который касался, как она думала, их обоих.

Гансу Штрубэ было лет сорок, сорок пять. С бледным лицом и толстой шеей, в очках с золотой оправой, он развалился в кожаном кресле и пил кофе. Штрубэ напоминал собой пень: низкий, массивный. На столе перед мраморной фигуркой балерины дымилась толстая сигара. Едва увидев Жана, пухлое лицо начальника расплылось в улыбке:

— О-о, жених!.. Пожалюста! На свадьбу приглашаль? Так?

— Свадьбы не будет, господин начальник,— проговорил Жан.

— Как так не будет? Будет! Очень даже будет! Раиса сказаль. Она...— Штрубэ коснулся коротышками-пальцами толстых губ и поцеловал их: — Зрелая ягодка, нужно только проглотить...

Жан подошел к столу.

— Свадьбы не будет, потому что я женатый,— сказал твердым голосом.

— Женатый? Ну и что? — благодушно улыбался немец.— Война спишет...

— Нельзя.

— Не понимаю. Пошему нельзя? Кто же вы? Шютник?! — Штрубэ рассмеялся, запрокинув голову: — Ха-ха! Рядом с Раисой — шютник... Нет, так не пройдет! Она заставит тебя потратить деньги. Много денег! Свадьба! По-другому не полючится!..

— Получится! — Жан сунул руки в карман и, глядя в бесцветные глаза Штрубэ, отчеканил: — Я — советский разведчик. Пришел сюда по заданию Москвы.

Немец не вздрогнул, не побледнел. Он только крайне удивился:

— Москау? Задание? Ну и шютник — жених!..

— Нет, господин Штрубэ, я не шутник. Со мной шутки плохи. Повторяю: прибыл к вам по заданию Москвы. Вы или будете сотрудничать с нами, или...

Штрубэ удивленно посмотрел на Кабушкина. Отхлебнул кофе, чашечку отставил и, кивнув на телефонный аппарат, спокойно произнес:

— Или я позвоню в гестапо...

— В таком случае напомню: пока явятся сюда из гестапо, я трижды успею отправить вас на тот свет. Не так ли? Но этим вы не отделаетесь.— Жан протя-

нул Штрубэ несколько копий его телеграмм в Берлин и анализы лабораторных исследований.

Штрубэ не спеша взял, пробежал глазами бумаги. На лице появилось беспокойство.

— Вы смелый разведшик. Глубоко проникаль... Все же где гарантия, что это не профокация?

— В шесть вечера приходите в аптеку, рядом с гестапо. Только предупреждаю: если придете с «хвостом», подлинники бумаг с подробными комментариями будут отправлены по назначению. Надеюсь, там тоже смогут глубоко проникнуть... Об остальном договоримся...

— Хорошо, я подумаю,— ответил Штрубэ.

Жан, кивнув, вышел из комнаты. В назначенное время, наблюдая за местом встречи, он с тревогой думал: «Придет или не придет?»

И Штрубэ пришел...

А несколько дней спустя в Москву из Белорусских лесов полетела первая радиограмма, составленная на основе донесений начальника канцелярии президента железных дорог «Центр» Ганса Штрубэ. В ней сообщалось: «Пропущено груза за 28 суток: войск — 2653 вагона, танков — 851, автомобилей — 2877, патронов и снарядов — 969, орудий разного калибра — 301 вагон, горючего — 770 цистерн, продовольствия — 5650 вагонов».

Вскоре Ганс Штрубэ передал подпольщикам план укреплений, расположенных вдоль железной дороги. Там были ясно обозначены все дзоты, бункеры, траншеи, орудия полевой и зенитной артиллерии, указывались номера воинских частей, которые их обслуживают. Кроме того, были отмечены многочисленные объекты в Минске, где установлены мины и другие взрывные устройства. Эти ценные сведения в срочном порядке были отправлены в Москву. Их передал советскому командованию сам Жан, перешедший для этого линию фронта.

ТРЕВОЖНЫЕ НОВОСТИ

Жан долго парился в партизанской бане, нахлестывая себя веником из березовых веток, душицы и чабреца. Потом, укутавшись тулупом, проспал в землянке больше суток.

Будить его было не велено: пусть поспит перед за-

данием. В окрестностях Барановичей появились новые отряды. О себе они пока еще громко не заявили. То ли настороженность, то ли несмелость... Кто чем занят — неизвестно. Хотя, наверное, не сидят сложа руки. Ходят слухи об отряде, которым руководит некто «Черный». Где-то неподалеку обосновались отряды имени Суворова, Невского, Ленинского комсомола... Идти на ночную охоту они, конечно, готовы. Вроде и в оружии не нуждаются. Но бывают разные операции. И, что ни говори, лучше, когда надежные помощники. Это как крылья: есть на кого опереться.

Жан опытный разведчик. Знает, к кому как подойти, что посоветовать или предпринять. Потому связь на нем.

...На базарной площади Кабушкин подошел к «торговцу» — подпольщику по кличке «Борода». Тот держал на веревке козу — беспокойную и крикливую. Под видом, будто рядится с ним, Жан направился к дому номер двадцать шесть по улице Липовой. Здесь, распивая магарыч за удачную сделку, определили пароль будущих связных между двумя отрядами, поговорили о последних событиях. А они не радовали. Оказывается, в лагере номер 337 близ села Лесное томилось около шестидесяти тысяч пленных. В ноябре в товарных вагонах привезли новую партию. Тех, кто обморозился в дороге и не в силах был двигаться, били палками, расстреливали. Бараки всех не вместили. Многие пленные остались на открытом воздухе, хотя на дворе мороз под тридцать. Людей что называется морили голодом — 125 граммов хлеба и поллитра баланды — вот и вся норма. Помощи медицинской ждать неоткуда. Пленные мерли как мухи. Зато работать заставляли до изнеможения. Ежедневно гоняли на специальную железнодорожную стройку. Чтобы никто не отлынивал, строго следил сам помощник бургомистра предатель Русак. Дубинка и пуля вершили дело.

Жан посмотрел на «Бороду» и, не сбиваясь с тона, полушутя сказал:

— Есть, брат, разные способы помощи пленным. Бывают и такие, когда «опознают» своих мужей, женихов. А бывает, только выйдут на работу — ищи ветра в поле. Кто как сумеет.

В первую очередь «уважьте» господина Русака. Учитывая, что очень уж он вездесущий, так и стелется перед немцами, может быть... Короче, должен этот раб божий

и отдохнуть. Ну, повеселиться, что ли?! Стало быть, можно его пригласить в гости, на лесную полянку. Вернее — нужно! Ему что: кони резвые в его руках, найти кучера-балагура труда не представит. Чтобы заливался пуще соловья. Дружков — для поддержки с боков. Господин Русак за два-три часа не озябнет. Можно тулуп для такого случая, с высоким окладистым воротником. А уж после угощения пусть покачается на опушке леса на сучке дерева. С первой попытки не выйдет, со второй пробуйте. Только не забудьте написать, кто он. Для напоминания...

Когда Жан вернулся на базар, народ расходился. У мужика в армяке, который повернул свою клячу в сторону Большого Волхова, он спросил:

— Земляк, не из Малаховцев?

Не получив утвердительного ответа, постоял, грустно посмотрел на уходящую вдаль дорогу. Отсюда всего два-три часа пути... «Нет, нельзя, пока еще нельзя. Никто не должен знать, что мать живет в селе Малаховцы. Так спокойнее...»

Как только Жан доложил о выполнении задания, Ничипорович внимательно поглядел на него, словно определял, не устал ли, и деловито сказал:

— Снова готовься в путь-дорогу. Нужно срочно возвращаться в Минск. Исчез Сайчик — это раз. В Москве проанализировали работу немцев по сводкам Штрубэ и предложили всю железную дорогу взять под контроль — это два. Чтобы препятствовать движению поездов, потребуются новые диверсии на магистрали и в депо. Самый большой железнодорожный узел — Орша. Начальником депо там Заслонов — наш человек. А связь с ним не налажена. Двоих послали — не вернулись. Хоть сам поезжай...

Вошел «старый» радист, положил на стол расшифрованную радиограмму и, козырнув, молча удалился.

Командир отряда прочел бумагу, на минуту прикусил губу, потом задумчиво произнес:

— Абвер напал на след «пастуха» — это три...

Жан был готов ко всему, так его приучила жизнь разведчика, но только не к сообщению о Штрубэ. Потому нетерпеливо спросил:

— Товарищ командир, «пастуха» взяли, что ли?

— Взяли...

— За баббит?

— Это предстоит выяснить, Жан. Будь осторожен. Действуй по обстановке. Словом, знаешь сам. Скажу только: в первую очередь нас по-прежнему очень интересует профессор...

— Все понятно, товарищ командир.

— Операция «Новый препарат» продолжается. Очевидно, зубному доктору Ярошевич фашисты поручили наблюдать за профессором Клумовым. Словом, это нужно выяснить скорее. Похоже, Ярошевич — очень хитрая, коварная дама. Если от нее не освободим клинику, жди больших бед.

— Понятно...

В первый раз Жан встретил доктора Ярошевич в клубе белорусских националистов. На эту разнаряженную особу он особого внимания не обратил. Тогда был поглощен вербовкой Штрубэ, и все заботы сводились к его милой секретарше.

После того как конферансье объявил: «Дамский танец «Вальс цветов» Чайковского»,— Ярошевич, нежно улыбаясь, сама подошла к Жану. В такт танца склонила ему на грудь голову: шелковый галстук коммерсанта источал запах дорогих французских духов. Почувствовав в Жане остроумного собеседника, Ярошевич бесцеремонно попросила его рассказать какие-нибудь веселые анекдоты или забавные истории. Жан, как из рога изобилия, сыпал смешными приключениями любовных неудачников. Ярошевич смеялась от души, заметив:

— С вами не соскучишься, господин Бабушкин.— Чуть подумала и добавила:— Вы не будете против, если я приглашу вас на пикник в воскресенье?

— Согласен. Даже с превеликим удовольствием! — сказал Жан, подчеркивая свое расположение и заинтересованность.

— Я очень вам признательна и рада. В воскресенье вечером жду вас тут же в четыре часа.

Конечно же, Жан не пришел. А спустя две недели Ярошевич встретила его на улице, неподалеку от ресторана. Несмотря ни на какие уважительные причины, которыми он пытался оградить себя, увела с собой. «Настырная»,— подумал Кабушкин.

Первым делом он извинился перед дамой, что не пришел на пикник — не смог, и, зная ее вкус, рассказал пару анекдотов, которые услышал в другом городе, где побывал по коммерческим делам.

— Как хорошо, что встретила вас сегодня,— радостно

произнесла она, озираясь по сторонам.— Прямо нежданно-негаданно, случайно.

Жан был уверен: встреча эта не случайная. Ярошевич не похожа на тех, что просто так шатается по улицам. Но что ей нужно? Если поглядеть, как она одета, какие носит украшения, то не скажешь про нее, что из тех, кто еле-еле сводит концы с концами. Что-то она выискивает, только как-то уж неуклюже рыскает. Золотокоронница! Не только лечит зубы, но и сама протезирует их, вставляет коронки. Потому и богата, золота и денег навалом. А для нужд подполья ой как нужно золото. Попытать счастья?.. Ну что ж, кто кого обскачет!..

Стол в ресторане был уже накрыт. Промочили горлышко. Ярошевич, весело тараторя, тут же наполнила вторую рюмку.

Жан улыбнулся:

— Если выпью лишнего, пойду охотиться на львов, как Тартарен из Тараскона. Тут меня не удержать.

Ярошевич хохотала, не сводя с него глаз. Однако Жан заметил: до них за столом уже были гости. Бутылка раскупорена, неполная. Из четырех вилок только одна не использована. Значит, ждали... Кого? Если его, то в каком качестве? Как нового кавалера Ярошевич? Сегодня все прояснится...

У ресторана, чуть поодаль, оказывается, уже дожидался и извозчик, с поднятым верхом. Выйдя на улицу, Ярошевич сразу направилась в его сторону.

— Прокатимся к пляжу,— предложила бойко.— Поплаваем на лодке...

Жан пожал плечами: хочешь не хочешь, теперь не откажешься. Остается сопровождать...

Лошади домчали быстро.

Спустились к набережной, вдоль которой полосой росли деревья. В безветрии не шелохнется даже лист. Дороги не было. Шли напрямую. Переступая через корявые корни, ветки, Ярошевич цепко держалась за руку Жана, точно боялась отстать или потеряться. Лицо ее в тени казалось матовым. То ли от коньяка, то ли от непривычной дороги она устала, губы пересохли.

Как только подошли к берегу реки, будто из укрытия, появилась моторная лодка, из которой помахали флажком — заметили. Ярошевич в ответ подняла свой платок. Лодка тут же на скорости подскочила к берегу —

затихла. Несомненно, мужчина, который сидел на корме,— мастер своего дела.

Жан подумал: «Может, от выпитого коньяка стал таким храбрым?»

В лодке находились еще двое — худощавый мужчина лет тридцати пяти и полногрудая моложавая женщина. Они приняли в свои объятия визжащую, как ребенок от радости, Ярошевич. Жан прыгнул на нос лодки и угодил между женщинами.

— Добрый день, господа!

— Добрый день. Хоть день уже к вечеру: немного запоздали.

— Лучше поздно, чем никогда!

Лодка круто развернулась и, оставляя за собой белопенный след, устремилась на середину реки.

Солнце ласково припекало, но жары не чувствовалось: от воды струилась прохлада. У всех было приподнятое настроение. Вырвавшись на простор, лодка резко увеличила скорость. Неожиданно заглох мотор.

Мужчина за рулем открыл крышку мотора и растерянно развел руками.

Жан чуть не закричал: «Чего тут думать: замените свечи!» Но вовремя сдержался. Этому, кажется, поспособствовала пытливость Ярошевич. В ее взгляде был вопрос: «Вы же мастер по моторам?»

Жан развел руками и поправил свой шелковый галстук. Дескать, он — коммерсант, техника для него — темный лес... Подумал: неужели ловушка, пытаются установить: Иван Бабушкин не Жан ли это? Не он ли угнал тогда в лес машину с медикаментами? Кто-то чего-то подглядел. Теперь ищут подтверждений. Не выйдет. Первый ваш блин, господа, и вправду оказался комом. Что дальше?

Действительно, все оказалось просто: стоило Ярошевич только посмотреть в сторону кормы, где сидел водитель, как мотор завелся.

Через четверть часа вся компания высадилась на берег.

Поблизости горел костер, у которого находились полураздетый мужчина и молодая женщина. Острый запах жареного мяса, лука и перца распространялся по всему берегу.

Высокий, стройный мужчина, с плешью на голове, всей своей выправкой говорил, что он военный. Разыгрывая посла Востока, он соединил вместе ладони

рук и, приложив их к груди, поклонился, потом показал на скатерть, полную яств:

— Добро пожаловать, дорогие гости! Шашлык готов.

Первый тост подняли за знакомство. Второй — за здоровье прелестных дам. Больше Жан пить не стал.

Ярошевич в легком летнем платье с открытым воротом и без рукавов сидела рядом с Жаном. Хотя она ела осторожно — не хотела запачкать крашеные губы,— но когда это случилось, попросила клочок бумаги у своего галантного кавалера.

— У коммерсанта всегда с собой записная книжка. Пожалуйста, листочек.— Но тут Жан спохватился: когда он угнал в лес машину с медикаментами, то из этой записной книжки вырвал листок для своей визитки: «Жан»... Тонко, как паук, плетет эта особа свои хитрые козни. Гляди ты — прямо сюрприз за сюрпризом. На каждом шагу жди подвоха... Но и этот номер не пройдет. Теперь уже точно не пройдет.

Для того чтобы создать эффект и поднять себе цену, Жан всегда, когда выходил «на работу», имел идеально чистый, сложенный вчетверо, миниатюрный шелковый платок. Он протянул его Ярошевич с достоинством и сказал:

— Стерильный!

Других попыток она уже не делала. Когда прохаживались вдвоем среди деревьев, больше рассказывала о себе, хвасталась шикарным домом, богатством. Не скрывала свою неприязнь к Советской власти.

В городе Жан первым делом зашел в аптеку. Выждав момент, когда никого не стало, аптекарь встревоженно шепнул:

— Многих схватили. В депо комиссии, ревизии. Штрубэ крепко стоял. Тем не менее... за халатность в работе и за взятки...— Аптекарь костлявой рукой сделал знак петли на шее и умолк.

Жан не хотел поддаваться унынию.

— Покой его праху. Однако жил бы дольше, и нам был бы прок.

— Сайчик попался. Ранили при бегстве.

— Где он сейчас?

— В первой больнице. Под охраной: у двери стоит часовой. Хорошо зная город и его жителей, Сайчик ор-

ганизовал несколько надежных явочных квартир, но сам напоролся на засаду.

— Сайчика надо выручать.

— Опасно. В городе облава за облавой.

— Тут разговоры бесполезны,— категорично заявил Жан.

Аптекарь поправил очки, потом зачем-то снял их, стал протирать стекла, словно не зная, чем заполнить паузу. Наконец, подбирая слова, произнес:

— Вика... Виктория Федоровна хотела увидеться...

Упоминание этого имени, как теплая вода после холодного душа, принесло Жану удовольствие. Но он не подал вида. Нет, на их отношения не должно пасть никакой тени. Чувства милой Виктории останутся чистыми. Пусть при встрече девушка краснеет как мак, но пусть худая молва никогда не опорочит ее доброе имя.

— Когда она заходила?

— В воскресенье.

— Куда просила прийти? В больницу?

— Домой. В больнице Ярошевич скучает по тебе...

Жан отнесся к услышанному по-деловому:

— Стало быть, Вика не справляется с ролью?

— Она не виновата,— сказал мягко аптекарь и, надев очки, добавил:— Сложный случай. Там, Жан, все переплелось. Вика ненавидит Ярошевич, если хочешь знать! Это чувствует и сама Ярошевич, хотя ей на все наплевать. Для нее на первом месте — свои интересы и желания. Немецкая подстилка. И если уж ты ей приглянулся, не отцепится. Она, как клещ. Погоди, еще сама станет тебя разыскивать.

В синих глазах Жана мелькнули веселые искры:

— Чего только не выкинет ревность с человеком! Под этой маркой пусть Вика наблюдает за врачом. Мне тоже Ярошевич не по душе: какая-то она подозрительная, скользкая, что ли.

— Все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Как бы не опоздать. А то придется потом раскаиваться...

Жан улыбнулся:

— Как там говорят, лучше поздно... Нельзя ее пока отпускать.

— Ярошевич хитрая, как сам дьявол,— не уступал аптекарь.— Вика хоть и была когда-то артисткой, но с этой пронырой ей трудно. Так что гляди, не попадись...

— Это не страшно. Жан дважды не женится! Конечно, у всякого закона бывают исключения. Поэтому пусть доктор помечтает. Золота у нее много, а для нас это важно...

В аптеку зашли двое посетителей. Как по команде окинули Жана взглядом. Встали к окошку рецептора. Жан купил себе духи и лекарство от кашля и, не задерживаясь, вышел из аптеки.

Сегодня Жан опять рабочий. Если судить по времени, то возвращается с первой смены. Правда, по аусвайсу, выданному на имя Ивана Назарова, он проживает по улице Володарского, а сам идет по Фабричной, к Хасану Мустафовичу. Не беда, если остановит патруль: дескать, надо навестить больного товарища.

Увидеть Александровича — не простое желание Жана. Может, он знает железнорожника Султанова? Татары — народ дружный, они часто общаются между собой. По праздникам ходят в гости друг к другу. Сообща справляют свадьбы, сообща и хоронят усопших.

Когда он переходил трамвайную линию, залитую вечерними лучами солнца, невольно вспомнилась Казань. Как теперь там живут? Тяжело, конечно. Но все равно трамваи ходят. И на озере Кабан ребятня купается. Отец Хариса также, наверное, в возчиках, дядя Сафиулла стекольщиком, диспетчер Гульсум призывает молодежь выйти на воскресник *. А Тамара? Интересно, чем она занята сейчас? Наверное, тоже, как бывало, ходит купаться...

Хасан Мустафович на дворе колол дрова. Жан уже бывал тут. Мать Маши Брускиной, когда еще была жива, подсказала, через кого ему искать Александровича. Закурили, поговорили о житье-бытье.

Узнав, зачем пожаловал Жан, хозяин спросил, хитро прищурив глаза:

— А ты откуда знаешь Султанова?

Жан сказал, что когда охотился за Штрубэ, видел его однажды, он тогда здорово помог.

— В депо и теперь его встретишь.

— Нельзя мне туда, Хасан Мустафович. Там меня знают как жениха секретарши Штрубэ — Раисы.

* Во время Великой Отечественной войны рабочие трампарка собрали средства для тяжелого танка «Казанский трамвайщик».

— Вот те раз! Худо быть женихом. Ай-ай-ай!..

— И так случается.

— На будущее учти,— улыбнулся Александрович.— А теперь выпьем чайку и — в путь. Адрес Султанова я не знаю, но знаю, где он живет. С тобой такого не бывает? Дом находишь по фасаду, квартиру по подъезду. Если его дома не застанем, попросим выйти из депо.

— Хасан Мустафович, нельзя ли чай отложить на другой раз?

Александрович, понимая нетерпение Жана, лишь покачал головой:

— Ну и беспокойный ты...— Посуровел, морщины на лбу углубились, от постоянного недоедания впалые глаза смотрели устало.— Вот тебе пила, будто идем на распиловку дров. В самый раз к твоему наряду.

Жан взял в руки топор. В момент расколол чурбаки, которые были не под силу хозяину, спросил, почему не видно детей. Оказывается, они пошли за щавелем... Довольно большая семья Александровича сильно голодала. «Надо помочь им»,— решил Жан.

Султанова дома не было. Направились в депо. Напротив территории возвышался штабель шпал. Жан остановился тут, а Александрович пошел к воротам.

Вскоре показался Султанов. Был он невысокого роста, широкоплечий, с большой головой, застенчивый. Сели в укрытие. Султанов расстелил кусок домотканой ткани, положил на нее свой «полдник»: бутылку молока, две картофелины, лук, огурец. До еды не дотрагивался. Хмуро молчал.

— Что с вами? — спросил Жан.— Нездоровится?

— У меня беда,— выдавил наконец тот.— Сегодня из числа добрых людей я вычеркнул еще двоих. В горло кусок не лезет... Угощайтесь хоть вы. На меня не смотрите.

Александрович, поглядывая по сторонам, отошел в сторонку. «Охраняет!» — Жан стал расспрашивать Султанова о событиях в депо, объяснил цель своего визита.

— После Штрубэ качество баббита улучшилось,— известил собеседник.— По этой причине теперь уже простоев нет.

— А как выводить из строя составы, задерживать поезда? Непосредственно у вас, в депо?

— Открыто? — остро глянул Султанов.

«Мужичок башковитый,— отметил про себя Жан.— Ориентируется четко. С таким можно кашу сварить».

— Нет, больше подходят скрытые способы. И чтобы комар носа не подточил. По-моему, это и вас устраивает...

— Понятно...— снова задумался Султанов.— Только здесь, у нас, или?..

— Мне нравится, товарищ Султанов, когда вы не забываете и о других.

Собеседник на похвалу не обратил внимания и продолжал задумчиво:

— Паровоз без воды — груда железа... Охранника-немца можно отвлечь. Чуть-чуть поднять компрессором давление воды — и полетят к чертям водопроводные трубы. Они у нас всюду старые. Ни одна разливная колонка не будет работать.

Жан выпрямился:

— От имени мстителей Белоруссии это — ваше первое задание! Второе...

Они обстоятельно поговорили о разных способах скрытой диверсии. Нужны мины, да не простые, а с хитринкой... Султанов в качестве помощника кочегара согласился съездить завтра же в Оршу. Жан объяснил ему, что нужно передать Заслонову, учитывая особое задание Москвы, велел спросить места новых явок. Договорились: связь держать через Хасана Мустафовича.

Александрович, поглядывая на вечернюю зарю, уже давно проявлял беспокойство. Гудки паровозов, шипение пара казались ему предупреждением надвигающейся опасности. Наконец он не выдержал, поторопил Жана.

Поднялся ветер. Тучи сгущались. Нужно было поторапливаться. Султанов показал им дорогу в город через заросшую крапивой и кустарником балку.

Хасан Мустафович не отставал. Они уже вышли на Фабричную улицу. Еще немного — и разойдутся, избежав дождя. Но тут на небольшой рытвине Александрович споткнулся.

«Наверное, устал,— решил Жан.— А может, с утра ничего не ел. Горд — от приглашения Султанова отказался...»

Вдруг случилось неожиданное: шагавший рядом Александрович ударился головой о дерево и присел.

— Проклятая куриная слепота! — признался он в своей беде, потирая лоб.— Месяц уже мучает...

Жан проводил его до дома и сдал на руки детям.

На второй день Толик Левков принес Хасану Мустафовичу муки, крупы и рыбьего жира.

СВЯЗНАЯ ВИКА

Вот уже три дня его ждет Виктория Рубец. Что произошло? Судя по тону аптекаря, она наверняка поцапалась с врачом Ярошевич.

Перед войной Виктория с успехом выступала на сценах городского театра Владислава Голубка. Была любимицей молодежи — стройная черноглазая красавица с пышными кудрями. Не успела прожить замужем и двух недель — война. При бомбежке погиб муж. Потрясенная, ничего не замечая вокруг, Виктория вернулась в пылающий город. Суматоха, крики, стрельба. Фашисты уничтожают не успевших отступить раненых красноармейцев. Одним Виктория сама оказывает помощь, других приводит в больницу, где она когда-то работала.

— Ангел наш, спаситель,— благодарят ее раненые бойцы.

Виктория с ходу берется за дело: кипятит инструменты, перевязывает раны, раздает лекарства.

— Завтра приходи опять, сестричка! — так ее провожают из больницы.

И она приходит на второй день, на третий. Назначенный фашистами главный врач не может понять: как это она день и ночь работает без оплаты. И уж крайне удивляется: приглашенный сестрой профессор (настоящий профессор!), несмотря на преклонный возраст, делает в день по пятнадцать-двадцать операций. И тоже не требует платы! Однако главврач подозревает напрасно: тогда еще ни у профессора Клумова, ни у медсестры Рубец никакой связи с партизанами не было. Они, как и подавляющее большинство советских граждан, делали то, что велела им совесть. Поэтому Жану нетрудно было найти с ними общий язык.

Как только немцы стали брать на учет больных, Жан посоветовал «выписать» выздоравливающих. Понадобились одежда и паспорта. И опять, начиная с профессора и кончая санитаркой,— каждый принял непосредственное участие. Клумов открыл в двух местах госпитали. Одежду и собирали, и покупали. За паспортами тоже дело не стало — помогла Нюра. Опыт к тому времени уже накопился немалый.

Выздоравливающих больных обычно уводил под конвоем молчаливый щеголеватый немецкий офицер. Только вместо лагеря для военнопленных их отправляли в лес к партизанам...

Конечно, в подобных случаях Жан шел на разные хитрости. Однако гестапо подозревало: в проведении той или другой операции участвует опытный подпольщик. И даже догадывалось — кто. Главарь Белорусской полиции Исельгорт обещал семьдесят пять тысяч немецких марок тому, кто будет способствовать поимке неуловимого Жана. А Минский подпольный комитет партии предупреждал Жана: не увлекаться рискованными операциями. Однако разве можно, окунувшись в воду, выйти из нее сухим?

Ему серьезно заметили:

— Одно дело — окунуться, другое — бросаться в пропасть!..

По дороге к Виктории Жан зашел к знакомому портному. Оттуда он уже шагал по улице в новом синем костюме, белоснежной рубашке, при галстуке, сером демисезонном пальто и такого же цвета шляпе. Можно подумать, спешит на свидание.

Жан действительно торопился. Только полы пальто раздувались на ветру. Дверь подпольной квартиры на Серебрянке он открыл своим ключом.

В избе что-то зашуршало.

— Жан! — Виктория рванулась навстречу, видать, очень соскучилась, но тут же, будто что-то вспомнив, остановилась. На глаза навернулись слезы. Она присела на краешек стула.— Три дня жду... — вздохнула с укором.

— Здравствуйте, Виктория Федоровна! — старался не волноваться Жан.

— Здравствуйте...— подавленно произнесла девушка.

— Извините, заставил долго ждать.

— А вы... простите меня? — вцепилась она в руки Жана, виновато заглядывая в глаза.

— Что-нибудь случилось? — спросил Жан, чувствуя, как она дрожит всем телом.— Расскажите по порядку. Может, и волноваться не стоит?

— Я, видно, где-то напутала,— робко произнесла она.— Это ужасно! Ужасно!.. Вы меня простите? Простите?..

— Что же вы натворили, Виктория Федоровна?

— Сначала дайте слово, что простите.

Жан, улыбаясь, сказал:

— Если ваша вина касается только меня, то такую красивую девушку я готов простить хоть десять раз!

— Эта девушка... проявила большую глупость, вернее, нетактичность.

— К кому?

Длинные ресницы Виктории опустились. Она полушепотом сказала:

— По отношению к вам.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— Так ведь четыре дня назад я был в лесу. Не понимаю, как можно проявить нетактичность по отношению к человеку, который отсутствовал.

Виктория смущенно улыбнулась:

— Я неприветливая хозяйка. Даже пальто не предложила снять. Раздевайтесь. Потом расскажу по порядку...

Жан молча разделся, сел за стол.

Виктория начала рассказывать:

— В последние дни, Жан, доктор Ярошевич все больше интересуется вами...— И замолчала.

— Ну, дальше? Чем она интересуется? Какого размера я ношу башмаки, что ли?..

— Да нет, не то...

— А что? — начал терять терпение Жан.

— Под какой фамилией и где вы прописаны. Говорит, он здоров как гренадер, а нигде не работает. Почему? Кто его знакомые и чем они занимаются?..

Кабушкин присвистнул:

— Вот оно что. Тут уже не просто любопытство. Если бы мы не нуждались в ее деньгах...

— Я еще не сказала самого главного.

— Говорите, Вика.

— Я стала больше наблюдать за доктором Ярошевич. И могу теперь сообщить: она немецкая шпионка! Сведения точные. Ее можно убрать?

Девушка встала.

Жан слегка коснулся ее руки, посадил на место.

— Виктория Федоровна, пожалуйста, не горячитесь. Судьбу человека одним махом не решают.

Только что вы говорили сами...

— Я говорил другое. Какие есть доказательства для такого приговора? Пока одни слова!

Виктория вскочила словно шальная кошка, голос стал тверже.

— Есть! — точно отчеканила она.— И неопровержимые!

— Говорите.

Виктория молчала, лишь пальцы нервно теребили бахрому накинутой на плечи шали. Наконец, виновато взглянув на Жана, она сказала:

— Наверное, самая низость начинается с этого. Вы уж меня не осудите. Но доктор Ярошевич заигрывает с вами... Вот я всю ночь и подкарауливала...

— Как это? Когда?

— В прошлое воскресенье. Сперва веселились в ресторане, в отдельной полутемной комнате. Пили только французское вино. На закуску жареные перепела. Захмелев, кавалер ее спросил свиное сало с чесноком...

— Понятно,— сказал Жан.— Не немец.

— Какой там немец! Хотя на гадости все способны. Извините... Начал с руки доктора Ярошевич, всю ее обцеловал...

— А если серьезнее. О чем они говорили, Вика?

— Упоминали какой-то центр БСБ в Слониме, военный лагерь в Сувалке. О получении нового лекарства говорили. Да, да, дескать, чудодейственный препарат, совершит революцию в медицине.

Любопытство Жана удвоилось. Еще недавно Ярошевич расспрашивала его именно об этом лекарстве! На «Большой земле», мол, имеется. Очень эффективно лечит заражение крови, воспаление легких, гангрену. Затем, смеясь, добавила: «Даже, оказывается, быстро избавляет от последствий, которыми часто страдают нетерпеливые влюбленные...»

— Кто первый заговорил о новом лекарстве? — уточнил Жан.— Москву, Лондон, Америку не упоминали?

Виктория, не раздумывая, ответила:

— Начала доктор. Об Америке я не слышала, однако Москву, Лондон упоминали.

— Профессора Клумова?

— И его упоминали.

— Приблизительно в какой форме?

И на этот вопрос девушка ответила четко:

— Мужчина интересовался способами лечения Клумова, какие он применяет препараты.

— А есть ли они у него, эти препараты, Виктория Федоровна?

— Профессор всегда чего-то ищет. Он и сейчас продолжает разные опыты. Какие применяет препараты, мне неизвестно. Однако из десяти больных, которых

он лечил и которые считались безнадежными,— последние слова Виктория выделила,— девять выздоравливают. Немцев это настораживает. Они думают: Клумов лечит своих больных новым препаратом и хотят во что бы то ни стало иметь его рецепт.

Выслушав внимательно Викторию, Жан недвусмысленно спросил:

— Как вам удалось подслушать?

Виктория слегка покраснела.

— Сказала, что человек с дамой — мой муж. Официанту сунула денег, и он провел меня за ширму. Лиц не было видно, а слышно хорошо. Голос у мужчины точно ваш, Жан!..

— Может, и фигура похожа на мою?

— Если бы не была похожа, разве бы я ходила за ними!

— И такое было, да? — удивился Жан.

— Было уж. Выйдя из ресторана, они сели в крытую пролетку и тихо поехали. Я за ними пешочком. Остановились в особняке, недалеко от казино. Смотрю через окно — горит свеча, а их не видно... Как хотите наказывайте меня, Жан, но я думала, вы попали в беду. Потеряла рассудок. Хотела спасти вас. Даже показалось, будто вы в пылающем доме... Изо всех сил толкнула дверь. Хлоп — открылась! Будь, что будет, я тут же прошла вовнутрь. Свеча горит — мигает. Оба пьяны. Спят как попало. Отвратительное зрелище...

Жан пожал плечами, улыбнулся:

— Вот к чему приводит подозрение. Ах, Виктория Федоровна... Ну, убедились?..

— Убедилась, конечно. Заодно убедилась, какая она культурная, с высокими запросами дама! Увидели бы вы ее...

Жан знал Ярошевич другой. Белое, не лишенное привлекательности лицо, которое оттеняет прическа каштановых волос, ярко накрашенные губы и крупные золотые с каменьями серьги. Серые глаза смотрят в упор и от этого кажутся холодными. Ярошевич любит золото. Носит то дорогое ожерелье, то брошь, которые венчают разрез платья. Часы на дугообразном браслете, точно клешни краба, перстни тоже из золота. Даже ее золотые зубы кажутся украшением. О себе Ярошевич мнит высоко: на визитной карточке, всевозможных рекламных объявлениях велит писать свою фамилию, имя, отчество полностью и большими буквами. Жан

как-то пригляделся и вдруг заметил: голова у доктора не по туловищу — большая. «Женщина в маске! И все ее богатство, окружение — тоже маска».

— Кто ее попутчик? — спросил Жан.

— Немецкий офицер в чине старшего лейтенанта — Дмитрий Чайковский,— сказала Виктория.

— Чайковский?

— Да. Из удостоверения личности. Чтобы не вызвать подозрения, я его не взяла, оставила в кармане кителя. А вот эту бумагу прихватила. Доктор Ярошевич написала. Видно, своему шефу. Я сразу узнала — по корявому почерку.

Жан взял в руки свернутый пополам лист бумаги, пропитанный дорогими духами. Стал читать: *«По объекту «П» ведется наблюдение. Из опытов, находящихся в распоряжении «С», девять из десяти теплые. Результатом интересуется сам главный в центре. По мнению «С», объект должен пройти испытание не только в клиниках, но и в полевых госпиталях. Для этого возможен выезд в командировки группы под руководством академика «Б» или его надежных помощников.*

Х-41».

— Ну как? — торжествующе спросила явно довольная Виктория.— Ларчик открылся? Теперь есть основание?

— По-моему, Виктория Федоровна, этого делать ни в коем случае нельзя.

В карих глазах Виктории мелькнуло недовольство:

— Почему? Разве не ясно: продажная!

— Для нас с вами ясно.

— Вдвоем и приговорим!

— Нельзя!

— Заладили: нельзя да нельзя. Можно! До войны я не могла глядеть, когда резали курицу. Но теперь на чашу поставлена судьба страны, народа, и я беспощадна к таким, как Ярошевич! Ей и подобным не место среди нас. Гадюку надо обезвредить. Чем скорее, тем лучше.

Жан спокойно произнес:

— Нельзя.

— Жаль. Я играла на сцене. Страшных Яго и Мефистофелей знала лишь по классической литературе. А сегодня приходится иметь дело с еще более мерзкими и гнусными людьми — ярошевичами. Не на сце-

не, а в жизни! Нет, Жан, как хотите, так и понимайте меня. Но надо быстрее вырвать жало ядовитой гадюке.

Жан терпеливо слушал. Ему было ясно, как день: в своих рассуждениях девушка шла от запальчивости, женской неприязни. Но только не от понимания сути дела. И тогда, чтобы не затягивать разговор, решил открыто сказать об этом Виктории.

— Без Ярошевич мы просто ничего не сможем распутать. Что такое объект «П»? Допустим, имеется в виду новый препарат. А кто такой «С»?

— Должно, Самарин,— ответила в раздумье Виктория и пояснила: — Это псевдоним профессора Клумова.

— А кого подразумевать под «Б»? Какое испытание должно проводиться в полевых условиях? Под руководством какого академика или каких его помощников? Какой выезд? Куда и когда?

— Этого я не знаю...

— Вот то-то и оно, Виктория Федоровна. И я не знаю, а знать надо. Чует душа: в бумажке речь не о мелочах, а о чем-то большом.

— Возможно, так...

— Ответы на наши вопросы будем искать вместе. Посоветуемся с товарищами. Роль Ярошевич тут не последняя. Поэтому не надо ее отпугивать.

Девушка не очень охотно согласилась, едва вымолвив: — Постараюсь...

Жан, словно ничего не заметил, продолжал:

— Не подавайте вида, что вы в курсе дел. Как только исчезло донесение, Ярошевич наверняка задумалась, в чьи руки оно попало.

— Вряд ли...

— Почему? — насторожился Жан.

— Чтобы они сгорели синим огнем, я, уходя, свалила свечу на бумаги.

— Да вы что, Виктория Федоровна? И дом сгорел?

— Только стол и часть мебели...

— Я вас очень прошу: больше не проявлять такой самодеятельности! Понятно?

— Да...— поникшим голосом ответила девушка.

ПОД НОСОМ У ВРАГА

Мирить Викторию с Ярошевич, а тем более выяснять их отношения, Жан не собирался. Сейчас его главной заботой оставался Сайчик.

— Как его выручить? — спросил он Викторию.
— Пока, думаю, невозможно...— ответила она.
— Невозможно лишь оживить мертвого. А Сайчик жив,— Жан не любил повторяться, потому говорил категорично. Мысль его в такие минуты работала предельно четко.
— После операции он еще поправляется. У дверей палаты день и ночь охрана,— пояснила девушка.
— Немец?
— Нет.
— Старый, молодой?
— Молодой.
— Хорошо. Очень хорошо...
— Что хорошего? — не поняла Виктория, куда он клонит.— Если бы старый, уснул от усталости. А у этого глаза огнем горят, как у сыча.
Жан оживился.
— Такие глаза, увидев девушку, забудут все на свете... Начертите-ка план больницы. Остальное за нами. Только когда доставим Сайчика на конспиративную квартиру, лечить будете вы. Договорились?
— Днем я всю неделю на работе, вечером здесь... Что подумают?
— Скажете: собираетесь замуж, уходите к мужу.
Под самым окном прошли два пьяных немца, горланя песню:

Фрейлен, фарен Зи мит нах Русланд!
Фрейлен, фарен Зи мит...*

Послышался лай собаки. Затем несколько раз громыхнули выстрелы, разрывая тишину ночи. Снова лай, перемешанный с душераздирающим визгом. И наконец все стихло.
Некоторое время оба сидели молча. Потом, спохватившись, что время уже позднее, стали собираться.
— Вика, вы идите впереди. Я буду сопровождать вас,— мягко сказал Жан, когда они вышли на улицу.
— Хорошо.
Хотя светила луна, но было облачно. Временами казалось, будто на улице сгущается сумрак.
— Скажите Клумову, что я хочу встретиться с ним. Он не будет возражать?

---

* Барышня, поедемте с нами в Россию,
Барышня, поедемте с нами... (*нем.*).

— Кто знает? Профессор не любит никаких встреч. Он заявляет: его дело лечить больных.

Жан утончил:

— Я тоже приду к нему как больной, за помощью.

— За помощью? — девушка рассмеялась.— Кто поверит: такой богатырь — и больной?

— Прежде всего должна поверить доктор Ярошевич. Затем — немецкие власти.

— Зачем?

— Если попаду в облаву, меня отправят в Германию. А это, вы понимаете, в мои расчеты не входит.

— Ярошевич первая не поверит, что Жан больной, не поверит и справке, если даст профессор.

— Надо убедить ее,— со всей серьезностью сказал Жан.

У перекрестка пути расходились. Виктория, остановившись, спросила:

— Вы и к профессору с этим требованием?

— С просьбой,— пояснил Жан.— Он найдет выход.

Наконец, к побегу Сайчика из больницы все было готово. Виктория Рубец открыла защелки запасной двери, спрятала в туалете одежду. Теперь оставалось, улучив момент, сообщить самому Сайчику, чтобы в нужный момент он смог подняться с постели, выйти в туалет, а оттуда проскользнуть в сад. Но как отвлечь часового, чтобы не заметил, когда Сайчик будет выходить из палаты. Сделать это Жан поручил Нюре. Дескать, она принесла лежащей в больнице матери любимое варенье. А передачу не принимают — часы не подошли. Девушка обращается к парню-охраннику, рассыпается в похвалах, улыбках. На нее просто нельзя не обратить внимания...

И вот Кабушкин и Нюра ждут условного сигнала: на подоконник второго этажа больницы должны поставить цветы в горшке. Это означает: Сайчик в курсе и операцию можно начинать.

Жан в форме немецкого офицера, в массивных роговых очках, во рту дорогая сигара. Нюра сегодня особенно привлекательна: в своем черном праздничном платье, на шее золотой медальон. Пальто в талию, с воротником из лисьей шкурки, на голове меховая шапка, украшенная фиолетовыми перьями, на ногах шнурованные на высоких каблуках ботинки.

Вдруг со стороны железной дороги грянул взрыв. В небо веером взметнулось пламя. Потом раздался грохот поменьше — видать, рвались вагоны. Истошно завыли сирены, машины с гудом спешили к вокзалу. Жан и Нюра переглянулись...

В последнее время подпольщикам удалось активизировать свою работу. Лица минчан светились радостью. Но как только горожане проходили мимо Нюры, мрачнели, смотрели злобно, не скрывая своей ненависти и презрения.

Кто-то из прохожих процедил сквозь зубы:

— У-у-у, шлюха! Погоди, до тебя еще доберутся!

Нюра, как пугливый олененок, дрожала, прильнув к Кабушкину.

— Меня презирают,— шепнула она.

— Не обращай внимания, Нюрочка. Они же про тебя ничего не знают,— успокаивал ее Жан.

Они подошли к больнице второй раз: условного сигнала все не было!

Наконец, занавеску на окне отдернули: цветок стоял на подоконнике...

Девушка, улыбаясь, слегка кивнула: поняла! Как только она скрылась за воротами больницы, Жан в тревоге подумал: только бы не растерялась. Что ни говори, хоть и подпольщица, а все же девушка. Конечно, таких, как она,— тысячи. И несмотря ни на казнь, ни на пытки, они идут на любое задание. Вон в октябре прошлого года фашисты повесили медсестру Щербацевич с сыном и десять человек из ее группы. А неподалеку от площади более недели на фонарных столбах качались двадцать шесть подпольщиков. На улице Советской в саду расстреляли более двухсот пятидесяти заложников. Трупы лежали штабелями — для устрашения горожан. Но число народных мстителей не убавилось, а выросло...

Условный сигнал на окне больницы повторился: занавеску задернули.

«Молодец, Нюрочка! Сто лет жизни тебе!» Жан поспешил в переулок за садом.

Скоро он уже встретился с Сайчиком на явочной квартире и тут же увез его в пролетке подальше от гестапо.

Не прошло и часа, гестаповцы оравой хлынули в больницу. Начались допросы. Очкастый следователь поспешил к профессору.

Виктория в марлевой повязке загородила дверь руками:

— Найн! Найн! * — повторяла она.— Бацилла Коха! Роберт Кох!..

Однако гестаповец так легко не сдавался.

— Доктор,— обратилась Виктория к выходившей из зубного кабинета Ярошевич,— пожалуйста, объясните им — нельзя отрывать профессора от научных исследований. Сейчас он работает над усовершенствованием нового препарата. Скажите, в любых условиях режим у него не меняется. Так было четверть века назад. Так и остается!

Виктория Федоровна намеревалась убить двух зайцев: пусть профессор сидит спокойно, в то же время она хотела выяснить, доступно ли доктору Ярошевич объясняться на немецком языке. Может, она что сболтнет.

Оказывается, Ярошевич говорит по-немецки свободно. Очкастому гестаповцу она сказала, что профессор занимается весьма важными исследованиями. Ими интеруются свыше. Посоветовала не беспокоить. Что касается вопросов покоя и безопасности города, то кто же против этого.

Из кабинета на шум вышел профессор. Высокий, широкоплечий, с выбритым лицом, густыми черными бровями и такими же усами. Если бы не редкая седина, ему можно бы дать лет сорок пять.

— В чем дело, господа? Что за безобразие?

Очкастый следователь извинился и, объяснив причину своего вынужденного визита, подчеркнул:

— У вас в больнице творятся безобразия!

Но это не смутило находчивого профессора, который тут же перешел в наступление.

— В чем дело? — строго повторил он, обращаясь к медсестре.— Виктория Федоровна, потрудитесь, пожалуйста, объяснить: разве кто из больных умирает? Или вдруг ухудшилось состояние?

— Никто не умирает, профессор. Наоборот, на третий день после операции ушел без разрешения один старик,— спокойно ответила медсестра.

— На третий день?

— Да, профессор.

---

* Нет! Нет! (*нем.*).

— Хорошо! Очень даже хорошо! Просто великолепно!

— Как это великолепно?! — вмешался в разговор удивленный следователь. Он теперь, видимо, засомневался: верен ли профессор германским властям.— Из палаты сбежал крупный преступник, один из главарей партизан — коммунист Сайчик. Наши люди едва его поймали и привели было сюда...

— А почему сюда? — поднял брови профессор.

— Он... был тяжело ранен.

— Помню: делали операцию... Живот, легкие... Состояние почти безнадежное. Мы применили новые лекарства...— Профессор особо выделил «новые», придав слову значительность. Гестаповец, конечно, не мог этого не заметить.

— Чтобы быстрее встал на ноги? — вставил он.

— Да, чтобы быстрее встал на ноги! — подтвердил профессор.

— А потом...— гестаповец многозначительно взглянул на окно.

— Его дело. А охрана — дело ваше. Мое же дело — лечить. Понимаете: ле-чить. Раз больной поднялся, значит, профессор Клумов с честью выполнил свою обязанность. Вот так, господа офицеры! А вы ходите и только отвлекаете нас от благородного дела, ради которого мы стараемся день и ночь. Как вы сами смотрите на это?! — И так как очкастый молчал, продолжал: — Доктор Ярошевич, предыдущий наш разговор показал мне, что у вас есть достаточно влиятельные знакомые. Значит, вы умеете писать деловые записки... Напишите, пожалуйста, от моего имени главному комиссару Белоруссии гаулейтеру Вильгельму фон Кубе буквально следующее: делу усовершенствования исключительно необходимого для быстрейшего выздоровления солдат великой Германии нового препарата мешают следователи гестапо города. Да, да, ме-ша-ют!.. Очень прошу также, сошлитесь на фамилию и чин этого господина офицера...— Профессор, сунув руки в карманы жилета, стоял и победоносно смотрел на гестаповца. Он искусно воспользовался сегодня рискованной ситуацией и теперь внутренне радовался: обвел врага вокруг пальца.

Не ожидавший такого поворота, следователь посинел от злости и лишь сказал:

— Профессор, могу заранее уверить вас: мы еще

встретимся. А беглеца-партизана задержим. Поймаем и сообщников его. Тянуть не станем.— И, резко козырнув, удалился *.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Следователь гестапо хвастался не зря. Вскоре первого секретаря Минского подпольного городского комитета Исая Казинца арестовали. В доме, где он должен был встретиться с связным, прибывшим из партизанского отряда, его ждала засада. В руки гестапо попало еще двадцать пять подпольщиков, двое из которых члены городского комитета. После жестоких пыток их повесили в самых оживленных местах. Со стороны вели наблюдение: не придут ли знакомые, родственники?

Молча, склонив голову и сжимая кулаки, прощались сильные духом люди со своими боевыми товарищами... А ночью шли на выполнение задания, зная, на какую участь обречены, если попадутся. Взрывались воинские эшелоны, горели склады с боеприпасами и топливом, взлетали в воздух автомашины... А самое главное — из лагерей «Шаталаг-252» все больше убывало военнопленных.

В первую очередь освобождали командиров и политработников Красной Армии. Поэтому гитлеровцы, едва установив их личность, тут же уничтожали. Конечно, вывести из лагеря любого пленного — дело весьма рискованное. А тут тем более. Зато, пройдя фашистский ад, они, как испытанные солдаты, пополняли партизанские отряды. Тысячи людей были переправлены в лес! **

---

* Профессора Е. В. Клумова арестовали осенью 1943 года. Чтобы заставить его служить Германии, фашисты сначала прибегли к различным посулам. Затем, видя неподкупность Клумова, подвергли пыткам. Истинный патриот держался стойко. Узнав, что 11 февраля 1944 года его собираются отправить в Германию, он, вместе с окончательно обессилевшей от голода и тюремных побоев женой, перешел на сторону приговоренных к смерти.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Е. В. Клумову присвоено звание Героя Советского Союза.

** Известно, что около полутора тысяч из них стали командирами или комиссарами партизанских отрядов, руководили штабами, разведками, подрывными делами. Это была в полном смысле слова всенародная борьба. Конечно, Кабушкин тогда еще не знал, что партизаны под руководством Минского подпольного партийного комитета уничтожили в Великой Отечественной больше фашистов, чем войска наших союзников, вместе взятые.

В городе участились облавы. Гестаповцы давно чувствовали: работает опытный разведчик. Они уже не раз шли по его следу, но чтобы не попасть в западню, Жан переходил с квартиры на квартиру, менял фамилию, профессии, придумывал одну хитрость похлеще другой. Однако опознать его могли в любой момент. Настораживала Ярошевич. Конечно, избавиться от нее можно было в одну ночь. Но пока не все выяснено, делать этого нельзя. Важная она теперь персона, доктор Ярошевич: ни спугнуть ее, ни уничтожить. Если постараться, может еще поспособствует ему...

Чтобы достичь этой цели, Жан решил обратиться за помощью к профессору Клумову.

Когда Сайчик стал немного ходить, его переправили в лес, чтобы окончательно окреп, да и место для больного безопасное. Как-то под вечер в пустую квартиру зашла Виктория — забрать вещи. Едва открыла ключом дверь, услышала частый стук молоточка: «Жан!» Действительно, приспособив на чурбаке небольшую наковальню, он в поте лица что-то мастерил.

Виктория подошла поближе. Жан то ли расплющивал монету, то ли делал на ней какую-то чеканку.

— Зачем ты калечишь золотые деньги? — в недоумении спросила девушка.

— Ничего им не станет.

— Они уже потеряли форму.

Жан улыбнулся:

— От того, что исчезла форма, ценность золота не меняется...

— Как это? — не поняла девушка, почувствовав какую-то словесную игру, за которой, несомненно, что-то скрывалось.

Жан вроде и прояснять ничего не собирался: продолжал как ни в чем не бывало орудовать маленьким молотком. Со стороны казалось, будто молоточек заведенный: едва коснется желтого блестящего кружочка, тут же следует перестук. Прямо-таки ритмичный: на один тон два полутона. Девушка, вслушиваясь, завороженными глазами глядела на парня-богатыря, уткнувшегося в наковальню. «Чего он только не умеет? Милый, хороший Жан... Сейчас вот он скажет полушутливые, полусерьезные слова. И все прояснит...»

Однако маленький молоточек плясал да плясал, как одержимый.

— Говорите же наконец, Жан.

Он выпрямился, подвигал плечами.

— Все очень просто, Виктория Федоровна,— стал объяснять.— Сегодня вы вместо нашего серпастого-молоткастого паспорта носите аусвайс. Формально не советская гражданка. Однако вы не изменились. Больше того. Рискуя жизнью, лечите наших людей, ставите их на ноги, помогаете уйти в лес.

— Одна я разве, Жан?

— Пока речь о вас. Чтобы помочь партизанам, где вы добываете лекарства?..

— Жан...

Кабушкин, словно ничего не слышал, продолжал:

— В вашем сундуке хранится оружие, покрытое сверху свадебными платьями, помадами, кремами. Короче говоря, вы были честной патриоткой и остались ею. Достоинства советского человека не уронили. Так что за аувайсом с черной свастикой мы быстро разглядели, кто вы.

Виктория не знала, как и быть: услышать слова признания о ее верности, когда вокруг враг, конечно, приятно. И все-таки...

— Ой, Жан! Вы прочитали целую лекцию. Мне было приятно: все на уровне! — улыбнулась она.

— А как же иначе? — отшутился Кабушкин.— Надо все уметь... Видите: я ювелир, а через некоторое время превращусь в зубного техника.

Виктория искренне удивилась:

— Это будут золотые зубы?

— Да.

— Для кого?

— Для себя.

— Ой, франт! — с улыбкой разглядывала она теперь металлическую пластинку. И вдруг, точно осеклась: — Извините, золотые деньги... у нее взяли?

— У нее.

— Надо, чтобы и коронки она сделала.

Виктория думала: Жан отшутится, переведет разговор на другое, но так не случилось. Он серьезно пояснил:

— Нельзя! Доктор Ярошевич не должна знать, что я надеваю коронки.

— Почему?

— Потому, чтобы в самый последний момент агенты отпустили Жана с крючка. По их картотеке я не с

вставными золотыми зубами. И доктор Ярошевич мне никогда такие зубы не вставляла. Стало быть, когда надену их, я уже не тот человек, которого они ищут.

— Жан разве боится?

— Нет, не боится, но остерегается.

Виктория все поняла, еще раз в душе восхитилась Кабушкиным и, улыбнувшись, повторила уже ставшие расхожими его слова, которые он произносил в минуты приподнятого настроения.

— И два раза не женится...

— Конечно. Это — закон.

— Но у каждого закона есть исключение...— Она вопросительно смотрела на него, ждала, что он подойдет, возьмет ее за руки, привлечет к себе...

Жан молчал.

— Простите...— сказала девушка.

Выждав томительную минуту, он предложил:

— Хотите, Виктория Федоровна, из золотой монеты я вам отчеканю обручальное кольцо?

— А сможете? — не сумела скрыть свою растроганность девушка.

— И тут у меня опыт. Вмиг отчеканю! — сказал Жан.

— Кому это нужно, придется ли надеть?

— А память? Разве она не дорога? Конечно, другое дело, если бы эту золотую монету я достал со дна реки...— Жан задумался, потом, вздохнув, сказал: — Однажды было со мной такое. Когда-нибудь расскажу...

Вскоре, собрав нужные вещи, Виктория стала прощаться.

— Не забудьте, сундук мне все-таки нужен,— сказала уходя.

Он невольно рассмеялся.

— А вы о профессоре не забудьте.

Девушка промолчала. Ушла она с какой-то легкой грустью, которая всегда оставалась у нее на душе при расставании с Жаном. И как бы она ни думала о нем, грусть не проходила. Даже, наоборот, усиливалась. Только девушка не подавала вида.

ЧТО СКРЫТО ЗА «Х-41»

Отправив партизанам оружие, что хранилось у Виктории, Жан поспешил в больницу. Профессора Клумова он застал в кабинете.

— Евгений Владимирович,— обратился к нему

Жан,— игра в прятки забрала бы у нас много времени. Я предлагаю — откровение...

Так как профессор был человеком, знающим цену шутке, он посмотрел на Жана из-под щеток-бровей и, улыбнувшись, продолжил его мысль:

— Игру предлагаете? С удовольствием! Давно уже... э-э... не играл. Наверное, лет сорок. Будем играть в лапту или в казаков-разбойников?

— Будем играть с разбойниками,— взял на себя инициативу Жан.

— Понятно. Корректива существенная и уместная. Она заставляет задуматься каждого честного человека. Теперь ближе к делу. Чем могу быть полезным? Медикаменты нужны? Хотя, по правде говоря...

— Нет, профессор, пока не нужны. Мне самому нужна медицинская помощь.

— Вам? Никакой болезни у вас нет!

Жан растерялся. Как начать разговор? Он не хотел ссылаться на причины конспирации. Профессор, поняв его колебания, опять шутливо вставил:

— Игра не получается?..

Жан пошел в открытую.

— Мне нельзя уезжать из Минска. Так складываются обстоятельства.

— Ну так не уезжайте.

— А куда деться от облав?

Профессор многозначительно кивнул в сторону коридора...

— Это вам-то бояться? Когда имеется такая влиятельная знакомая.

— Любовные путы, профессор, и долговая цепь — не одно и то же. А у молодой дамы желания, корысть настолько переплелись, что она стала их жертвой.

Профессор громко рассмеялся:

— Видимо, правы те, кто говорит: о боже, береги любовь от коварства! Теряется всякая святость.— Лицо профессора посерьезнело: — Однако положение ваше трудное, Жан. Игра должна продолжаться. Остановиться просто нельзя. Да и ваша дама на все способна.

— Я не привык бороться с бессильными,— сказал Жан.

— Люблю дерзающих! Безумству храбрых поем мы песню!.. Как я понимаю, вам сейчас нужна экипировка.

Жан пояснил:

— Не только бумага, профессор. Чтобы была истинная ложь, или, как говорят, «туфта».

Профессор подскочил на стуле:

— Как вы сказали? Туфта? Истинная ложь? Чтобы и ложью была, и истиной? Вот задача! Как же вы сами ее представляете, уважаемый? Что это... э-э... за модель?

— Очень простая,— сказал Жан, улыбаясь.— Вот, например, такая.— Он достал из кармана несколько золотых коронок и надел на зубы.— Как видите, я за четверть минуты из опасного мстителя превратился в беспечного торгаша. Мужчина с золотыми зубами всегда вызовет уважение у господ офицеров.

— И еще подозрение...

— Даже и тут они используют его, профессор, для собственной выгоды. Но это в крайности. Так что, наверное, легче все-таки избежать жданной опасности, чем неожиданной. Поэтому я изредка надеваю коронки — чтобы тут же замести следы. Для обмана зрения. Вот и нужно, профессор, найти модель, похожую на эту.

— Идея хорошая. Думаю, уважаемый, желание ваше исполнится.

— Спасибо,— сказал довольный Жан.— Я верил, что с вашей помощью все обойдется.

— Приходите в пятницу. Ни опасностям облавы, ни проклятой любви не оставим и места. Будет истинная ложь! Утрем нос господам офицерам, как провели их с новым препаратом! — Клумов ликовал, точно его вдруг осенило великое открытие.

— Еще раз убедился, профессор, в вашей находчивости. Спасибо. Теперь хотелось бы послушать о новом препарате.

Глаза профессора опять лукаво блеснули:

— Откровенно?

— Да, конечно. По-моему, игра увлекательная...

— Несомненно! — профессор уселся удобнее в кресло.— Виктория Федоровна ввела меня в курс дела. Вы правы: решение можно принимать окончательно лишь тогда, когда все ясно. Пожалуй, это неоспоримая истина. Что касается объекта «П», то он имеет всемирное значение. Прежде всего дает хорошие результаты при лечении больных, которые раньше умирали от заражения крови, разных воспалительных заразных болезней. Он предупреждает газовую гангрену, избавляет от

нагноений, которые часто начинаются после операции. Можно без преувеличения сказать: это — такое мощное оружие, которое способствует победе. Отсюда вывод: каждая страна хотела бы иметь его у себя.

Имеется ли препарат у немцев — мне неизвестно. Если бы было налажено его производство, они бы так не интересовались объектом «П». Сейчас они следят за мной, я — за ними. Но вот что удалось выяснить: англичане, успешно применив новый препарат, вылечили тысячи больных, считавшихся безнадежными. Среди них много летчиков, раненных в воздушных боях над Лондоном. Об этом немцы узнали от пленных английских летчиков, которые, выздоровев, снова начали воевать. У нас объектом «П» занимается академик Ермольева. Условия работы трудные, однако изучены тысячи образцов материала, скрупулезно обследована его активность против разных микробов. Найденный препарат, оказывается, эффектнее, чем у англичан и американцев.

Откуда прознали немцы — не ведаю. Возможно, имеет место утечка нашей информации. Я себя считаю учеником академика Зинаиды Виссарионовны Ермольевой. Широко использую ее методы. Это не означает, что в Минске найден свой препарат. Продолжаю поиски. В клинике процент выздоровления больных высок. Как отметила «Х-41», из находящихся в распоряжении «С» опытов девять десятых выздоравливают. Такой результат и не дает немцам покоя. Пусть строят разные планы. Держать их заинтригованными — одна польза. Знать, чем они располагают,— другая. Вы верно сказали: опасность, которую ждешь, предупредить легче. Помните, в записке «Х-41» объект «П» должен пройти испытание не только в клиниках, но и в полевых госпиталях. Для этого возможен выезд в командировки группы под руководством академика «Б» или его надежных помощников. Теперь, уважаемый, необходимо известить наших, что здесь интересуются группой, которая должна выехать в командировки. И немедленно! Пусть будут бдительнее. Как бы абвер не похитил группу...

От волнения у Жана вспотели ладони. То, что он интуитивно чувствовал, профессор высказал. Сомневаться не приходилось: надо предупредить своих. Чтобы не попали к немцам готовые результаты. А как сообщить, по радио? Вопрос сложный. Проще просить боеприпасы, другую военную помощь. Может, запиской?.. Хорошо, если самолет возвратится благополучно. Самое

лучшее — перейти линию фронта. До этого, конечно, необходимо все возможное выяснить.

Профессор взглянул на часы.

— Понимаю,— сказал Жан.— Только, пожалуйста, еще пару вопросов. Не откажите, Евгений Владимирович.

В дверь постучали. Профессор, оставив Жана в боковой комнате, задернул штору. Принесли чай.

— Слушаю,— сказал он, как только сестра вышла.

— Из каких источников взяты данные, приведенные в записке? И что такое «Х-41»? Кличка?

Профессор, помешивая чай, прошел к двери, постоял у порога и, вернувшись, сказал:

— Вопросы уместные. Второй, несомненно, связан с первым, хотя больше окутан романтикой. Однако знать его суть не мешает...

По моим предположениям, данные в записке от абвера, гестапо или им подобным. Бесспорно одно: объектом «П» они интересуются. И похоже, что «Х-41» всем им служит. После встречи, при выпивке язык у этих господ развязывается. Тем, что выбалтывает один, пользуется другой. Важно только задеть самолюбие собеседника. Тогда гестапо ругает абвер или, наоборот, абвер клянет гестапо. Так в этом охаивании соперника проскальзывает иногда и ценная информация. Ее опять-таки «Х-41» умело использует. К своим наблюдениям присоединяет то, что услышит от меня. Уж я-то, уважаемый, знаю, когда и что говорить... И, пожалуйста: отчет готов!..

Жан слушал не перебивая, а профессор продолжал:

— Теперь о символе «Х-41». Поскольку записка, попавшая в руки Виктории Федоровны, написана рукой доктора Ярошевич, я думаю, что «Х-41» — ее тайная кличка. Наверняка она ее выбрала сама. Ярошевич — дама не без романтики. Если учесть, что она любит кружиться в танце, знает цену золоту, водит знакомство только с высшими чинами, то наши предположения не будут ошибочными.

Для ее игры есть свой образец. Во всяком случае, легенд и выдумок тут немало. До революции да и после на Западе главной героиней многих повестей и романов была танцовщица Мата Хари. Уличная девка, она открыла в Берлине увеселительный дом. Собрала под его крышу самых красивых девушек, не жалея денег, обставила номера, организовала лучшую кухню,

дорогие вина. Здесь и девушки, и сама она танцевали обнаженными, развлекая аристократов: министров, военных атташе, графов. Однако у стен были глаза и уши...

Мата Хари выезжала на гастроли. В одной из таких поездок она остановилась в штаб-квартире немцев, где обеденный стол господ офицеров часто становился танцевальной площадкой.

В Париже, приобретя специальную виллу, она приглашает французскую знать. И здесь Мата Хари танцует в своей излюбленной манере. В номере хозяйки остаются лишь те, кто ведает секретами. А наутро немцы узают: на западном фронте начнется наступление. Акцию предупреждают — двухсотпятидесятитысячное войско французов истребляется. После показания Маты Хари немцы за один день арестовывают шестьдесят шесть агентов-французов. Вообще в результате информаций, «добытых» Матой Хари, было потоплено семнадцать английских и французских кораблей. Среди них на крейсере «Гэмпшир» погиб и главнокомандующий англичан Лорд Китченер.

Почти все посетители Маты Хари — разведчики или служащие военных атташе. Она даже пыталась приручить одного русского капитана по фамилии не то Маро, не то Маслов. Среди выполняющих ее поручения были и греческий агент, и американский летчик. Говорят, она имела связи и с теперешним атаманом гитлеровской разведки адмиралом Канарисом. Словом, Мата Хари считается самой знаменитой шпионкой первой мировой войны. И ее тайной кличкой — номером в немецкой разведке были «Х-21».

Чем закончилась ее дятельность? Французы в Париже приговорили Мату Хари к смертной казни. Король, принц Германии, премьер-министр Голландии и другие высокопоставленные лица по разным каналам просят не убивать видную шпионку-танцовщицу. Предлагают обменять ее на десять французских офицеров, попавших к немцам в плен. Но французы не соглашаются.

После приговора Мата Хари восемь месяцев содержится в тюрьме. Ее любовники не дремлют — находят одну причину за другой, чтобы отложить приведение приговора в исполнение. Даже пытаются убедить власти, что она беременная (по законам французов беременные преступники могут быть казнены лишь после родов).

Мате Хари разрешают иметь при себе служанку. Словом, она приспособилась и к тюрьме. Танцы тоже не забывает: зайдет в камеру смертников и, обнаженная, пляшет в огневом вихре! Ходят слухи, будто солдат, которые должны были ее расстреливать, подкупили. Как бы там ни было, танцовщицу, одетую в нарядную одежду, вывели к каменной стене на заре 15 октября 1917 года. Она не плакала, не заламывала рук в истерике — была спокойна. Начала танцевать: быстрее, быстрее, желая до конца сплясать свой танец смерти. Потом, улыбаясь, встретила залпы. Когда Мата Хари упала ничком, офицер, как того требует закон, выстрелил из пистолета ей в затылок.

Едва появились сообщения о смертной казни в газетах, народ толпами устремился на кладбище. Не верили, что Мата Хари убита. Действительно, гроб оказался пустой...

Как я уже сказал, «Х-41» — это шифрованная кличка Ярошевич в немецкой разведке. Девичья ее фамилия — Абрамова. Начитавшись о шпионке-танцовщице, ветреная дама очень уж старается быть похожей на нее. Заметьте: обслуживает и гестапо, и абвер, не оставляет в стороне и змеиное гнездо белорусских националистов. И к вам она потянулась не из любви... Точно так же, как Мата Хари, когда надо, кидает деньгами, любит блеснуть то мотовством, то деланной щедростью и бескорыстием. У вас не просила расписку за отданное золото?

Возбужденный услышанным рассказом, Жан, словно каясь за свои связи с Ярошевич, тяжело вздохнув, сказал:

— Нет.

— А как насчет записи на магнитофонную ленту?

Не зная, что и ответить, Жан лишь пожал плечами.

— Стало быть, сделаем такой вывод: как вы сами сказали, опасность, которую заранее ждешь,— небольшая опасность.

— Мы ее приговорили к смерти. Как шпионку...— вставил Жан.— Хоть она и старается быть похожей на Мату Хари, уверен: перед смертью у нее не хватит самообладания. Но это к делу не относится...

— Она же мелкая рыбешка. И пока ею надо воспользоваться. Полученное от нее лишь одно сведение может спасти столько жизней!

— Я того же мнения,— профессор.— Жан помолчал,

о чем-то раздумывая, потом вдруг спросил: — Последний вопрос: кто такой Дмитрий Чайковский?

Чай уже давно остыл. Клумов улыбнулся и, взглянув на Кабушкина, скорее машинально помешал ложечкой.

Тот поднялся со стула.

— Извините, если надоел или утомил вас.

— Пока не знаю, кто он. Во всяком случае, не из потомства великого композитора *. Будучи одним из руководителей организации националистов, познакомился с нашей докторшей, по-видимому, в абвере или в гестапо. Обещал ей золотые горы, вот и ходит как бычок на веревочке. Короче, два сапога — пара. Значит, до пятницы...

— До свидания, профессор.

ВЫПОЛНЯЯ ЗАДАНИЕ

В воскресенье на Червенском базаре Жан попал в облаву. Под конвоем привели в комендатуру пятнадцать мужчин. Все оборванцы, неопытные перекупщики, спекулянты. Среди них здоровый краснощекий Жан. То, что он отказался дать «в лапу», не понравилось одному из полицаев. Тот грубо сказал:

— Что, бугай, надоело разгуливать в стаде? Собираешься поработать в Германии?

— Нет, господин хороший. Не собираюсь.

— Тогда за чем дело стало?

— Нет у меня столько денег,— опустил голову Жан.— Больной я...

— Чего-о? — выпучил глаза полицай.— Больной? Больше ничего не придумал? Не болтай чушь. Этот номер у тебя не пройдет.

Жан закашлялся, прижал грудь рукой и, прибедняясь, заныл:

— Ты не гляди на лицо. Скоротечная болезнь у меня.

— Чего? Или...— полицай ехидно хихикнул: — Наградили, что ли, тебя?

* Д. Чайковский, как только немцы оккупировали г. Минск, служит им. Передает список партийно-советских работников, участвует в их поимке. В 1942—1943 гг.— один из организаторов националистской организации БСБ (Белорусская служба батьковщине), сначала в Слониме, затем в Минске заместитель начальника учебного центра БСБ. (Подробнее о нем в кн.: Л. Колосов. «Голоса с чужого берега», М., 1979.).

— Чахотка,— сказал Жан.

Полицай присвистнул и тут же отошел в сторонку.

Жан приободрился: дело выйдет, роль вроде получилась.

— Господин хороший, а господин хороший! — обратился он к полицаю.— Не смогли бы позвонить по этому номеру. В долгу не останусь.

Полицай кончиками пальцев осторожно взял бумажку.

— Кто это?

— Знакомая. Врач.

Полицай испытующе посмотрел на бумажку. Потом спросил:

— Кого выкупить должна?

— Бабушкина.

— Понятно. Давай марку!..

Попавших в облаву разделили на группы и заперли. После допросов уговаривали записаться в белорусскую националистскую организацию. Жан повторил, что он больной, показал бумажку. Все вроде шло на лад. Только вот выглядел он молодцом. Велели выйти в другую комнату. Спустя некоторое время посадили в машину и повезли. Куда? В клинику Клумова? Хоть и не было на справке подписи профессора, видимо, решили проверить в другом месте. Да, так: закрытая машина остановилась у военного госпиталя. Стало быть, будет осматривать немецкий врач. Ну, что ж, игра не доводит до добра. Хотя нет, настроенный механизм все-таки должен сработать... Он уже сказал Ярошевич, что неожиданно заболел. Не поверила, конечно. Но не может быть, чтобы не поинтересовалась, когда ей скажут, что позвонили из комендатуры и направляют на комиссию. Найдет его. Может быть, приехала уже...

Жана провели в темную комнату: рентгенкабинет! При тусклом красном свете поглядели его справку, а самого завели между двумя железными стойками и, двигая экран, начали просвечивать. Немец, бормоча невнятное, крутил, вертел его, пока не сделал вывод: пневмоторакс! «Именно он»,— повторил про себя Жан.

При выходе Жан увидел в открытую дверь изящные туфли на высоких каблуках. Оказывается, один из проверяющих — женщина. В нос ударил знакомый запах французских духов...

Жана признали больным, посоветовали лечиться и,

оформив соответствующий документ, выпустили на все четыре стороны.

Теперь он не мог показываться в городе: должен «лежать и болеть». Жан стал готовить визит к барановичским партизанам. В области было создано несколько партизанских зон: столобецкая, ивенецкая, лдинская, щучинская, слонимская — одной из них руководил Владимир Зенонович Царюк. Кабушкину предстояло выяснить, в чем нуждаются отряды, чтобы активизировать свою деятельность.

Так как был «больным человеком», он решил ехать в Барановичи поездом. По дороге зашел к Янулис на Подлесную улицу — чтобы взять свой небольшой саквояж, который часто прихватывал не столько из-за надобности, сколько для конспирации.

С утра был солнечный, теплый день. Тем не менее Жан надел осеннее пальто, на шею намотал шарф. Удивленной девушке сказал:

— Я человек больной, должен остерегаться весенней прохлады.

На ее замечание: мол, на улице тепло, ответил:

— Я еду лечиться в лесную деревню — пить козье молоко, дышать свежим воздухом. А утром и вечером прохладно.

Вежливо раскланявшись с Александрой, он вышел, поскрипывая лакированными башмаками.

Девушка глядела вслед и не верила: больной, а сам одет с иголочки. Велюровая шляпа, галстук, белоснежная рубаха и даже тонкая тросточка с белой точеной ручкой. «Наверное, спешит на задание. Просто мне не сказал»,— вздохнула девушка.

Вскоре Жан ехал в мягком купейном вагоне. Как подтверждал его аусвайс, сегодня он — ювелир. Полный рот золотых зубов, с нагрудного кармана свисает золотая блестящая цепочка от часов, на пальце — перстень с большим камнем. Само собой, в общем вагоне ему делать нечего.

Брестский поезд мчится, не останавливаясь на мелких станциях. В купе два офицера. Судя по чемоданам (их у каждого по три), видимо, едут на отдых. На Жана ноль внимания! Ему ничего не остается, как присесть у дверей. Прислушался к их разговору.

По обрывкам фраз «Люфтваффе», «массиерен...», «мальта...» понял: немецкие самолеты целую неделю

бомбят остров Мальту. Эти же черные вороны потопили несколько кораблей на Балтике. Ленинград — в окружении. Фюрер требует на восточном фронте широких наступательных действий...

Жан улыбнулся, про себя подумав: где сядет, там и слезет.

Колеса поезда мерно постукивали на стыках рельс, отсчитывая километры. В вагон никто не входил. Будто и проверки никакой не существовало. Невольно лезла в голову мысль: когда у тебя бумаги в порядке, контролеров хоть с огнем ищи. Но стоит только тронуться в дорогу с «липой», как тут же будут останавливать на каждом шагу.

К вечеру Жан слез с поезда. Походил возле станции, чтобы не прицепился «хвост», и направился в сторону леса Налибока. Мрачные и унылые стояли деревья. Пахло горьковатым ароматом почек, клейких листьев, пробивающихся из окаймленных ресницами оболочек. К нему примешивался запах смолы. Под ногами шуршала хвоя, сухие листья. Сквозь ветви деревьев на землю, точно копья, падали солнечные блики. Лес наполняла таинственность. Лишь изредка подаст голос птица, и снова все стихнет.

Дышалось легко. Жан с наслаждением расстегнул пальто. Прислонился к дереву и, как бывало в юности, загляделся на белые кучевые облака. Они медленно плыли по бирюзовому весеннему небу и пенились. А лес молчал. Захотелось крикнуть, да так, чтобы прокатилось долгое эхо, сразу пробудив все звуки и шорохи.

Чу!.. Среди деревьев мелькнула тень! Может, показалось. Он притаился. Немец! В шинели, с ружьем за плечами, на поясе гранаты. Чего ему тут надо? Пришел подышать, полюбоваться лесом? Нет, нагибаясь, он что-то ищет в прошлогодней сухой траве. Чего потерял или забыл здесь?

Вдруг мысли Жана прояснились: нюхает партизанскую тропу, проклятый! Саквояж мгновенно перешел в левую руку, правой он ощутил в кармане холод рукоятки оружия. Тело напряглось.

Зеленая шинель опять остановилась. Немец повертел головой, поднял чуть в сторонке с земли ветку и воткнул ее в то место, где только что чего-то искал. Затем он достал из кармана небольшой белый предмет, сунул его в траву и продолжил путь.

«Оставил знак! — подумал Жан.— Похоже, развед-

чик. Немедленно прикончить!» Спустя некоторое время он уже был на том месте, где немец воткнул ветку. То, что он замаскировал, оказалось куском сахара, оставленным в муравейнике...

Кабушкин спрятал пистолет. Кого он встретил? Так мог поступить только любящий природу человек. Враг ли он?

Немец вернулся обратно к муравейнику. Лицо обаятельное, пытливое. Стал наблюдать за насекомыми, облепившими сахар. Когда подошел Жан, спокойно сказал:

— Голодаль. Корма нада.

— Всем надо.— Жан быстро обезоружил немца.— И кушать надо, и оружие надо!

Удивительно: тот не сопротивлялся, стоял, улыбаясь, с поднятыми руками. Потом быстро заговорил:

— Я сам желаль. Плен желаль. Я Ленинград быль, Одесса быль. Я матрос быль. Русские зналь. Потому плен желаль... И Макс, и Гуго, и Георг желаль. Много, много зольдат желаль! — И, кивая головой, мол, можно полезть в карман, вытащил оттуда два исписанных листка.— Вот бумага...

На ней по-немецки было написано:

Дойче зольдатен,
Ласст ойхь ратен.
Руфт ден Руссен цу
аус дер Вейте: *
Сдаюсь. Товарищ,
Не стреляйте!

На втором листке был чертеж механизированного центра железной дороги Брест — Смоленск — Москва. Оказывается, пожелавший сдаться в плен немец служил в саперной части, участвовал в монтаже этих сооружений. Теперь стало ясно: служить Гитлеру он больше не хочет. Пусть и ружье, и гранаты возьмут партизаны. Только его самого пусть отправляют в тыл...

Кабушкин озадачился: что делать с этим замухрышкой? Привести к партизанам нельзя. Черт его знает, чего у него на уме. Вон как доверчиво смотрит в глаза. Нет, пусть идет...

---

* Немецкие солдаты,
Мы вам советуем
Кричать русским
Издалека: (Подстрочный перевод)

— Я не партизан,— покачал головой Жан.— А когда придешь с товарищами, дорогу найдем. Держи винтовку! Если вернешься без нее, тебе хана. А бумажки отдай попу, пригодятся. Ксендз. В городской церкви, ну, кирхе.

Удивленный немец нехотя удалился.

С Царюком Кабушкин встретился в доме лесника. Разговор был деловым и обстоятельным.

— Не хватает командиров, которые могли бы стать во главе военных ячеек,— известил Владимир Зенонович.— Нужна взрывчатка. Причем малого объема и разной формы. Может, удастся сделать ее похожей на кусок угля или на папиросный коробок. Такие мины не вызовут подозрений. И для партизан удобны. Судя по всему, война затяжная. Поэтому основная задача партизан зоны — регулярно парализовывать железную дорогу Берлин — Барановичи — Смоленск. Эта магистраль обеспечивает немецкий фронт всем необходимым. Контроль тут немцы усиливают с каждым днем. Подрывникам нашим приходится трудно. Вот и выходит, хочешь не хочешь, а надо маневрировать. Тут в самый раз подошли бы такие сильные мины. И главное — небольшого объема.

«Султанов тоже говорил об этом».

Хорошо усвоивший конспирацию, этот руководитель высказал умные мысли об укреплении связей между партизанскими отрядами, координации работы. Жана обрадовала его хозяйская хватка и размах. Пусть фашисты болтают, что им достаточно еще раз рвануться — и они окончательно разгромят Красную Армию. Но когда на тысячах километров начнется рельсовая война, задержится своевременное снабжение фронта, зазнайство быстро спадет. «Это действительно так»,— согласился Жан.

Разошлись они лишь к вечеру.

Ничипорович слушал Кабушкина, расхаживая по землянке и не поднимая головы. Не перебивал, точно взвешивал каждое слово, потом обобщил:

— Чтобы оперативно решать назревшие вопросы, нужно перейти линию фронта. Это сейчас связано и с дополнительным выяснением объекта «П», а также с «Х-41». Отсюда, Жан,— опять в Минск.— Командир поднял голову, добавил: — Инструкция о дальнейших

действиях у профессора. Поспи — и в дорогу. Договорились? Чтобы со свежими силами и ясной головой.

Спать Жану не хотелось...

...В десять часов утра в кабинете профессора зазвонил телефон. Один из его пациентов жаловался: после искусственного поддувания легких не спадает жар.

— Лежите спокойно. Вам необходим абсолютный покой! — посоветовал Клумов, понимая, с кем говорит. У слов был свой смысл.

Вечером к назначенному месту поспешила Виктория.

Она встретилась с Жаном в сквере. Деревья наполовину вырублены или обломаны. Рядом «сухой» фонтан. В середине — растрескавшийся бюст мальчика. Так и кажется: он с жалкой улыбкой глядит вперед, стремясь обнять лебедя. На противоположной стороне едва проступает силуэт здания театра имени Янки Купалы, мечта Виктории... Но кто теперь думает о мечте, когда вокруг такое зрелище...

Измученный вид Жана, прошагавшего пять дней полуголодным, чтобы похудеть, окончательно вызвал у девушки подозрение.

— Что случилось? То ли вы в самом деле больны? — Она приложила руку к его лбу, попросила показать язык.— Конечно же, субфебрильная температура!..

Жан улыбнулся:

— Моя болезнь — истинная ложь! — Потом, решив придать разговору игривый тон, добавил: — Хватит об этом, Жан дважды не повторяет!

Она улыбнулась. Ей было приятно видеть расположение милого Жана, слышать его голос, в котором она всегда угадывала что-то для себя влекущее. И это что-то словно наполняло ее лаской, которой она желала одарить его.

Хотя уже достаточно поговорили о деле, расставаться не хотелось. Был чудесный весенний вечер. Тихий и теплый. Воздух, напоенный нежным запахом первой листвы, пьянил.

— Ты устал? Может, отдохнем, Жан?

— Нет-нет. Хочется идти и идти...

— И мне тоже. Скажи, ты давеча заявил: Жан дважды не повторяет,— девушка, взглянув на него с улыбкой, переспросила:— Дважды не повторяет, да?

— Не повторяет...

— Вот говоришь же дважды!

— Это... когда просят.

— Когда просят...— игриво протянула Виктория и вдруг повернулась, словно пряча лицо:— Если даже просят, пусть не повторяет. Никому! Никогда! И... пусть дважды не женится!

— Ни на ком? Никогда?

— Ни на ком! Никогда!

— Конечно! — рассмеялся Жан.— Это — закон.

Виктория обернулась. На лице ее появилась гримаса. Покусывая губы, она унылым голосом произнесла:

— В виде исключения... Жан завтра или послезавтра пойдет к доктору Ярошевич.

— Раз того требует исключение...— Жан поднял руки. Получилось как-то неловко.

Виктория заметила и посчитала себя обиженной.

— Жан! Бабушкин!..— голос у нее дрожал. Чтобы не расплакаться, она пошла скорее.— Инструкция должна выполняться точно. Еще раз запоминайте...

Виктория, загибая пальцы, снова перечислила то, что сегодня или завтра должен выполнить Жан. В конце твердо сказала:

— Не пить ни капли вина! Контроль нельзя терять ни на минуту. Ни на минуту!..

Жан с удивлением посмотрел на нее, будто видел в первый раз. Что это — требование инструкции или ее желание?.. Губы девушки сжаты, глаза смотрят гневно, красивый белый подбородок чуть выступает вперед.

«Ты смотри-ка: когда надо,— девушка бывает и решительной. Скажет, точно обожжет».

Будто угадав его мысли, Виктория шепотом продолжала:

— Оружие брать не надо, вернетесь чистым.— Помолчала и, как-то сразу переменив тон, уже мягче добавила: — Думаю, после этой встречи вы не будете уже сомневаться. Сами во всем окончательно убедитесь, если еще не разобрались, что она за птица, не оценили ее доблестей. Сердцем чую: продаст она нас фашистам. Продаст! Не дай бог быть жертвой предательства. Это не то, что быть жертвой любви — никто не простит! Никогда!..

Налетевший вечерний ветерок пошевелил ее волосы. Она торопливо поправила их: казалось, хотела еще что-то сказать, но передумала. Или постеснялась: встречаться с Жаном взглядом избегала.

Он тоже молчал, обдумывая услышанное. Слишком

много всего свалилось сразу. Точно осыпались камни с горы.

В сквере появились патрули. Шли молча, не спеша, подозрительно оглядывая каждого встречного.

Чтобы не вызвать подозрений, Жан привлек к себе девушку. Она уступчиво прильнула, но едва патрули удалились, заторопилась уходить. Удерживать ее Жан не стал: Виктории сейчас лучше было побыть одной.

В ДОМЕ С ЗАКРЫТЫМИ ОКНАМИ

Сейчас Жан старался вспомнить, что произошло с ним в прошлую ночь. Голова трещала. Во рту какой-то привкус железа, губы пересохли, будто всю ночь пьянствовал. А выпил-то он всего два глотка! Значит, в коньяк хозяйка что-то подмешала. Но ведь она сама пила из той же бутылки? Впрочем, в конце чего она только не вытворяла! Дикий смех сменял судорожный плач, угрозы — нежные ласки. Казалось, так будет продолжаться без конца. Гадко даже вспоминать... Словом, многое он проворонил. Досадно, его ведь предупреждали — не пить ни капли. Конечно, жить только по инструкции не всегда выходит. Вон как обернулось, хотя началось все по-свойски, просто... Теперь лишь остается вспоминать детали, отдельные слова, недосказанные мысли, чтобы четче осмыслить происшедшее, обобщить...

Прежде всего он решил разделить встречу: до опьянения и после. Раз не смог удержаться, пошевели мозгами! Не зря говорят: дурная голова ногам покою не дает. Только ли ногам?.. Да, желания и страсть портят человека. Точно. Из-за них и ночные приключения. Теперь вспоминай, чтобы пылинка не забылась: многое может зависеть именно от этого...

Одинокий уютный домик на улице Максима Горького. Ставни окон и днем наглухо закрыты. В глубине двора крыльцо с узкой деревянной лестницей.

Дверь отворила служанка. Несколькими часами раньше она принесла ему записку. И тогда, и сейчас молчала. «Видимо, такой глухотой и немотой угождает своей хозяйке»,— подумал Жан. Кивнув на нужную ему дверь, она словно растворилась.

На одной стене вешалка... С какой стороны? С левой?.. Да, с левой, с правой — большое зеркало. На узком столике заморские духи и пудра. Внизу обувь. Слов-

но вышедшие из воды два лебеденка, сверкают белизной начищенные служанкой изящные туфли.

Из прихожей дверь ведет в комнату, всю стену которой занимает высокий большой шкаф со стеклянными дверцами. Стоп, сколько дверцев? Четыре. Ручка каждой позолочена, ключи похожи на рыбу. Верхняя дверца среднего отсека кажется без ключа. Да, так... В глубине комнаты, отделанной под цвет морской волны и чем-то напоминающей колдовскую пещеру, стоял столик. По бархатной скатерти и двум креслам — яркие шляпки подсолнечника. С торшера падал тусклый красноватый свет. Хотя на дворе еще только весна, в вазах гроздья винограда, розовощекие яблоки... Жан обратил внимание на закуски, свежие салаты, зеленые огурцы. Посередке стола — пузатая бутылка французского коньяка, с этикетки которого глядел мрачный профиль Наполеона.

Послышалась тихая приятная мелодия, и из спальни, что находилась за голубоватыми, как и стены, шторами, появилась хозяйка. Ее было не узнать: в прозрачном длинном платье, с переливчатой короной, большими золотыми серьгами, ниткой жемчужного ожерелья, с поясом. Наверняка она кому-то подражала.

Жан опешил. Раньше он знал Надю полнеющей женщиной, с холодным взглядом, сухой улыбкой. Сегодня она была другой. Украшения и наряд придали ей женственности. Она казалась миловиднее, нежнее. Шла мягко, грациозно, точно вдруг переродилась. К его приходу она даже успела сделать маникюр. Жан невольно подумал: даже корона ей к лицу. Как тут не влюбиться — прямо-таки фея!

— Иванушка! Дорогой! — Она рванулась ему навстречу и повисла на шее.

Жану ничего не оставалось, как подхватить ее обеими руками.

— Браво! — Хозяйка обвила одной рукой его шею, другой прищелкивала пальцами, будто кастаньетами.— Браво, браво! — ликовала.— Однако, дорогой, при пневмотораксе нельзя поднимать тяжести.

Ярошевич, улыбаясь, спрыгнула с рук и устремилась в полутьму. В ее взгляде мелькнула какая-то злость. Будто волчица прошла с повернутой головой и скрылась в камышах...

«Это знакомо,— подумал Жан.— Давно бы так. А то — фея... Впрочем, и феи бывают разные. Могут усыпить или сделать безвольным...»

— Подсаживайся к столу, Иванушка.

— Благодарю. Столько угощений из-за меня... Лишние хлопоты, даже неудобно.

— Ты — мой дорогой гость. Проходи, не стесняйся. Иди ко мне, Иванушка-дурачок. Не сердишься? — она манерно склонила голову.— Все это сегодня твое! — Ярошевич показала на стол обеими руками и снова подняла их к своему подбородку.

«Белые обнаженные руки феи,— снова заметил Жан.— Украшенные драгоценными перстнями...» Смущаясь и колеблясь, он прошел к столу:

— Значит, сегодня все для меня?

— Всегда будет так. Только делай по-моему...

— Наши отцы-деды делали наоборот.

— Иванушка, милый, не придирайся. Почему ты мрачный, как пасмурный день? Ах, да... Не горюй. Все пройдет. Ты молодой и сильный... Ни о чем не думай. Пускай ишак думает: у него голова большая. Садись-садись.— Хозяйка взяла его за руки, усадила и, поигрывая голосом, стала напевать:

И пить будем, и гулять будем,
А смерть придет, помирать будем...

Жан невесело сказал:

— Мне сейчас нельзя.

— Не тужи. Немножко можно.— И в маленькие прозрачные рюмочки налила янтарный напиток.— За любовь!

Над столом тонко пропел хрусталь.

— За чистую любовь, как этот звон! — добавил гость.

Хозяйка прошла за штору и включила музыку. Полились звуки романса «Очи черные...» Жан любил этот романс, но сейчас он показался не к месту.

Вернувшись, хозяйка удивилась:

— Не выпил... Впрочем, наверное, нет такой любви, как этот чистый звон.

— Почему нет, есть.

— В книгах? В кинофильмах?

— И у меня,— сказал упрямо Жан.

В глазах хозяйки блеснули хитрые искорки:

— Не верю. У мужчин такой любви нет.

Жан решил не отступать.

— За каждую красавицу! За каждую умницу! За девушку нежную!..

— И за недоделанную артистку,— вставила Ярошевич с иронией.

Жан, не обращая внимания на ее колкость, продолжал:

— За девушек аптекарш и официанток, без точности и честности которых не обойтись. За всех. Давай выпьем за их здоровье!

Хозяйка, словно от кого-то защищаясь, прислонила руки к груди:

— Нет-нет. Сохрани бог! — И вдруг вскочила с места.— Самая лучшая оборона — наступление, сказал один полководец.

— Суворов,— напомнил Жан.

— Русский полководец... По-русски и выпьем.— Ярошевич достала из кармана платья ключ, открыла шкаф, взяла оттуда два бокала на высокой ножке и, поставив их на выступ отсека, медленно налила коньяк. Тот, что в левой руке, принесла Жану... Значит, в этот бокал она заранее что-то положила.— Это ты должен выпить...

— Поглядим.

— Гляди — не гляди, не отвертишься.— Она помолчала, потом вдруг перешла на другое: — Знаешь, зачем я тебя позвала? Не знаешь. Вообще, ты многого не знаешь в этом мире...

— Скажешь, узнаю,— с безучастным видом обронил Жан.

— Скажу.— Она, видимо, начала пьянеть. Голос потерял свою привлекательность, осел. Но говорила ясно: — Прощаться позвала я тебя. Чтобы сказать — не поминай лихом. Да, да...

— Я хоть и болею, но умирать не собираюсь...

— Твоя болезнь чепуха. Че-пу-ха...

Жан насторожился: неужели раскусила или просто не верит в печальный исход его «болезни», поскольку он такой здоровяк.

Музыка умолкла. Хозяйка не поднялась: была занята своим.

— Моя болезнь, Иванушка, серьезнее. Ладно, об этом... позднее.

Надо было, чтобы она говорила именно сейчас, когда появилось желание.

— Я слышал, что есть лекарство, которое самые страшные болезни лечит недели за две.

— Ты говоришь о новом препарате? — сразу вски-

нула брови Ярошевич.— У нас пока еще нет его. А когда найдем... О-о, это было бы здорово...

— У меня много знакомых. Попытаемся поискать?

— Я вечно была бы обязанной тебе, Иванушка. Говорят, что самый эффективный — русский препарат. Оказывается, он проходит испытание где-то поблизости от нас, в условиях поля — леса — госпиталя. Если встретишься с их людьми, разузнай...— Она вздохнула: — Нам бы только секрет его изготовления, за два-три месяца станем миллионерами.

— Понятно. Я постараюсь разузнать.

— Я очень, очень люблю тебя, Иванушка...— Хозяйка снова намекала на обильный стол.— Не зря сказала: все — твое! Мы бы с тобой зажили припеваючи. Война долго не будет. Наступление большевиков в направлении Харькова скоро закончится. Вот увидишь: пять их армий попадут в мешок. На Кавказе победа! Славные войска Паулюса купаются в Волге. Близка уже полная победа, Бабушкин. Не прозевай. О-о, немцы — народ деловой. А как они пачками похватали бандитов в городе. Теперь полный порядок. Очередь — за лесом. Во второй половине июля не останется ни одного партизана. До самого Смоленска... Я вставляла зубы крупным офицерам. Один из них похвастался: в операциях будут участвовать не только армейские части, но и танковые дивизии. Какие партизаны выдержат такую силу?

Жан потерял терпение:

— Что мне прикажешь делать?

— Чокнуться со мной и выпить.

— Знаешь сама: нельзя.

— Сегодня можно. Мо-жно... Потому что сегодня мой день. Мои именины. Имя-то у меня — Надежда! За надежду, Иванушка! За мои надежды на тебя!

Жан пригубил коньяк из бокала.

— Хочешь, я прочту тебе любимые мои стихи Есенина? — И она, слегка наклонив голову и перебирая тонкими пальцами ожерелье на шее, словно намекала: гляди, мол, сюда, стала читать:

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Погоди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь...

Последние строки стихотворения она произнесла медленно и выразительно. Выпрямилась: голова слегка

откинута назад, глаза закрыты. Так она подошла к Жану и, прильнув к нему, обхватила за шею. Поняв его молчание по-своему, включила музыку:

— Потанцуем?

Жан отказываться не стал.

Они танцевали танго, фокстрот. Хозяйка, улыбаясь, все чаще прикасалась к Жану, повисала на его руках. Наконец, она сказала:

— Хочу отдохнуть. Устала. Побудь со мной...

Не прошло и двух-трех минут, как она уже лежала в постели. Взяв обе руки Жана, приложила их к своей груди.

— Жарко... Раздень меня...— перешла она на шепот.— И сам отдохни. Теперь мы наговоримся. Ты такой хороший. Сильный...— Руки ее ласкали Жана.— Давно я мечтала сделать тебя своим. Ты мне нужен. Самое большое удовольствие — жить... понимая друг друга. Ты только не перечь мне: все будет хорошо. Раздевайся и ты... Знаменитая Мата Хари тоже так любила...

— Надя... Ради бога, говори яснее,— сказал Жан, чувствуя, что вдруг начал пьянеть.

— Непонятно, что ли? Зачем тебе все понимать? Ты выполняй, что я велю. Иначе будет худо. Брось маскировку...

Жан старался собраться с мыслями. Чего она от него требует: раздеваться в прямом или в переносном смысле. Как понимать ее: не перечь, выполняй, что я велю, и тут же — брось маскировку, иначе будет худо. Может, предлагает переходить на службу к немцам?

А руки Ярошевич то перебирали, то снова спутывали его волосы. Ему стало вдруг легко и приятно, точно на качелях, кружилась голова, хотелось без конца говорить и говорить. Напрасно эта полуобнаженная женщина считает его недотепой. Под подушкой у нее пистолет. Он это знает точно. А известно ли хоть что-нибудь из его истории? Голову на отсечение — неизвестно. А Жан как пять пальцев знает ее. Эта вещица из потомства изобретенных конструктором и заводчиком Самюэлом Кольтом револьверов-пистолетов. Ему за нее в 1836 году в Америке выдали патент. После смерти в городе Хартфорд поставили отлитый из бронзы памятник.

Жан, утопая в мягких пуховиках, все говорил и говорил в забытьи. Было такое ощущение, будто он ле-

жит на согретом солнцем песке, и тело его щекочут десятки ящериц... Он хотел подняться, но лишь едва пошевелился. Словно придавил какой-то тяжелый груз, сковал по рукам и ногам. Сердце учащенно билось. Он снова попытался встать — не смог: давил все тот же груз. И голова все кружилась...

Сколько времени продолжалось так — десять минут, двадцать — сказать трудно. Когда сознание прояснилось, он лежал без движения. Ярошевич тоже будто «отключилась». А может, собиралась с мыслями. У нее всегда на уме свое. Кстати, за весь вечер она так ни разу и не поцеловала в губы. Наверное, боялась заразиться. Стало быть, надо продолжить игру, только бы немного отрезветь...

Жан решил повторить приемы хозяйки:

— Знаешь, почему я сегодня пришел? Не знаешь.

— Скажи,— тихим голосом произнесла Ярошевич, припоминая события вечера.

— Пришел проститься: ты, дорогая, приговорена к смерти. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.— Жан нащупал под подушкой маленький пистолет и спрыгнул с постели.

Ярошевич, словно шкодливая кошка, пойманная с поличным, закрыла лицо руками.

— Жан!..

— Мата Хари тоже так... добивалась расположения... и выпытывала?

— Не убивай, Жан!.. Я буду твоей верной рабыней...

— Ты не можешь быть верной.

— Все мое золото — твое! Уедем в Швейцарию...

— Нечего возить в чужие края... *

— Хорошо. Что хочешь, то и делай. Я же тебя люблю. Люблю...— Заламывала она руки. Потом попросила принести вина.

Жан вышел в зал, зажег торшер. Видимо, потянул шнур сильнее обычного: из-под шелкового абажура выпала бумажка. Он поднял ее. Наливая в бокал вина, пробежал глазами. «Нач. полковой контрразведки С. Ф. Богданов». Визитная карточка!

«Похоже, приманка,— подумал Жан.— Что делать?

---

* Среди значительных денежных сумм, собранных трудящимися города Минска и Минской области на постройку самолетов «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисовки», были золотые монеты и драгоценности. Есть основание полагать, что немалую долю в это пожертвование (золотом) внес Кабушкин.

Показать бумажку сразу или погодя?» Мысли тут же стали яснее, мускулы обрели силу. Он почувствовал себя собранным, точно на старте. Твердыми шагами вернулся в спальню.

Хозяйка дремала, лежа на спине и разметав по сторонам руки. Однако и сон у нее как у кошки: сразу пробудилась. Лукаво подмигнув ему, залпом выпила целый бокал вина — видать, мучила жажда. Едва он присел с краю кровати, потянула к себе, прижала к своей груди его лицо. Жарко задышала в затылок, обдавая винным перегаром. И вдруг забилась, затрепетала, как выброшенная на сушу рыба. Проклиная свою судьбу, зарыдала. Через минуту снова уговаривала бежать за границу. Когда Жан не согласился, выпучив глаза, почти выкрикнула в досаде:

— Что ты за человек?

— Обыкновенный,— ответил Жан.

— Нет, ты не такой. Те, кого я знаю, едва увидят золото или распахнутые объятия, ни перед чем не останавливаются. Для них нет ни долга, ни чести. А ты... и золото тебе, и любовь, все равно не меняешься. Каменный ты!.. И гордый. По своей воле не придешь...

— Пришел же вот...

— Пришел. Здесь только твоя тень. А душа моя хочет, чтобы ты был весь тут.

— И я хочу, да не получается...

— Кто тебе мешает?

— Свояки. Один даже вот оставил визитную карточку. Где уж мне тягаться с полковником Богдановым?! Но хочется все-таки знать, кто же он такой — свояк, соперник?

Ярошевич, то ли была ошарашена, то ли раздумывала, на миг замолчала. Потом, опершись на локоть, сказала:

— Прикидываешься простачком? Идет это тебе, идет.

— Кто он, мой соперник? — решительно спросил Жан.

— Гляди-ка, ревнует...— Она закрыла лицо ладонями и открыто захохотала.

— А ты как думала? Хоть простачок, но я — тоже человек... Где он сейчас? В Минске? Я его все равно найду. И проучу.

— Вот так ревнивый Отелло!

— Где он? — Жан, разъярившись, шагнул к хозяйке. Та в испуге забилась в угол.— Где?

— В военном лагере в городе Сувалка.
— Чего делает?
— Вместе с полковником Гиль организуют «Первый русский национальный полк СС...»
— Понятно,— облегченно вздохнул Жан.— А я думал, что он — какой-то франт, который хочет вскружить голову...
— Ну и воспитание у тебя...— криво улыбнулась Ярошевич и, прищурив глаза, добавила: — То ли ты притворяешься, то ли на самом деле такой — не поймешь.
— Все на виду. Без обмана и без хитрости. Как у православных.
Хозяйка вдруг охнула:
— Мне плохо. Он — «верующий»!.. Полчаса тому назад жеманничал. О, господи, отступись! Верни нам мечту, подари блаженство...— Ее томный взгляд уткнулся в Жана.— Налей бокалы...
Она надела халат и потянула его в зал:
— Начнем все с начала.
Во дворе со страшным громом и молнией хлестал по ставням дождь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ

Староста села Колодище Николай Борщевский готовил для Жана надежные сопроводительные бумаги. Для дороги. Явившись в его дом и узнав, что хозяин уехал в село Водопой, Кабушкин решил обождать.

Во дворе вразброс лежали распиленные недавно бревна. Жан разделся и, недолго думая, принялся колоть чурбаки. Увлекшись, не заметил, как из дому, продирая от сна глаза, вышел четырех-, пятилетний сынишка хозяина.

— Ты сказку знаешь? — спросил он у гостя.

— Про козу и семерых козлят — знаю.

— Не,— завертел головой мальчишка, давая понять, что эта сказка ему знакома.

— Про маленького Мука...

— Давай...

На небе улыбалось ласковое солнце. Жан стал рас-

сказывать. Вспомнил и свое детство, Хариса, Тамару... Эх, если бы она подарила ему такого парнишку!.. Кто знает, быть может... Значит, сейчас ему пошел второй год! Конечно, не такой, как этот, но если пойдет в отца, то карликом не будет...

— Теперь твоя очередь,— сказал Жан.

— Не,— опять завертел головой мальчишка.— Я частушку...— Он залез на бревно, босой, с ногами в цыпках, шмыгнул носом и, притаптывая, бойко запел:

Чечевица с викою.
Догоню — нажикаю!..
— Врешь, врешь, не догонишь!
А догонишь — не посмеешь.
А посмеешь—не повалишь.
Я упрямый — не осилишь!
Вот увидишь!

Жан от души рассмеялся. Чем приглянулась ему эта незамысловатая частушка? Тем, что складная? А может, соседские девушки научили. На потеху? Жизнь, она свое берет даже в неволе. Посадив мальчишку на плечи, Жан с засученными штанинами, в майке, бегал с ним по двору. Потом строгал палку-лошадку, на которой можно скакать без устали хоть целый день.

Мальчишка стоял рядом и во все глаза глядел на красивую дядину финку. Такую он еще никогда не видел. В ножнах.

В калитку вошел Николай. С ним, размахивая руками,— подвыпивший немец. Скрываться в лабаз смысла не имело: опоздал.

Немец, увидев чужого человека, сразу привязался:

— Аусвайс!

Жан, пряча за спину руку с финкой, сказал:

— Папир нах хаузе,— дескать, бумаги в доме, в одежде, а он в майке. Сам глядит на Николая: уведи быстрее младенца, чтобы ничего не видел. Вдвоем справимся...

Николай подал знак: не надо, мол, не дури. Немец поспешно расстегнул кобуру.

— Господин обер-лейтенант,— вступил в разговор староста.— У него бумаги в порядке. Он дядя мой. Сам проверил бумаги. Если хотите, проверим еще дома. Или сюда принести?

Рука с пистолетом махнула в сторону дома:

— Шнель!.. *

* Быстрее! (*нем.*).

Николай, перескакивая с ноги на ногу, устремился к крыльцу.

Жан стоял спокойно и ждал. «Когда будет читать бумаги, тогда и прикончу»,— решил он.

— Куда ехаль? — спросил обер-лейтенант, все еще подозрительно оглядывая его.

— Сюда ехаль,— сказал Жан, как будто дразня.

Видимо, вспомнив о своей игровой частушке, которая понравилась дяде, мальчишка рассмеялся. Спускающийся с бумажником Николай тоже улыбнулся.

— В Оршу поехал — сюда заехал, господин обер-лейтенант.

— Зачем Орша поехаль?

Николай протянул ему бумаги:

— Девушек собирает мой дядя. Отправлять в Германию. Вот справка, подписанная господином генералом Заукель.

— Гут, гут,— покивал немец и стал въедливо глядеть в документы.

Чтобы задобрить его, староста предложил:

— Господа, не пожалуете ли в дом? Может, отведаем гостинец дяди — коньячок, а?

Жан многозначительно взглянул на Николая: кажется, хозяин лишнего не болтает. Похоже, живет не без запаса.

За столом все внимание было коменданту станции Колодище — Отто. Угощали и говорили тосты по любому поводу. Изрядно захмелевший обер-лейтенант обещал усердно старающемуся для великой Германии коммерсанту Назарову специальный пропуск до Орши. И тут же заполнил бланк. Выпили за щедрость немецких офицеров.

В открытое окно тянуло вечерней прохладой. По железной дороге, разделявшей поселок пополам, проходили воинские эшелоны. На платформах — крытый брезентом груз. Что под ним — догадаться нетрудно. А то и вовсе везут на виду: танки, бронемашины. И никто не обращает внимания. Царюк прав: чтобы парализовать железную дорогу, нужны подходящие мины. Достать их не так просто. Самолеты с «Большой земли» в последние месяцы прилетают редко. Причина: ухудшилось, повидимому, положение на фронтах. Ведь вон как хвастается обер-лейтенант: в Крыму хозяйничают войска фюрера, в Харькове, в Донбассе — тоже их победа, ведет-

ся наступление под Воронежем, на Дону — по широкому фронту. 25 июля сдался Ростов, покорен Кавказ...

От проходящих поездов дребезжат оконные стекла, пляшут на столе рюмки, звенят о тарелки железные вилки. Даже качается в углу икона богородицы. Не дрожит только занявшая почти половину комнаты русская печь, возле нее на полатях, уткнувшись в подушку, уже спит сынок хозяина. Под печкой зимой содержатся куры, а сейчас в старом сундуке-развалюхе спрятан радиопередатчик. Печь в летнее время топят редко. А в подтопке — дрова, приготовленные для розжига хворост и смятая газета. Жан полюбопытствовал — развернул: на первой полосе напечатано «Пояснение к новым порядкам землепользования» гаулейтера Кубе.

Хвастливый комендант, окончательно опьянев, поднялся с места. Хорошо, хоть не стал задерживаться. Ногой толкнул дверь: она заскрипела, точно контуженная, и осталась открытой настежь.

Проводив немца за калитку, Кабушкин и Борщевский заговорили о деле. Жан попросил проинформировать подробнее о новых документах, владельцем которых ему предстояло стать.

— Бумага надежная,— сказал Николай.— Она основана на секретном приказе из Берлина. Перевод такой: «В связи с указанием фюрера и «Программой империи по использованию рабочей силы» предлагается отобрать и привезти из восточных областей в Германию 400—500 тысяч здоровых, крепких девушек с тем, чтобы облегчить работу сильно занятого немецкого крестьянина. Заукель».

— Вот так, Назаров, ты высокий уполномоченный. Как сойдешь с поезда — должен иметь свой транспорт. Денег у тебя достаточно. Только помни: если не заставят обстоятельства, не показывайся органам управления. Черт ведает, что у них на уме. Понял? На станции Темный Лес тебя будет ждать связной партизанского отряда «Саша» Аркаша Козырев. Он и организует встречу с командиром отряда Бикбаевым... Бикбаев — тот командир, который при помощи самодельной мины взорвал первый немецкий эшелон.

— Кто? Кто такой? — сразу заинтересовался Жан.

— Бикбаев.

— Как его звать?

— Этого, уважаемый товарищ, не знаю.

— Может, знаешь, откуда он?

— Из Татарии, кажется...

«Неужели судьба приготовила приятную встречу? — подумал Жан.— А почему бы и нет: Харис служил в казанской воинской части. Вафин рассказывал, как майор Кадерметов организовал в здешних местах партизанский отряд и как он погиб. Стало быть, Бикбаев не умер, где-то здесь. Ты смотри-ка, чертяка! Командир отряда!»

— Пароль для опознания,— продолжал Николай,— триста. Это значит: какое бы число ни назвал при разговоре командир отряда, ты должен прибавить ровно столько, чтобы в итоге получилось триста.

Жан ушел в воспоминания детства. Потом, спохватившись, сказал, радостно улыбаясь:

— О-о, браток, я найду, что сказать Бикбаеву, чтобы он опознал меня!

Затем принялись за бумаги, которые Жан должен вручить, перейдя линию фронта. Среди них был уточненный план-чертеж укреплений врага под Минском и в городе.

— Это, сказывается, слишком дорогая вещь,— определил Николай.— Как предложил Батя, давай снимем копию. Так будет надежнее. Иначе чем черт не шутит, время военное...

— Все будет в порядке,— заверил Жан.

— Как говорят: береженого бог бережет. Кому вручить основной экземпляр, скажет Бикбаев. На месте виднее будет.

— Кто он такой? Звание какое?

— Не знаю.

Жан в тоне Николая заметил:

— А если случится, что Бикбаев не успеет и поприветствовать нас? Ведь время военное... Чем черт не шутит, когда бог спит!..

— Я знаю лишь то, что он из генштаба армии. Командир спецгруппы. И — все! Остальные вопросы тоже с ним будешь решать.

— Это уже яснее. Спасибо, браток.

— Счастливого пути тебе, Жан! Что ни говори, линия фронта... Будь осторожен.

— Раз заговорили о завещаниях, передай Бате: в военном лагере в Сувалке организуется «Первый русский национальный полк СС». Командиром — бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии подполковник Гиль, начальник контрразведки — Богданов. Немед-

ленно надо начать в полку агитационную работу. Свой на своего — разве дело?

— Хорошо, скажу.

— И еще, Николай... акцией «Х-41», запомни, акцией «Х-41» до моего приезда пусть никто не занимается. Приеду, сам решу. Я никуда не денусь. Обязательно вернусь!..

Они обнялись на прощание и молча разошлись.

В поезде до Орши Жан ехал без особых приключений. В пути один раз проверяли документы. Вторая проверка была на станции Коханово. Жан только что сошел на перрон. Растянувшись до вокзала, стоял товарняк. Паровоза не видно, должно, впереди, у колонки, заправляется водой. «Не скот ли везут?» — подумал Жан. Нет, возле закрытых наглухо дверей стояли охранники с автоматами. «Стало быть, другое...» Будто в подтверждение в одном из вагонов запели. К тоскливому голосу девушек присоединились другие.

Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны летят.
Они из Кричева увозят
В Германию наших девчат.

Видимо, песню сложили тут же, в дороге. Девушки прощались с родной стороной и, обращаясь к своим защитникам, призывали:

Ой вы братья, вы братья родные,
Выручайте вы нас поскорей.
Приготовьте вы пули стальные
Для проклятых немецких зверей.
Разгоните вы их, растопчите.
Чтобы ворон костей не собрал,
Чтобы каждый немецкий мучитель
Тут могилу себе отыскал.

Потрясенный Жан с волнением слушал жалобную песню. Вдруг на плечо легла тяжелая мохнатая рука. Он обернулся: высокий немецкий офицер с двумя полицаями!

— Аусвайс! — потребовал офицер.

Проверив пропуск, сопроводительное письмо, он начал придираться, будто этих бумаг и не было вовсе:

— Куда? Зачем?

— Что я делаю, перед вами! — деловито сказал Жан...— Вон сколько рабочих рук мы отправляем в Германию.— Жан показал на эшелон с девушками.— И, бог даст, еще будем отправлять. День и ночь за этим бегаем. Сейчас после Кричева путь к Журбину. А там девушки что надо!

— Оружие есть?

— Есть, почему же! — холодное оружие, которое подарил господин гаулейтер Вильгельм фон Кубе!

Жана задерживать не стали.

АДЪЮТАНТ АРКАШКА

В Орше купить билет было нелегко. Ни в Кричев, ни в Журбин пассажирские поезда не ходили, а в прицепных к проходящим поездам вагонах, оказывается, свободных мест не бывает. Разглядывая схему, что висела возле кассы, наверное, еще довоенного времени, Жан установил: до Темного Леса надо проехать четыре больших станции. Расстояние около ста пятидесяти километров. А встреча назначена на завтра... Никак нельзя отстать от поезда.

Жан решил подождать, когда комендант освободится. Как только вышли двое военных, он вложил в выданный в Колодище обер-лейтенантом Отто пропуск двадцать пять марок и постучал в окно:

— До Кричева, уважаемый!

— Мест нет! — донеслось оттуда.

— Мне должно найтись, уважаемый. Будьте добры, посмотрите мои документы. Неотложные дела. Для великой Германии...— Чтобы были видны золотые зубы, Жан, нагнувшись, улыбнулся.— Там все написано, уважаемый...

Долговязый, болезненного вида человек, со свастикой на рукаве, обронил:

— Посмотрим.— Окно кассы закрылось.

В здании вокзала гудел народ. Пахло потом, свежими пирогами, табаком и дегтем. Толстые женщины-торговки, худые старики пришли сюда, чтобы обменять продукты на соль. Когда найдутся такие охочие пассажиры, неизвестно. Впрочем, кто знает. Жан и сам раздумывает: попадет ли на поезд? Вся надежда на марки. До сих пор они выполняли свою миссию исправно. Может, и на этот раз обойдется.

Наконец решетчатое окно кассы открылось.

— Битте, герр коммерсант,— произнес вежливый голос.

Жан не стал проверять бумаги. Раз ответ услужливый, значит, все в порядке: выполнено.

— Данке шен *,— поблагодарил он и спрятал бумаги в кожаный саквояж. Присел на диван — ему с шушуканьем уже уступили место,— закурил сигару. Среди устоявшегося тухлого воздуха и гари поплыл аромат гаванской сигары.

Из узкой боковой двери со связкой ключей появился пожилой немец в очках. Не выдержал, подошел к Жану и, вежливо склонив голову, попросил сигару.

Чуть не подвело хвастовство: в коробке осталась лишь одна сигара! А ее Жану нужно закурить по приезде на станцию Темный Лес, как сойдет с поезда. По этой сигаре связной Аркаша должен опознать его... Немец стоит, ждет с вытянутой рукой. Не пристало же скупиться коммерсанту! Кто знает, может, просит для испытания... Так вот Жан и расстался с последней сигарой. Ругая себя за глупость, поспешно вышел из вокзала и начал быстро тушить свою, наполовину уже истлевшую сигару. Как на грех — не гаснет. Потом начала распадаться. Вот наказание. Еще мать говаривала: хвастовство до добра не доводит!.. Да и нашли пароль — сигара! Дескать, вербовщик девушек должен выглядеть солидным коммерсантом. К черту такое притворство, когда народ в оккупации умирает с голоду. Вон какие на вокзале люди — худые, оборванные! Раз кажешься богатым, ты уже и враг. Хоть еле волочат ноги, но проходят не здороваясь. Не хотят знаться с богатеями! Не принимают новый порядок. Потому и объявления, приказы немецких властей, развешанные на каждом шагу, тоже будто не видят. Словно они бумажный мусор — бровью не ведут.

Выйдя на перрон, Жан обратил внимание на красовавшееся на заборе объявление. Там крупными буквами написано:

«Граждане! Кто добросовестно выполняет свою работу и свои обязанности, не оказывает никакого сопротивления немецким войскам, тот будет обеспечен мирной жизнью, богатством и порядком.

Начальник тыла фронта генерал Бернгард».

---

* Спасибо (*нем.*).

Значит, в тылу не совсем спокойно. Жан пошел вдоль перрона. Будто на доске объявлений одно за другим пестрели предупреждения:

«Помогаешь партизанам, тайно хранишь оружие — смертная казнь!»

«Отлучишься из деревни без разрешения — расстрел!»

«Не уберешь и не сдашь вовремя урожай — виселица!»

«За порчу имущества — лагерь смерти!»

Однако предупреждения, угрозы результатов не давали...

Поезд из Кричева прибыл с опозданием на два часа — «лесные бандиты» (так фашисты называли партизан) разобрали путь. Вообще ездить на поездах стало опасно. Загудишь под откос вместе с паровозом и вагонами. Прав Николай: все может случиться, на то и война. Ты же не скажешь партизанам: мол, отложите на два-три дня свои операции, Жан едет с заданием...

Поезд шел с остановками, медленно и долго, пропуская воинские эшелоны, другие срочные грузы. Наконец прибыли на станцию Темный Лес. Народу толкалось много, хотя пассажиров не было. Жан обратил внимание на парня с котомкой за плечом. В длинных до колен белых суконных носках, перевязанных накрест веревками лаптей, в коротком сером армяке, в картузе, он стоял, прислонившись к столбу, и курил махорку. «Меня ждет!» решил Жан. Сунул в рот полуразвалившуюся сигару и зажег спичку. Однако проклятый окурок не загорался. Жан достал вторую спичку. Наблюдавший парень улыбнулся и, не промолвив ни слова, плюнул через плечо и пошел своей дорогой.

Чтобы злополучная сигара совсем не догорела, пришлось потушить ее снова — на станции никого не осталось.

Куда теперь пойти? Может, в ресторан закусить? Надо держать себя соответственно положению. Только вдруг уйдешь, а тут появится связной. Вот и придется караулить станцию, подтянув потуже ремень. Надо лечь на пригорке, в тени сосен, будто в ожидании своей подводы. И станция, кишащая как муравейник, будет на виду. Жан еще не решил, как поступить, когда заметил: появился еще один «кандидат». Снова пришлось повозиться с проклятой сигарой. И опять напрасно. Так до конца и сгорит. А почему она должна тлеть? Вон

премьер Англии Черчилль, оказывается, и негорящую сигару изо рта не вынимает.

На железной дороге движение ни на час не останавливалось. В основном с грохотом проносились воинские эшелоны. Паровозы впереди себя толкали два-три вагона с гравием. Спешили на фронт, а оттуда в битком набитых вагонах везли раненых. Интересно, где остановились проходившие вчера в сторону Колодищ один за другим бронепоезда? Комендант Отто хвастался: «Литерцвай — зеленый свет!» Когда и Николай, и Жан, будто не понимая, пожали плечами, он, смеясь, сказал: «Берлин приказаль: партизан пух-пух!.. Заслонов капут, Минай капут!» Стало быть, фашисты в эти края шлют карательные отряды. Знают ли партизаны, какая опасность угрожает?

На руку Жана села божья коровка. Посидела, отдохнула и поползла, не раскрывая крылья. Жан подставил палец, божья коровка перелезла. Гляди ты, ничего не страшится! В детстве они с Харисом отпускали эту букашку всегда с напутствием:

Летаешь ты ловко,
Божья коровка.
Ты нам для игры
Наряд подари.
Еще тебя просим:
Скажи всем, что в гости
Зовем мы друзей,
Пусть едут скорей!

Да, скорее бы сообщить, какие гости прибудут в лес. Танки, артиллерия, бронемашины, тысячи две солдат. Туго придется партизанам, очень туго! Как выехали из Колодищ, по дороге пропустили еще два бронепоезда. И эти тоже спешат, видать, в гости к Минаю и Заслонову.

А божья коровка все не улетает. Связного нет и нет.

День выдался жаркий. Нагретая солнцем земля парила, напоминая натопленную печь. Он вспомнил Казань. Занимавшую половину дома печь на улице Карла Маркса. Дрова, потрескивая, горят жарко. Сегодня в доме пекут хлеб. Тесто в дубовой деревянной деже ждет своего часа — доходит. Дорогое лицо матери, ее мягкий, расположительный голос. Как только прогорят дрова в печи, под тихий напев: «Чтобы каравай был ясен, а жених красен», — разгребала она душистым

сосновым веником агатовые угли и сажала в печь хлебы...

Словно желая потрясти весь мир, раздался гудок паровоза. С грохотом прошел на фронт еще один эшелон.

Связной Аркаша Козырев прибыл лишь к вечеру. Увидел ли юноша окурок обугленной сигары или нет, но почти сразу спросил:

— Вы, дяденька, вербуете девушек?

Жан, как и полагалось, на вопрос ответил вопросом:

— Здоровые? Красивые?

Кудрявый голубоглазый парень прищурился:

— Таких в другом месте не найдете. Только в нашем Темном Лесу имеются.

Они спустились в долину. Жану не терпелось как можно больше разузнать о командире отряда.

— Как звать его? — спросил он у Аркаши.

Тот понял о ком речь, ответил:

— Мы его называем дядей Сашей.

— Татарин он?

— Кажется, да.

— Роста среднего?

Аркаша пожал плечами, что-то прикинув в воображении, но в общем-то ответил четко:

— Да.

Любопытство все больше разбирало Кабушкина.

— Он не шофер?

— Все знает,— ответил неопределенно Аркаша.

— Чернявый?

— Да.

— Аркаша, ты меня, браток, не корми лишь словами «да — нет». Расскажи поподробнее.

Козырев улыбнулся.

— А как же партизанский завет: «Знай много, а говори мало!»

— Все равно говори! — упрямствовал Жан.

— Слово — серебро, а молчание — золото. Не то получится: «Язык мой — враг мой!»

— Хватит, Аркаша!..— не выдержал Кабушкин.— Парня, который так много мелет впустую, порядочная девушка любить не будет!

— Уже любит,— обмолвился Аркаша и, словно почувствовав, что этого говорить не следовало бы, на ходу начал рвать цветы. Жан ему помогал. Протяги-

вая ромашку, по-свойски, как человек, умеющий хранить тайну, спросил:

— Красавица, Василиса-прекрасная?

Аркаша кивнул.

— Черноглазая?

— Да. И невеста командира тоже такая.

— Какая? — Жану точно нравилось выпытывать парня, который по-прежнему отвечал скупо. Должен же он в конце концов разговориться.

— Красавица.

— И давно они знакомы?

— Давно. Тогда отряда еще не было. Нас всего семь человек, по тылам слонялись. Теперь сила!.. Уже девятнадцать эшелонов под откос пустили. Тысяч десять фрицев, не меньше. А танки? Их больше ста. Честное партизанское!..

Жан улыбнулся:

— Верю, Аркаша, верю. Только хотел бы знать: где ваш командир встретил эту девушку?

— В селе Болтутино. Отсюда недалеко. Сначала Монастырщино, потом Краснинский район. И в двух шагах — Болтутино. А было вот как, точно помню. Усталые, раненые, добрались мы семеро: подполковник Пасюков, политрук Циргунов, земляк командира, теперь наш начальник штаба Хазат Мифтахович Садров, я и еще два красноармейца — Заводский с Цыганковым — до их села. Что ни говори — в окружении, кругом немцы. Сколько суток маковой росинки во рту не было... Нам отдохнуть бы, сил набраться. А как? Надо знать, что делается вокруг, не то фашист похватает, как слепых котят. И — известное дело — петля. Бикбаев уговорил дочь хозяина дома Тамару Шантылеву пойти в разведку. Меня не пустил. Сказал: издаля видно, ты с чужого села. Тамара вернулась лишь на следующий день. Выслушав ее, приняли решение: уходить немедленно. Подполковник, политрук послушались Бикбаева, не перечили. Потом уж он стал нашим законным командиром. А Тамара — разведчицей. И партизанский отряд назвали его именем — «Саша». Я по-прежнему при нем адъютантом. Командир мне поручает лишь самые опасные дела...

— Это задание тоже такое?

— Сегодняшнее не входит,— сказал Аркаша.— Тут чего, два раза плюнул — и конец.— Он посмотрел на

Жана, приложил палец к губам: мол, молчок! — и начал свистеть соловьем.

Впереди, во всем величии, словно богатырь-исполин, стоял притихший лес.

«Соловей» пропел свои рулады и замер в ожидании. Не прошло и минуты, как из-за деревьев, окутанных сизой дымкой, вывели трех тонконогих рысаков буланой масти. Два из них, хотя и были оседланы, оказались свободными.

Вдали от станции Темный Лес загрохотали сильные взрывы: в небо один за другим взметнулись языки пламени. Горизонт окутало сплошное зарево.

— Наши! — сказал Аркаша.— Двадцатый полетел под откос.— Эх!..— Пришпоренный им конь, встав на дыбы, резко повернулся и стрелой помчался вперед. В словах парня Жан почувствовал и гордость, и горечь. Гордость за совершенный товарищами подвиг, а горечь — что в данный момент он не мог быть с ними вместе.

«Сколько ему лет? Наверное, самое большее — семнадцать!» — заключил Жан. Война заставляет быстро мужать. Сам он чего только не вытворял, когда был в возрасте Аркаши?! Попал даже в шайку бродяг. Хорошо, что выручили дядя Сафиулла с Харисом. В трампарке чуть пожара не наделал. Зато они на братской могиле Арского кладбища дали слово: стать красными командирами... Харис остался верным клятве. Теперь он — командир партизанского отряда. Вспомни Жан лишь пару слов, сказанных на братской могиле, и Бикбаев тут же признает друга детства. Постой, признать-то признает... Пароль... Совсем упустил из виду... Бикбаеву разве не известно: тому, кто неправильно назовет пароль, нельзя верить, кто бы он ни был. Просто нет права! Кто он сегодня, твой бывший знакомый, друг, родственник? Может быть, агент врага? Время военное...

Кажется, приехали.

Аркаша по-молодецки соскочил с коня и, нахлестывая кнутом по голенищу, направился к землянке, откуда послышался его голос:

— Товарищ командир! Ваше приказание выполнено: вербовщика с сигарой привезли. В пути никакой задержки не было...

— Молодец, Аркаша!

Жан насторожился: голос был не Хариса Бикбаева.

Расспрашивали его по-всякому и, не получив должного ответа, заперли в землянку. Мол, завтра объяснимся. К дверям поставили часового.

Жан провел ночь без сна. Что ему не поверили, он ничуть не обиделся на партизан. Ругал только себя. Конечно же, отряд с отрядом установят связь и все выяснится. Однако сколько пропадет напрасно времени. Нет, этого допускать нельзя. Надо заставить Бикбаева поверить. Иначе как сообщить Минаю и Заслонову? Погибнут сотни партизан! Но как убедить его, чем доказать? Сказать, что думал: ты мой друг детства Харис Бикбаев, потому не запомнил как следует пароль. А ведь верно: Николая внимательно не слушал. Теперь мучайся. Хорошо, если завтра уладится. Сколько раз он проклинал себя за излишнюю самоуверенность. Будто знал, выйдет однобоко! И опять... До этого еще не был в таком дурацком положении. Ищи выход из тупика. Однако надо размотать этот клубок, все провести через память. Такое возможно. Немец Отто... Выписал пропуск... В сарае перечертили план (его он сам отдал Бикбаеву)... Напутствие на дорогу... Увлекся прошлым!.. Оно на виду. Теперь Бикбаев... Он точно глазами-буравчиками так и сверлит его, пытаясь заглянуть в душу. Пусть глядит, сколько влезет. Стоп! Почему он два раза спросил: «Не устали? От Орши до нас расстояние более ста пятидесяти километров!» Почему? Разве любой на месте Жана не уточнил бы расстояние по старой схеме? До Кричева так. А после Кричева сколько? Число!!! Да, ведь Николай сказал: для пароля выбрано число. Все ясно: Бикбаев именно это хочет вытянуть от тебя, балды, с дырявой памятью! Точно! Еще Николай сказал: «Какое бы число ни назвал при разговоре командир отряда, ты должен прибавить...» Сумма! Какая же! Сколько? Триста?.. Точно! Бикбаев, желая прочистить твои мозги, повторял два раза сто пятьдесят километров. Точно. Сомнений никаких. Вот так дела! Все-таки решил головоломку!

Где-то поблизости прокукарекал петух — неугомонный сторож наступающего утра. Если три раза прокричит, ответ загадки правильный.. Два, три! Живи тысячу лет, душенька петух! Значит, все правильно!

Жан постучал в дверь и попросил стражника доставить его к командиру.

Когда вышли на волю, темнота ночи уже редела и в лесу. Точно опаляя деревья, вдали заалела заря. Лагерь начал пробуждаться.

Как только Жан назвал командиру отряда пароль, они быстро поняли друг друга. Бикбаев среднего роста, смуглый, с густыми черными волосами, прямым носом и резко очерченными тонкими губами. Карие глаза глядят решительно и смело. Сразу видно: человек не из робких. На вид ему лет двадцать пять. Такие не только требуют четкого выполнения приказа, но и сами, если нужно, не задумываясь, бросятся в огонь.

Оглядев друг друга при дневном свете, падавшем в открытую настеж дверь, командир сказал:

— Извините, неловко получилось.

Жан сел на лавку у стола, куда ему показали.

— Я сам виноват,— махнул он рукой.— Увлекся воспоминаниями о детстве. Был у меня друг по имени Харис Бикбаев. Думал, что вы — это он...—Жан замолчал.

Бикбаев широко улыбнулся.

— Все равно и ему нужен был бы пароль,— сказал как само собой разумеющееся.— Время такое. На войне мелочей не бывает.

— Конечно, вы правы.

— Ну, товарищ Назаров, давайте ближе к делу.— Бикбаев развернул на столе карту.— На ваш выбор предлагается два варианта перехода.

Жан привстал.

— Извините, товарищ командир, прежде чем перейти к маршрутам, надо решить один вопрос.

— Какой вопрос?

— Против дяди Кости и отца Миная немцы сколотили сильные карательные отряды.

— Это очень важно. Где наш начальник штаба? — Бикбаев, протянув руку, дернул за веревку в углу землянки: зазвенели железяки. «Как трамвайный звонок»,— подумал Жан.

Вошел стройный, опрятно одетый, как сам командир, но несколько старше Бикбаева, хотя и очень подвижный, человек. Отдав честь, доложил:

— Начальник штаба младший лейтенант Садров!

Поздоровались. Бикбаев сам закрыл дверь землянки и, вернувшись к столу, подал знак Жану: продолжай.

Тот рассказал все, что довелось увидеть в Колодище и в пути.

Было приказано сейчас же послать связных в соседние отряды. Наконец склонились над картой. Бикбаев приступил к пояснению.

— Первый маршрут,— сказал он,— по рекам Вихра и Каспия, минуя населенные пункты; железную дорогу пересечь возле станции Архиповка, затем, переправившись через Днепр, двигаться в направлении Замошье — Живчицы — «Ворота Сураж». Всего пути — километров триста. Может, побольше. На лошадях пять-шесть дней. Путь немалый, но сравнительно безопасный.

Жан, показав на железную дорогу, спросил:

— Второй вариант через Оршу — Витебск — Осинторф?

— Нет.

— Почему «нет»? Если бы меня встретили в Орше и оттуда направились прямиком, думаю, что теперь мы уже сидели бы в штабе своих войск.

— Возможно,— Бикбаев закурил.— Вполне возможно. Но могли бы сидеть и в немецкой комендатуре!..

— Волков бояться, в лес не ходить!

— Есть и другая пословица: «Чтобы и волки были сыты, и овцы целы!» К сожалению, пока приходится держаться этого направления.

Жан не заметил сам, как вскочил с места:

— Вы... вы меня приравниваете к овце? Извините! Верните мою финку! Туда, где вы говорите опасно, я отправлюсь один! У меня рука не дрогнет, если придется встретиться с проклятыми!

— Не горячитесь, Назаров! Сначала обговорим дело. Потом уж обиды друг на друга. Возьмите вашу финку. Слов нет, вещица хорошая...

— Меня интересует маршрут Орша — Витебск — Осинторф,— стоял на своем Жан.

— Тут нельзя...

— Почему?

— Зона чрезвычайно опасна: в Осинторфе сколачивается РНА!

— Что это такое?

— Так называемая русская народная армия. Эмигрантское отребье: белые офицеры, графы, которым ЧК не успело свернуть шею, охвостье СС и СД...

Жан этого не ожидал. В Сувалках национальные

полки, в Слониме национальный центр, бригады, здесь — армия...

— Ну, скажите же, товарищи,— пожал он плечами,— можно ли создать армию из этих офицеров, баронов, графов, кого вы там еще назвали?! Это же курам на смех, раз-два и обчелся!

Начальник штаба открыл планшет и достал лист бумаги:

— По нашим данным, там сейчас более трех тысяч человек. Точнее — вчерашние военнопленные. Мобилизация продолжается. Граф Санин, эмигранты Иванов, Сахаров, крупный помещик Соболевский и другие «титулованные господа» — командный состав, привезенный из Берлина. Что касается войск СС и СД, то они — блюстители порядка.

«Главный руководитель» этой братии Иванов заявил так: «Москву не немцы, не японцы, а мы, русские, возьмем. Мы и наведем там порядок. Поэтому, как только завершится организация нашей армии, мы должны встать против советских войск на одном из участков фронта».

Начальник штаба кашлянул и, словно желая подчеркнуть, мол, есть еще более любопытные высказывания, улыбаясь, продолжил:

— Граф Санин на одном из сборищ, где собрались только одни русские офицеры, пошел еще дальше: «Нам нужно сколотить двухмиллионную армию и хорошо вооружить ее,— сказал он.— В войне немцы ослабнут, вот тогда нужно нанести им удар. Возьмем власть в свои руки, возродим в России монархию!»

Начальник штаба спрятал бумагу в планшет и как бы в заключение проговорил:

— Сейчас в районе вашего маршрута проводятся учения, все вокруг разделено на зоны, круглосуточно курсируют конные и пешие патрули. Так что пройти незамеченным просто невозможно.

— Понятно,— отступил Жан.— Спасибо за информацию. Дослушаем второй вариант. Перейти фронт всегда нелегко, хоть и заманчиво.

Командир отряда встал. Ни слова не промолвил лишнего. Однако сказал:

— Маршрут можно несколько упростить. Отсюда — в 1-ю Смоленскую партизанскую дивизию, а оттуда на самолете — в «Суражские Ворота». Три дня пути, но довольно рискованного и опасного.

— Это по мне! — сразу принял Жан.— Сию минуту я готов в путь-дорогу.

— Позавтракаем и двинемся,— заключил командир.

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Всадники ехали по густому лесу, разделившись на три группы: впереди — дозор, сзади — замыкающие, посередке — Бикбаев с Жаном.

Чтобы лошади малость отдохнули, нет-нет да и переходили с рыси на шаг. Язык у Бикбаева развязался. Причиной было то, что Жан еще не совсем забыл понимать татарский.

— В наших краях,— сказал командир,— бытует слово «яуырны». Оно, должно, от слов «яу урыны» — «место битвы». И природа у него занятная. Выходившие на битву «к лобному месту» предки должны были быть во всеоружии: грудь прикрывать щитом, плечи — наплечниками. Стрелы, пики, мечи, сабли — от чего только не защищались. Ну а мы? Разве нам легче? И оружие теперь другое — пострашнее, а место битвы — кругом. Так что будем глядеть в оба.

Как оказалось, настоящее имя командира — Ахнаф. До войны он работал киномехаником. В армии быстро освоил пулемет. Может, потому, что его старшие братья Исхак и Якуб воевали еще в армии легендарного Чапаева. Как и Кабушкин, Бикбаев служил в казанской дивизии. С первых часов войны — в огне. Когда выйти из окружения не удалось, организовал небольшую группу из одиночек. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы продолжали путь на восток. К счастью, в лесной чаще нашли листовку. Ее Бикбаев помнит до сих пор, как помнят родник с целебной водой.

«Товарищи! Враг силен...— говорилось в листовке.— В этот грозный час жизнь каждого воина должна быть посвящена Родине. Вы — сыны великого советского народа, в ходе военных действий оставшиеся в тылу врага. И здесь вы должны считать себя солдатами, выполняющими боевое задание. Переходите к партизанам, всеми возможными мерами уничтожайте врага!»

В свою группу Бикбаев принял и пятнадцатилетнего Аркашу Козырева, родителей которого казнили фашисты, и считал его родным братом. Назвав Аркашу адъютантом, давал ему небольшие поручения, посылал в разведку. Хотя в группе были люди постарше и возрастом,

и званием, командиром отряда единогласно избрали Бикбаева, энергичного и решительного.

Из разговоров между Жаном и Бикбаевым выяснилось, оба близко знают майора Кадерметова. С болью и гордостью вспоминали бесстрашного командира, решившего отдать себя в руки фашистам ради спасения от смерти населения Крестовки.

— Тогда еще не было взаимной связи,— с сожалением сказал Бикбаев.— Особенно с «Большой землей». Теперь все по-другому. Партизаны воюют вместе с регулярными частями Красной Армии. Вот уже пять месяцев 1-й кавалерийский корпус и 4-й воздушно-десантный корпус под командованием генерала Белова держат оборону в тылу врага. Пять месяцев в тылу фашистских армий, успевших разграбить половину мира! А сколько диверсий совершено ими! Не перечислишь. Сами прикиньте: территория, занятая нашими войсками и партизанами в районе Дрогобужа, Вязьмы и Ельны, свыше десяти тысяч квадратных километров! Это же почти половина таких стран, как Албания, Бельгия!

Там, конечно, Советская власть, свои колхозы. Впрочем, не только там, но и у нас, в партизанских владениях батьки Миная, тоже так. Вот увидите...

Боевая слава батьки Миная успела распространиться на всю Белоруссию. Жан спросил:

— Ахнаф, расскажите, пожалуйста, все, что знаете, об этом человеке. Слава, говорят, не раздается, а завоевывается. О нем ходят целые легенды.

Бикбаев охотно согласился.

— Начнем по порядку.— Он на минуту замолчал, чтобы собраться с мыслями. В наступившей тишине сразу стало слышно и фырканье лошадей, и треск сухого валежника.

— Итак — Минай Филиппович Шмырев. Октябрьскую революцию встречает рядовым солдатом. С первых дней в Красной Армии. Воюет против банд Корнилова, Юденича, Краснова. И заметьте: ни много ни мало — командир бронепоезда. За мужество награждается орденом Красного Знамени. Тогда удостоенных такого ордена было раз-два — и обчелся!.. Ну-ну, Гнедой!.. С тропы не сворачивать, скоро устроим для тебя привал...

Бикбаев слегка пришпорил Гнедого и, не выпуская из рук повод, повернул коня. Тот сразу перешел на рысь, но, пробежав небольшое расстояние, снова пошел

шагом. Сопровождающие подлаживались под командира.

— Дядя Минай,— продолжал Бикбаев,— до Отечественной войны был директором картонажной фабрики в Подутье, в своем родном селе. Райком предложил ему остаться в оккупации. Минай остался. Из крепких, как сам, ребят сколотил небольшой отряд. По натуре — человек уравновешенный, средних лет. Рыжеусый, лысоватый. Хоть и говорит тихо, но не робкого десятка. Тем более за плечами и революция, и гражданская. Так вот, за шесть дней собрал он на свою базу в лесу девяносто красноармейцев, не знавших, куда деваться. На седьмой день уже вышли на охоту. Близ хутора Самохвалихи купались в речке немцы. На берегу паслись их кони. Конь для партизан — не забава, а необходимость. Пожитки привезти, пропитание, оружие. Да мало ли чего. Одним словом, дядя Минай за несколько минут обзавелся и пулеметом, и лошадьми... Потом на большаке он сотворил настоящее чудо: подпалил тридцать два бензовоза. За два месяца устроил двадцать семь таких фейерверков, отправив на тот свет более двухсот фашистов. А в районном центре Сураж — новая операция. Его разведка донесла: тут расположились остатки 137-й дивизии врага. Каждый день в Доме культуры они устраивали вечеринки. Ребята Миная все вызнали, расспросили. После, вечером, сняли охрану, очистили караульное помещение. Фрицев, что посещали игорные дома, уложили на вечный отдых и — айда в Дом культуры! Оркестр, рассказывают, гремел как гром. Даже взрывов гранат не было слышно. Результат: фрицев, человек двести, как не бывало! Сами, нагрузив десять машин боеприпасами, скрылись в лесу. Об этой операции передавало наше Совинформбюро. Вот так действует Минай. Чего только не предпринимали фашисты, чтобы загнать партизан в западню. Не тут-то было. Отряд неуловим! Портрет Миная расклеивали на стенах, обещали не одну тысячу марок тому, кто живым или мертвым доставит его. Бесполезно! Наконец фрицы разнюхали, где живет семья, и арестовали четверых его детей, мать-старушку, младшую сестру, тещу. Мол, сдашься, отречешься от партизанства, простим. Мог ли Минай изменить своей совести, своей вере?! Выждав четыре месяца, всех расстреляли... Минай остался одиноким. Впрочем, нет: у него отряд, тысячи

людей. Конечно, ему тяжело. Но он не сдается. Словно вот тот тысячелетний дуб... Тут немного и отдохнем...

При въезде в деревню Жан заметил, как здоровые парни маршировали тройными шеренгами. Спросил Бикбаева:

— Для чего мучают этих партизан?

— Они не партизаны, а призывники,— ответил тот.— Готовятся вступить в ряды Красной Армии. Военком обучает.

В другой деревне Жана удивило веселье: пели коллективно под гармонику, переходя от одной частушки к другой.

— Что за событие?

Тем временем из переулка, смеясь и приплясывая, показалась толпа молодежи. Среди нее — жених в черном костюме и невеста в белом платье. Оказывается, возвращаются после регистрации брака. А ходили не куда-нибудь, а в сельский Совет. Стали упрашивать по всем правилам и обычаям зайти в дом. Как тут не согласиться? Да и лошадям нужен отдых, притомились...

Дочь колхозника Петра Халамы вышла замуж за партизана Никифора Павловича Капустина. Отряд, в котором он числился, еще с начала 1942 года действовал в этих краях. Познакомившись, молодые дали слово друг другу быть всегда вместе. Завтра уходят в партизанский отряд. Сегодня — свадьба, сегодня веселая музыка, песни, пляски.

Бикбаев поднял тост, пожелав молодым счастья и долгой жизни под мирным небом. Раздались крики: «Горь-ко! Горько!»

Хоть в стопках был мутный самогон и угощенья, само собой, скромные, настроение у всех приподнятое. По свадебному обряду пели разные песни, потом рассказывали были из партизанской жизни, слушали речи. Нет, поработить такой гордый, жизнелюбивый народ невозможно! Летнее временное затишье на фронтах — это короткая передышка, концентрация сил для нового наступления. Если бы сидевшая за столом со счастливой улыбкой невеста не была убеждена в этом, разве завтра она ушла бы с женихом в лес к партизанам?! Глядя на нее, Жан вспомнил Тамару. Вновь ожили в памяти слова, сказанные матерью о свадьбе. Если бы не война, разве бы так проходили свадьбы?! Хорошо, что все-таки исполняются обряды. Тот, кто уважает народные обычаи, не потеряет бодрости духа. Это точно!

Мать его — простая женщина, сказала тогда, что именно такие побеждают смерть...

Вторую половину дня и ночь провели в дороге. Перед тем как остановиться в третьей деревне, Бикбаев прикрепил на рукав повязку с фашистской свастикой.

Жан удивился:

— Зачем?

— Так спокойнее,— сказал Бикбаев.— К старосте села иногда приходят полицаи. Встреча, а тем более стычка с ними нежелательны. Да и не предусмотрено в маршруте.

— А если случится?

— Нет, не должно.

— Почему?

— Есть надежная бумага, которую можно сунуть прямо в нос. Вот она.

Жан взял в руки продолговатую белую бумажку. В левом ее углу типографскими буквами напечатано: *«Смоленское городское и районное управление».* На правой стороне на машинке жирно отпечатано:

> *«Начальникам и инспекторам волостной охраны безопасности.*
> Копия: *Смоленскому районному начальнику».*

Далее внизу слова:

«Предлагаю, кроме взятия на учет евреев, провести регистрацию цыган, проживающих в вверенных вам волостях и районах, указав при этом их количество, а также, в каких деревнях они остановились.

При составлении списка цыган указывать их адрес, фамилию, имя и отчество обязательно.

Начальник управления охраны безопасности

Сверчков».

Жан рассмеялся:

— Мы теперь агенты по учету цыган?

— Да. Таков «новый порядок». Необходимо, чтобы и цыгане служили великой Германии!

— А поверят в такое чудачество?

Бикбаев, поглаживая шею вспотевшей лошади и смеясь, сказал:

— Раз приехали всадники из самого Смоленска, это уже не чудачество, а важное государственное задание!

Действительно, их встретили в деревне как лиц официальных. Крестьяне попросили размножить и прислать побольше экземпляров «Пояснения к новым порядкам землепользования» гаулейтера господина Кубе. Один дядька, хитровато улыбаясь, сказал:

— Одним заходом и не охватишь, что тут к чему. Надо почитать, чтобы никто не мешал. Кажется, нам не все тут подходит. К примеру натуральное хозяйство, бытовавшее до царя-гороха. Может, еще разок почитаем, уясним по-другому. И ваше усердие перед властями будет на виду, и нам побольше бумаги пришлют.

Вот ведь как мягко стелет наш крестьянин. Надо бы похлопать его по спине, что, мол, вы правильно поняли «пояснения», да нельзя. Ведь мы же «господа, приехавшие из самого Смоленска!»

Нет, чует народ, что сфабрикованный в Берлине «новый порядок землепользования» шит белыми нитками. Если один член артельного хозяйства не выполнит свое обязательство — отвечать придется всем, за всю артель. Яснее, как ни кинь, немецкие власти всегда в выигрыше.

«Нет уж, подождите выигрывать!» — говорят прищуренные глаза хитрого дядьки.

Приглядевшись, Жан обратил внимание, что у большинства домов окна на уличной стороне замурованы кирпичом, либо закрыты ставнями и заколочены поперек досками. И не только с краю деревни, но и в середине.

Он спросил у старосты:

— Отчего так? Есть какая причина?

Тот насупил густые брови:

— Деньги зря не хотят тратить.

Ответ ничего не прояснил.

К притихшим крестьянам прибежал светловолосый мальчишка лет семи-восьми. Сам возбужденный, а в глазах радость.

— Папа! Папа! — кричал он, дергая за рукав уже знакомого крестьянина, который просил размножить пояснения Кубе.— Наш потерянный Тарзан вернулся. Снова запрем его в баню или пусть в хлеве сидит?

На широком скуластом лице отца промелькнул страх:

— Нет у нас Тарзана! Сдох он!..

— Не сдох! Нет! — тараторил мальчуган.— Вот он! Вот!

Мальчишка обнял за шею четвероногого друга, который прибежал за ним следом. Облизывая щеки юного хозяина, собака заскулила от радости, виляла хвостом, бегала по кругу, словно клялась в своей собачьей верности: сколько довелось странствовать на чужбине, но вот вернулась домой.

— Не наша собака,— повторил дядька.— Господин староста, мальчишка путает. У него был солнечный удар. Малютка еще... Собака не наша.

— Наша! Наша! — кричал мальчуган, чуть не плача.

Староста выпрямил грудь:

— Раз не ваша, уничтожьте!

— Будет сделано.— Крестьянин потянул собаку к себе. Та жалобно завизжала, сопротивляясь, уперлась ногами, а в глазах тоска.

Мальчишка, одной рукой поддергивая спадающие заплатанные шаровары, другой — вытирая слезы, побежал домой.

Бикбаев подал знак ехать. Когда лошадей повели под уздцы на водопой, он стал объяснять только что виденную картину. Жан слушал с поникшей головой.

Оказывается, немецкие власти выдумали для сельского населения еще не слыханные до сих пор обложения: идет дым из трубы — плати пять рублей; содержишь корову — выкладывай сто рублей (сюда не входит обязательство сдать триста литров молока); за овцу или свинью — пятьдесят рублей; держишь на привязи собаку — сто рублей; если собака бродячая — шестьсот рублей! Хочешь держать дома кошку, плати тридцать рублей! За каждое окно, выходившее на улицу,— сбор двадцать рублей; разрешение на поездку в другую деревню стоит пятьдесят рублей. Выйдешь из своего дома преждевременно и без разрешения — двадцать пять ударов палкой по спине; покинешь деревню без разрешения — расстрел...*

Если не уплатишь по обложению — будешь иметь дело с карателями. Только в мае гитлеровцы расстреляли на берегу реки жителей хутора Титова. Дома сожгли, над девушками и молодыми женщинами надругались.

В деревне Угреевщина гитлеровские вояки сожгли

---

* Партийный архив Смоленской области, фонд 6, 5-я запись, дело 339, с. 31.

триста домов. Живьем бросили в огонь Данилу Степченкова, пятерых детей Акулины Князиной тоже заперли в горящем доме. За какой-то час здесь уничтожили более ста жителей...

А в домах не осталось денег и на покупку соли. Ее можно лишь выменять в пристанционных ларьках на свиное сало или на мед: один килограмм меда или сала на два килограмма соли...

В доме старосты, куда зашли на стакан чаю, Жан и Бикбаев узнали неприятную весть: карательные отряды, не сворачивая ни к Заслонову, ни к Минаю, прошли прямо в сторону Вязьмы. Стало ясно как день: положение войск Белова и тамошних партизан незавидное.

Рассиживаться не приходилось. Спешно распрощались и тронулись в дорогу. Неожиданное известие спутало все расчеты. Что оставалось делать? Продолжать путь по намеченному маршруту или повернуть в сторону Смоленска? А если и тут, в зоне партизан, усилятся военные действия, тогда с «Большой земли» самолет уже не вызовешь.

Бикбаев оставался хладнокровным.

— Ничего,— сказал в раздумье,— на десяти километрах подходящее место для посадки одного самолета, пожалуй, найдется. Должно найтись!

Действительно, место нашлось, и самолет прибыл вовремя. Жан даже не предполагал, что все получится так оперативно.

Уже перед самым отлетом Бикбаев назвал фамилию и звание человека, с ним Жану предстояло встретиться.

— Не осуждай,— сказал он,— что нам не пришлось выйти из «ворот» вместе. В сложившихся условиях мне далеко уходить от отряда нельзя. Возвратишься — добро пожаловать. Где тебя встречать? Когда?

— По радио сговоримся, Ахнаф.

— Хорошо, Жан. Успехов тебе!

— Спасибо! Тебе тоже... Не стесняйся, что фашистов много.

— Ничего! — улыбнулся Бикбаев и помахал рукой улетающему самолету*.

---

* О А. Ш. Бикбаеве, награжденном различными орденами и медалями за проявленное мужество при защите Смоленщины, и его бесстрашных товарищах в музее боевой славы поселка Красный собраны ценные сведения. Бикбаев в настоящее время живет в Смоленской области.

Через несколько часов самолет уже коснулся колесами бетонки. Несмотря на позднее ночное время, Кабушкина встретил представитель Генерального штаба подполковник Христофоров.

В спокойной обстановке, не спеша, они обговорили многое. Большинство из доставленных Жаном сведений оказались весьма важными и требовали не только глубокого изучения, но и принятия срочных мер.

Первый вопрос по операции «Х-41» был решен тут же. Комиссия под руководством главного хирурга Красной Армии Н. Н. Бурденко действительно уже получила указание: для изучения эффективности нового антибиотика выехать в другие местности. Но теперь, с учетом происков разведслужб врага, были усилены меры предосторожности — в том числе заинтересовались причинами просачивания информации. Жан узнал, что «Х-41», как и предполагал Клумов, служит нескольким хозяевам.

Поинтересовался Кабушкин и братьями Вильке. Убитый братом Рудольф Вильке был антифашистом. Как и многие немцы,— обычный честный человек. А вот оставшийся в живых старший брат, гестаповец Артур Вильке, награжденный Гитлером именным пистолетом, тот, оказывается, птица другого полета: хитрый и коварный.

Жан и сейчас каялся, что не застрелил его тогда.

Когда Жан странствовал по лесу, на «Большую землю» проникли вести: под видом предполагаемой награды минских и барановичских подпольщиков кто-то пытается собрать о них сведения. Это — западня, придуманная, возможно, тем же Вильке. Из Москвы такого списка не запрашивали. Не дай бог, если кто из тамошних подпольщиков совершит непоправимую ошибку.

О «национальном полку» СС в Сувалке и РНА в Осинторфе в Центре сведения имелись. Уже были назначены лица, которые специально занимались этими объектами*.

---

* «Национальный полк» в дальнейшем преобразуется в бригаду «дружинников». В результате переговоров командир бригады Гиль-Родионов принимает ультиматум партизан. Бригада «дружинников» по приказу Центрального штаба белорусских партизан преобразуется в 1-ю антифашистскую бригаду. Командиром ее остается

Затянулся разговор о минах — мощных, но малообъемных, которые просили Султанов и Царюк. Вопрос был сложным. Пригласили специалистов. Жан снова повторил просьбу барановичских партизан:

— Немцы построили механизированный центр, обслуживающий железную дорогу Брест — Смоленск — Москва. Работает такой же центр сигнализации. Вот и подложить бы пару «лимончиков»*. Но к зданиям не подступиться: обыски. А сколько подобных помещений — закрытых цехов, мастерских. Есть еще разные клубы, казино. Словом, руки так и чешутся... Но не зайдешь туда с узелком: вот он я, гостинец вам принес. Другое дело, если бы мина была в коробке папирос! Кто чего заподозрит? Может, сделать для железнодорожников мину, похожую на осколок каменного угля? Само собой, лучше прилипчивую, магнитную. Прилепил под брюхо цистерны с бензином — и делу конец!..

Конечно, Жан тогда не знал, что его собеседник инженер-изобретатель Николай Сергеевич Носков совместно со своим напарником Борисом Михайловичем Ульяновым сделали «гостинец», который уже испытали на Северо-Западном фронте, и получили высокую оценку.

Инженер уехал. А две недели спустя срочные заказы начали выполняться. О первых результатах руководитель технического отдела штаба белорусского партизанского движения инженер-майор А. Иволгин донес Центру: «Сообщаю об испытаниях противопоездных мин М2П. Всего подложено девятнадцать, семнадцать из них взорвались в пути следования поездов, две — при попытке обезвредить. Кроме того, при помощи М2П взорвано пятнадцать паровозов, 130 вагонов с разными

В. В. Гиль-Родионов. В боях против фашистов он показывает себя смелым и решительным командиром, и Советское правительство награждает его орденом Красной Звезды. В одной из ожесточенных схваток, защищая Родину от фашистских захватчиков, В. В. Гиль-Родионов погиб.

* Эти сооружения взорваны группой барановичских подпольщиков под руководстеом А. И. Криштофика. Группа состояла из сорока человек, девять патриотов были повешены фашистами. Для увековечения памяти патриотов в доме № 10 по улице М. Горького в Барановичах открыта мемориальная доска.

Партизанами Барановичской области взорвано 1476 воинских эшелонов врага, уничтожено 75 тысяч солдат и офицеров, 22 тысячи взяты в плен.

А. И. Криштофик в настоящее время живет в г. Барановичи.

грузами, одна дрезина. Уничтожено при этом 503 солдата и офицера. Мина отлично выполнила тактико-технические требования...».

Через некоторое время партизаны также получили мощные маленькие мины, которые были вложены в папиросные коробки фабрики «Дукат».

Это все в будущем. А сейчас Жан деловито обсуждал назревшие вопросы.

— Воюя в тылу врага,— сказал он,— хочу обратить внимание на Барановичскую зону. Она в стороне. Партизанское движение там пока еще слабовато. Может, смогли бы помочь регулярной воздушной связью. Было бы хорошо, если среди прилетающих с «Большой земли» оказался знаток немецкого языка. Потому что есть немцы, которые против Гитлера.— И Жан рассказал о встретившемся ему в лесу Налибока немце.

Ему ответили: вопрос решим положительно*. Конечно, то, о чем он рассказывал, не всегда являлось для советского командования новостью. Однако во всех случаях важность и значительность сведений были несомненны. А отсюда и оперативность решения тех или других вопросов.

В конце встречи опять вернулись к вражескому агенту «Х-41». Указание последовало конкретное:

— Пока ни в коем случае трогать этого агента нельзя. Игра должна продолжаться. По-прежнему его нужно использовать при сборе сведений. Уж если станет чинить вред подполью...

— В таком случае рука у меня твердая...— заявил Жан.

— В общем действуйте по обстоятельствам.

— Хорошо,— ответил Жан.

Однако судьба решила все по-своему.

---

* Прошло немного времени, и 117-я особая группа прибыла в лес Налибока, который являлся главной базой барановичского партизанского соединения. Наряду с советскими разведчиками Иваном Колесом, Галиной Хормушиной в группу входили и немецкие патриоты Феликс Шлеффер, Гуго Барс, Георг Кроноэр и др. (см. П. Калинин. Партизанская республика, Минск, 1973, с. 174). Группа вела постоянную работу по оказанию помощи партизанам в освобождении области от немецко-фашистских захватчиков: организовывала диверсии, собирала сведения о враге и передавала по радио Барановичскому подпольному областному комитету, напечатала на немецком языке около 80 тысяч листовок и распространила их среди солдат немецких гарнизонов. Ф. Шлеффер сейчас живет в Берлине, вице-адмирал ВМФ ГДР.

Кабушкин покидал Минск в условиях строжайшей секретности. Поэтому тем, кто будет интересоваться, почему он долго отсутствует, велено было отвечать: лечится в деревне. Особенно ничего не должна знать о поездке доктор Ярошевич.

Но опасения оказались напрасными. По возвращении в город Жану сообщили, что доктора Ярошевич на днях похоронили. Сам гаулейтер Вильгельм фон Кубе недавно наградил ее бронзовой медалью. Ярошевич, конечно, зазнавалась. Свое торжество отмечала вместе с немецкими офицерами целую неделю. Даже на работу не выходила. Сотрудники больницы сделали вид, что ничего не замечают. И вдруг утром, как молния среди ясного неба, некролог в газете. Известно: немецкого холуя никто хоронить не пошел...

Жан рассердился на Викторию:

— Вот уж зря!

— Как это зря? — недовольно сказала девушка.

— Надо было пойти, посмотреть.

— Еще не поздно. Сказали, что могила на той аллее, где захоронены немцы.

Жан пошел на кладбище. Найти могилу оказалось нетрудно. На роскошном мраморном памятнике надпись: «Надежда Абрамова-Ярошевич». В рамке облокотившееся на руку миловидное, улыбающееся лицо. «Точно живая...» — невольно подумал Кабушкин. И эта мысль, как осенняя муха, начала беспокоить. «Точно живая...»

У ворот кладбища ему встретилась опершаяся на палку старуха. Глаза без ресниц, голова и лицо обвязаны от солнца платком, выцветшим и грязным, округленные как воронка губы.

— Подайте на пропитание,— шепелявила она.

«Где я видел эту ведьму?» — подумал Жан и поспешил на улицу. Какое-то внутреннее чувство заставило обернуться: старуха шла за ним, постукивая палкой. «Стой! Кажется, Глафира Аполлоновна: палка ее — можжевеловая, узловатая. На храм уже не просит... Ну и старуха. Где только не промышляет». Открыто брезгуя, Жан плюнул в сторону и сел в фаэтон с резиновыми колесами, велев кучеру торопиться.

За одну ночь гитлеровцы арестовали двадцать одного подпольщика. Дошла очередь и до Виктории Ру-

бец. Ее уже, оказывается, вызывали к «представителям Москвы» — дескать, для составления списка представляемых к награждению. Но ее не оказалось дома.

Жан сразу понял: дело не чистое. Надо, во что бы то ни стало срочно предупредить об опасности и своих, и барановичских подпольщиков. Своих — не так трудно, но как быть с группой Криштофика? Ехать самому? Много срочных дел. Жан решил обратиться к Александре Янулис.

— Умница моя,— сказал он, войдя в казино и бросив взгляд на сидящих в зале немецких летчиков.— Не найдется ли среди твоих завсегдатаев того, кто довез бы до Барановичей?

— Кто летит?

— Ты, дорогая...

Александра побелела, растерялась.

— А тут кто меня заменит?

— Нюра. Поговоришь с хозяином, предупредишь его. А Нюра давно собирается в буфетчицы. Это будет началом практики.

Янулис не знала, что и сказать: задания подполья всегда неожиданны. Она уже к этому привыкла. Но тут еще... работа. Может, Жан шутит? Непохоже. В таких делах он чересчур серьезен. Хотя сегодня — щеголь. У него одно другому не мешает. Чтобы соответствовать «форме», выпил дорогого коньяку, повертел в руках хрустальную рюмку...

— Или они не летают? — кивнул он в сторону зала.

— Летают,— тускло произнесла Александра.— Вот только как их уговорить?

— Обещай бутылку французского коньяка. Мол, свадьба. Надо пригласить родственников. А с кем — догадываешься? — подмигнул игриво Жан.

Как мак, заалели щеки Александры. Какая девушка не мечтает выйти замуж или не думает о счастливой жизни? Но что бы так вот, для огласки? Причем уже второй раз. А вдруг и другие прознают? Тогда хоть с квартиры съезжай. Еще недавно только переехала. Неужто другого выхода не было?.. Значит, нет.

— Сейчас обговори, Шурочка. В данный момент ты — королева! Круглый идиот и тот, пожалуй, не откажет тебе сегодня. Правда.

— Жан...

— Тихо! Форвертс! * Я подожду тебя в другой комнате.

Вскоре Александра привела немецкого летчика.

— Все в порядке! — сказала она и на радостях поцеловала Жана в щеку.

— Фрау, гут, гут. Корошо,— скалился немец и бесцеремонно похлопал девушку.

Жан слышал эти слова, когда покидал лагерь военнопленных. Второй раз в жизни ему уже приходится играть роль жениха. Ничего не скажешь: веселая игра. По характеру. Только фальшивить нельзя. Сам погибнешь с «невестой» и дело загубишь. Пусть даже есть опыт, но все равно требуется осторожность. Тут все надо учесть.

— Коньяку! — показал Жан два пальца.

Александра, цокая каблуками туфель, мигом принесла на подносе две бутылки и высокие хрустальные рюмки.

Жан раскупорил одну бутылку, другую отдал немецкому летчику. В три рюмки налил коньяк.

— До вьерха, до вьерха,— улыбался немец, хвастаясь тем, что он знает русские обычаи.— Пусть будьет счастье!..

— Да, за наше счастье!

Немец выпил до дна и пустую рюмку швырнул в потолок.

Жану и Александре пришлось поцеловаться.

Немец, давая опять волю рукам, ржал, как конь. И все повторял: «Фрау, гут, гут!» Наконец он вспомнил про своих дружков и вернулся в зал.

Помолчали. Александра, будто чувствуя какую-то вину, опустила голову. Потом закрыла лицо руками и побежала к себе в буфет.

Вечером Жан еще раз зашел в казино. Днем он не успел сказать девушке, что ей предстоит делать в Барановичах. Сейчас заметил: Янулис как подменили — говорит холодно, серьезная, строгая. Хитро улыбаясь, он пожелал ей доброго вечера и, смакуя пиво, объяснил задание, сообщил адрес. Александра слушала внимательно, хотя все равно была рассеяна. Как поправить ей настроение перед дорогой? Позабавить шуткой — не к месту. Будешь серьезным — еще запла-

---

* Вперед! *(нем.)*.

чет. Кто разберется, чего нужно женщине в такую минуту. Одно ясно: не любят они серьезных разговоров! Возвращаться к причине спешки — тоже смысла нет, разводить говорильню — потеряется оперативность, время... А в женщинах он ценит красоту, хвалит не скупясь. Сперва они слушают с сомнением, потом постепенно оттаивают, начинают улыбаться. Недаром говорят, доброе слово лечит. Но Янулис никаким уговорам не поддавалась — оставалась сдержанной,— и Жан отступился.

К назначенному летчиком часу ему предстояло проводить Александру в аэропорт. Договорился заблаговременно с такси, дал задаток. Но такси запаздывало. Время военное, другую машину — хоть убей — не найдешь. Он и эту подцепил через Белорусское общество народной помощи. Думал: раз общество помощи — поможет. Но машины все не было. Так и самолет улетит. А ведь еще надо заехать домой за Янулис, потом в аэропорт. Хорошо, если девушка успеет собраться к отъезду, а если нет? Сегодня, как-никак, она — невеста! С лохматой головой и кислой миной на лице к родным нельзя. Хочешь не хочешь, надо соблюдать форму.

Почувствовав себя как на горячей сковородке, Жан подождал еще минут пятнадцать и только направился вверх по улице, как на перекрестке показалась машина. Корить шофера или напоминать о задатке смысла не имело: может совсем заупрямиться. Тогда — хана.

К счастью, Александра ожидала его уже одетая. Красивая укладка волос, брови чуть подведены, губы алые, зеленое пальто в талию светится дорогим мехом. Стройная. Невеста — на загляденье. Пройти с ней рядом — и то удовольствие.

Осторожно поддерживая за локоть, Жан помог девушке сесть в машину.

Шофер тут же включил скорость: тронулись.

Александра чуть приподняла голову и, глядя вперед, молчала. Она словно прислушивалась к шуршанию колес на дороге, которое вдруг показалось каким-то обворожительным и желанным. Скорее всего ей было приятно и радостно ехать рядом вдвоем. Бесконечно продолжалась бы эта дорога, эта стремительная скорость. Сердце пело, как жаворонок в чистом небе. Чарующая волшебная музыка все звучала, и хотелось Александре кружиться в танце... Видимо, сильные ду-

хом, сплоченные общей борьбой люди бывают счастливы даже от коротких мгновений своих встреч. Нарушить такую минуту — просто грешно. И они оба молчали...

Вдруг, проскрипев тормозами, машина остановилась.

Впереди, как бычий лоб, показалась тупая широкая каска патруля, и зеленого цвета шинель преградила путь.

— Аусвайс! — потребовал немец с нахальным лицом и автоматом на груди. По улице, не сбавляя скорости, одна за другой ехали крытые зеленым брезентом большегрузные автомобили.— Шнель!

Жан протянул патрулю бумаги и наклонился к Александре:

— Не беспокойся. Все будет в порядке,— прошептал он и слегка сжал ее дрожащую руку.

Девушка посмотрела благодарно, спросила:

— Не опаздываем?

— Нет, нет, умница моя. Успокойся. Успеем.

Александра улыбнулась. Внимание Жана ей очень нравилось. Впрочем, как и его спокойствие, уверенность. Она поняла: он все рассчитал правильно.

— Куда дорога? — остро взглянул немец.

— В аэропорт.

— Вег! — Бумаги перешли к Жану.

— Давно бы так... Военные машины уже проехали.

Жан велел шоферу притормозить у самого аэропорта.

Группа людей в сопровождении военного только что отошла от ворот и направилась к самолету, в который предстояло сесть и Александре.

Жан побежал к дежурному аэровокзала, а девушка — к окошку диспетчера. Хотя и неприятно было выслушивать выговор за опоздание, но когда стали проверять поклажу, на душе потеплело. Спустя минуту, Александра уже поцеловала «жениха» в щеку и, помахивая платочком, присоединилась к знакомым летчикам. Вот она у трапа. Еще раз помахала и скрылась в самолете.

Жан вдруг обратил внимание: в его руках кожаная перчатка Александры. Сердце сжалось: в мизинце перчатки адрес, без которого нечего делать в Барановичах... А пароль? Он снова поспешил к начальнику аэропорта.

— Жене... забыл отдать деньги! — сказал он торопясь.— Это вам... Трап еще не убран. Пожалуйста, разрешите передать...

Что есть мочи он бежал к самолету, там его и догнала охрана. Он объяснил: разрешил сам начальник и рванулся к трапу.

— Где, где моя невеста? — закричал, войдя в самолет и поднимая вверх перчатку и деньги.

Догадливая Александра сразу поднялась:

— Здесь я, дорогой! Что стряслось?

Удивленные пассажиры не успели еще толком опомниться, как Жан очутился возле Александры, обнял, расцеловал ее в щеки и шепнул пароль.

— Возвращайся скорей, умница моя! В другой раз ничего не забывай...

— Жди меня, дорогой!..

Александра успела предупредить об опасности барановичских подпольщиков.

Жан в свою очередь известил Викторию, но уйти в лес она не успела...

ВЗРЫВ БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ

После многочисленных арестов Минский подпольный центр перебрался в лес и руководил борьбой народных мстителей через многочисленных связных. Поэтому Жану теперь приходилось чаще бывать в городе. К тому времени мелкие партизанские отряды объединились в крупные соединения и наносили оккупантам более ощутимые удары. Генеральный комиссариат Белоруссии, во главе которого стоял наместник Гитлера гаулейтер Вильгельм фон Кубе, вынужден был для борьбы с партизанами просить из Берлина дополнительные воинские части. На прочесывание белорусских лесов бросили механизированные соединения, численность которых доходила до сорока тысяч человек. Но партизаны действовали умело: уклоняясь от главных сил, они неожиданно обрушивались на карателей там, где их совсем не ожидали.

Помогала партизанам «Большая земля». Самолеты почти каждую ночь доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты. Регулярные войска фюрера таяли — застигнутые врасплох, они уничтожались по частям. Борьба усилилась и в самом Минске. Жан и другие связные часто проникали в город такими лесными

тропами, по которым только продирались звери. Они доставляли друзьям-подпольщикам оружие и мины, специально изготовленные для диверсий. По ночам пылали казармы, взрывались военные склады, взлетали на воздух отправляемые на фронт железнодорожные составы.

За такие дерзкие операции оккупанты зверски мстили мирному населению, расстреливали заложников. Но это не запугало патриотов. Не давала желаемых результатов и геббельсовская пропаганда, распространяющая грубую клевету на Советскую власть. Тогда решили отравить сознание белорусского народа ядом национализма. Созданное в конце 1941 года из предателей общество так называемой «Белорусской народной помощи» по указке гитлеровцев призвало «сознательных белорусов» вступать в полицейский корпус обороны. Стало известно: оккупанты готовятся также основать «Союз белорусской молодежи», на который возлагалась задача «оторвать молодых белорусов от Востока и приобщить их к арийскому Западу».

Подпольный комитет решил усилить разъяснительную работу среди населения и убрать главного палача Белоруссии гаулейтера Вильгельма фон Кубе, областного комиссара Людвига Эренлейтера, начальника областной жандармерии Карла Калла, зондерфюрера Иоганса Эркаченко, главарей национал-фашистов Акинчица, Козловского и других предателей.

Получив задание покарать именем народа Вильгельма фон Кубе, Жан, как руководитель оперативной группы, стал искать подходящий случай, чтобы свести счеты с наместником Гитлера. Самый страшный палач Белоруссии оказался любителем литературы — одним и тем же пером он подписывал свои распоряжения о казни тысяч ни в чем не повинных советских людей и с умилением писал веселые комедии. Однажды Жан увидел его на главной улице Минска: тот шествовал в сопровождении многочисленной свиты и под усиленной охраной. Гаулейтер в белых перчатках кидал конфеты маленьким детям, которых по его же распоряжению гнали под конвоем в концлагерь вместе с родителями. И все-таки палач чувствовал гнев народа. Поэтому, видно, он то и дело переходил с одной квартиры на другую, а при поездках по городу пользовался несколькими одинаковыми машинами, меняя место в колонне. Попасть в его резиденцию было невозможно:

действовала сложная система пропусков, в окрестностях везде расставлены контрольные посты. Вдобавок у ворот круглые сутки маячили конные и пешие патрули.

После долгих усилий Жану удалось познакомиться с горничной Кубе. Девушка сказала: без проверки личным врачом того, что подается на стол, гаулейтер даже не прикасается ни к пище, ни к напиткам. От нее же узнал он: Кубе не сегодня — завтра собирается ехать в Смолевичи, где выступит с речью на каком-то митинге. По дороге его будут охранять наряд мотоциклистов и броневики. Дорога уже закрыта и вдоль нее выставлены часовые.

Жан решил во что бы то ни стало ехать в Смолевичи. Лучше всего, конечно, это сделать на редакционной машине. Тут же он уговорил фотокорреспондента одной гнусной газетенки, выпускаемой предателем Козловским, отведать в ресторане французского вина. Затем на машине они заглянули к Нюре. Мол, лучший отдых всегда там, где есть женщина. Ее улыбка что солнце, которого всегда не хватает. После бегства Сайчика из больницы Жан нашел для девушки квартиру в центре города, и она жила тут, выполняя различные задания подпольного комитета.

В квартире Нюры к приходу гостей все было готово. На столе стояли закуски и вина. Как не выпить на дорогу, когда молодая симпатичная хозяйка угощает так мило? И фотокорреспондент, расточая комплименты, охотно тянул содержимое бокалов. На третьем бокале он раскис.

— До вечера не проснется,— заявила Нюра.— Выпил две дозы снотворного.

Пьяного уложили на диване. Его личное удостоверение временно перекочевало к Жану. Приклеив усы, Жан запер дверь и вместе с Нюрой покинул квартиру.

Редакционную машину, которая имела специальный пропуск на право участия в предстоящем торжестве, пропускали, не задерживая.

Развеселившаяся от выпитого вина Нюра беззаботно смеялась и щелкала затвором фотоаппарата. Перед самыми Смолевичами их остановили для проверки документов, открыли и осмотрели багажник, но проверить лежавшие на заднем сиденье футляры фотоаппаратов не догадались.

Проверка подействовала на Нюру отрезвляюще.

— Жан, а как с фотографом? — спросила она.— Его надо будет убрать...

— Зачем? — он прибавил скорость.— Пусть выспится как следует. Нам только спасибо скажет, что сняли Кубе за него.

— В последний раз,— добавила девушка.— Только бы обошлось благополучно.

— Думай о чем-нибудь другом...

— Сам о чем думаешь?

— Об эчпочмаках*.

Девушка подумала, что Жан шутит:

— А что это такое?

— Очень вкусный горячий пирожок.

— И где его пекут?

Предвидя, что разговор может затянуться, Жан решил отшутиться:

— В ресторанах Парижа, Токио.

— Я тоже научусь печь такие пирожки! — Нюра немного помолчала, потом добавила: — Только бы остаться в живых. Временами я так боюсь, Жан. А может, повернуть обратно, пока не поздно?..

— Успокойся, Нюрочка. Ты только делай то, что я тебе велю. И ничего лишнего! В противном случае...— Строгость Жана сменилась шутливой улыбкой: — В противном случае нам так и не удастся отведать испеченного тобой эчпочмака.

На память пришла Виктория... Она всегда была решительна и тверда. И все-таки... Его лицо опять посуровело.

Вскоре Жан повернул машину в сторону отеля, напротив которого, посреди площади, плотники под наблюдением гестаповцев и полицаев достраивали трибуну.

— Жди меня в машине,— сказал Жан и, взяв на сиденье футляры — один с фотоаппаратом, другой с миной, повесил их себе на плечи.— Я пойду опохмелюсь...

В баре отеля он заказал себе столик и, подозвав плотника, зашедшего сюда за папиросами, угостил его. Потом угощал всех, кто желал промочить горло. Через полчаса плотники ушли. Жан тоже последовал за ними заснять готовую трибуну.

Всунутая в рабочую рукавицу мина выпала мягко из

* Татарское национальное блюдо — пирожок треугольной формы, начиненный картофелем и мясом.

футляра и притаилась под «лесенкой трибуны в ожидании своей жертвы. Ее никто не заметил. Но Кубе так и не приехал...

В назначенный час, когда машина Жана, круто развернувшись, покидала город, раздался сильный взрыв. Он означал: взлетела на воздух трибуна.

— Жаль, без оратора,— вздохнула Нюра.— Не угадали.

— Ничего страшного,— твердо заверил Жан,— в другой раз угадаем. Никуда он не денется *.

ОТ ОПАСНОСТИ — НА ВОЛОСОК

В начале декабря пошли сильные заносы, снегу выпало много.

Партизанские отряды углубились в глухие леса. Поэтому Жан две недели не появлялся в городе. Вернулся только во второй половине декабря, усталый, худой.

Нюра, которая теперь во многом заменяла ему Викторию, уже давно его ждала. Предстояли неотложные дела, связанные с подготовкой побега военнопленных из лагеря. Нюра по соседству работала буфетчицей. На склад ее буфета заранее доставляли одежду, оружие для пленных. Сейчас в кульках с мукой лежали новые крупные шрифты для листовок, вынесенные с большим трудом из Дома печати. Их нужно быстрее передать в надежные руки.

Нюра не спешила делиться новостями. Прежде кинулась к Жану и повисла на шее, стала твердить, как соскучилась. Она должна была это делать, чтобы не вызвать подозрения у людей, которые жили в соседней комнате. Для них они — жених и невеста...

— Раздевайся, Жан. Пока моешь руки, налью тебе горячего чаю. Согреешься.

— Благодарю,— сказал он.— Прежде хотелось бы услышать, что нового в городе.

Нюра стала рассказывать. Он присел к столу, слушал внимательно. Синие глаза чуть сузились, на широком лбу образовались морщины. Он думал о предстоящих делах, людях, с которыми надо встретиться, о том,

---

* Вскоре Вильгельм фон Кубе был подорван магнитной миной, заложенной в доме, где он жил, подпольщицами Е. Г. Мазаник, М. Б. Осиповой и Е. В. Троян.. За этот подвиг патриоткам присвоено звание Героя Советского Союза.

какие задания на кого возложить, мысленно выбирал места встреч, чтобы не вызывали подозрений.

— Говоришь, принесли крупные шрифты для листовок? — переспросил он, оживляясь.— Много?

— Порядочно. Только вот кому передать их?

— Найдем. Сегодня же доставим на место.— И, помешивая ложечкой чай, добавил с улыбкой: — Я должен оберегать свою «невесту» от всякой опасности.

На глаза девушки навернулись слезы:

— А себя можно и не беречь, да? Кому ты дал постирать рубахи? Вспомни, что оставил в кармане?

Ах, черт! Действительно, какую он допустил глупость: второпях не вынул из кармана удостоверение личности Рудольфа Вильке!.. Если попадет в руки гестапо, считай пропал, сразу накинут петлю на шею. Было бы за что. Ну и дела!..

Жан быстро взял себя в руки:

— Ничего страшного,— заявил спокойно.— Только откуда ты узнала про рубахи?

— Почему ты отдал их чужому человеку? У тебя же есть «невеста». Разве это не вызовет подозрений?

— Я не могу, Нюрочка, все сваливать на тебя. Тем более заботу о чистых рубахах. Извини меня...

— Порой я плохо понимаю, как себя вести, что делать.— Девушка бросила на Жана покорный взгляд и улыбнулась. Ее губы задрожали.— Наверное, я сама должна думать о своем «женихе». Хотя бы ради того, чтобы избавиться от подозрений. Ведь это не игрушки.

Жан взял в свои руки Нюрины ладони.

— Чего тут бояться? Наоборот, люди скажут: человек очень любит свою молодую красивую невесту, поэтому бережет ее.— И, видя, что смутил девушку, спросил: — А что, Нюрочка, эта женщина сюда приходила?

— Да. Требовала у меня откуп. Сказала: иначе, дескать, увидишь своего жениха на фонарном столбе.

— Ну и ты дала?

— Пока нет. Похоже, она продажная женщина, Жан.

— Хорошо, Нюра,— успокоил он девушку.— Я сам с ней рассчитаюсь. А теперь пойдем проветримся.

— Куда? Ты же устал с дороги. Отдохнул бы.

— Ничего, успею...

Нюра переоделась, и вскоре они вышли на улицу. Было воскресенье. В уцелевшей церквушке звонили

колокола. Торжественные и тихие звуки плыли над городом, то усиливаясь, то затухая. Казалось, гуд катился по улицам и, ударяясь в дома, глох. Руины в белых шапках из мягкого снега напоминали сказочных богатырей. В такие солнечные дни молодежь обычно играла в снежки, лепила снежных баб. Сегодня никого не было видно. Люди, опустив головы, шли на базар.

— Жан, давай присядем где-нибудь. Погода как по заказу.

Жан вытащил из-под развалин кусок доски, положил ее на груду камней. Получилась скамейка.

— Прошу! — пригласил наигранным жестом.— Все для красавицы.

Девушка опять засмущалась: щеки ее заалели. Однако села рядом. Она была взволнована. Видно, вспомнила тот день, когда в первый раз после лагеря встретила здесь Жана. А потом встречала уже как подпольщика, радуясь, что не зря вызволила из неволи такого парня.

— Не знаю, чем это кончится,— сказала она.

— Победой. Нашей победой, Нюрочка.

— Я не про то... Тебя почему-то долго не было, и я так волновалась. Ждала. А ты пришел и шутишь... Девушка замолчала.

Жан посмотрел ей в глаза: кажется, они погрустнели.

— Ты должна ждать, потому что, потому что... ты моя невеста. В противном случае... что подумают соседи?

— Жан, меня всегда охватывает тревога за тебя,— заботливо проговорила Нюра.— Когда ты где-то рядом, и мне хорошо. Ты — моя радость, мое счастье. Мне приятно подчиняться тебе. Хоть знаю, что не пара тебе, но все равно...

— Нюра! Я сам не достоин...

— Помолчи! — перебила она его, чуть не плача.— С тобой я испытала то, чего никогда еще не испытывала. Будто чище стала... даже взрослее, что ли? Вот уедешь, раз и...— Девушка умолкла, сжала в кулаке мокрый снег. Между пальцами, как слезы, появились капли воды.

Что он должен ей сказать? Чувства девушек всегда нежны и трепетны, как паутинка. Что женат?! Но ведь не зря говорят: любовь слепа. Виктория, кажется, обо всем догадывалась, а как ревновала? Или то, что война есть война: у нее свои требования и заботы. А игра в «жениха и невесту» — вынужденная. Да и он свыкся с

этой ролью. Важно оставаться самим собой. Но как сказать ей? Девушка может обидеться. Только что была веселая и радостная, теперь вон сразу сникла. Как близко все принимает к сердцу. Нет, этого допускать нельзя. Человек, который поддается грусти, быстро раскисает. А для борьбы с врагами нужно быть твердой и решительной!

— Хочешь, Нюрочка, я тебя развеселю? Хочешь?

Она поглядела на него с укором, но улыбнулась:

— Как?

— Тары-бары, тары-бары...— стал размахивать руками Жан, словно читая заклинания:— Я теперь волшебник старый...

— Ты все смеешься,— посерьезнела Нюра.

— Нет, нисколько,— проговорил Жан, заметив кого-то на дороге.— О, прохожий! Исполни желание красавицы! Улыбнись и, несмотря ни на что, приди ко мне. Там-тара-рам!.. А ты, Нюрочка, догони его,— Жан указал на прохожего,— и скажи волшебные слова: «Мин сине яратам!» * И, повинуясь, он придет сюда. Вот увидишь!

Нюра поняла смысл шутки и побежала за прохожим.

Незнакомец, мужчина лет сорока, в недоумении поглядел на девушку, потом заметил Жана, улыбнулся:

— Мин сине яратам! — воскликнул радостно.— Повелевай, красавица моя, готов идти за тобой хоть на край света!

Это был Хасан Мустафович Александрович **. Он подошел к Жану, вежливо поздоровался и присел рядом:

— Рад видеть вас живым и здоровым.

— Спасибо, Хасан-ага,— кивнул ему Жан и, оглянувшись, добавил:— Нюрочка, ты бы открыла буфет. Да не смотри так на этого мужчину: у него четверо детей...

— Пятеро, мой господин,— с улыбкой проговорил Хасан Мустафович.

— Хорошо, пусть пятеро... Дадим им немного муки, Нюра. Вкуснее блинов и оладьев ничего нет. Только в кульках. Мы сейчас придем.

---

* Я тебя люблю! *(тат.)*.

** Сын татарского народа Х. М. Александрович в тяжелые дни подполья печатал второй, третий и четвертый номера газеты «Звезда» и обращения к белорусскому народу. Умер в 1959 году в г. Минске.

Едва девушка завернула за угол, Жан передал наборщику решение подпольного горкома о выпуске листовок.

— Надо разъяснить народу, на какой обман и коварство их толкают фашисты, зазывая в националистские «союзы» и «общества»,— сказал он,— и пополнить ряды подпольщиков...

— Что верно, то верно,— согласился Хасан.— Ряды наши здорово поредели. Надо пополнить. Какие люди погибли: Омельянюк, Рубец, Казинец...

— Много! Но мы выстоим и продолжим борьбу. Больше того — на террор ответим террором!

Они поднялись и пошли вслед за Нюрой.

Дорогой Жан говорил, что необходимо заклеймить позором всех националистов, которые помогают врагу. А таких предателей, как редактор Козловский, бургомистр Ивановский, главарь националистов Акинчиц и другие,— убрать с дороги. Первому следует свернуть шею самому крикливому зондерфюреру Иогансу Эркаченко, как неугомонному и суетливому петушку. Подпольщики уже давно охотятся за ним...

Передав шрифты в надежные руки, Жан отправился вечером к женщине-прачке. Расплатился за выстиранные и отглаженные рубахи, держась уже за дверную ручку, спросил:

— Вы ничего не хотите сказать мне?

— Посидите немного,— предложила та, кокетливо выставляя свои округлые плечи.— Может, проведем вечер вместе? — Она посмотрела на него томным взглядом, опуская ресницы. И голос вдруг изменился — стал тихим: — Я такая несчастная, такая одинокая, как былинка в поле... Кажется, и вы такой же. Если не ошибаюсь, тоже ищете себе... Не глядите, что я сейчас прачка. Если б не война, уже давно окончила бы консерваторию. Давайте поговорим по душам. Хорошие люди теперь — редкость, такая редкость. Вот только принесу чего-нибудь выпить...— Женщина поспешно повязалась шалью.

— Не беспокойтесь понапрасну,— Жан загородил собой дверь.— Во-первых, я не пью. Во-вторых, пора кончать комедию.

— Не понимаю вас...

— Сейчас поймете. Вы не взяли из кармана моей гимнастерки картонные корочки?

— Нет, не видела.

— В таком случае, они, наверно, до сих пор там,— сказал Жан, пристально глядя на женщину.

— Не знаю...

— А я знаю. Даже знаю, к кому вы позавчера приходили и что требовали за эти корочки. Поэтому ломать комедию не будем. Считаю до трех...— Жан достал пистолет.— Раз... Два...

Женщина стала белой как полотно и упала на колени:

— Только не убивайте! Все верну, все...— причитала она истошным голосом.— И расскажу... Все, все расскажу!..

— Рассказывайте! Быстро!

— Щеголеватый офицер... зондерфюрер...

— Ну!..

— Листовка... Семьдесят пять тысяч за вашу голову...

— Где удостоверение, у него? Где?

— Там, под скатертью...— показала она рукой.

Не успел Жан сделать и двух шагов, как женщина вскочила, как ошпаренная, и бросилась к двери:

— Спасите!.. Назаров-Базаров убивает!..

Жану ничего не оставалось, как нажать на курок.

Схватив удостоверение и не решившись перешагнуть через умирающую на пороге, он протиснулся боком в дверь и выбежал на улицу. На ходу ругал себя за неосмотрительность, которую проявил, опрометчивость. Хорошо еще, в этом районе редко появляются патрули. Иначе бы не сдобровать.

Да и наступил комендантский час. Теперь задерживают каждого, кто встретится на улице. Самое лучшее — переждать до часу ночи. К этому времени патрули заканчивают свой обход и начинают резаться в карты или же ложатся спать. А те, кому довелось-таки патрулировать, ходят по двое или по трое только по большим улицам. В зимнюю морозную ночь скрип их шагов слышен за полкилометра.

Жан спрятался на чердаке разрушенного бомбой большого каменного здания. И, надо сказать, вовремя: вскоре в сторону дома прачки промчались две машины. Задняя машина была легковая. Черного цвета. При свете луны она ползла по снегу, точно огромный жук. Жан сразу узнал ее. Если на место происшествия едет

сам следователь по особо важным делам, значит гестапо возлагало на прачку большие надежды.

А может, не он? Не зря говорят: у страха глаза велики.

— Шнель, шнель! — послышался в переулке писклявый голос зондерфюрера, отдавшего приказания эсэсовцам.

«Он самый,— подумал уже начавший дрожать от мороза Жан.— Выходит, этот «щеголеватый» офицер по-настоящему стал интересоваться Назаровым-Базаровым.. Прачка — подсадная утка. Теперь в этом нет сомнения. А ведь ее рекомендовали подпольщики. Кто именно? Родзянко! Может, случайность? Допустим, так. Но бесспорно одно: для того чтобы достичь цели, гестапо не будет считаться ни с чем...» Если сообщить в горком, то завтра же его отправят в лес, тем более предупреждали. И не раз. А там доступ в город закрыт. Разговор будет короткий — нельзя! Так жить Жан, конечно, не сможет. Каждые сутки, каждый час ему нужны действия, полные отваги и риска. Да и в городе он принесет больше пользы. Отсюда вывод: никому ничего не говорить. Кто знает, может, еще как в той пословице: «Не так страшен черт, как его малюют». А то, что он перемолчит,— не такая уж большая вина. Важно дело. Само собой, бдительность он усилит. Это никогда не помешает. Но город не покинет. Как ни погляди: наступление лучше, чем отступление. Старая истина.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

На квартиру Нюры вернулся Жан только часам к двум ночи. Открыл своим ключом. На цыпочках прошел к печке, где стояла раскладушка, начал осторожно стелить.

— Слава богу — живой,— послышался из-за ширмы голос Александры.

Жан даже растерялся от удивления. Почему вдруг Янулис оказалась здесь? Какими судьбами? Неужели он дошел до того, что перепутал квартиры?

— Не удивляйся,— проговорила девушка полушепотом,— я пришла предупредить тебя, чтобы ты не попал в засаду: в моем доме произвели обыск, может быть, и оставили охранника.

Жан выпрямился:

— А утюг?

— Да нет же,— сказала Александра.— Как только в лампочке вспыхнул свет, я сразу вспомнила про него. Сердцем чуяла: нагрянут ко мне...

— Молодец, умница!..— вставил Жан.

— Сама затаилась за дровяным сараем, пропустила две машины и... когда зондерфюрер велел взломать двери, побежала сюда.

— Этот зондер вышел из черной легковой машины?

— Да,— подтвердила Александра.

— Понятно...

Нюра, которая ждала случая, чтобы вступить в разговор, воспользовавшись паузой, спросила:

— Жан, может, есть хочешь?

— Не помешало бы, пожалуй.

Нюра вышла из-за ширмы и, чтобы он обратил внимание на ее стройную фигуру, медленно прошуршала мимо него и чуть-чуть отдернула занавеску на окне. Небо было безоблачное, из-за дома напротив выглядывала луна, словно наблюдая наивную хитрость молодой девушки. А та, обернувшись, поспешно приблизилась к Жану. Будто собиралась кинуться в объятья лежавшего возле печки парня, но в последний момент сдержалась: протянула руку к его груди, погладила по лицу.

— Ты совсем продрог, Жан. Придется подогреть тебя спиртным...

— Спасибо,— сказал он.— Я сегодня и пить не хотел. Но, наверное, отказываться нельзя. Тем более когда угощает красивая девушка.

— Русская водка. Не так часто и встретишь. Ее, наверное, сделали не только для того, чтобы погреться, разогнать кровь...

— Что-то я не узнаю тебя, Нюра!..

— Надоело жить монашкой...

— Они ведь тоже разные были.

— Ну в таком случае, как одна из них...

Тишину комнаты нарушило бульканье льющейся в рюмки водки.

— Шурочка, составишь нам компанию? — сдержанно предложил Жан.

— Нет-нет! — поспешно произнесла Александра и уткнулась лицом в подушку.

Из-за дома вышла полная луна. Повисла в окне, наполняя комнату тусклым светом. На душе Жана стало спокойнее. Какая прекрасная ночь! И эта луна —

словно говорит: прислушайтесь к вечному зову жизни, испытайте ее прелести. Но сейчас каждый занят своими мыслями.

— Еще хочешь?— Нюра попыталась плеснуть ему в рюмку водки.

— Хватит, спасибо. До мозга дошло,— сказал Жан.— Видно, без привычки. Но все равно что-то морозит...

— Эх ты...— Нюра неохтно поднялась и пошла за ширму.

Там пошептались, и чья-то добрая рука кинула на раскладушку одеяло.

Жан поблагодарил, укрылся с головой и затих. Однако согреться не мог: видно, очень сильно промерз на чердаке дома.

Девушки опять зашептались. Привыкшие от души заботиться о Жане, они были охвачены в эти минуты противоречивыми мыслями. Вот он, самый дорогой и желанный обеим человек, дрожит от холода и никак не может согреться... А сколько тепла и жара в их груди?! Может быть... Может быть, сейчас, в эту минуту, кто-то должен встать и уйти? Но кто? Кому оставаться в ожидании, что он подойдет? Да и уйти теперь покажется, будто ты говоришь: я ведь уже знаю о вашей близости!.. А этим не шутят. К тому же, как можно по своей воле уступить сопернице?! Нет-нет, только не это! Жарко. Жарко обеим. А вот он мучается, никак не может согреться...

Наконец Жан раскрыл одеяло:

— Дурак я, что ли, мерзну в нетопленом доме?! И подошел к кровати за ширмой.

Девушки замерли.

— А ну, красавицы, потеснитесь, дайте место одинокому отшельнику в середке! — обратился он сразу к обеим.

Произошло чудо: не возражая, одна повернулась в левую, другая — в правую сторону. Жан лег вверх лицом и не произнес ни единого слова, не пошевельнулся.

Раздавшийся вдалеке взрыв всколыхнул дом: обвалились сложенные у печки дрова. Нюра не поднялась.

Александра тоже притворилась спящей. Но до сна ли ей? Она никогда не оказывалась в подобном положении. Оставаться вдвоем — с мужем или парнем —

вроде естественно, а вот втроем... Не зря, наверное, говорят: третий лишний. Правда, этой красавице Нюре она представилась как сестра Жана. Но, кажется, та не поверила: в глазах лишь сверкнуло любопытство. А если уж откровенно, то у Александры и самой появилась ревность. Разве она не живой человек. И любит не меньше, а может быть, даже сильнее и... навечно. Нюре — ей что? Сегодня — Жан, а завтра?.. Неужели он этого не понимает? Жан очень чуткий парень, с тонкой душой. Парень? Женатый. Для Александры он такой. Пусть Жан любит жену. Пусть. Она все равно остынет: такие красавицы не считаются, что нынче — время военное. Вон одна находится рядом. Пусть она под предлогом жены вызволила его из лагеря военнопленных. Но это не самое главное. Самое главное — чистота, искренность. Жан может любить только такую девушку. Эх, дожить бы до дня победы. Нет, пока еще рано думать, рано! И все же... почему бы не помечтать вместе? На всю жизнь вместе. Может быть, поэтому ее так тянет к Жану? Одно его присутствие заставляет делать даже то, что поначалу кажется невозможным. И Александра ни в чем не отказывает Жану. Вот уже тело его согревается. Хорошо он сделал, что лег между ними. Если бы лег с той стороны, где Нюра, Александра всю жизнь проклинала бы эту ночь. А лежать с ним рядышком приятно... Даже вот так, спокойно и молча...

Между тем Нюра хотела, чтобы Александра уснула скорее. А тут, как назло, тишину нарушили свалившиеся поленья. Надо же такому случиться. Спросить бы сейчас шепотом у Жана: «Любишь ли ты, милый?» Но нельзя, может услышать сестра. Сестра?.. Знает она таких сестер! Как только заходит речь о Жане, сразу краснеет, как мак. Верный признак: она его тоже любит. Такие немногословные, тихие девушки любят очень преданно. Сами бывают хладнокровными, как хирурги, а никуда от себя не отпускают. Какая-то собачья привязанность.

В сладкой истоме хотелось вытянуть ноги. Жан, милый, почему ты чуточку не повернешься и не поцелуешь меня хотя бы в шею? Жарко... Что же ты так мучаешь меня?.. Выходит, у тебя не только тело, но и душа замерзла. Эх, Базаров-Назаров, лежишь и откармливаешь свой сон, точно медведь в берлоге. И ни

заботы тебе, ни печали. Если на то пошло, у Нюры тоже хватит гордости. Она и бровью не поведет! Не поведет никогда! Никогда! Эх, безжалостный Жан...

Жан согрелся и уже начал было дремать, когда где-то в районе парашютной фабрики громыхнула мина. Видать, с часовым механизмом. Содрогнулся весь дом. Пусть, не помеха: сон не нуждается в перинах. А тут и перина хорошая. И лежит он, будто турецкий султан, между двумя гуриями! Чего не бывает в жизни! Интересно, кто бы мог подумать, что так получится? Девушки, конечно, не виноваты. Они желают ему только хорошего и все делают ради него. Сколько раз они уже встречались со смертью лицом к лицу, дрожали от страха, как осиновый лист. Он умел их успокоить, рассмешить шуткой, и при первой необходимости они снова шли на задание. По характеру девушки разные: Александра спокойная, тихая, а Нюра побойчее, нет-нет да так и вспыхнет, щеки заалеют. У них много и общего: обе искренни, щедры. По малейшему поводу радуются, по малейшему поводу обижаются. Нюра, наверное, теперь лежит и ждет, когда он обнимет ее. Сделать это не трудно: нужно только чуть протянуть правую руку... Нюра задержит ее, поцелует и положит эту руку себе на грудь. Может, и уснет. Уснет ли?.. Говорят: прежде чем войти в дом, подумай, как оттуда выйти. Что тебя ждет там? С кем ты встретишься, что принесут эти встречи? Хмельная Нюра может и вспыхнуть. Это бы оскорбило чистые чувства скромной Александры, означало, что в ее глазах они скатились вниз. А может, протянуть левую руку к Александре? Что она станет делать? Положит ее себе на лицо: нежно потрется щекой. Но чуткая Нюра тут же почувствует это. Нет уж, подружки мои, вы обе дороги мне, обе нужны, само собой, в первую очередь для нашего общего дела! Сейчас только это важно. Ничто не должно отвлекать. Когда по земле ходит смерть, по-другому нельзя, заест совесть. Отсюда наша сила — в хорошей, искренней дружбе, в единстве.

Значит — спать! Только спать!

И вскоре Жан действительно погрузился в сладкий сон.

Утром девушки не подали виду, словно ничего и не произошло.

Жан, позавтракав, спокойно ушел в город.

К вечеру Кабушкин получил от своих друзей интересующие его дополнительные сведения о зондерфюрере Иогансе Эркаченко. Занимаясь особо секретными делами, зондерфюрер в свободное от работы время словно преображался: обожал веселые компании, любил коньяк. Был он еще частым гостем у одной особы.

— Где она живет? — тут же спросил Жан.— Зондер ночует у нее?

— Я уже обо всем пронюхал,— сказал Толик Левков.— Самая крайняя комната на третьем этаже. В доме, где раньше была Государственная библиотека. Место, так сказать,— приметное. И теперь по этой улице часто ходят патрули. Охраняют своего птенца. Но рискнуть бы не мешало.

— Попробуем, Толик,— решил Жан.— Откладывать не будем — сегодня же! Пошли, я со стороны взгляну на этот уголок.

Едва смерклось, сразу опустели улицы, горожан не стало видно. Зато на каждом шагу встречались веселые, под хмельком, немецкие солдаты. Заплетающимся языком пели песни.

Несли службу патрули. Не останавливаясь, точно куда-то спешили, они шли в одном направлении — мимо Замковой и Татарской улиц, окруженных забором из колючей проволоки. Там теперь расположено гетто — еврейский лагерь. В первые дни войны немцы здесь похоронили заживо восемьдесят тысяч евреев. Утром над ними шевелилась земля. Пригнали танки и разровняли ее...

В кинотеатре играла бравурная музыка, ярко горели разноцветные огни: судя по всему, немцы веселились!

— Вот где бы оставить хоть одну бомбу! — шепнул Жан спутнику.— Только надо выбрать подходящий момент, когда приплывет сюда косяк более крупной рыбы...

Ровно в два часа ночи, когда стихли шаги патрулей, Жан вскарабкался по шаткой пожарной лестнице на крышу дома. Оттуда по водосточной трубе спустился на балкон третьего этажа. Присев на корточки, передохнул, прислушался. Тихо, кругом ни звука, ни шороха. Тусклым светом горела в коридоре лампочка. Жан потянул балконную дверь: не отворяется. Видно, сюда давно уже

не выходили. Да и кому тут бывать теперь. Разбить стекло в окне — могут услышать. Ага, вон чуть приоткрыта форточка. Рама крепкая — выдержит, лишь бы удалось протиснуться... И, долго не раздумывая, он влез в туалетную комнату. Оправил на себе одежду, отдышался. Теперь найти бы зондерфюрера, самое время. Приоткрыв чуть дверь, он опять прислушался. Этажом ниже пели немецкую песню — сонно и протяжно, изредка доносились приглушенный мужской говор и женский смех. Рядом, наверное, ванная: за дверью кто-то плещется, фыркает, точно конь на водопое, что-то мурлычет под нос.

Жан прошел на цыпочках по коридору до конца, к угловой комнате. Осторожно потянул за ручку дубовую дверь. В нос ударил запах дорогих духов. В комнате стоял мрак: на уставленном бутылками столе трепетно догорала свеча. За столом в приспущенном халате сидела молодая женщина с обнаженной спиной и мокрыми волосами и медленно тянула из бокала шампанское.

Тяжелая дверь закрылась со скрипом.

Женщина, не оборачиваясь, спросила:

— Ты, Иоганс? Дорогой, ты утомил меня. Иди быстрее...

Жан подошел вплотную:

— Это я,— повертел он в руке острую финку.— Что, не ждала?

Холодный блеск стали вконец напугал девицу. Она даже стала икать.

— Ни звука! — потребовал Жан, сжимая в руке оружие.— Где он, твой Иоганс? Моется?

Девица кивнула и тут же, спохватившись, подтянула халат на плечи.

Жан знаком показал на платяной шкаф, велел ей сидеть там тихо. А сам, закрыв за собой дверь и мимоходом прихватив висящий на вешалке пистолет зондерфюрера, кинулся в ванную комнату...

Хоронить зондерфюрера пришли не только военные, но и многие националисты, одетые в штатское. Над могилой фашиста холуй Козловский произнес целую речь. В конце сказал:

— Прощай, дорогой Иоганс. Пусть земля будет тебе пухом. Мы продолжим твое дело, пойдем твоей дорогой...

Кто-то из пригнанной сюда немцами толпы заметил:
— Для вас другого пути и нету. Всех туда отправим!..
Действительно, вскоре рука народных мстителей покарала «спандара» Козловского: в самой редакции продажной газеты, которая расположена в центре города, получил он пулю. Подпольщики отправили на тот свет также главарей националистских «союзов» Акинчица, Рябушку, бургомистра Ивановского и других предателей.
Не удалось уйти от справедливого возмездия белорусского народа и немецкому областному комиссару Людвигу Эренлейтеру, правительственному инспектору Генриху Клозе, начальнику областной жандармерии Карлу Каллу, старшему жандарму Карлу Вундерлиху и многим другим непосредственным организаторам злодеяний в Минске, эсэсовским офицерам управления полиции безопасности.
Так непокорный белорусский народ с презрением отверг гнусную провокацию фашистов и их прихвостней. Коварный замысел врага — использовать против партизан самих белорусов и развязать братоубийственную войну, а свои войска высвободить для фронта — провалился.

ВСТРЕЧА С МАТЕРЬЮ

В канун нового 1943 года подпольный комитет партии послал Кабушкина и Сайчика в разведку — собрать сведения о военных силах противника в районе города Барановичи.
На явочной квартире Жан встретился с руководителем разведчиков подпольного центра Дмитрием Короткевичем. Тот попросил обратить внимание на то, как и чем вооружены гитлеровские гарнизоны, какая их численность. Сообщил: «Большая земля» интересуется аэродромом, находящимся близ села Малаховцы.
— Сайчик родом из тех краев. Ему знакомы каждая деревня, каждая хата. Так что в случае чего скажете: к родным в гости едете. Мол, давно не виделись. Разрешения возьмете в бюро пропусков у Зорика.
Кабушкин улыбнулся: Сайчик родился и вырос в тех краях. Едет к своим родным... А Иван? Так ведь мать и родственники матери как раз живут в тех Малаховцах. Только никому об этом он пока не рассказывал.

В случае, если его схватят, фашисты будут пытать и мать, Ирину Лукиничну, и ее родных. Нет, нет, только не это. Если уж суждено умереть, то лучше одному, так, чтобы остальные жили.

— Что, может, Сайчик не подходит? — Короткевич по-своему понял улыбку Жана.

— Почему же, подходит. Я знаю его давно. Человек осмотрительный. Все взвесит, прикинет, прежде чем принять решение.

— Тогда действуй по обстановке, Жан. И, главное,— не горячиться.

— Само собой,— кивнул Кабушкин.

На другой день с утра пораньше они отправились в дорогу. Мела поземка. Одетый легко, в стареньком пальто, Сайчик сел в сани и зарылся в сено до пояса. Кабушкин велел гнать лошадь рысью. Эх, судьба разведчика... В любую погоду, даже в буран, возьми и покинь и теплую квартиру, и одежду одевай какую попало. Словом, перебивайся в лохмотьях! Кабушкину хорошо: сам здоровяк — от щелчка кровь брызнет, да еще в новенькой одежде полицая. И все же Сайчик не жаловался. Когда промерзнет до костей, спрыгнет с саней и бежит, держась за облучок, пока не согреется. По своему обыкновению еще шутит.

— Прыг да скок, прыг да скок, так прискачем на порог.

Кабушкин с уважением относился к этому человеку. Чем-то он напоминал отца, которого Иван запомнил по увеличенной фотокарточке. Такие же ясные внимательные глаза, которые всегда глядят доверительно. Может, это была постоянно занимавшая его мысли, почти мучившая тоска по отцу?

— Вон еще одна медвежья берлога,— говорит Сайчик, кивая на дот, расположенный у дороги: оттуда еле заметно поднимался пар.— Уже семнадцатый. Запомни, Жан.— И опять, улыбаясь, сыпал прибаутки:

Ах ты, батюшка-медведь,
Ты доколь будешь реветь?..

Под предлогом того, что лошадь надо покормить в дороге да и самим погреться, выпить горячего чаю, останавливались в деревнях, ближе к тем местам, где расположены военные гарнизоны. Наблюдали, подсчитывали...

До Барановичей никто на них особого внимания не

обратил, а стало быть, и не задержал. В самом городе, проверив документы и пропуска, немцы тоже не стали выяснять, куда и зачем едут путники, хотя уже наступала ночь. Здесь их, как и предполагалось, встретила связная партизанского отряда Галина. Приготовила ночлег в тихом доме глухого переулка, возле самой церкви. Фамилии девушки Жан не знал. Да и необходимости не было. Всегда аккуратно выполняет задание, умеет запутать след, чего еще надо? Одним словом, Галина тут на высоте. Девушка-огонь. Партизаны рассказывали: еще только недавно оставила с носом опытного гестаповского сыщика, который, подобно охотничьей борзой, напал на ее след. Началась погоня. У девушки с собой листовки. Если попадется — пропала. Но куда денешься средь бела дня? Поблизости церковь. Там можно раствориться в толпе. Особенно в воскресенье, стариков и старушек, разных прихожан достаточно. Оказалось, молящихся не так много. Сообразив, что она теперь как белая ворона, сразу бросается в глаза, Галина открыла чугунную дверь церкви и прямо к попу.

— За мной гонится немец. Если предашь,— говорит она ему,— первая же пуля тебе, святой отец.

Гестаповец сломя голову кидается туда, сюда — девушки нигде нет. Расспрашивает и попа. Но тому прежде всего дорога жизнь, ничего не говорит. Мол, обитель его святая. Сюда ни бандиты, ни партизаны не ходят. Со временем комсомолка Галина добилась того, что поп начал выполнять ее задания. А он вне подозрений. Лучшего исполнителя и не желать. Вот и сейчас квартира готова...

На другой день, чтобы продолжить путешествие, они решили присоединиться к мужикам, которые возвращались с рынка. Вместе с ними тронуться в дорогу. Поэтому с утра не торопились. Жан тоже отправился на рынок, походил, послушал разговоры, купил разную мелочь. Горожане жаловались на дороговизну, ругали «новый порядок». Узнал, что подпольщики аккуратно распространяют сводки информбюро, пишут их и от руки, и печатают даже типографским способом. «Теперь понятно,— подумал Жан,— почему поп не выдал связную партизан и даже решил оказывать помощь: чует, куда ветер дует...»

Вернувшись с рынка, Кабушкин зашел в церковь: у входной двери освещение хорошее, но в глубине све-

чи горели тускло, стоял полумрак. Поп нараспев произносил проповеди. Как только появлялся подозрительный человек, он тут же восхвалял фюрера и его войска...

После обеда продолжали путь. Вскоре лошадь остановилась на развилке дорог. Сайчику предстояло пешком шагать в свой район.

— Отсюда пойду считать стрекоз один,— сказал он перед расставанием.— Что ни говори, тут у меня кругом кумовья и сватья. Боюсь за тебя. Могут придраться: чего, мол, делаешь, раз у тебя нет здесь ни родных, ни близких.

— Не беспокойтесь. Скажу: приехал девушку сватать. Или плохой жених?

— Жених ничего, даже славный, только вот одежда не жениховская... Дурак будет тот, кто выдаст за тебя дочь!

— Так и надо, чтобы не выдавали. Один откажет, пойду к другому, потом к третьему...

— Ну что ж, в добрый путь, жених!

— Вам тоже доброй дороги!

В Малаховцы Жан добрался под вечер. Подъехал к усадьбе, где жила мать. Есть ли там сейчас живые люди? Из трубы струился дым. Во дворе никого нет. Распрягать лошадь он не стал — сразу вбежал в дом. Ирина Лукинична возилась у печки. Увидев, что вошедший в дом молодой человек, хоть и предварительно постучал, оказался полицаем, она застыла на месте.

— Самогон я не варю. Яйца и сало кончились,— вымолвила в страхе.

— Мама!..

Ирина Лукинична выронила из рук белую миску. Миска сделала круг на полу, завертелась с шумом на одном месте и уткнулась в ноги вконец растерявшейся матери.

— Ваня!.. Ванюша!.. Думала, уже и не суждено тебя увидеть!

Мать кинулась к сыну, посиневшие губы ее мелко задрожали, на глаза навернулись слезы. Она припала к его груди и, словно желая убедиться, не во сне ли это, торопливо ощупывала лицо, гладила волосы. В эти минуты радость и счастье Ирины Лукиничны переливались через край. Продолжая ворковать голубкой, она проворно зажгла светильник, подняла его повыше, чтобы лучше разглядеть сына. И вдруг сникла: боль-

шие светло-карие глаза, тревожно смотревшие на сына, стали строгими:

— Ты тоже, оказывается, того...

— Чего? — улыбнулся он.

— Устанавливаешь новый порядок,— проговорила она с горечью и села на скамейку, спрятав свои худые жилистые руки под фартук.— Отчего смеешься? Скалить зубы — не хитрое дело. Радоваться тут не от чего.

— Есть от чего, мама, есть! — Ваня подсел к матери, нежно обнял ее и, сообразив, что она с надеждой и нетерпением ждет от него успокаивающего слова, добавил:— Ты на одежду не гляди, мама. Я партизан. Только чтобы было между нами. Никому ни слова. Поняла?

Мать кивнула.

— Меня послали сюда понаблюдать за аэродромом...

— Ой, Ванюша! — сразу испугалась мать.— За опасное дело ты взялся. Наших людей туда даже близко не подпускают. Может, только в этой одежде...

— Нет, нельзя. Могут заподозрить. Станут допытываться, а я не хочу подвергать вас опасности. Так что не волнуйся...

— Ох, дитя, дитя, как тут не волноваться? — Ирина Лукинична прижала голову сына к груди и, как часто делала в детстве, расчесала пальцами его волосы.— А Тамара где? Жива-здорова? Имеешь какие вести от нее?

— Должно быть, жива. В первый день войны я проводил ее в Казань.

— Письмо ей напиши. За нас пусть не беспокоится.

— Написал.

— Еще напиши. Как мы с тобой встретились... Не в положении она была?..

— Не знаю.

— Хоть бы не высохло наше наследственное дерево. Если родит, пусть бережет малыша.— Она задумалась, потом, сокрушаясь, добавила:— Проклятый фашист, все разорил. И твое гнездо. В ту войну, если бы не немцы, был бы живой отец, и мы не скитались бы по свету. Да и теперь вот... Где еще наш Николаша?

— Ничего мама! Все вынесем, все переживем. И у нас будут встречи и свадьбы. Ты помнишь, рассказывала мне о свадебных обрядах, помнишь? Как пекут каравай, осыпают зерном...

— Не забыл,— улыбалась, довольная, Ирина Лукинична.

— Если бы забыл, не сидел бы тут, мама. Спасибо тебе!..

— И тебе спасибо, сынок, что наведал меня.— Она спохватилась:— Соловья баснями не кормят. Садись к столу, Ванюша, проголодался небось?

— Сейчас, распрягу лошадь. И гостинцы принесу.

Когда он вернулся, на столе рядом с чугунком вареной картошки уже лежало сало, на отсутствие которого только что жаловалась Ирина Лукинична, и даже бутылка с заткнутым тряпкой горлышком. Разглядывая подарки сына, мать еще больше разволновалась. Пригубив рюмку за встречу, снова вспомнила прошлое. Сказала, горе обновилось, как только попала в родные края: мол, даже вернулась прежней дорогой, по которой в ту войну отступал отец. Тяжело на душе. Бредит по ночам и клянет за все немцев.

— Раньше говорила, в смерти отца повинна вода, теперь обвиняешь немцев,— сказал Иван.— Ты вспомни как следует. Обещала рассказать, когда выросту.

Ирина Лукинична, утирая слезы, поведала о том, что произошло двадцать восемь лет назад: куда и какими дорогами убегали от немцев, как погиб отец, спасая двух малолетних сыновей от жажды...

— Тогда выпьем за его подвиг.

— Не подвиг, сынок. Он считал тогда — выполнил свой долг.

— Мы тоже выполним,— пообещал Иван.

— Дай бог. Недавно твоя крестная сказала мне: «Видишь, какие зловещие птицы летают над нами? С черными крестами на крыльях. Но врага все равно победим. Потому что в руках русского войска правда, а в стальных рядах его два сына-богатыря Константина Кабушкина...»

— Опять ты эту сказку? — заглянул в комнату вернувшийся с работы младший брат Ирины Лукиничны.— Хоть бы другую какую надумала.

Жил он с женой и детьми в другой половине дома — так называемой белой избе. Там уже собрались родные, знакомые и ждали Ивана в гости.

— Пойдем, племянник,— пригласил он.— И ты, сестра, не откажи. Надо нам отметить, чтобы все путем...

Они перешли на другую половину.

Иван сидел среди гостей растерянный, не зная, что и говорить. Люди ждали от него правду, правду с «Большой земли». Они словно догадывались, кто он на самом деле. А Иван говорить этого не мог. Ему было тесно в одежде полицая, она как бы жгла тело, давила... Он расстегнул воротничок, облизал пересохшие губы. Надо было до конца играть свою роль.

Вскоре вошел староста с двумя собутыльниками. Они хотели угостить полицая из Минска, услышать от него утешительные слова. За столом то и дело били себя в грудь, ругали тех, кто жалуется, недоволен новым порядком.

Иван гостил у матери три дня. С утра, проснувшись, возился во дворе: чинил сарай, заборы, колол дрова, сгребал снег. Немецкие летчики, направляясь на аэродром, проходили мимо дома. Кабушкин, провожая глазами каждую группу, запоминал их число, старался определить количество экипажей. С аэродрома днем и ночью с гулом поднимались в небо самолеты. Сосчитать их труда не составляло. Заодно он подсчитал и те, что садились. Выходило: приземляется меньше, чем взлетает. «Сбивают гадов. Это хорошо»,— отметил он мысленно. В разговорах с односельчанами, выбрав подходящий момент, расспрашивал, какие дороги ведут на аэродром, как охраняются. Чтобы не вызывать подозрения, ухлестывал за деревенскими девушками, пил со старостой самогон.

Наконец на четвертый день утром сказал матери:

— Пора возвращаться, мама. Я ухожу!

Ирина Лукинична заплакала, стала упрашивать, чтобы погостил еще немного, но, поняв, что сыну дольше задерживаться нельзя, стала собирать его в дорогу. Сердце матери охватило беспокойство. Она так еще не тревожилась, даже когда провожала Ваню в первый раз, на войну с белофиннами. Тогда рядом с ним были его друзья. А сегодня он один. Товарищи не узнают, кто он, хотя и носит полицейскую форму. Сам Ваня говорит: так спокойнее, безопаснее. Может, оно и так. Но если вдруг пробьет последний час, никто и знать не будет, где и какую смерть он принял.

— Свидимся ли еще, сынок, бог ведает. Одно тебе скажу: не сворачивай с прямого пути. Если дело твое правое, совесть чиста, не пропадешь.— Ирина Лукинична обернулась к иконе, которая висела в углу, и, подняв руки, взмолилась:— О господи, помоги ему, моему

Ванечке. Идет он в огонь и в воду не ради богатства, не ради славы и почета, а во имя счастья людей! А если уж...— Тут она заплакала, давясь слезами.

— Не надо, мама,— потянул ее за руку Иван.— Зачем же так? Прощай. И жди меня, не плачь. Я скоро вернусь, мама!

Рыжая с белой звездочкой на лбу лошадь, отдохнувшая за три дня, понеслась рысью по зимней дороге, поднимая снежную пыль. Голос матери, которая вышла за ворота в залатанном полушубке и что-то кричала вслед, потонул в гуле самолетов на вражеском аэродроме. Напоминая хищных ястребов, самолеты стали подниматься друг за другом в небо, оставляя на снегу бегущие тени.

— Чтобы вы себе свернули шею! Чтобы крылья пообломились! — посылала им вслед проклятия стоявшая у крайних ворот старушка.

Словно услышав ее «пожелания», вскоре поднялся ветер.

В течение трех дней над селом свирепствовал буран. А на четвертую ночь Ирина Лукинична проснулась от страшных взрывов. Каждый раз, когда над селом пролетали самолеты, тут же содрогалась земля. На аэродроме бушевал пожар. Он осветил всю округу, да так, что на снегу можно было найти иголку. Взрывы прекратились лишь под утро, но аэродром горел еще до вечера. «Должно, наши соколики потрудились»,— решила Ирина Лукинична, смутно понимая, что и ее Ваня не остался тут в стороне.

И все-таки материнское сердце почувствовало приближение беды.

В КОГТЯХ ГЕСТАПО

Кабушкина арестовали 4 февраля 1943 года, когда он пришел на встречу с оперативной связной отряда Ирмой Лейзер. Притаившись, как волки, его дожидались на явочной квартире. Не успел войти в сени, как семь гестаповцев сразу набросились на него. Жан успел размахнуться и изо всех сил ударить первого попавшего под руку в подбородок: тот упал, как сноп. Но тут же его повалили на пол, связали за спиной руки. Пытаясь вырваться, Кабушкин пнул в живот еще двум здоровенным верзилам. Взвизгнув, те пробкой вылетели из коридора во двор. Жан вскочил на ноги, но из комнаты выбежали на помощь другие гестаповцы. Что-

бы не упустить Жана, связали ноги. К дому, словно почуяв поживу, примчались две «душегубки». В одну машину солдаты с трудом затолкали Кабушкина, заперли за ним дверь, в другую сели сами. Не мешкая, точно боялись какого подвоха, машины тронулись.

Гестапо находилось в бывшем здании института народного хозяйства. В сырых подвалах томились десятки известных Жану подпольщиков. Редко кто выходил отсюда живым. Гестаповцы требовали от них изменить родине. Обещали жизнь только взамен преданной службы «великой Германии». Их пытали, запугивали, уговаривали назвать явки, места, где хранится оружие, указать адреса вчерашних товарищей по оружию, имена, фамилии — предавать честных советских людей. За это щедро сулили деньги, которые, мол, можно вложить в иностранные банки, сытую обеспеченную жизнь. Кое-кто, подобно Белову, позарившись на «деловые предложения» гитлеровцев, попадались им на крючок — становились секретными агентами гестапо и гнусными предателями Родины.

Такую же «приманку» кинули и Кабушкину: чего не бывает, авось и клюнет.

Едва подъехали машины к зданию гестапо, у дверей уже встречал самый опытный и самый хитрый следователь Фройлих.

— Очень рад встрече с вами, Жан! — улыбнулся он и, будто крайне недовольный, приказал гестаповцу:— Развяжите ноги!

Солдат с отвратительным бульдожьим лицом развязал веревки. Жан тут же пнул его в живот, да так сильно, что тот заскулил, как собака, и покатился по снегу. Остальные солдаты, опасаясь, что так очередь дойдет и до Фройлиха, направили автоматы на Кабушкина.

— Арестованного в мой кабинет! Живо!

Фройлих уселся в кресло под портретом Гитлера. Приказал развязать арестованному также руки и принести коньяк.

«Начинается!» — подумал Кабушкин, усмехнувшись.

Его усмешка не осталась незамеченной следователем.

— Вы напрасно иронизируете, Жан,— сказал он.— Мы, представители великой нации, всегда оказывали уважение деловым и способным людям. Нам известны ваши преступления. Но ради обоюдной выгоды мы даем вам возможность искупить их. Со своей стороны

мы забудем о них, если вы станете честно служить великому фюреру...

— За что меня арестовали, господин следователь?

Фройлих так стиснул зубы, что у него на скулах выступили желваки. Гестаповцу, стоявшему у двери, он приказал:

— Введите Лейзер! — И нетерпеливо начал барабанить пальцами по столу.

Дверь открылась бесшумно. Два гестаповца ввели в кабинет Ирму. Она была неузнаваемой: под глазами черные круги, лицо в синяках, губы, щеки опухли, волосы растрепаны.

— Узнаете?

— Нет.

Поддерживавшие Ирму под руки гестаповцы отпустили ее. Она упала. Ее снова поставили на ноги.

— Жан, ты прости меня,— вымолвила девушка.— Я вынуждена была обо всем рассказать...— И она в отчаянии зарыдала.

Фройлих дал знак, и гестаповцы увели арестованную.

— Ну, что вы теперь скажете, Жан? — нагло спросил он.— Игра не получилась: может, больше не будем упрямиться, приступим к делу. А?

— За что меня арестовали? Я эту девушку не знаю. И ни в чем не виноват!

— Смотри, какой он, оказывается, невинный ангел! — Фройлих с шумом покрутил ручку сейфа, открыл тяжелую дверь и бросил на стол объемистую папку с личным делом, о котором упоминал уже Омельянюк.

— Александр Бабушкин — Кабушкин — Назаров — Базаров! В последний раз спрашиваю по-хорошему...

— Я ни в чем не виноват!

— Вон ты куда клонишь! — переменился вдруг Фройлих.— Думаешь выйти сухим, сволочь? — И он ударил Кабушкина в лицо.

Жан покачнулся, но не упал. «Значит, так!..» — И с размаху, что было силы, двинул следователя по морде. Тот взвыл, как волк, и повалился в кресло.

Ватагой налетели гестаповцы. Одного Жан ударил стулом, другому дал подножку, опрокинул стол и чуть уже было не выпрыгнул в окно, с третьего этажа. Но тут сзади схватили, резиновой дубинкой ударили по голове. Разъяренные солдаты повалили его на пол, начали топтать ногами. В глазах стали крутиться предметы, в ушах появился звон, но вскоре все стихло...

Пришел он в себя на мокром цементном полу. Было темно. Протянешь руку направо — каменная стена, повернешь плечо налево — тоже стена. «Вот он, оказывается, какой каменный мешок!» — подумал Кабушкин, сплевывая кровь.

Напоминая звон кандалов, с лязгом отворилась дверь. Его опять потащили на допрос. Теперь Фройлих с наклеенным на щеке пластырем кричал на него издалека, остерегаясь приблизиться. По обе стороны от Жана, держа наготове резиновые дубинки, стояли с засученными рукавами гестаповцы.

— Кто твои товарищи? Где они находятся?

— Я никого не знаю.

— Врешь!

— Я не виновен...

— Кто организовывал побеги военнопленных из лагеря?

— Не знаю.

— Кто им давал одежду, оружие?

— Не я...

— Врешь, сволочь! Пороть!

Его поволокли в специальную комнату пыток. И тут допрос:

— Кто увез партизанам медикаменты?

— Не знаю.

— Кто помог тебе устроить побег Сайчика из больницы?

— Я не знаю никакого Сайчика...

— Сейчас вспомнишь,— прошипел Фройлих.— Сейчас...

Его привязали к скамейке и, задрав рубаху, стали стегать по голому телу плетками. Били с двух сторон и задавали вопросы. Спросят: не вспомнил? — и снова били.

— Сколько раненых скрывал у профессора Клумова?

— Не знаю такого...

— Какие лекарства дала тебе медсестра Виктория Рубец?

— Не знаю никакой Виктории...

— Где выпускали листовки с татарином Хасаном?

— Ничего я не знаю...

— Кто прикончил Давыдова? Кто твои помощники?..

Гестаповцы понимали: если бы им удалось развязать Кабушкину язык, то они могли бы узнать не одну

явку, взять десятки подпольщиков и связных партизан, возвращающихся из леса в город. Но Кабушкин молчал.

Тогда его посадили на электрический стул. Мучительнее и страшнее пытки не придумаешь. Казалось, будто в вены рук и ног вливают расплавленный свинец, а в тело вознается бесчисленное количество раскаленных иголок. Бьет лихорадочная дрожь, судороги сводят руки, ноги, сердце словно режут ножом. Вот-вот остановится дыхание.

Однако Кабушкин терпел. Когда работал на трамвае, то несколько раз попадал под электрический ток. Приходилось видеть и людей, которые гибли от удара током. Там все происходило быстро, точно при разряде молнии. Замкнуло — и конец. Фашисты же убивают человека не сразу: они до последнего момента мучают, пытают, изматывают душу. В голове теперь одна мысль: «Выдержать!.. Выдержать!..» Кабушкин повторял эти слова. Только эти, ничего другое для него не имело значения.

А гестаповец все увеличивал подачу тока, сам, точно коршун, наблюдал за жертвой. Редко кто выдерживает такие адские муки. Сейчас, вот сейчас... Но Кабушкин молчит. Он словно онемел.

— Говори! Если расскажешь, прекратим подачу тока! — кричит Фройлих, глядя в глаза Жана, которые стали какими-то стеклянными, точно обрели новую окраску.

Снова посыпались те же вопросы, опять ноги и руки сводят судороги, огненные иглы жалят тело и пот стекает ручьем по лицу... «Выдержать!.. Выдержать!.. Только выдержать!..»

Покрашенные стены вдруг отодвинулись куда-то назад... Заалела заря... Это же рассвет на Волге, на берега опустился белесый утренний туман. Кругом тишина... И роса, выпавшая прохладная роса...

Кабушкин очнулся от холодной воды: на его голову выплеснули целое ведро. С жадностью хлебнул два-три глотка.

— Что, пить хочешь? — спросил, скалясь, Фройлих.— Да, вода — чудесная штука, в ней — жизнь, сила. Если не ответишь на мои вопросы, на четырнадцать суток лишим тебя воды. Человек дольше не выдерживает. Хотя, может, ты исключение?.. И все-таки не советую. Такому способному разведчику погибать без воды. Зачем? Надо работать, жить. Подумай сам:

жизнь дважды не дается. У тебя, наверное, есть любимая девушка, отец, мать...

— Отца нет.

— А где же он? Да, понимаю, в 1941 году...

— Нет, в 1915 году.

— Когда служил в царской армии? — Фройлих перестал ходить вперед-назад и уставился на Кабушкина. Он радовался: наконец-то Жан заговорил. Теперь только надо умело продолжить беседу: деваться ему некуда, развяжет язык.

— Еще раз нет,— упрямо проговорил Кабушкин.— Чтобы не остаться под вашим сапогом, отец вместе с семьей ушел в Россию и под Могилевом... выпив на дороге эту, как вы сказали, чудесную штуку, умер.

— Магильоф... Магильоф... А ты сам откуда, Жан? Мы так и не узнали, откуда ты. Преступления твои нам известны. Много натворил всего. За них ты заслуживаешь самое тяжелое наказание. И если не искупишь свою вину, сам понимаешь... Значит нужно будет сообщить твоим родным. А то ничего не узнают. Откуда же ты, Жан?

Кабушкин улыбнулся — впервые, как его стали пытать.

— Хорошо, хорошо... Настроение улучшается,— отметил вслух Фройлих.— Приступим к работе...

— Если не знаете, так узнайте, господин следователь! Я из Советского Союза!

— Не будь ребенком, Жан!

— Да и вы не притворяйтесь великодушным! Ни к чему! Давайте начинать все сначала. Но повторяю вам: я ни в чем не виноват. Не виноват, понимаете!

Фройлих дал знак стоявшим у двери часовым:

— В отдельную камеру. Ни есть, ни пить!

НА ДОПРОСАХ

Опять каменный мешок. Даже не узнать — день на улице или ночь. В камере всегда полумрак. Из коридора время от времени доносится перестук кованых сапог. Видать, прохаживаются часовые. Стоны и ругань вперемежку. Время от времени слышится, как с лязгом и скрежетом отпираются двери, как покрикивают часовые. Потом какое-то время снова тихо. Только вроде где-то капает вода.

Про Кабушкина будто совсем забыли. Вот уже

четыре дня ему ничего не дают — ни есть, ни пить. Но все равно, следуя немецкой аккуратности, каждое утро водят по коридору в уборную. Заложив руки назад, Жан идет впереди, за ним — вооруженный охранник. Из коридора есть выход во двор. Там работают гражданские, вроде строители — мужчины. В каких-нибудь тридцати — сорока шагах. Но как пробежать это расстояние? Что сделать, чтобы установить связь со своими? В таком положении трудно что-либо предпринять. Однако необходимо. Первым делом — беречь силы. Нужна вода, хоть несколько глотков ежедневно. Под видом, что он хочет умыться, Жан попытался было напиться из крана воды, но гестаповец тут же огрел его резиновой дубинкой по спине, сказав: на это разрешения не было. Нарушать приказ нельзя.

Пока Жана водят в уборную, девушка-еврейка Фрида успевает вымыть пол в его камере. Бывает, что он возвращается раньше. Тогда, облизывая шершавые, как напильник, губы, жадно смотрит на ведро с водой, а потом в красивые глаза девушки: дескать, оставь на полу побольше пролитой воды. Смотрит так, что, кажется, вот-вот не сдержится и заговорит открыто. Девушка, нагибаясь, вытирает пол и, улучив момент, кивает Жану: все поняла.

Гестаповец ищет в большой связке ключей тот, которым отмыкает камеру Жана. Кабушкин следит зорко, стараясь запомнить форму ключа: бородок топориком, всего два зубца, длиной не больше сантиметра...

Девушка проходит мимо, ни на кого не глядя, будто несколько минут назад вовсе была не она.

Кабушкин шагает за порог, в полумрак камеры. Сейчас гестаповец, гремя замками, запрет дверь на целые сутки, и Жан останется один. Еще не стихли звуки засовов, а он кидается на цементный пол. Тут, возле двери слева, небольшое углубление, должно остаться немного влаги, если Фрида поняла его. Жан ощупью ищет, потом ложится и лижет пол, пытаясь хоть немного утолить нестерпимую жажду.

Время движется медленно. Кажется, не осталось ничего, о чем бы он не думал, не вспоминал. Мысли возвращаются в тесную камеру, где с потолка падает скупой свет, и в сумерках становится нестерпимо жутко. Неужели на этом все и кончится? Знают ли о нем товарищи на свободе? Наверное, не сидят сложа руки. Может, уже ищут удобный случай, чтобы установить

связь, помочь ему вырваться из когтей гестапо? Фрида возвращается ночевать в гетто. Значит, Александра или Нюра придут к ней...

Хочется пить, во рту пересохло, в груди горит. А перед глазами, словно дразня, все время стоит наполненный до краев стакан воды. Вот он, протяни руку и бери... Кажется, покалеченные молотком пальцы чувствуют прохладное стекло. На губах — вкус воды, осталось только проглотить. Однако что-то мешает, не глотается... Жан с трудом открывает глаза: стакан с водой исчезает. Но едва отяжелевшие веки закрываются, он снова появляется перед глазами. Как и прежде — наполненный водой до краев. Хотя бы пригубить, сделать глоток! Чу, что это журчит? Не ручеек ли где рядом? Точно. Он же течет недалеко от Малаховцев! Даже зимой не замерзает...

— Кабушкин, на допрос!

Очнувшись, Жан понимает: звенели ключи в руках надзирателя. Заложив руки за спину, шатаясь, идет он по длинному коридору. Знает: Фройлих ждет его на третьем этаже, в своей комнате. Дорогой опять бросил взгляд на двор дома. Теперь там возились маляры возле бочки с известью. Сразу стукнула мысль: «Найти одежду, перепачканную мелом, труда не составит...»

Фройлих успел приказать, чтобы окна кабинета заделали железной решеткой. Чем черт не шутит. Так будет спокойнее. Но вида не подает, будто ничего не случилось. Он даже здоровается с Кабушкиным, как порядочный человек. Не забыл поставить на стол и графин с водой, даже налил ее в стакан...

— Под Магильофом,— сразу начал Фройлих,— в тысяча девятьсот пятнадцатом году вода, говоришь, была отравлена. Яд сбросили с самолета. Отец твой, конечно, не знал, потому и отравился.

— Спасибо за радостную весть.

— О, ты, оказывается, человек с юмором. Только я вызвал тебя сюда не для шуток.— Фройлих взял в руки стакан.— В этой воде отравы нет. Вот гляди: — И он, громко глотая, отпил воду.— Если ответишь на вопросы...

— Я ни в чем не виноват...— перебил его Кабушкин.

— Вода вкусная сама по себе. Особенно, когда пить хочется. Тут на свете нет ничего вкуснее воды.— Фройлих долил стакан и очень деликатно подвинул его к арестованному.— Вода дает нам жизнь. Значит, она — сама жизнь!..

Это напоминало игру кошки с мышью. Кабушкин отвернулся.

— Нет,— проговорил следователь,— ты не отворачивайся, потому что сегодня разговор у нас особый — о воде неотравленной, от которой зависит твоя жизнь. Тогда вода была другой, потому и убила человека. Сегодня только чистая вода служит великой Германии. Она развязывает язык всем непокорным. В том числе и неуловимому Жану. Он долго скрывался, хитрил, как лиса, но мы, однако, поймали его в свой капкан. Он хочет оставаться немым, как рыба, не выйдет. Мы заставим говорить! — Фройлих подал знак стоявшему у двери гестаповцу. Тот быстро подошел к Жану, накинул на его ноги петлю и дернул за веревку. Жан упал. Он еще не понял, что затеяли гитлеровцы, как уже висел в воздухе головой вниз. Рядом с его ртом поставили стакан воды. Говорят, она не имеет запаха. Ошибаются. Чистая вода щекочет ноздри своей влагой, будоражит воображение свежестью, еще больше прибавляет жажды и неодолимого желания утолить ее.

— Скажи, кто посылал тебя? — слышит он голос Фройлиха.

Жан покачал головой.

— Назови товарищей.

Он молчал, закрыв глаза. Впрочем, Жан был в таком состоянии, что ничего бы ответить не смог.

— Не рассчитывай, что так легко отделаешься. Мы тебя быстро не убьем. Ты будешь подыхать медленно, в муках. Одна страшнее другой. А сдохнешь, и тогда не дадим покоя. Распространим слух, что ты — агент гестапо. Так что не упрямься! Скажи! Почему ты один должен страдать? И за кого, за какие-такие радости?..

«Вот о чем он беспокоится. Должно, и сам уже сомневается: победят ли немцы Россию? — подумал Кабушкин.— Только бы выдержать! Любой ценой... выдержать!» В юности ему ничего не стоило пройти на руках вверх ногами. А вот теперь... Так и кажется, что глаза вот-вот лопнут или выскочат на лоб, а внутренности, подступив к горлу, давят...

Фройлих видел, какие муки испытывает Жан. Чтобы не потерял сознания, он решил придать его избитому, в кровоподтеках и синяках, обессиленному телу хоть немного силы и тут же снова подвергнуть пыткам — поднес к его губам стакан с водой. Фройлих знал: пить вниз головой невозможно.

— Пей! Раз не нравилось тебе пить как обычно пьют люди, попробуй как скотина! Может, так лучше?!

Собрав последние силы, Кабушкин схватил рукой стакан и бросил его в лицо Фройлиха.

— Ах, сволочь! У тебя, оказывается, есть еще сила, тогда повиси, покачайся, пока успокоишься. А когда упрямству придет конец — позовешь.— И Фройлих покинул кабинет, притворив плотно дверь.

Ноги Жана болели, словно их резали пилой. Изодранные штанины брюк спустились до колен, обнажив набрякшие, точно веревки, посиневшие вены, казалось, вот-вот они лопнут.

Чтобы хоть ненадолго избавиться от этой нестерпимой, достающей до самого сердца боли, Жан раскачался и пододвинул поближе переставленный следователем стул, уперся в него руками. Ногам сразу стало легче. Зато не переставало гореть лицо, распирало уши, будто изнутри кто-то невидимый все сильнее и сильнее давил на них.

Нет, сколько бы его ни пытали, товарищей он не выдаст и Фройлиха тоже не позовет, чего бы ему это ни стоило. Напрасно ждет гестаповец, что Жан пойдет на поклон, не дождется. Стой! А если попытаться вынуть ноги из петли? Вдруг удастся?.. Кабинет закрыт, охранники по ту сторону двери. Фройлих приводит себя в порядок, охорашивается. Надо приподняться, упираясь руками в сиденье стула: петля на икрах ослабнет. Вот так. Еще немного. Теперь подвигать потихоньку ногами, чтобы сбросить веревку. Одна нога свободна. Уже проще: левая поможет правой — скинет петлю. Хоп!..— Жан, покачнувшись на стуле, глухо упал на пол. Теперь скорей, только скорей! Он тяжело поднялся — в глазах поплыли зеленоватые круги. Сделал шаг и едва не упал: тысячи иголок вонзились в ступни, икры. Пересилив боль, покачиваясь, он направился к узкой двери возле сейфа. Раньше он не замечал ее: дверь была закрыта шторой. А сегодня, когда висел вниз головой, вдруг приметил. Оказалось кстати: об окне нечего было думать — железная решетка сплошь покрывала его. Только сможет ли он выйти через эту вторую дверь? Вдруг наглухо закрыта? Постой, сперва надо вдоволь напиться воды! Графин стоит на столе... А там будь что будет. Вода!.. Вода!..

Жан взял в руки стеклянный прозрачный графин. Но то ли задел что-то потайное на столе, то ли поднос графина был установлен с секретом — в коридоре завыла

сирена, послышались крики, беготня... Жан рванулся ко второй двери, не выпуская из рук графина, пил прямо из горлышка. Вода лилась на лицо, на шею, но от этого ему было только приятно. Напиться досыта не удалось — ворвавшиеся в комнату гестаповцы сбили его на пол, опять стали топтать ногами. Он потерял сознание...

Мама, где же ты? Почему не напоишь больного сына холодной водой? Вон из того ведра, что висит на крюке у двери. Только зачерпни побольше, чтобы сразу хватило. Ваня теперь никогда не станет перечить тебе. И в церковь не полезет... Только в церкви не бог покарал, а огрела палкой злая старуха Глафира Аполлоновна. Вот потому теперь болит голова. Жарко... А Глафира Аполлоновна в Минске. Самогоном торгует... Нет, Ване самогон не нужен, ему нужна вода, вода... Очень хочется пить. Дай уж, пожалуйста, хоть один глоток. Слышишь: только один глоток... Может, мать пошла к Харису? Наверно, принесет холодный катык * и сделает айран **. Постой, постой. Ведь мать не в Казани, а в селе Малаховцы. Туда она переехала перед самой войной. Ваня же ходил к ручейку, не замерзающему даже зимой, и принес оттуда по скользкой неровной тропе два ведра студеной воды.

А почему такая жесткая подушка, вся в узлах и шишках? Эх, Тамара, Тамара, неужели поленилась хорошенько взбить ее?..

Часы проходили в забытьи, точно в тумане. Сменилась охрана. Наконец Кабушкин с трудом открыл опухшие глаза. Нет ни матери, ни ведра с водой, ни Тамары. Лежит он на цементном полу ничком. Попробовал пошевелиться — болело все тело. Если в углублении есть немного воды, значит, уже побывала Фрида. Опираясь на окровавленные ладони, он пополз к двери. Вода была. Кабушкин припал к ней высохшими потрескавшимися губами. Сделал несколько глотков...

ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

С шумом растворилась дверь камеры. Вошли двое гестаповцев в черном и опять повели Кабушкина на допрос. Несмотря на то, что он едва-едва стоял на ногах, надели наручники с цепью.

* Заквашенное молоко *(тат.)*.
** Напиток, приготовленный из катыка и воды *(тат.)*.

«Еще одна новость»,— подумал Жан.

На этот раз его привели совсем в другую комнату. За широким, покрытым зеленым сукном столом сидел майор с фашистской свастикой на рукаве и перебирал какие-то бумаги. Он окинул Жана с ног до головы внимательным взглядом и спокойно произнес:

— Да, перестарались.— Показал на стул, а сам, заложив руки за спину и поблескивая начищенными хромовыми сапогами, прошелся до двери и обратно. Оглядев Жана свысока, добавил:

— Я вас не трону даже пальцем.

— Благодарю. Но все равно ничего не скажу...

— Знаю. Я изучил ваше дело довольно основательно. Азиатского упрямства у вас много.

По всей вероятности, и этот следователь вот так, издали, хотел выяснить, откуда Жан родом. Но хитрость не удалась. Кабушкин только улыбнулся.

— О-о!.. Жан улыбается. Это — хорошо! Давайте будем разговаривать без бумаги.— Майор с шумом захлопнул лежащее на столе дело.— Скажите мне: почему вы упрямитесь? Вам тут предлагали много всего. Забыли об одном — красивой фрау. Такой, как Ярошевич... Она ведь любила вас.

Сознание Кабушкина обострилось: что еще затевает новый следователь?

— Она умерла...— решил он сразу покончить с этим разговором.

Немец колебался: сказать арестованному правду или нет? Наконец многозначительно намекнул:

— Да, доктор Абрамова-Ярошевич умерла. Но большая любовь не умирает, Жан. Она хочет, чтобы и вы для нее не умерли. Теперь есть сестра, двойник...

— «Х-41»?

Ответить прямо майор не решился. Отвернулся и зашагал по кабинету.

— Зачем вы так? Главное, есть любящая вас красивая фрау.

— Ловко вы ее похоронили.

— Сберегли. От вашей мести. Для вас же и сберегли.

Жан засмеялся:

— Какая доброта! Какая забота! Тронут вашим вниманием. Но увы — сделки не будет! Зря я ее в живых оставил. Не послушался добрых советов.

Майор схватился за эту мысль:

— Вот-вот... потом будете сожалеть о том, что не послушались и моих советов!..

— Никогда! А ее прикончат другие. От кары ей не уйти *.

— Этого не произойдет. Мы уж позаботимся. Да и зря, зря вы так, Жан. Фрау что надо! Живите в свое удовольствие, наслаждайтесь! Почему вы не соглашаетесь работать на великую Германию? Не понимаю. Какая причина?

— Хотите знать правду, господин майор? Долг.

— Какой долг? Мы же вам дадим много денег. Вот и заплатите. Много-много денег...

— Это долг перед Родиной.

— Чепуха!

— Если это чепуха, то устройте мне побег отсюда. Получите много денег, золотом.

В глазах майора вспыхнула злость, но он взял себя в руки.

— Золото? Откуда оно у вас?

— Об этом не беспокойтесь,— сказал Жан.— Получите то, что запросите! Ну как, договорились?

— Это... Это будет изменой фюреру...

— Немцы, которые придерживаются передовых взглядов, не считают измену фюреру за измену родине, герр офицер. Не они ли говорят: «Наша совесть, наш долг не в формальной верности данной Гитлеру присяги, а в том, чтобы остаться верными своему народу, родине?» — Кажется, так говорил Эрнст Хадерман...

На лице следователя отразились смешанные чувства удивления и любопытства:

— Интересно... Очень интересно... Я думаю... И о вашем предложении думаю.— Он, высокомерно усмехаясь, нажал на кнопку с краю стола. Потянулся к графину.

Стараясь не смотреть на гестаповца, Жан с каким-то неопределенным чувством подумал: «Неужели клюнет на золотой крючок? Нет, вряд ли, глаза безжалостные. И все же попытаться стоит. Вдруг желтый дьявол поможет?..— Зажмурился: что-то смутное всплывало в памяти: — Где я его видел?»

---

* Надежда Абрамова-Ярошевич осталась жива. Она не раз меняла свою фамилию. Ныне бывшая гитлеровская пособница проживает в Мюнхене. О ней более подробно рассказывается в книге Л. Колосова «Голоса с чужого берега». М., Сов. Россия, 1979, с. 12—14.

Как только Жана увели, майор Артур Вильке вызвал своего помощника и приказал ему найти и принести листовку с речью военнопленного Эрнста Хадермана. До прихода помощника сел, развалившись, в мягкое кресло и долго курил сигару. Он вспомнил первые дни приезда в Минск. Разговор с братом и его смерть. Потом уставился бесцветными глазами на листовку. Изучал каждую фразу. Расстегнув ворот мундира, сидел долго, покусывая губы,— сравнивал сказанное Жаном и речь в листовке. И вдруг вскочил, словно ужаленный, стал расхаживать по кабинету.

— Доннер-веттер *! Какая страна! Чего только не встретишь! Страшная страна...— Майор схватился за телефон.

Привели Ирму Лейзер. Видя, что девушка отвечает не так, как хотелось бы, и, приняв это за упрямство, Вильке дал знак гестаповцам.

Два вышколенных солдата, подхватив ее под руки, провели за ширму и привязали к спинке стула, укрепленного на полу. На длинном узком столе лежал уже целый набор инструментов для пыток.

Майор в нетерпении сам стал вводить иглы под ногти девушки. Не давая опомниться, вопросы сыпал один за другим:

— Кто помогал Жану распространять листовки на немецком языке?..

— Адрес его квартирной хозяйки, как ее зовут?

— У кого находится удостоверение личности убитого лейтенанта Рудольфа Вильке?

— Где хранит Жан трофейный пистолет? Кто ему оказывал помощь?..

За оставленный без ответа вопрос под ногти девушки тут же вонзались иглы...

Вскоре были арестованы профессор Клумов, Нюра и смелый помощник Жана Маленький Толик. Гестапо накинулось на молодого парня как на свежую поживу. Ему тоже вонзали иглы. Когда он терял сознание, на него лили холодную воду, делали какие-то уколы. Когда приходил в себя, поили водкой, сажали на электрический стул...

Через три дня часть именного пистолета Артура Вильке была на столе следователя.

---

* В значении «Черт побери!» *(нем.)*

Вновь очередь дошла до Кабушкина. На этот раз майор не стал разыгрывать комедию:

— Ну как, будете рассказывать сами или вам помочь? — В его жестких наглых глазах снова блеснула злость.— Так сказать, первый вопрос...— Он вынул из ящика и положил на стол вороненый ствол именного пистолета.

— Где его ручка, на которой надпись?

Жан покачал головой, успев подумать: Вильке!

— Где?

— Жаль... Ах, как жаль!..— «Неужели не выдержала Нюра?..»

Жана потащили за ширму.

Во время допроса повторяли те же вопросы, что задавали Ирме и Толику, а иглы предварительно накаливали на огне...

Когда Жан пришел в себя, Вильке, наполнив стакан водой, поставил его перед узником.

— Когда скажешь, выпьешь...

— Я ничего не знаю!

— Знаешь! Ты очень много знаешь! — Майор крикнул здоровым, как мясники, гестаповцам: — Обновите ему память!..

Так продолжалось каждый день. Терпеть такие муки становилось не под силу. Сплошь израненное тело плохо сопротивлялось. А что если в бессознательном состоянии он назовет адрес Александры? Впрочем, похоже теперь на то, что тело живет по-своему, а сознание по-своему. Только тело все больше сдается: острее переносит боль, не слушается сознания. Это плохой признак. Лучше умереть, чем стать предателем. Но как умереть? Нет, время еще не пришло. Да и у него есть что сообщить партизанам. Не может быть, чтобы подполье не установило с ним связь... Эх, утолить бы жажду, хоть бы раз напиться досыта.

Кабушкин подполз к двери. Там на шершавом цементе было немного воды. Конечно, для человека, у которого горит все внутри, это капля. Ею может напиться только курица. Там, на улице, наверное, уже журчит талая вода, может, тронулся лед на реках. А тут ему не дают даже глоток воды!

Он опять бредил. На этот раз ему привиделся сын. Помахивая своими пухлыми ручонками, со сбившейся челкой волос, стоял он на полусогнутых ножках и во все глаза смотрел на Жана.

Маленький богатырь мой, иди ко мне, не стесняйся! Я ведь еще ни разу тебя не видел. И, наверное, не увижу! Меня, мой маленький, фашисты повесят. Я почти уже труп. Такой же, как и мой отец. Он умер от отравленной немцами воды. Хотел предостеречь детей, чтобы им досталась только чистая вода. А теперь чистая вода в руках врага. И они снова не дают мне напиться. Требуют, чтобы предал своих боевых товарищей. Но этому не бывать! Нет!.. Ты не обижайся, что тебе не довелось увидеть своего отца. Я ведь тоже не помню своего. Разве что по карточке. Виной всему — враг! И тогда, и сейчас. Но мы заставим фашистов заплатить за все. Тебе будет легче жить. А мы обязательно победим, сын мой. Только вы нас не забывайте, как не забывайте про зверства фашистов!

Болят сломанные ребра, ноют пальцы, по которым били молотком, горит от плети спина, саднят стопы — по ним колотили резиновой дубинкой... Жан, ворочаясь, ищет место поудобнее, стонет в бреду. Но нить разговора не теряет.

Мой маленький сын, придет время и ты спросишь, как умер твой отец. Но мама даже не сможет ответить тебе. Скорбная весть о моей смерти не дойдет до нее — здесь я назвал себя Жаном. Настоящую фамилию мою не знает никто... Но все равно я не останусь безымянным. Родина узнает, что Жан Кабушкин прожил свою жизнь не зря!

Что же оставить тебе в завещание, мой маленький сын? Нашу священную землю, нашу свободную Родину. Желание защитить их от нашествия фашистов помогло мне собраться в единый кулак. И я беспощадно мстил врагу! И все-таки, сын мой, отомстил не до конца: в душе еще гудят самолеты, визжат машины, с грохотом рушатся здания, кругом огонь, дым... Слышу проклятия матерей, жен... Как только не измывались над нами фашисты: стреляли, вешали, заживо зарывали в землю, травили газом, сжигали в печах... И все для того, чтобы поставить на колени. Вот он, «новый порядок», который они принесли нам!

Скажу тебе откровенно: сознание того, что я кое-что сделал, чтобы положить конец этому варварству, этому зверству фашистов, побеждает страх перед смертью. Поэтому, сынок, я спокоен и, стиснув зубы, готов выдержать новые мучения, новые пытки...

Вдруг перед ним появилась легкая тень. При туск-

лом свете, падающем в полуприкрытую дверь, он различил розовое платье женщины, янтарные бусы, золотые серьги, браслет... Черты лица смазаны сумраком камеры.

— Ты кто? Добрая фея?

Наступила тишина.

«Фея», прошуршав подолом платья, подошла ближе, положила на лоб Жана мягкую, но холодную ладонь. Молчала... Но вот она вытащила из рукава платья белый платочек, благоухающий дорогими духами, и вытерла кровяные подтеки на его лице. Оглядела жалкие лохмотья одежды, гноящиеся раны на худощавом теле и тихо заплакала. Наконец не удержалась, жадно поцеловала в губы, потом стала целовать израненные пытками руки.

— Как ты еще держишься, Жан? Откуда силы берешь? Только к чему все это?..

— Зачем пришла?

— Люблю тебя...

— Зачем пришла? Наверное, не для того, чтобы сказать это?..

Ярошевич выпрямилась: ответить на вопрос ей было нелегко.

— Можно сесть рядом? — подавленно спросила она.

Жан почувствовал прилив силы. Откуда только взялась? В последнее время его удел — бред, бессознательное состояние. Совсем было отдавал концы. И вот — неожиданно — сознание прояснилось. Несмотря на острую боль во всем теле, он сел, облокотившись на нары. Колени, руки дрожали. Во впалых глазах появилась злоба.

— Побереги, мадам, свое платье...

— Ты, Жан, все еще колюч.

— Иван Бабушкин я. Коммерсант.

— Жан, только Жан... Неуловимый Жан, который так долго ускользал невидимкой, оставляя свои визитки.

— Иван Бабушкин я! Скажи: что от меня надобно?

— Ты сам...

— Я?

— Да, ты.— Ярошевич, скрестив руки на груди, не отводила от него глаз. Набивая себе цену, упрямо сказала: — Все равно я вырву тебя из когтей смерти. Вот увидишь!

— Это невозможно.

— Возможно! — твердо заявила гостья и, прибли-

зившись, стала быстро шептать: — Золота у меня достаточно. Всем хватит!.. На золото все можно купить, на золото... все продается...

— Не все...

— Все! Все! — Ярошевич наклонилась и горячо задышала в ухо: — Я уже договорилась. С господином Вильке...

Жан иронично улыбнулся. Его вид говорил определенно: фашистам никогда нельзя верить! Словно почувствовав себя неловко перед разодетой гостьей, он поправил оставшиеся от воротника рубашки жалкие лохмотья, накинул на худые плечи старую телогрейку, в которой ходил к партизанам, и сказал:

— Договаривай, чему научил тебя майор Вильке, договаривай. Чувствую, не все еще сказано... Я уже предлагал ему золотишко...

— Я ему много, много золота обещала.

— Ненасытный он — фашист! Кроме золота, требует продать своих товарищей, Родину.

На глазах Ярошевич блеснул недобрый огонек:

— А чего церемонишься? Никто не узнает, где ты чего сказал. Это останется тайной. Если нужно, немцы поместят объявление о том, что партизан Кабушкин-Бабушкин, Назаров-Базаров расстрелян. А сами укатим в Швейцарию! Жан, милый, ну?.. Не отворачивайся от своего счастья. Больше такого случая не будет. Жан!.. Счастливый это случай!

— Я — Иван Бабушкин...— Жан еще раз с иронией улыбнулся: — Тот выезд на пикник тоже был «счастливым случаем»? Я и тогда не поверил: примитивная работа — и оказался прав. Теперь тоже тебе не верю: не того поля ты ягода.

— В чем не веришь? Неужто не видишь: если бы я тебя не любила, разве пришла бы сюда? Отважилась бы на такой шаг? У меня только одна цель: чтобы скорее вырвать тебя от верной гибели. Сама жизнью рискую... Люблю я тебя! За то, что ты — самый смелый, бесстрашный, живешь одной романтикой. Потому и люблю. Люб-лю!..

— Рисковать ты, Надежда Абрамова-Ярошевич, никогда не будешь. Это уж точно. А что такое настоящая любовь, не понимаешь.— Жан с трудом поднялся, качнулся на холодном цементном полу, но не упал. Глаза горели. В лохмотьях, сплошных кровоточащих ранах, босой и голодный, но не сломленный духом, он оставал-

ся все таким же непоколебимым, призывающим к борьбе. Живой узник-памятник.

— А что такое настоящая любовь? — допытывалась Ярошевич.— Что? Сказать может только тот, кто испытал ее полной мерой.

— Все сказать и я тебе не смогу, да и не до этого. А вот основное можно. Даже нужно. Если любовь не дает силу, крылья, чтобы человек стал еще лучше и красивее, а его родной край — богаче и знатнее, если любовь мешает исполнить свой гражданский долг, не считается с интересами Родины,— то это не настоящая любовь!.. Такова истина. Стало быть, мне никакой Швейцарии не нужно. Я здесь родился, тут и помру. Зато ни я, ни мои родные не будут знать проклятия. Само собой, мало жил. Но человеческая жизнь в конечном счете измеряется не прожитыми годами, а тем, что хорошего ты сделал для своей земли, Родины!.. Фашисты нас не победят. Каждый патриот тебе скажет об этом. Если бы мы думали иначе, добровольно не шли бы на гибель. Таких, как я,— сотни тысяч, миллионы... И твое предложение, мадам, я не принимаю — останусь здесь. Не обессудь. Ты для меня — иуда в юбке. Только так! — Жан повернулся к Ярошевич спиной.

Она обеими руками чуть приподняла подол шелкового платья и со злостью быстро вышла из камеры смертников...

Постой, кажется, кто-то поет? В подвале гестапо, где сплошные пытки, боль, мучения,— и вдруг песня. Наверное, опять начался бред... Нет, это знакомый голос — девушки Фриды. Может, она нарочно поет, чтобы привлечь внимание Жана? Моет полы и поет. Он прислушался. Но песня, видать, кончилась. Снова установилась гробовая тишина, тягостная, печальная.

Неожиданно в узенькой щели двери показалось что-то белое.

Кабушкин с дрожью взял бумажку и, приглядываясь, торопливо прочитал ее. Всего несколько слов. А сколько ждал он их! Если можно верить, письмо написано друзьями, оставшимися на свободе. Они намекают, что Фрида — свой человек. Спрашивают: в чем он нуждается. В уголок письма всунули небольшой карандашный сердечник, чтобы написал ответ. Может, это хитрость гестапо, потом будут выведывать тайны? Нет, надо рискнуть. Выбора нету. Только ничего такого, что мог-

ло бы повредить друзьям на воле, не писать. Была не была!

Кабушкин попросил девушку, чтобы она при мытье пола больше смачивала его водой и меньше вытирала тряпкой, особенно где выбоины и углубления. Хорошо бы найти тонкий резиновый шланг и просунуть в камеру, а когда станет мыть коридор, то ведро с водой ставить у самой двери.

На другой день Кабушкин такой шланг получил и наконец-то досыта насосался из ведра воды. Потом под соломенной подушкой он нашел письмо, шоколад и ломтик хлеба.

В письме друзья сообщали, что подполье действует, хотя и в очень трудных условиях. Готовят его побег, а если не удастся, то попробуют подкупить следователя. Короче, сделают все возможное.

Подтверждали арест Маленького Толика. Большой Лелик, которого Жан берег, велел «подождать», не торопиться с серьезными делами, все спрашивает, где находится спрятанное оружие, говорит: оно нужно тем, кто уходит в лес...

Кабушкин положил бумагу на порог и при свете, падающем из дверной щели, стал писать ответ:

«Дорогие мои!

Пока я жив-здоров. Когда будете писать, не ставьте своих имен и с друзьями встречайтесь пореже. Помните, никакая дипломатия и никакие деньги меня спасти не могут.

Узнайте, у Мар. Пет., не дала ли она чего приходящим? Пожалуйста, передайте ей: пусть не обронит слова и сидит дома, гонит всяких «Т» и им подобных, не дав ни одного гвоздика. Не то их выследят «пастухи», а это принесет мне только дополнительные мучения... Хорошо, если бы вы пошевелились быстрее. Найдите мне такой вот знак...— нарисовал он ключ и указал его размеры. Затем добавил: — Бежавший из отряда в Заславском районе дезертир Войсковский продает здесь наших.

Жму вашу руку».

Кабушкин понемногу оживал. Этого не могли не заметить и гестаповцы. Снова его вызвали на допрос и пытали до беспамятства. Назавтра все повторилось.

В один из дней устроили очную ставку с Левковым Толиком. Кабушкин, разумеется, «не узнал» его, хотя чуть не вскрикнул: «Что они с тобой сделали!» И за

это опять был жестоко избит. То же самое случилось и при очной ставке с братьями Евдокимовыми, профессором Клумовым, Нюрой.

Наконец, видимо, решив: вести допросы дальше бесполезно, на какое-то время прекратили пытки. Наравне с другими заключенными стал он получать еду и воду, по утрам выводили на прогулку. Что бы это значило? Может, подкинут какую-нибудь подсадную утку. В подвале заключенных много. Среди них могут быть и предатели. Поэтому ни с кем устанавливать связи он не стал, хотя на прогулке с ним пытались заговаривать. Кабушкин сделал вид, к нему это не относится. Как и прежде, его постоянно держали в одиночной камере.

Не теряя времени, он готовился к побегу. Друзья передали ему то, что он просил. И все до поры хранилось в кладовке Фриды. Выбрав удобный момент, когда надзиратель уйдет по ложному вызову к следователю, девушка должна открыть дверь камеры... Об этом Кабушкин писал ей несколько раз, но то ли девушка не решалась, то ли не было подходящего случая, побег откладывался. Но если бы он удался, чтобы гитлеровцы не выместили свою злость на Фриде и ее матери, Жан заранее просил товарищей: сразу же после операции, не медля ни минуты, переправить обеих в партизанский отряд. Свести все к одному времени, конечно, было нелегко. А тут сменили главного надзирателя. Новая метла всегда метет по-новому. Кабушкина перевели в другую камеру. Обращались — хуже некуда. Под разными предлогами каждый день избивали до полусмерти. Не то чтобы бежать, стало трудно передать хоть коротенькое письмецо. И все же связь с подпольем не прерывалась.

Кабушкин попросил прислать ему яду. Никаких сил не осталось: гестапо вычерпало их до конца. Он теперь чаще терял сознание и боялся за себя. Но друзья не спешили выполнить его просьбу. Кабушкин с мольбой написал снова.

Ответила Александра: «Дорогой мой, потерпи. Надежду терять не будем...»

Вильке, который долго где-то пропадал, велел опять привести Жана. С зубовным скрежетом пытал его, точно находил в этом удовольствие. А когда глаза Жана подернулись поволокой и он стал терять сознание, Вильке сказал:

— Мой последний вопрос...

Кабушкин встрепенулся. «Последний вопрос...» Как только он ответит на него, мучениям, боли придет конец. Конец!.. А так ли?..

— Вы уже давали слово... и не сдержали его...

Вильке невозмутимо ответил:

— У русских есть одна хорошая поговорка: «По Сеньке шапка». Так что ты сам виноват, Жан.

Голова Кабушкина свесилась, на глаза — откуда только взялись — навернулись слезы. Майор воспринял это по-своему: как верный признак, что у арестованного надломился дух. Настал наконец час, когда развяжется и язык. Вильке с лицемерной улыбкой поспешил к Жану со стаканом воды:

— Один вопрос. Только один... Где вторая часть пистолета?

«Под тополем... Под тополем...» Слова эти вертятся на кончике языка. Но Жан тут же приходит в себя: прежде чем копнуть под деревом, они арестуют Александру. Милую, спокойную Александру...

И он в отчаянии крикнул:

— Я ничего не знаю! Не знаю!!

— Знаешь! Говори, ну...— Майор опять приблизил к нему раскаленные на огне иглы и зашипел как змея: — В противном случае...

— Как жалко...

— Чего жалко? Кого жалко?

— Жалко, что тогда я вас не застрелил из вашего же пистолета!..

— Я тоже... жалею, что не подстрелил тебя как куропатку возле казино. Но еще успею это сделать. А пока получай горячие иголочки... вместо азиатского шашлыка!..

— Если вы хоть прикоснетесь ко мне...— Жан сверкнул белками глаз,— к ручке именного пистолета приложат удостоверение вашего брата Рудольфа и письмо, в котором подробно изложат, кем и за что он убит, все передадут кому следует. И тогда не сдобровать не только майору Вильке, но и всем Вильке, находящимся в Берлине! — выпалил Жан.

У фашиста широко раскрылись глаза. Некоторое время он сидел точно в оцепенении, не в силах произнести слова, потом что-то написал на обложке дела Кабушкина и нажал на красную кнопку.

Больше Жана на допрос не вызывали.

Однажды, когда наши самолеты бомбили военные

объекты противника, а истошный вой сирен не прекращался, узников гестапо под сильной охраной согнали в одну большую комнату. Взрыв каждой бомбы сотрясал землю. Гестаповцы, вздрагивая, метались в поисках безопасного места. Фрида воспользовалась суматохой, и вскоре еще одно письмо Жана дошло до его друзей.

В письме он сообщал, что самочувствие его неважное, в гестапо попали еще девять подпольщиков. «А в отношении меня,— продолжал он,— полное затишье. Я так думаю: они не смогли узнать ничего нового, все их старания пошли на ветер, поэтому повесят меня 1 Мая, чтобы сделать народу «подарок». Иначе и быть не может! Ведь они не добились от меня ни одной фамилии, хотя материал против меня собран с 1941 года, и довольно серьезный.

Как мне поступать дальше? Я дал клятву: всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами прогрессивного человечества, за свой народ, за Родину! И согнуться или стать подлецом, когда приходится отдавать жизнь,— никогда!..

Вы говорите, что мы еще мало поработали и жизнь надо беречь. А что делать, если не осталось другого пути и ты не хочешь, чтобы имя твое было отмечено позором людьми будущего? Вот и надо ставить вопрос прямо: умереть, так с музыкой!.. Все делаю и сделаю, чтобы не пострадали другие...» *

На следующий день, убирая камеру, Фрида передала Жану свою записку и письмо подпольщиков. Но получить ответа не успела...

Часов в пять вооруженные до зубов конвоиры куда-то увели Жана. Он был без пальто, с обнаженной головой.

На улице ласково улыбалось апрельское солнце. Кусты, выбивающиеся из-под развалин, распрямлялись, протягивали к солнцу свои ветви с набрякшими уже почками. Пахло весной.

Жан шагал под конвоем с гордо поднятой головой и пристально смотрел в сияющее синевой чистое небо. Радость жизни не покидала его: он улыбался.

На этот раз в подвал гестапо он уже не вернулся.

---

* Это последнее письмо И. К. Кабушкина, написанное им в фашистской тюрьме. Оригинал хранится в Архиве истории партии ЦК КПБ.

* * *

Двадцать четвертый трамвай, поблескивая свежей краской, каждый вечер возвращается в депо в установленное время. Встречает его один и тот же человек — с большим ключом в руке. Он, танкист, определяет место в депо каждому трамваю, который принимает на ежедневный осмотр или текущий ремонт. Это — друг детства Ивана Кабушкина, слесарь Харис Бикбаев. Он бил врага в самом его логове и живым вернулся домой, кавалер трех орденов и нескольких медалей.

Харис с волнением входит в двадцать четвертый трамвай, молча останавливается у кабины водителя. Здесь на стенке — пластинка из нержавеющей стали, на которой выгравировано: «Этот трамвай в 1933—1934 годах водил Герой Советского Союза Иван Константинович Кабушкин».

Читая запавшие в душу слова, Харис вспоминает юные годы. Перед глазами встает всегда жизнерадостный, внимательный друг Иван. Так и кажется, что вот-вот, улыбаясь, появится он со стороны депо и скажет: «Айда, Харис, в рейс, нас люди ждут...»

Гудят моторы двадцать четвертого трамвая. Они тоже поют вечную песню о бессмертии своего первого водителя — Ивана Кабушкина.

* * *

Весть о нем услышали и стар и млад. Он вернулся. И, как бы застыдившись, что так долго отсутствовал, остановился на околице села, точно хотел узнать: не обижаются ли старая мать, родичи, соседи, можно ли ему поклониться родному дому.

Хотя здесь давно ждали героя-солдата, он не сдвинулся с места. Тогда для встречи с ним к сельским воротам стали стекаться жители Малаховцев, а также других сел. Именно отсюда тридцать три года назад отправился он в свою последнюю опасную дорогу, только что выполнив очередное задание. Кудрявые ели, что растут у развилка дорог, кажется, до сих пор еще помнят брошенные им тогда слова: «Я вернусь, мама! Вернусь!» И вот они тоже встретились. Чуть покачиваясь на ветру, ведут теперь об этом свой неторопливый разговор.

За елями до самого горизонта волнуется желтое море почти уже спелой пшеницы. В голубом небе ко-

мочком зависают жаворонки и поют свои звонкие песни. Немного левее дороги, перепрыгивая с камня на камень, журчит ручей. Кругом устоявшийся запах хлеба, медуницы.

К журчанию ручья, пению жаворонков вдруг присоединился перезвон медных колокольчиков. Из села Мир в Малаховцы, поднимая по дороге пыль, приближалась свадебная процессия. На ветру развевались узорные полотенца, посверкивала украшенная упряжь...

Заиграл оркестр. Не успели еще смолкнуть звуки торжественной мелодии, как с величественного памятника, вставшего у развилка дорог, медленно сползло белое покрывало. Сельчане и гости расступились, уступая дорогу старой седой женщине. Часто-часто дыша, шла она к памятнику. Медленно, еле переставляя ноги. Перед памятником опустилась на колени, худыми дрожащими руками стала гладить его основание. Полные слез, помутневшие глаза скользнули по каменному изваянию, остановились на лице Героя. Посиневшие губы выдавили слабо и жалобно:

— Сынок... Милый Ванюша!.. Долго ждала я тебя, очень долго. Вот ты и вернулся, сердечко мое. Знала, знала я, что ты вернешься! Потому и ждала тебя, не умирала!..

Мать бессильно рыдала.

Словно не в силах глядеть на такую горестную сцену, зашло за облако солнце. Смолкли жаворонки. Хлеба тяжело вздохнули от порыва ветра и пригнулись к земле, а ручей, кажется, на миг приостановил свое течение... Откуда-то издалека послышались грустные, едва различимые звуки; их способна вывести лишь самая тонкая струна, которая так и берет за душу. Немного позвучав, она не затихла — к ней присоединились десятки новых невидимых струн, издающих такие же трогательные и печальные звуки. И вот они уже слились в мелодию, которая заполнила все вокруг и усиливалась, поднимаясь ввысь — к небу, покуда снова не показалось солнце...

В это время к памятнику подошли жених и невеста. Они возложили к его подножию цветы, поклонились в пояс матери Героя, которая в горестном молчании стояла у памятника. Кто-то протянул ей деревянное блюдо с пшеничными зернами. Мать выпрямилась — будто, очнувшись от забытья, вернулась к жизни. Не столько увидела, сколько почувствовала, что молодые

ждут ее благословения. Горстями стала сыпать янтарные зерна на жениха и невесту.

— Будьте счастливы. Пусть вам и детям вашим никогда не будет суждено увидеть войну, которую пережили мы...

Стоит у развилка памятник Герою. И кто бы ни проехал, кто бы ни прошел мимо, воздаст должное его подвигу, красоте благородного сердца, которое он отдал во имя жизни своего народа, свободы Родины.

Печальна и торжественна тишина этой окрестности. Стройные зеленые ели, что выстроились по обе стороны памятника, будто бессменные часовые, зорко охраняют ее — гасят звуки... Лишь в отдалении колышется поле пшеницы, звенит ручей, да тянется к горизонту бесконечная дорога...

Минск — Казань
1967—1986

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Перевод Тихона Журавлева

КНИГА ВТОРАЯ

Перевод Ивана Киндера

80 коп.

ШАМИЛЬ
РАКИПОВ
ОТКУДА ТЫ, ЖАН?